РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1 Том 44, № 1, январь – март 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Деревянко А.П. Пластинчатые индустрии Леванта в среднем плейстоцене	3
Шидранг С., Биглари Ф., Борд ЖГ., Жобер Ж. Позднеплейстоценовые каменные индустрии Центрального Загроса: технико-типологический анализ каменных комплексов пещеры Гхар-е-Кхар, Бисотун, Иран	27
Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е. Вариабельность среднепалеолитических и верхнепалеолитических технологий обработки камня на стоянке Кара-Бом, Горный Алтай (на основе применения метода ремонтажа)	39
Файер М., Фолтын Е., Вага Я.М. Различные поселенческие модели в культурах верхнего палеолита в севернь предгорьях Моравских Ворот (Центральная Европа)	51
ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА	
Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Металлопроизводство и социальная идентичность по материалам погребальных памятников синташтинской культуры Южного Урала	65
Скочина С.Н., Костомарова Ю.В. Функциональное назначение орудий из галек с поселений эпохи поздней брон- зы лесостепного Притоболья (экспериментально-трасологический анализ)	72
Ковалев А.А. , Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И.В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 года)	82
Зайков В.В., Яблонский Л.Т., Дашковский П.К., Котляров В.А., Зайкова Е.В., Юминов А.М. Микровключения платиноидов группы самородного осмия в древних золотых изделиях Сибири и Урала	93
Брусницына А.Г., Федорова Н.В. «Хозяйку берегущая» – бляха с изображением антропоморфного персонажа из села Шурышкары Ямало-Ненецкого автономного округа	104
Чёрная М.П. О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири	114
Шев Ю.Т. Доместикация лошади в Юго-Западной Азии	123
ЭТНОГРАФИЯ	
Атнагулов И.Р. Нагайбаки: от сословия к этносу (к вопросу о генезисе идентичности)	137
АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА	
Халдеева Н.И., Васильев С.В., Акимова Е.В., Васильев А.Ю., Дроздов Н.И., Харламова Н.В., Зорина И.С., Петровская В.В., Перова Н.Г. Комплексное антропологическое исследование нижней челюсти с поздне-	
палеолитической стоянки Лиственка	147
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	157
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	158

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES SIBERIAN BRANCH

ACADEMIC JOURNAL

ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ANTHROPOLOGY OF EURASIA

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1

Volume 44, No. 1, January – March 2016

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

A.P. Derevianko. Levantine Middle Pleistocene Blade Industries	3
S. Shidrang, F. Biglari, JG. Bordes, and J. Jaubert. Continuity and Change in the Late Pleistocene Lithic Industries of the Central Zagros: A Typo-Technological Analysis of Lithic Assemblages from Ghar-E Khar Cave, Bisotun, Iran	27
V.S. Slavinsky, E.P. Rybin, and N.E. Belousova. Variation in Middle and Upper Paleolithic Techniques of Lithic Reduction at Kara-Bom, the Altai Mountains: Refitting Studies	39
M. Fajer, E. Foltyn, and J.M. Waga. Different Models of Settlement of the Upper Paleolithic Cultures in the Norther Foreland of the Moravian Gate (Central Europe)	rn
	51
THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD	
A.V. Epimakhov and N.A. Berseneva. Metal Production, Mortuary Ritual, and Social Identity: The Evidence of Sintashta Burials, Southern Urals	65
S.N. Skochina and Y.V. Kostomarova. The Function of Pebble-Tools from Late Bronze Age Sites in the Tobol Forest-Steppe: An Experimental Traceological Analysis	72
A.A. Kovalev, D. Erdenebaatar, and I.V. Rukavishnikova. A Ritual Complex with Deer Stones at Uushigiin uvur/Ulaan uushig, Mongolia: Composition and Construction Stages (Based on the 2013 Excavations)	82
V.V. Zaykov, L.T. Yablonsky, P.K. Dashkovsky, V.A. Kotlyarov, E.V. Zaykova, and A.M. Yuminov. Platinoid Microinclusions of Native Osmium Group in Ancient Gold Artifacts from Siberia and Urals as a Source of Geoarchaeological Information	93
A.G. Brusnitsyna and N.V. Fedorova. "Protecting The Mistress": A Plaque With Anthropomorphous Representation From Shuryshkary, Yamal-Nenets Autonomous District	104
M.P. Chernaya. What History Says Versus What Archaeology Shows: Sources and Methods in the Study of Russian Culture in Siberia	114
E.T. Shev. The Introduction of the Domesticated Horse in Southwest Asia	123
ETHNOLOGY	
I.R. Atnagulov. The Nagaybaks People: From Social Stratum to Ethnic Group (the Origins of Ethnic Identity)	137
ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS	
N.I. Khaldeyeva, S.V. Vasiliev, E.V. Akimova, A.Y. Vasiliev, N.I. Drozdov, N.V. Kharlamova, I.S. Zorina, V.V. Petrovskaya, and N.G. Perova. An Upper Paleolithic Mandible From Listvenka, Siberia: A Revision	147
ABBREVIATION	157
CONTRIBUTORS	158

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.003-026 УДК 903.2

А.П. Деревянко

Институт археологии и этнографии СО РАН пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ИНДУСТРИИ ЛЕВАНТА В СРЕДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ*

В статье рассматривается зарождение на территории Ближнего Востока в среднем плейстоцене технологий получения пластинчатых заготовок орудий в контексте появления и развития в регионе леваллуазской системы расщепления камня. Подробно анализируются материалы местонахождения Гешер Бенот Яаков (Израиль), по которым зафиксировано наиболее раннее (ок. 800 тыс. л.н.) в Ближневосточном регионе применение леваллуазской системы скалывания. Материалы более поздних ашельских комплексов не имеют признаков преемственности традиций леваллуазского расщепления, чередование в среднем плейстоцене региона разных доминирующих технологий камнеобработки свидетельствует о смене адаптационных стратегий древних людей, вызванной изменениями экологических условий. Соответственно, раннее появление на Ближнем Востоке пластинчатого расщепления было результатом самостоятельного развития технологии на автохтонной основе, а не прихода сюда какой-то новой популяции людей. Данная инновация определялась адаптационными стратегиями и развитием леваллуазской системы утилизации каменного сырья. Технологии получения пластинчатых заготовок орудий, впервые зафиксированные в левантийских индустриях, даже более древних, чем комплексы Гешер Бенот Яаков, получили широкое распространение на ашело-ябрудийском этапе позднего ашеля Ближнего Востока. Пластинчатое расщепление в ярко выраженной форме прослеживается в амудийской индустрии на местонахождении Кесем в Израиле (400–200 тыс. л.н.).

Ключевые слова: леваллуа, Гешер Бенот Яаков, Табун, Ябруд, Кесем, пластинчатое расщепление, атер, мустье, средний палеолит, ашело-ябрудийская и амудийская индустрии, миграции.

A.P. Derevianko

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Pr. Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

LEVANTINE MIDDLE PLEISTOCENE BLADE INDUSTRIES

The origin of Near Eastern Middle Pleistocene blade industries is discussed with reference to the Levallois reduction technique. Special attention is paid to the Gesher Benot Ya'akov site, Israel, where the Levallois technology is the earliest in the region (ca 800 ka). Whereas later Acheulean industries show no continuity with the Levallois tradition, the alternation of predominant Middle Pleistocene technologies indicates changing adaptation strategies caused by ecological conditions. Accordingly, the early appearance of the laminar technology in the Near East evidences local evolution rather than immigration. The major factors underlying this innovation were adaptation and the intrinsic development of the Levallois system. Laminar technologies, which are first evidenced by certain Levantine sites even earlier than Gesher Benot Ya'akov, became widely distributed at the Acheulo-Yabrudian stage of the late Acheulean. A well developed blade technology is demonstrated by the Amudian industry of Qesem, Israel, dating to 400–200 ka.

Keywords: Levallois, Gesher Benot Ya'akov, Tabun, Yabrud, Qesem, blade technology, Aterian, Mousterian, Middle Paleolithic, Acheulo-Yabrudian, Amudian, migrations.

^{*}Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Введение

Пространства Ближнего Востока имели особое значение для истории становления и развития человечества. Это была главная транзитная территория, через которую 1,8–1,5 млн л.н. проходила миграция (или миграции), ставшая великим культурно-историческим событием: представители рода Ното впервые вышли из Африки и начали расселяться в Евразии. Возможность миграции человека из Северо-Западной Африки через Гибралтарский пролив в Испанию или с севера африканского континента через Сицилию на юг Италии дискуссионна. Только через левантийский коридор человек и животные могли перемещаться из Африки в Евразию и обратно. На месте Баб-эль-Мандебского пролива, ширина которого 28 км, а наибольшая глубина 100 м, при понижении уровня моря во время похолоданий в плейстоцене в отдельные периоды, вероятно, появлялся перешеек, соединявший Африку с Аравийским полуостровом, или образовывался обширный шельф с небольшими участками воды.

Второй глобальный миграционный поток из Африки был связан также с событием мировой исторической важности – заселением Евразии и Австралии человеком современного вида. Сформировавшись в Африке 200-150 тыс. л.н., он через левантийский коридор и по временному проходу через Бабэль-Мандебский пролив начал проникать в Левант и Аравию. Таких миграционных волн из Африки на Ближний Восток, видимо, было несколько. Археологические материалы свидетельствуют о том, что первая миграционная волна людей современного вида достигла Евразии ок. 120–110 тыс. л.н., когда на северо-востоке Африки установился аридный климат, а на Ближнем Востоке, даже в пустынных районах Аравии, были благоприятные условия для обитания животных и человека.

На Ближнем Востоке, на территории Леванта, 120–50 тыс. л.н. между тремя популяциями – мигрировавшими из Африки людьми современного вида, автохтонным населением и неандертальцами – произошел не менее важный и сложный процесс интербридинга. И уже с Ближнего Востока популяции *Н. sapiens* с примесью в геноме неандертальских генов стали расселяться по остальной части Евразии.

Для решения проблемы древних миграций в среднем плейстоцене мы выбрали наиболее значимый культурно-исторический маркер — зарождение леваллуазской системы первичного расщепления и пластинчатой индустрии.

Изучение палеолита Леванта имеет длительную историю. В регионе известны десятки палеолитических местонахождений разных периодов — от раннего до позднего палеолита. Очень важно, что здесь

открыты и исследуются стоянки открытого типа и пещерные с большим количеством культуросодержащих горизонтов.

Благоприятные климатические условия на значительной части этой территории способствовали не только развитию материальной и духовной культуры, появлению новых технологий обработки камня у местного древнейшего населения, но и проникновению сюда людей из Африки и Евразии. Это был своеобразный плавильный котел: здесь встречались популяции людей из различных регионов и экологических ниш, происходила интенсивная аккультурация населения из Африки и Евразии, которое в дальнейшем распространялось на запад и восток от Ближнего Востока.

В Леванте на местонахождении Гешер Бенот Яаков впервые в мире сформировалась система первичного расщепления для снятия отщепа леваллуазского типа. На многослойных местонахождениях Ябруд и Табун в позднем ашеле появились пластинчатые заготовки, в амудийской индустрии они заняли значительное место при изготовлении орудий. Пластинчатая индустрия в Леванте получила наиболее яркое воплощение на финальном этапе среднего и в верхнем плейстоцене. Она появилась в регионе в позднем ашеле и достигла совершенства в среднем и верхнем палеолите.

Появление леваллуазского расщепления на территории Леванта

Одной из проблем в изучении палеолита является определение места и времени зарождения леваллуазской системы первичного расщепления, которая сыграла важную роль в развитии технокомплексов у древних популяций людей Африки и Евразии. Исследования, проводившиеся в последние десятилетия, позволяют предполагать, что эта технология в Евразии впервые появилась на уникальном ашельском местонахождении Гешер Бенот Яаков [Goren-Inbar, 1992, 2011a, b; Goren-Inbar, Belitzky, 1989; Goren-Inbar, Saragusti, 1996; Goren-Inbar et al., 2000; Goren-Inbar, Sharon, 2006; Sharon, Goren-Inbar, 1999; Деревянко, 2015б; и др.].

Местонахождение Гешер Бенот Яаков находится в северной части Большого Африканского рифта, в 2 (4) км к югу от древней береговой линии оз. Хула, в северной части Израиля на высоте ок. 61 м над средним уровнем моря. Оно обнаружено в среднеплейстоценовой формации Гешер Бенот Яаков. Памятник изучался в 1930-е и 1960-е гг. Д. Гаррод, М. Стекелис, Д. Джимед и другими специалистами. Наиболее крупные мультидисциплинарные исследования на нем проводились с 1989 г. под руководством Н. Го-

рен-Инбар [Goren-Inbar, Belitzky, 1989; Goren-Inbar et al., 1994; и др.].

Озерно-речные отложения формации Гешер Бенот Яаков вскрыты на глубину 34 м. Они представляют собой фрагмент осадочных отложений в одноименном заливе. Отложения были сильно деформированы и смещены в результате тектонических процессов и образовали антиклинальную складку на участке раскопок. В пределах стратиграфической последовательности удалось выявить 14 археологических горизонтов, которые располагались выше границы Брюнес-Матуяма. Возраст всей последовательности отложений составляет, по одним данным, 50 тыс. лет [Goren-Inbar, 1992, 2011a; Goren-Inbar et al., 2000; Goren-Inbar, Sharon, 2006; и др.], по другим – 100 тыс. лет [Goren-Inbar et al., 2008; Feibel, 2004]. Отложения соответствуют шести осадконакопительным циклам и относятся к МИС 18-20 [Feibel, 2004].

Нахождение каменных артефактов вокруг очагов, наличие остатков костей животных, в т.ч. в сочлененном состоянии, а также других планиграфических признаков культуросодержащих горизонтов свидетельствуют о минимальном перемещении находок и бесспорно длительной культурной последовательности на данном памятнике.

На нем обнаружен многочисленный и разнообразный инвентарь. Исследователи выделили орудия четырех основных разновидностей: бифасы (ручные рубила), кливеры, отщепы и орудия на отщепах, нуклеусы и орудия на нуклеусах. Кливеры и бифасы на местонахождении Гешер Бенот Яаков изготавливались в основном из базальтовых отщепов. Мастера могли делать их и из крупных отдельностей или галек, но, по мнению исследователей, так они поступали крайне редко [Sharon, Alperson-Afil, Goren-Inbar, 2011, р. 391]. Оформление кливеров производилось некрупными сколами на вентральной стороне; количество сколов не превышало десяти. В редких случаях подправка наносилась и с дорсальной стороны. Бифасы оформлялись более тщательно, но и вентральная поверхность у них имеет меньшее количество негативов. Утончение расширенной части бифаса (пятки) производилось более основательно; иногда мастеру приходилось делать до десяти сколов различных размеров, чтобы создать эффективное орудие. Технология оформления бифасов и кливеров оставалась неизменной на протяжении всего периода формирования археологической последовательности данного местонахождения. Это установили Г. Шарон с соавторами при исследовании отдельных технологических и стилистических признаков бифасных орудий [Ibid., p. 390].

Раскопки местонахождения Гешер Бенот Яаков позволили получить обширный материал не только для сравнительного изучения каменных орудий,

но и по геологии, геоморфологии памятника, его фауне и флоре. В культуросодержащих горизонтах были обнаружены остатки фруктов, зерна растений, кора, древесина и даже доска со следами полировки, сделанной рукой человека.

Г. Шарон с соавторами провели чрезвычайно важный анализ соотношения традиционных и инновационных черт инвентаря этого памятника [Ibid.]. Консерватизм в производстве каменных изделий выражался в том, что бифасы из всех горизонтов Гешер Бенот Яаков были едины по способам редукции. По мнению исследователей, он сохранялся на протяжении нескольких десятков тысяч лет [Ibid.]. Изменчивость проявлялась в том, что в одних горизонтах было большое количество бифасов и кливеров, а в других - лишь единичные изделия этого типа или они отсутствовали вовсе. Главной причиной разной численности бифасов и кливеров в культуросодержащих горизонтах Г. Шарон с соавторами считают изменения в различных видах деятельности и поведенческих моделях гомининов [Ibid., p. 395].

Культуросодержащие горизонты различались по количеству не только бифасов и кливеров, но и остатков ракообразных, костей млекопитающих, птиц, рыб, древесины, коры и фруктов. На местонахождении Гешер Бенот Яаков получили отражение различные виды человеческой деятельности: в горизонте 1 слоя II-6 обнаружены следы разделки туши слона (Palaeoloxodon antiquus) и многочисленные бифасы, в горизонтах 4 и 4b слоя II-6 зафиксированы скопления базальтовых бифасов, хорошо сохранившиеся останки *Dama* sp. и разнообразные фаунистические остатки. Наличие в некоторых горизонтах большого количества бифасов, вероятно, связано с разделкой и обработкой туш животных. Необходимо отметить, что на местонахождении Гешер Бенот Яаков, как и на более раннем памятнике Убейдия, зафиксированы следы использования огня [Goren-Inbar et al., 2004; Goren-Inbar, 2011a].

На самом раннем этапе орудийной деятельности человека в позднем плиоцене в первичном расщеплении выделяется несколько типов нуклеусов. Наиболее ранние палеолитические местонахождения, минимальный возраст которых 2,52 млн лет, обнаружены в Эфиопии в бассейне р. Када-Гоны и ее притоков [Semaw, 2000; Semaw et al., 2003]. На местонахождениях Восточная Гона (EG 10 и 12) при раскопках были найдены 33 нуклеуса. Среди них выделены те, которые обрабатывались в основном унифасиальным и бифасиальным способами. На стоянке EG 10 среди нуклеусов из раскопа ок. 20 % составляют обработанные бифасиальным скалыванием. В материалах стоянки EG 12 признаки бифасиального скалывания имеют 55 % нуклеусов. На стоянке EG 10 с одного нуклеуса скалывалось не менее 8 и не более 14 отщепов,

на стоянке EG 12 – 3 и 23 соответственно. Нуклеусы с этих стоянок включают немногочисленные дисковидные, ортогональные формы и нуклеусы-скребла. Значительная часть нуклеусов в соответствии с олдувайской классификацией была причислена к боковым и концевым чопперам [Semaw, 2000]. С нашей точки зрения, большая часть этих изделий использовалась для снятия отщепов, а после дополнительной подработки с одной из боковых сторон превращалась в орудия. На стоянке OGS 7, датированной 2,58 млн л.н., которая была открыта в 2000 г. на крутом склоне безымянного эпизодического ручья, впадающего в Оунда-Гону в 3 км к юго-западу от стоянок EG 10 и 18, бифасиальные и унифасиальные нуклеусы составляли более 86 % [Stout et al., 2010].

Местонахождения Западной Турканы в Кении являются одними из наиболее информативных среди стоянок позднего плиоцена [Roche et al., 1999; Delagnes, Roche, 2005]. Особое значение имеют местонахождения Локалалей 2А, 2С и 1, которые находятся в районе сборного бассейна Локалалей на расстоянии 1 км друг от друга. Местонахождение Локалалей 2А датировано 2,34 ± 0,04 млн л.н., Локалалей 1 ориентировочно моложе на 100 тыс. лет [Brown, Gathogo, 2002]. На стоянке Локалалей 2С исследователи выделили пять основных типов нуклеусов [Delagnes, Roche, 2005]. Наиболее многочисленны нуклеусы первого типа с одной поверхностью скалывания отщепов – 22 экз. Ко второму типу отнесены нуклеусы с одной поверхностью скалывания и со следами подправки ударной площадки – 8 экз. К третьему типу причислены нуклеусы с одной основной поверхностью скалывания и заключительными сколами на другой – 10 экз. Четвертый тип представляют 15 нуклеусов как минимум с двумя поверхностями скалывания. Пятый тип включает 15 нуклеусов, имеющих несколько поверхностей скалывания. А. Деланье и Х. Роше, подводя итоги изучения стоянки Локалалей 2С, отмечали, что у ее обитателей было планируемое, со сложившейся структурой производство орудий [Ibid., p. 467].

На местонахождении Локалалей 1, хотя оно моложе Локалалей 2С, использовалась менее развитая техника обработки камня [Kibunjia, 1994]. По мнению А. Деланье и Х. Роше, орудия или являются результатом труда разных таксонов: на стоянке Локалалей 2С — ранним *Homo*, а на стоянке Локалалей 1 — *Australopithecus aethiopicus* или представляют разные технико-культурные традиции [Delagnes, Roche, 2005].

Позднеплиоценовые индустрии стоянок в долине Када-Гоны и в Западной Туркане свидетельствуют о том, что древние мастера имели представление о свойствах сырья, хорошо владели основными приемами первичного расщепления и использовали три способа — скалывание заготовок с нуклеуса зажатым в руке жестким отбойником, биполярный и дробление камня при бросании его на наковальню. Ранние представители рода *Ното* обладали уже достаточно развитыми когнитивными способностями и могли хорошо контролировать движение руки и кисти при работе с нуклеусом и отбойником. Точность удара, небольшой процент брака и максимальное использование возможностей нуклеуса при скалывании отщепов позволяют сделать вывод об использовании устоявшихся приемов расщепления.

Очень важно отметить, что уже на финальном этапе плиоцена и в раннем плейстоцене у *Ното* появляется стремление минимально подготовить ударную площадку для дальнейшего скалывания отщепов, в частности использовать негатив ранее снятого отщепа в качестве точки нанесения следующего удара для снятия заготовки с противоположной стороны. Эта техника «от ребра» часто применялась при радиальном расщеплении.

При унифасиальном скалывании в качестве рабочей использовалась одна плоскость: примыкавшая к ней под острым углом галечная поверхность являлась необработанной ударной площадкой. Острый угол был также у изделий типа нуклеус-чоппер. Уже на самом раннем этапе обработки камня у *Ното* сложились технические навыки использования острого угла и выпуклой поверхности. Таким образом, элементы подготовки нуклеусов для скалывания заготовок появились в раннем плиоцене на самых ранних этапах эксплуатации камня человеком.

В раннем плейстоцене *H. erectus* с галечно-отщепной индустрией, покинувший Африку 1,8 млн л.н., достаточно быстро заселил огромные пространства Евразии [Деревянко, 2015а]. Галечно-отщепная индустрия эректусов не была единой. Некоторое сходство раннепалеолитических местонахождений от Атлантического до Тихого океана по типам изделий и техническим приемам объясняется тем, что у эректусов были одинаковые когнитивные возможности и сенсорно-двигательные способности. Типологический набор инструментов, как и технические приемы оформления орудий, у палеолитического человека был не очень большим, поэтому похожесть, но не тождество, могла быть связана с конвергенцией, обусловленной тем, что популяции находились на значительном расстоянии друг от друга, но в близких экологических условиях. Различные экологические условия требовали от эректусов выработки соответствующих адаптационных стратегий. Это обусловливало появление различных инноваций в первичном расщеплении камня и оформлении орудий.

В ашельских коллекциях имеются помимо дисковидных, унифасиальных и бифасиальных нуклеусов, нуклеусы комбева и леваллуазские нуклеусы. На ме-

стонахождении Гешер Бенот Яаков использовались четыре технологии оформления нуклеусов: бифасиальная, комбева, расщепление плоских заготовок и леваллуазская. Г. Шарон на этом местонахождении выделил также бессистемные нуклеусы с признаками снятий различной ориентации [Sharon, 2007].

Технокомплекс Гешер Бенот Яаков является самым ранним свидетельством применения в Евразии леваллуазской системы первичного расщепления [Goren-Inbar, 1992, 2011a, b; Goren-Inbar, Grosman, Sharon, 2011; и др.]. Леваллуазская система расшепления сыграла значительную роль в формировании ашельского типа индустрий в Евразии. Очень важно отметить, что ашельская индустрия в Евразии 600-250 тыс. л.н. характеризовалась бифасами, кливерами. Причем два этих важнейших историко-технологических маркера могли встречаться на палеолитических местонахождениях в разное время и в различных количественных соотношениях, а в отдельных районах Европы классическая ашельская индустрия вообще не зафиксирована. Появление леваллуазской системы первичного расщепления в Европе относится к позднему времени – ок. 300 тыс. л.н. [Tuffreau, Lamotte, Marcy, 1997; White, Scott, Ashton, 2006; и др.]. Леваллуазская система первичного расщепления является одним из маркеров перехода от нижнего к среднему палеолиту.

Формирование леваллуазской системы первичного расщепления на местонахождении Гешер Бенот Яаков связано с обработкой крупных нуклеусов для скалывания больших отщепов, которые служили заготовками при изготовлении бифасов и кливеров. Появление приемов, позволявших получать крупные отщепы, знаменует определенную стадию в развитии ашельского технокомплекса. Наиболее ранние культуросодержащие горизонты местонахождения Гешер Бенот Яаков датируются временем ок. 780 тыс. л.н. Этот памятник, с нашей точки зрения, является ключевым для решения леваллуазской проблемы, на которую первой обратила внимание одна из крупнейших исследователей палеолита Евразии Н. Горен-Инбар [Goren-Inbar, 1992; Goren-Inbar et al., 1994; Madsen, Goren-Inbar, 2004; Goren-Inbar, Grosman, Sharon, 2011; и др.]. Большой вклад в изучении данной проблемы внесли Г. Шарон [Sharon, 2007] и другие исследователи.

Технология первичного леваллуазского расщепления пока не имеет общепринятого определения. Несмотря на то, что техника леваллуа неоднократно рассматривалась на различных международных симпозиумах, палеолитоведы придерживаются разных взглядов на нее. Наиболее обсуждаемыми среди специалистов являются две точки зрения — Э. Боёды [Воёda, 1995; Воёda, Geneste, Meignen, 1990] и Л. Инизан с соавторами [Inizan et al., 1999]. Один из главных признаков леваллуазского расщепления — наличие на нуклеусе ударной площадки, которая на ранних

этапах формирования этой технологии могла сохранять частично галечную поверхность, второй — наличие примыкающей к ударной площадке выпуклой плоскости для скалывания заготовок. В раннем ашеле на раннем этапе применения техники леваллуа такие нуклеусы служили для скалывания отщепов, в позднем ашеле и в среднем палеолите нуклеус приобрел подтреугольную в плане форму и использовался в основном для скалывания леваллуазских остроконечников и пластин.

Технологию леваллуа на местонахождении Гешер Бенот Яаков Н. Горен-Инбар и другие исследователи связывают с гигантскими нуклеусами и сколотыми с них большими отщепами. Первичными заготовками для дальнейшего использования их в качестве нуклеусов служили базальтовые отдельности, которые извлекались непосредственно из трапповых отложений. Способы извлечения таких отдельностей (плит) из базальтовых толщ в деталях неизвестны, но они, вероятно, предполагали использование рычага или огня либо и того, и другого вместе [Goren-Inbar, Grosman, Sharon, 2011]. После извлечения базальтовой отдельности ее раскалывали на несколько более мелких фрагментов, которые в последующем превращали в массивные нуклеусы. По мнению исследователей, обитатели стоянки Гешер Бенот Яаков использовали заготовки особой формы. При наличии острого угла они скалывали отщепы без предварительной подправки ударной площадки. Экспериментальное исследование показало, что фрагментация базальтовых отдельностей производилась с помощью очень тяжелого отбойника, а последующее снятие крупных отщепов (при наличии естественного острого угла) - с применением легких отбойников [Madsen, Goren-Inbar, 2004]. Н. Горен-Инбар не исключает, что при окончательном оформлении каменных изделий на этом местонахождении мог использоваться мягкий отбойник [Goren-Inbar, Grosman, Sharon, 2011].

На стоянке Гешер Бенот Яаков леваллуазскую технику представляют небольшие отщепы [Goren-Inbar, 2011а, рис. 8, I], а также большие отщепы, которые в дальнейшем превращались в бифасы и кливеры [Goren-Inbar, 1992]. Один из наиболее ярких леваллуазских нуклеусов был найден под раздавленным черепом слона в горизонте 1 слоя II-6 [Goren-Inbar et al., 1994]. Он полностью соответствует определению леваллуазского метода рекуррентной обработки нуклеуса, предложенному Э. Боёдой. Отщепы, сколотые с этого нуклеуса, крупные, как минимум один из негативов указывает на снятие крупного бокового скола, который мог служить заготовкой для бифаса [Goren-Inbar, Grosman, Sharon, 2011]. Н. Горен-Инбар справедливо считает, что использование техники леваллуа в столь ранний период (МИС 18-20) свидетельствует о когнитивной развитости обитателей стоянки Ге-

шер Бенот Яаков и владении передовыми технологическими навыками [Goren-Inbar, 2011a; Goren-Inbar, Saragusti, 1996; и др.]. Она делает вывод, что стоянка Гешер Бенот Яаков древнее объектов с самыми ранними проявлениями леваллуа в Африке и является примером сложившегося леваллуазского расщепления и умения скалывать отщепы с мелких нуклеусов [Goren-Inbar, 2011b, p. 91]. Уже после первых лет проведения полевых работ в Гешер Бенот Яаков Н. Горен-Инбар указывала на необходимость пересмотра вывода о влиянии африканских индустрий на индустрию стоянки, сделанного с учетом некоторых типично «африканских» черт – широкого использования базальта, применения техники block-on-block и большого количества кливеров среди бифасов [Goren-Inbar, 1995, p. 108–109].

Своеобразие индустрии, которое прослеживается на местонахождении Гешер Бенот Яаков во всех составляющих культурной последовательности, отмечают и другие исследователи. Так, Г. Шарон с соавторами считают, что значительная изменчивость орудийного набора характерна не только для местонахождения Гешер Бенот Яаков, но и для некоторых ашельских памятников Восточной Африки. Однако ни одна из индустрий Гешер Бенот Яаков не имеет аналогов в ашельских разновидностях технокомплексов африканского континента. Эту особенность ранее отмечал М.Р. Кляйндинст [Kleindienst, 1961]. Ф.А. Хоуэлл и Д.Д. Кларк отличия африканской ашельской индустрии от индустрии Гешер Бенот Яаков объясняли различиями в видах деятельности и поведенческих моделях [Howell, Clark, 1963].

Наиболее точное определение места коллекций Гешер Бенот Яаков в ряду известных технокомплексов принадлежит Н. Горен-Инбар. По ее мнению, индустрии Гешер Бенот Яаков не могут быть причислены ни к африканским, ни азиатским индустриям. Это феномен с палеолитическими характеристиками и широким спектром особенностей, многие из которых местного происхождения и лишь отдельные могут быть результатом влияния извне [Goren-Inbar, 1992, р. 67].

Исследователи полагают, что из Африки было два исхода гомининов с ашельской индустрией. Они получили отражение в материалах местонахождений Убейдия возрастом ок. 1,4 млн лет и Гешер Бенот Яаков. По мнению ряда антропологов, ок. 0,8 млн л.н. в Африке произошел процесс видообразования: *H. erectus* sensu lato дал начало новому виду, который получил разные названия — *H. heidelbergensis, H. rhodesiensis, H. sapiens* [Rightmire, 1998; Bräuer, 2007, 2012; Hublin, 2001, 2009; и др.]. Новый вид *H. heidelbergensis* мог мигрировать из Африки в Евразию; и местонахождение Гешер Бенот Яаков связано с этим таксоном.

С нашей точки зрения, нельзя исключать возможность развития основного технико-типологического комплекса, представленного на стоянке Гешер Бенот Яаков на древней автохтонной основе. На этом или других местонахождениях в Леванте возможно будут открыты ашельские индустрии, являвшиеся связующим звеном между Убейдией и Гешер Бенот Яаков. Мигрировавший из Африки на Ближний Восток Н. heidelbergensis встретил в Леванте автохтонное население, в результате аккультурации автохтонная индустрия в Гешер Бенот Яаков, как отмечала Н. Горен-Инбар, приобрела некоторые «африканские» черты.

Какие инновации мог принести с собой в Левант гейдельбергский человек, установить трудно. Может быть, леваллуазскую технологию в первичном расщеплении? Рассмотрим эту проблему.

Леваллуазская система расщепления, которая впервые была зафиксирована в Израиле на местонахождении Гешер Бенот Яаков, является одной из древнейших в мире. В Африке она появилась значительно позже. Самый ранний пример пластинчатого первичного расщепления зафиксирован на местонахождении Каптурин (ок. 500 тыс. л.н.) [Tryon, McBrearty, 2002, 2006; Johnson, Brearty, 2010; Деревянко, 2015а; и др.]. Коллекции этого местонахождения и стоянки Гешер Бенот Яаков имеют мало общего, их невозможно объединить в один комплекс.

Проявления технологии скалывания крупных отщепов с нуклеусов были зафиксированы в Южной Африке еще в 1920-е гг. [Sharon, Beaumont, 2006]. В бассейне р. Ваал в окрестностях г. Западная Виктория обнаружено несколько ашельских местонахождений, на которых представлена техническая традиция снятия с хорошо подготовленного нуклеуса крупного размера одного большого отщепа, использовавшегося в дальнейшем для изготовления кливера или бифаса, известная как виктория-вест. По мнению некоторых исследователей, ядрища из местонахождения в окрестностях г. Западная Виктория являются одними из самых ранних примеров оформления ашельских нуклеусов, которые существовали до появления леваллуазской технологии [Кuman, 2001].

Местонахождения с хорошо подготовленными нуклеусами для снятия крупных отщепов в этом районе разрушались в течение длительного времени из-за антропогенного воздействия. В разные годы здесь в отвалах и на поверхности любители и профессиональные археологи находили палеолитические изделия. Удалось собрать большие по численности коллекции, но они не принадлежат стратифицированным местонахождениям. Средний размер нуклеусов, подготовленных к снятию больших отщепов, составляет 15–25 см; некоторые в длину 40 см, в ширину 20–25 см, весом 68 кг. С нуклеусов скалывали отщепы длиной до 30 см. Из крупных отщепов изготавливали

преимущественно кливеры и в небольшом количестве бифасы [Sharon, Beaumont, 2006].

Открытие на местонахождении Гешер Бенот Яаков технологии оформления нуклеуса, близкой к той, что была представлена на местонахождениях в районе г. Западная Виктория, ставит вопрос о хронологии этих памятников, удаленных друг от друга на тысячи километров. Вопрос о дате палеолитических местонахождений в долине р. Ваал остается нерешенным. Ввиду отсутствия надежных стратиграфических показателей исследователи не могут определить хронологические рамки комплексов.

Памятник Гешер Бенот Яаков, относящийся к МИС 18-20, вероятно, древнее африканских. Можно предложить несколько объяснений рассматриваемого технологического сходства. Первое – появление древней леваллуазской (протолеваллуазской) технологии на юге Африки было связано с инфильтрацией популяций с Ближнего Востока. Второе – близкие технологии подготовки нуклеусов на разных территориях появились независимо друг от друга, конвергентно. Третье - инновационные технологии передавались от одной популяции людей к другой в ходе кратковременных контактов, во время дальних походов. Но эта версия эстафетной передачи технологии подготовки гигантского нуклеуса к скалыванию крупного отщепа из Африки на Ближний Восток или в обратном направлении не подтверждается материалами ашельских местонахождений, находящихся на транзитной территории между Южной Африкой и Евразией.

С нашей точки зрения, технология подготовки массивного нуклеуса к скалыванию крупного отщепа и использования последнего в дальнейшем для изготовления орудий в разных регионах сформировалась самостоятельно, конвергентно. Это подтверждается тем, что проявления этой технологии прослеживаются на местонахождениях, которые разделяют не только тысячи километров, но и большой промежуток времени. Технология скалывания с нуклеуса крупного нуклеуса в различных модификациях известна в Южной Азии, на Кавказе, в Центральной Азии. На этих территориях она могла появиться уже под влиянием популяций с Ближнего Востока. Следы использования крупного отщепа отмечены на палеолитическом местонахождении в пещере Цаган Агуй, расположенной в северной части пустыни Гоби [Деревянко, Петрин, 1995; Деревянко, Олсен, Петрин и др., 1995; Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 1996]. Сырье для изготовления каменных орудий (хотя и низкого качества) находилось в непосредственной близости от пещеры. Это был особый слоистый кремень в виде угловатых блоков с многочисленными пустотами внутри и включениями других пород. Большинство нуклеусов из Нижнего грота не имели следов специальной подготовки, скалывание с них отщепов часто производилось беспорядочно. Небольшая часть нуклеусов подвергалась систематической подготовке. А.И. Кривошапкин и его коллеги тщательно изучили последовательность операций, связанных с оформлением и использованием этих нуклеусов [Кривошапкин, Брантингхэм, Колобова, 2011, с. 4]. В Цаган Агуй для оформления рабочих плоскостей нуклеусов использовались вентральные поверхности или массивные латеральные и/или дистальные части крупных (более 10 см) сколов. Исследователями выделены две основные категории ядрищ — с широким фронтом скалывания и с узким (торцовые).

Рабочие плоскости подготовленных нуклеусов с широким фронтом расщепления оформлялись на вентральных поверхностях крупных сколов (рис. 1, I). Данная категория изделий может быть разделена на одноплощадочные нуклеусы (рис. 1, 2) и одноплощадочные нуклеусы с подправленной дистальной частью (рис. 1, 3). И те, и другие были предназначены для получения конвергентных снятий. Обе формы нуклеусов, как правило, имеют фасетированные ударные площадки и умеренно подправленные латерали. Мож-

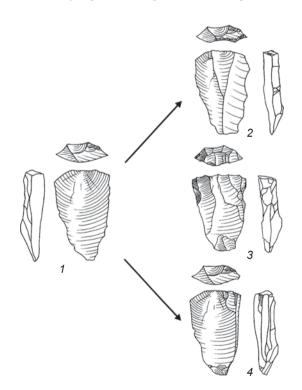

Рис. 1. Схема оформления нуклеусов в палеолитических комплексах пещеры Цаган Агуй [Кривошапкин, Брантингхэм, Колобова, 2011, с. 5].

1 – крупный скол-заготовка;
 2 – одноплощадочный конвергентный нуклеус с широким фронтом скалывания, организованным на выпуклой вентральной поверхности скола;
 3 – одноплощадочный нуклеус на сколе с широким фронтом скалывания, имеющим следы подправки в дистальной части;
 4 – нуклеус с узким фронтом скалывания (торцовый), оформленным на массивной латерали скола.

но усмотреть параллели в предварительной подготовке таких нуклеусов и классических леваллуазских нуклеусов для изготовления острий.

Многие индустрии раннего, среднего, да и верхнего палеолита Африки и Евразии проявляют сходство в технических приемах подготовки нуклеусов, оформления орудий, типах орудийного набора и т.д. С учетом этого нет необходимости всегда искать центр, откуда могла распространяться та или иная инновация, особенно, если местонахождения с близкими инновационными технологиями отделяют значительные расстояния или/и между ними имеется большой хронологический разрыв. Типологический набор инструментов, как и технические приемы оформления орудий, у палеолитического человека был не так уж и велик, поэтому у популяций, находившихся на значительном расстоянии друг от друга, но в близких экологических условиях, могли сформироваться похожие адаптационные стратегии.

Для раннего палеолита Африки из подготовленных нуклеусов наиболее типичны бифасиальные, унифасиальные, комбева и радиальные. В формации Каптурин в Африке ок. 500 тыс. л.н. появляются нуклеусы для скалывания пластин [Johnson, Brearty, 2010]. Э. Боёда отмечал, что пластинчатое расщепление производилось хуммалийски объемным методом, который отличается от леваллуазского [Boëda, 1995]. Скорее всего, хорошо подготовленные нуклеусы для снятия крупных отщепов, которые представляют технику леваллуа (протолеваллуа), впервые появились на территории Израиля, а затем в Африке. Объяснять распространение инноваций в обработке камня только технической конвергенцией нельзя, поскольку новые технологии могли передаваться в ходе миграций групп людей, кратковременных контактов и т.д.

Специалистам не всегда легко определить центр или центры появления в культуре человека той или иной инновации. Одной из них являются скребки высокой формы, или нуклевидные, встречающиеся в нижнем палеолите. Наиболее ранними считаются находки из Восточной Африки: они датируются периодом ок. 1,5 млн л.н. Скребки высокой формы известны в Аравии [Амирханов, 2006], на Кавказе [Любин, Беляева, 2004], Алтае [Природная среда..., 2003] и других территориях. Такие изделия, обнаруженные на Алтае на стоянке Карама, датируются временем ок. 800 тыс. л.н. Африканские и алтайские нуклевидные скребки похожи, но их разделяет не только расстояние в несколько тысяч километров, но и временной разрыв в 700-800 тыс. лет. Безусловно, появление таких скребков на Алтае, как и в некоторых других регионах, является результатом технологической конвергенции. И таких примеров можно привести немало. Очевидно, что *H. erectus*, расселившиеся на огромной территории Евразии, обладали одинаковыми когнитивными и двигательными способностями и в соответствии со своими адаптационными стратегиями могли изготавливать разные и похожие каменные изделия.

Среди изделий более позднего времени с разных территорий Африки и Азии, для которых трудно определить место появления и пути распространения в другие регионы, - возвращающийся и невозвращающийся бумеранг. Он известен человеку с раннего голоцена, представлен на всех континентах, кроме Антарктиды. С нашей точки зрения, появление и распространение этого очень сложного в изготовлении орудия можно связывать с конвергенцией, миграциями, диффузией культурных нормативов и т.д. Последующие формы эволюции нижне- и среднепалеолитических индустрий Леванта подтверждают предположение о широком использовании леваллуазской и пластинчатой систем расщепления в систематическом производстве пластин гомининами на этой территории задолго до прихода неандертальцев [Goren-Inbar, 2011b].

Пластинчатые индустрии в Леванте на финальном этапе нижнего палеолита

На протяжении нескольких сотен тысяч лет в Леванте развивались своеобразные индустрии, которые, проявляя некоторое сходство с ранне- и среднепалеолитическими индустриями Африки и Европы, значительно отличались от них по многим техникотипологическим показателям. Левант является уникальным регионом для изучения палеолита: на этой территории открыты и исследуются палеолитические местонахождения в пещерах и на открытой местности, имеющие мощные рыхлые отложения, которые включают большое количество культуросодержащих горизонтов.

Леваллуазская система первичного расщепления (снятие отщепа), выявленная впервые на местонахождении Гешер Бенот Яаков, четко не прослеживается на более поздних ашельских памятниках. Пожалуй, исключением в этом плане является позднеашельское местонахождение Берехат Рам, открытое на Голанских высотах [Goren-Inbar, 1985]. На местонахождении обнаружены бифасы, скребки, зубчатые и мелкозубчатые орудия, концевые скребки, резцы. Нуклеусы представлены дисковидными и леваллуазскими типами. Большая часть леваллуазских нуклеусов (87,5 %) предназначалась для скалывания отщепов, которые являлись одним из основных видов первичных заготовок для изготовления орудий. В конце ашеля на местонахождениях с ашельско-ябрудийской индустрией на территориях Израиля и Сирии в первичном расщеплении использовались нуклеусы для снятия пластин и пластинчатых заготовок. Необходимо отметить, что в определенные периоды финального этапа ашеля в Леванте роль пластинчатого и леваллуазского расщепления в процессе получения заготовок то возрастала, то снижалась и доминировало отщепное расщепление, то вновь становилась решающей. Возможно, этот процесс был обусловлен изменением экологических условий в регионе и, как следствие, адаптационных стратегий. С нашей точки зрения, этот процесс не был связан со сменой населения.

В западной части Сирии на восточных склонах хребта Антиливан в местности Ябруд с 1930-х гг. исследуется несколько ключевых памятников, содержащих финальноашельские и ашельско-ябрудийские материалы [Rust, 1950; Solecki, 1968]. В этом районе открыты шесть гротов-навесов и одна пещера. Древнейшие культуросодержащие горизонты были вскрыты на участках под навесом Ябруд IV. Навес ориентирован на юг и расположен на высоте 1 432,5 м над ур. м. Наиболее мощные отложения (11,35 м) удалось вскрыть вдоль внешней части навеса, у обрыва. При раскопках были выявлены 22 геологических слоя, разделенных на 87 горизонтов. Рыхлые отложения состояли в основном из переслаивающихся аллювиальных и эоловых осадков – песка, гравия и лесса. В толще рыхлых отложений залегал гомогенный археологический материал.

Р. Солецкий, открывший площадку под навесом Ябруд IV, исследовал обнаруженную во время раскопок каменную индустрию и дал ей название культура шемис. В нижних горизонтах при раскопках найдены орудия теякского типа: остроконечники, бифасиально обработанные скребла, обушковые ножи, кареноидные скребки. Многие изделия были обработаны крупной зубчатой ретушью. Первичное расщепление связано с пирамидальными, многоплощадочными шаровидными и бесформенными нуклеусами. С нуклеусов скалывались небольшие отщепы и пластинчатые отщепы, как правило, с гладкой ударной площадкой.

В верхней части по сравнению с другими частями содержится несколько больше археологического материала, крупнее заготовки, орудия изготовлены с применением более мелкой ретуши. В верхнем слое отмечены более выраженная серийность орудий и появление типично леваллуазских укороченных снятий. Леваллуазский нуклеус и леваллуазские снятия обнаружены и в пещере Ябруд, расположенной в непосредственной близости от навеса. Каменные орудия находились в нижних отложениях. Верхняя часть рыхлых отложений в недавнем прошлом была уничтожена. От нее остались небольшие фрагменты в виде брекчии, «прикипевшей» к стенкам пещеры, на высоте 4 м от современного пола.

Напротив навеса Ябруд IV расположен навес Ябруд I, площадка под которым раскапывалась А. Ру-

стом и Р. Солецким. В нижней части отложений в пещере исследователи выделяют переслаивающиеся индустрии трех вариантов (снизу вверх): ябрудийскую (слой 25 и 22–20, 16, 14, 11), ашело-ябрудийскую (слой 24, 19, 11), ашельскую (слой 23 и 17), микок (слой 18), доориньяк (слой 15, 13), премустьерскую (слой 12). Слои 10–2 они относят к мустье, выделяя ашело-ябрудийское премустье, «перерастающее» в ябрудийское мустье, и микромустье.

В нижнем ябрудийском слое 25 найдены небольшие орудия, изготовленные на пластинах и пластинчатых отщепах. В других вышележащих слоях представлена пластинчатая индустрия, связанная с расщеплением пластинчатых пирамидальных и леваллуазских нуклеусов. Наиболее яркая пластинчатая индустрия (доориньяк) зафиксирована в слое 15, в котором преобладали (до 90 %) орудия, изготовленные из узких пластин длиной 5–6 см. Л.Б. Вишняцкий отмечал, что в Ябруде I в слоях 13 и 15 среди неретушированных предметов было 18 пластин треугольного сечения, из них 2 пластины можно назвать типичными [Vishnyatsky, 2000]. Фасетированные ударные площадки зафиксированы на небольшом количестве пластин.

В Ябруде I, по мнению исследователей, в нижележащих культуросодержащих горизонтах сосуществуют или переслаиваются технокомплексы трех индустриальных линий развития, а в конце рисс-вюрма и начале вюрма на основе этих индустрий формируются ябрудийское мустье и леваллуа-мустье. Ябрудийское мустье характеризуется крупными пластинчатыми заготовками, массивными скреблами и скребками. В индустрии сохраняются микробифасиальные формы. Пластинчатые заготовки в основном не имеют фасетированных площадок. Леваллуамустье, сложившееся на позднеашельской основе, отличается наличием пластин и остроконечников с фасетированными ударными площадками. Орудия имеют большие размеры. Рабочее лезвие у них оформлено правильной крупнофасеточной ретушью. Среди орудий преобладают скребла.

Трудно согласиться с выводами исследователей о принадлежности индустрии среднего палеолита в Леванте мустье, но на этой проблеме мы остановимся в статье, которая будет опубликована в следующем номере журнала. Вызывает сомнение правомерность выделения в индустрии Ябруда четырех достаточно разных линий развития. Смену индустрий можно объяснить приходом популяции с другой индустрией или изменениями экологической обстановки, которая внесла коррективы в адаптационные стратегии – появились новые приемы обработки камня и стали иными основные технико-типологические характеристики орудийного набора. Маловероятно, чтобы все индустрии (ашельская, ашело-ябрудийская, ябрудийская)

принадлежали разным таксонам, которые могли попеременно заселять площадки под навесами, а спустя какое-то время покидать их, уступая место другой в антропологическом плане популяции. Видимо, необходимо искать другое объяснение данного феномена. В связи с этим еще раз подчеркнем значимость местонахождения Гешер Бенот Яаков: здесь в культурной последовательности значительного периода в одних горизонтах имеется большое количество бифасов и кливеров, а в других - единицы или такие артефакты отсутствуют. Тем не менее местонахождение Гешер Бенот Яаков исследователи связывают с одним таксоном. На протяжении 50 (100) тыс. лет в его технико-типологическом комплексе могли происходить различные изменения. Вызывает сомнение и правомерность выделения А. Рустом столь большого количества индустриальных комплексов. С учетом новых дат для ашело-ябрудийской индустрии в Израиле необходимо пересмотреть и хронологию данной индустрии в Сирии.

В раннем палеолите Леванта, например, в Гешер Бенот Яаков, элементы леваллуазского расщепления появляются очень рано. Однако по материалам более поздних местонахождений пока не прослежена четкая преемственность традиций леваллуазского расщепления. В пещере Табун в самом нижнем слое G обнаружены укороченно пирамидальные нуклеусы для снятия пластины, а также четыре леваллуазских нуклеуса. По нашему мнению, традиция получения пластинчатых заготовок не должна была прерываться. Дальнейшие исследования, возможно, помогут проследить непрерывную линию развития технологии получения пластинчатых заготовок с леваллуазских, пирамидальных, плоскостных и других форм нуклеусов в раннем и среднем палеолите.

С доориньякской индустрией связано массовое изготовление пластинчатых заготовок на финальном этапе нижнего палеолита в Леванте. Доориньякская индустрия в Ябруде I обнаружена в слоях 15 и 13. В этих слоях в отличие от вышележащих слоев 16 (ябрудьен) и 17 (поздний ашель) в первичном расщеплении преобладают призматические и пирамидальные одноплощадочные ядрища для скалывания пластин [Rust, 1950]. Ударная площадка у них выравнивалась преимущественно одним сколом. Следы пришлифовки и фасетирования отсутствуют. Нуклеусы небольших размеров (4-6 см). Ф. Борд отмечал высокую степень пластинчатости (ок. 40 %) доориньякской индустрии [Bordes, 1955]. Среди орудий в 3 раза больше изделий из пластин, чем отщепов. В орудийном наборе имеются боковые и диагональные резцы на пластинах и пластинчатых отщепах, остроконечники, оформленные на дорсальной стороне пластинчатых сколов; унифасиальные острия, проколки, ножи, комбинированные орудия, представленные концевыми скребками с дополнительной ретушью по одному краю; зубчато-выемчатые и зубчатые изделия.

Изучение ябрудийской доориньякской индустрии выявило вторичное использование орудий в технокомплексе микокской направленности из 18 слоя [Rust, 1950]. Доориньякцы часто использовали бифасы для изготовления узких пластин. На местонахождении Ябруд I значительный процент составляют орудия верхнепалеолитических типов: концевые скребки на отщепах и ретушированных пластинах, скребки типа карене, двугранные резцы на усеченных пластинах и отщепах и др. [Bordes, 1955].

По многим технико-типологическим показателям к доориньякской индустрии близка амудийская, которую Д. Гаррод считала региональным вариантом доориньякской. В пещерах Табун (в пачке слоя Е), Абри-Зуммофен и Зауттиех многие орудия изготавливались из ножевидных пластин, хотя там обнаружено небольшое количество бифасов. На местонахождении Ябруд I доориньякские горизонты в отличие от амудийских не содержали бифасов и включали резцы, скребки на пластинах, кареноидные изделия.

В эпоху палеолита на территориях Сирии и Израиля были сходные процессы развития индустрий. Нижний палеолит Израиля одни исследователи делят на ранний, средний и поздний, а другие — на ранний, средний и заключительный ашель, к которому относились ашело-ябрудьен, преориньяк, амудьен и хуммалийская индустрии. Необходимо отметить, что некоторые специалисты амудийскую, доориньякскую и хуммалийскую индустрии причисляют к среднему палеолиту [Bar-Yosef, 1989; Jelinek, 1992].

Одним из важнейших и ярких памятников эпохи палеолита является пещера Табун, расположенная в Израиле на западном склоне горы Кармель в 20 км от г. Хайфы, на высоте 45-63 м над ур. м. и 31 м над дном долины (рис. 2). Это карстовая пещера; она состоит из трех залов. В полу каждого из них имеется углубление в виде перевернутого хвоста ласточки. В южном зале, в единственном, где сохранился свод, имеется выход на поверхность в виде трубы. В пещере Табун вели раскопки Д. Гаррод (1929–1934 гг.), А. Елинек (1967–1972 гг.) и А. Ронен (1975–2003 г.) [Shimelmitz, 2015]. При раскопках была выявлена последовательность рыхлых отложений мощностью ок. 25 м, свидетельствующая о заселении пещеры в периоды среднего и верхнего плейстоцена, 800–100 тыс. л.н. [Zviely, Ronen, 2004].

Обобщающий разрез пещеры Табун представлен Р. Шимельмиц (рис. 3) [Shimelmitz, 2015]. Д. Гаррод выделила в пещере семь крупных пачек культуросодержащих отложений (снизу вверх): G, F, Ed, Ec, Eb, Ea, D, C, B, A [The Stone Age..., 1937]. А. Елинек проводил раскопки в основном на 10-метровом ступенчатом участке и вскрыл слои Е, D, C и B, выделенные

Рис. 2. Общий вид пещеры Табун. Фото К. Павленка.

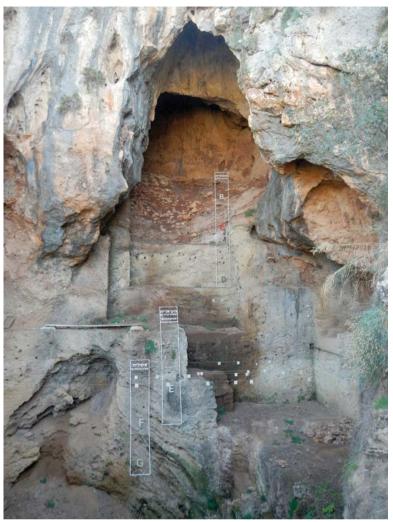
Д. Гаррод. В этой последовательности он определил 14 основных культуросодержащих слоев, включающих 86 горизонтов, в которых, в свою очередь, выделил дополнительные внутренние прослойки [Jelinek, 1975, 1982; Jelinek et al., 1973]. Слой I соответствовал в основном слою Табун С. В слоях II–VIII в результате процесса осадкообразования артефакты находились в смешанном состоянии. Слой IX соответствовал слою Табун D, а слои X–XIV достаточно хорошо коррелировали со слоем Табун Е по классификации Д. Гаррод.

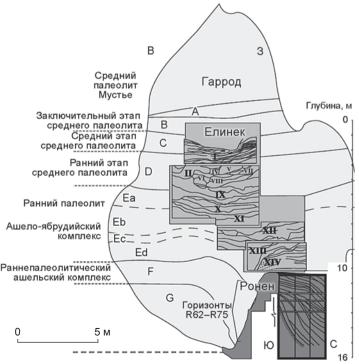
А. Ронен проводил раскопки на разных участках в пещере, но для нас наибольший интерес представляют его полевые исследования нижней части рыхлых отложений пещеры [Ronen, Gisis, Tchernikov, 2011] и результаты разборки блока, отвалившегося от основного разреза [Ronen, Gisis, Safadi, 2003; Zviely, Ronen, 2004].

Самый нижний культуросодержащий слой G в пещере Табун мощностью 3,8 м наклонно залегал по дну карстовой воронки и содержал теякскую индустрию [The Stone Age..., 1937]. Во время раскопок из слоя извлечены 464 каменных изделия. Среди артефактов имелись выемчатые формы, обработанные крутой ретушью для создания зубчатой рабочей поверхности; одинарные скребла, единичные аморфные резцы, чопперовидные орудия. Нуклеусы представлены укороченно пирамидальными, односторонними формами для снятия аморфных пластин и пластинчатых отщепов, а также бессистемными.

В слое F мощностью 1,6–3,6 м обнаружены 4 370 предметов. Наиболее распространенными типами были бифасы (1 233 экз.) и скребла различных модификаций (844 экз.). Найдены 210 нуклеусов. Среди одно- и двухплощадочных нуклеусов выделено четыре леваллуазских. Индустрию этого слоя Д. Гаррод

Puc. 3. Обобщенный вид разреза пещеры Табун (по: [Shimelmitz, 2015, p. 35]).

отнесла к ашелю. Материалы нижних слоев G и F пещеры Табун свидетельствуют о том, что в первичном расщеплении использовались леваллуазское и пластинчатое раскалывание, но в целом технология получения заготовок для изготовления орудийного набора была ориентирована на скалывание с ядрищ отщепов. В технологической характеристике индустрии двух нижних горизонтов А. Елинек отмечал минимальную долю леваллуазской техники (IL=1, $IL_{tv}=1,2$), низкий индекс пластинчатости ($I_{lam}=20,9$), слабую выраженность обработки ударных площадок (IF = 22,2; IF_{str} = 4,3), соотношение орудий, отщепов и ядрищ 20,1: 60,9: 19,0 [Jelinek, 1975]. Однако наличие в индустрии верхнепалеолитических орудий (резцов, скребков) позволило считать ее значительно продвинутой.

В слое Е мощностью 7 м обнаружены почти 45 тыс. орудий, которые Д. Гаррод разделила на четыре крупные группы. Индустрия этого слоя, по мнению специалистов, относится к заключительноашельскому – ашело-ябрудийскому технокомплексу. На раннем этапе исследования в ней видели черты разных индустрий [Rust, 1950]. Д. Гаррод сначала считала индустрию слоя Е пещеры Табун по характеру микокской, а затем – в целом ябрудийской. Исследователь отмечала переслаивающиеся горизонты с преобладанием ашельских и ябрудийских элементов, в верхней части слоя Е она выделяла горизонт, насыщенный пластинами, для индустрии которого она предложила название амудийская.

В дальнейшем в материалах Табун были выделены три фации или три индустриальных комплекса: 1) ябрудийский, ориентированный в основном на получение отщепов и изготовление скребел типа кина; 2) ашельский, связанный с изготовлением преимущественно бифасов, скребел и отщепов; 3) амудийский, предназначенный для производства пластин и орудий верхнепалеолитического типа [Copeland, 2000]. В начале 1980-х гг. А. Елинек на основании своих раскопок пришел к выводу о том, что все сменяющие друг друга фации индустрии слоя Е, включая амудийскую, относятся к одной мугаранской индустриальной традиции. Наличие разных фаций он объяснял адаптацией древних популяций к различным экологическим условиям [Jelinek, 1981, 1982]. По мнению исследователя, амудийская традиция развивалась постепенно на основе предшествующих местных культурных традиций, а леваллуа-мустьерская индустрия произошла от мугаранской.

Пещера Табун – уникальный памятник мирового значения. Мощная толща рыхлых отложений, вмещающая ок. 90 культуросодержащих горизонтов в историко-культурной последовательности – от среднего ашеля до финала среднего палеолита, позволяет проследить последовательность изменений инду-

стрии в одном районе на протяжении как минимум 600 тыс. лет. Полевые исследования, которые были начаты Д. Гаррод еще в конце 1920-х гг. и проводились с небольшими перерывами в течение нескольких десятков лет, еще не закончены. Исследования крупного блока, обвалившегося зимой 1997/98 г., позволили не только выявить новый материал для характеристики индустрии, но и уточнить некоторые важные вопросы, касающиеся процесса осадконакопления в пещере [Ronen, Gisis, Safadi, 2003; Zviely, Ronen, 2004].

Данный блок размерами $0.8 \times 0.6 \times 0.3$ м, получивший название Табун-Маполет, содержал артефакты ашело-ябрудийской индустрии Ed и Ec. Он был исследован А. Роненом в 2000 г. Из этого блока удалось извлечь 810 кремневых изделий [Ronen, Gisis, Safadi, 2003]. Большая часть нуклеусов в Табун-Маполет (свыше 40 %) не имеет следов упорядоченного раскалывания и отнесена А. Роненом к категории аморфных. Среди хорошо подготовленных нуклеусов выделены 16 сфероидных, 6 дисковидных, призматический и пирамидальный. Орудийный набор включал изделия верхнепалеолитического типа: скребки, резцы, проколки и т.д. А. Ронен определяет индустрию Табун-Маполет в целом как отщепную с многочисленными скреблами и относительно небольшим количеством ручных топоров (бифасов). Она не является леваллуазской [Ibid., р. 482]. Результаты исследования небольшого блока Табун-Маполет являются еще одним подтверждением наблюдения: на многослойных, хорошо насыщенных артефактами памятниках в одном и том же культуросодержащем горизонте могут быть участки с большим и малым количеством инвентаря. Индустрия первичного расщепления в Табун-Маполет характеризуется следующим образом: индекс леваллуа (IL) 3,48, индекс леваллуа типологический (IL_{tv}) 7,82, индекс фасетированности (площадок) (IF) 22,54, индекс фасетированности строгий (IF_s) 6,82, индекс пластинчатости (I_{lam}) 10,30 [Ibid.]. В орудийном наборе выделяются как в количественном отношении, так по типологическому разнообразию скребла (76 экз.). Наиболее многочисленную группу составляют простые и комбинированные двойные скребла; их доля достигает 25 % от численности орудийного набора. Индекс «шарантский» (IC) равен 13,9 (рассчитан по простым выпуклым и трансверсальным скреблам). Эти типы скребел характерны для мустье типа хорентийского-кина. Выделяются скребла типа дежете (10 экз.). Индекс ябрудиана (IYab) для скребел этих двух типов равен 18,2 [Ibid., р. 480]. В целом индустрия Табун-Маполет вписывается в типологический ансамбль слоя Ed и Ec пещеры Табун. Наличие в орудийном наборе верхнепалеолитических орудий свидетельствует о продвинутости этой индустрии.

Изучение коллекций пещеры Табун с применением других исследовательских подходов дает возможность выявить некоторые новые технологические особенности в индустриях финального ашеля и среднего палеолита. Р. Шимельмиц анализировал коллекции из раскопок А. Елинека и А. Ронена с точки зрения возможности вторичного использования артефактов [Shimelmitz, 2015]. Наличие двух различных по глубине патин на поверхностях каменных изделий должно свидетельствовать о разных периодах их образования. Исследователи каменных индустрий давно обнаружили следы переоформления орудий, например, бифасов, которые были найдены в пещере Табун [Ronen, 1992; DeBono, Goren-Inbar, 2001], а также на местонахождениях в Ябруде [Rust, 1950]. Р. Шимельмицу удалось установить процентный состав орудий, в т.ч. доли нуклеусоворудий и нуклеусов на отщепе, переоформленных при наличии у них разной по глубине патины на одной

и той же плоскости. Нуклеусы для скалывания отщепов, изготовленные на заготовках с более ранней патиной, находились в ранних слоях F и низах Ed, а переоформленные орудия были равномерно распространены по слоям. В ашело-ябрудийской индустрии следы вторичного использования имеют артефакты ябрудийского комплекса (2,3 % от численности орудийного набора) и ашельского (0,4 %, почти отсутствуют в амудийской фации) [Shimelmitz, 2015].

Ручные рубила (бифасы) чаще всего подвергались переоформлению: их доля превышает 27 % от общего количества. Наибольший процент бифасов с признаками переоформления в коллекции слоя F; здесь их почти 45 %. Р. Шимельмиц выделяет несколько способов приспособления бифасов для эксплуатации в качестве нуклеусов: снятие леваллуазского отщепа с основания бифаса (рис. 4, 1, 3); снятие отщепов с разных частей — происходила сильная деформация бифаса (рис. 4, 2); пластинчатые снятия с узкого края — бифас терял свою форму и превращался в нуклеус торцового типа (рис. 4, 4, 5) [Ibid.]. Первая и третья техника скалывания заготовок с бифаса была типично леваллуазская.

Р. Шимельмицу в слоях пещеры Табун удалось проследить особенность в распределении изделий по степени интенсивности переоформления [Ibid.]. Например, изделия, использовавшиеся в качестве нуклеусов на отщепе и в качестве орудий, чаще встре-

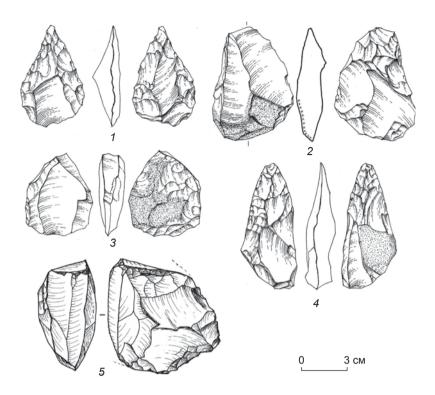

Рис. 4. Ручные рубила со следами вторичного использования в качестве нуклеусов в пещере Табун (по: [Shimelmitz, 2015, p. 40]).

чаются в нижнем культуросодержащем ашельском слое F, а также в самом нижнем ашело-ябрудийском комплексе слоя E. В среднем доля изделий, использовавшихся как орудия и нуклеусы, среди всех изделий превышает 12 %. В пределах слоев X–XIV она значительно ниже.

Вторичное использование кремневых изделий в культуросодержащих слоях в пещере Табун уменьшается снизу вверх. Меньше всего таких изделий в среднепалеолитических горизонтах. По мнению Р. Шимельмица, это можно объяснить, во-первых, тем, что в условиях преобладания в первичном расщеплении леваллуазской технологии было необходимо использовать исходное сырье более высокого качества; во-вторых, планиграфическими особенностями поверхности обитания. Наибольшее количество изделий, подвергавшихся переоформлению, как правило, соответствует периоду, когда огонь регулярно еще не использовался.

Исследование Р. Шимельмица, посвященное вторичному использованию орудий, имеет важное методическое и методологическое значение, потому что переоформленные изделия встречаются на стратифицированных местонахождениях и на стоянках с поверхностным залеганием культурного слоя. Особенно часто их находят на долговременных поселениях и стоянках-мастерских. По материалам из мощных рыхлых отложений в пещере Табун можно проследить

эволюцию технологий обработки камня, характер и организацию неоднократных заселений пещеры человеком на протяжении длительного времени.

Пещера Кесем в Израиле была открыта в 2000 г. В следующем году в ней проводились спасательные работы. В ходе полевых исследований был обнаружен обширный и яркий материал для характеристики финального этапа в развитии амудийской индустриальной традиции [Barkai et al., 2003, 2009; Barkai, Gopher, Shimelmitz, 2005; Barkai, Lemorini, Gopher, 2010; Gopher et al., 2005; Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011; Shimelmitz et al., 2014; Lemorini et al., 2006; и др.]. Пещера Кесем расположена в 12 км к востоку от г. Тель-Авива на западном подножии холмов Самарин. Пещера была образована в турнейском известняке. Она претерпела, по мнению исследователей, несколько стадий естественного и антропогенного воздействия, а также просадку и провал. Потолок пещеры был разрушен в результате естественной эрозии и строительных работ [Barkai et al., 2003, p. 977]. Однако культуросодержащие горизонты в основном сохранились в стратиграфической последовательности. Толща археологических горизонтов включена в рыхлые отложения мощностью 7,5 м. В целом стратиграфический разрез делится на две части: нижнюю, мощностью ок. 3 м, из отложений, содержащих обломочный материал и гравий, и верхнюю, мощностью ок. 4,5 м, в основном из сцементированных отложений с крупными золистыми включениями [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011, p. 459].

Все культуросодержащие горизонты включают материалы в основном заключительного этапа развития ашело-ябрудийского культурного комплекса — амудийской индустрии. Во время полевых исследований были выделены пять амудийских комплексов каменных орудий с разных участков пещеры, а также из разных секторов стратиграфического разреза [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011, p. 460].

Ценность находок из амудийских горизонтов пещеры Кесем определяется тем, что количественно они значительно превосходят инвентарь из амудийских горизонтов, обнаруженный ранее на местонахождениях с ашело-ябрудийским культурным комплексом в Леванте. Весь этот обширный материал был всесторонне исследован, в частности с технико-технологической точки зрения.

В ряде работ нами рассматривалась гипотеза миграции древних популяций финального этапа нижнего палеолита, в т.ч. носителей мугаранской индустриальной традиции, с Ближнего Востока на Алтай. В пользу ее, с нашей точки зрения, свидетельствует культурно-историческая последовательность отложений в Денисовой пещере и на других местонахождениях Горного Алтая [Деревянко, 2001, 2005а, б; 2009а, б; и др.]. Получить бесспорные доказательства трудно, потому

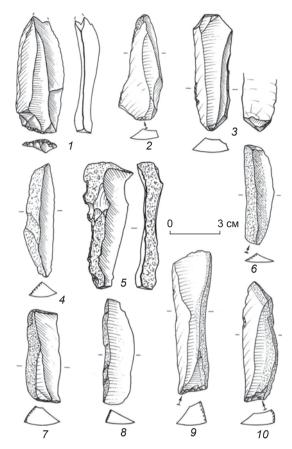
что территории Ближнего Востока и Алтая разделяют большие расстояния и любые технологические традиции во время длительных передвижений изменяются в связи с необходимостью адаптации мигрирующих популяций к новым экологическим условиям (другой климат, животный и растительный мир, исходный материал для изготовления каменных орудий и т.д.), а также под влиянием технологических традиций автохтонного населения. Кроме того, определить истоки индустрии финала нижнего и начала среднего палеолита Алтая не просто ввиду различий в степени изученности палеолита транзитных территорий от Ближнего Востока и до южной части Сибири. Тем не менее детальная реконструкция первичной и вторичной обработки камня в амудийской индустрии способствует выявлению общих технико-технологических элементов в индустриях Леванта и Алтая.

Пещера Кесем расположена в районе, богатом сырьем для изготовления орудий [Barkai, Gopher, Shimelmitz, 2005; Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011]. Сырье собирали с поверхности и в карьерах. Исследованиями было установлено, что источники кремня для изготовления пластин находились на расстоянии 1–5 км от пещеры.

Для всего ашело-ябрудийского комплекса Леванта характерно наличие бифасов. В амудийских горизонтах пещеры Кесем обнаружено всего 7 ручных топоров, относящихся к заключительному этапу ашеля. Они изготовлены как из больших отщепов, так и из нуклеусов. Скребла выполнены на крупных отщепах (62 экз.; их длина в среднем 60 мм, ширина 40 мм) и пластинах (7 экз.).

Для нас очень важны результаты исследования пластинчатой индустрии, хорошо представленной в амудийских материалах пещеры Кесем. Пластинчатые изделия исследователи оценивают как наиболее выразительные в орудийном наборе [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011]. Реконструкция операций их изготовления была сделана на основе анализа 19 167 изделий. Основная часть артефактов извлечена из нижней части пещеры (лишь на уч. К/10 отложения исследовались на глубину 300-420 см). В пещере Кесем в культуросодержащих горизонтах доля пластин возрастала снизу вверх [Barkai, Gopher, Shimelmitz, 2005]. Каменный инвентарь, хотя на пяти вскрытых участках был представлен в разных вариантах, в технологическом плане составлял одно целое, что позволило исследователям рассматривать весь материал как единый комплекс.

Пластинчатые изделия из амудийских горизонтов были разделены на три типа: пластины, первичные пластины с частичными остатками галечной поверхности на одной из граней и ножи с естественным обушком, которые изготавливались не только на пластинах, но и на отщепах (рис. 5). На пяти участках

Puc.~5. Пластинчатые изделия трех типов из пещеры Кесем. I-3 – пластины; 4-6 – пластины с корковым покрытием на одной из граней; 7-10 – ножи с естественным обушком (по: [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011, p. 462]).

обнаружены: пластины и пластинки – 761 экз., первичные пластины и пластинки - 664 экз., ножи с естественным обушком - 696 экз. В пластинчатый комплекс исследователи включили вместе с готовыми орудиями на пластинах более 2 200 изделий, что составляет более 11 % от общего количества находок, обнаруженных в пещере. Среди 1 397 готовых изделий было 657 экз. (47 %), изготовленных на пластинчатых сколах. На уч. G/19-20, который по глубине располагается в середине стратиграфической последовательности, пластинчатые изделия составляют 58,2 % от количества дебитажа и готовых изделий. Это свидетельствует о том, что в амудийском индустриальном комплексе пластины играли очень важную роль. Около 500 пластин имели ретушь, из них 400 экз. – преимущественно с вентральной стороны. Из пластин изготавливали скребки, скребла, резцы,

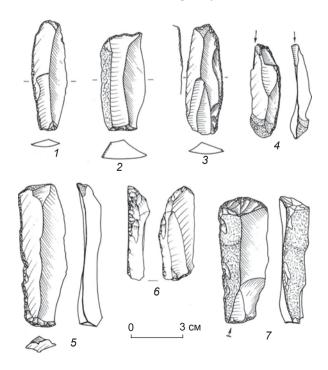
Puc. 6. Изделия, выполненные на пластинах, из пещеры Кесем.

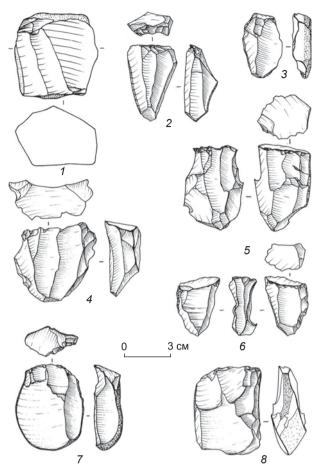
5 – пластинчатые изделия с ретушью; 2, 3 – пластинчатые изделия с ретушированной дистальной частью; 4 – резец; 6, 7 – скребки (по: [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011, p. 465]).

зубчато-выемчатые изделия и другие инструменты (рис. 6). Пластинчатые сколы, которые исследователи назвали ножами с естественным обушком (всего 58 экз.), редко подвергались ретушированию. Среди пластинчатых изделий пластины со следами вторичной подправки составляют 35,4 %, первичные пластины – 21,6, ножи с естественным обушком – 12,3 % [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011, р. 461]. Небольшой процент пластинчатых изделий с признаками подправки режущих лезвий указывает на то, что такие изделия без дополнительной обработки часто использовались для разделки туш животных. Это было подтверждено и трасологическими исследованиями.

Изучение амудийских материалов из кварцита показало, что разделка туш животных была основным занятием обитателей стоянки. В пещеру приносили преимущественно головы и верхние конечности. Разделка предполагала резку, соскабливание и многофункциональное отделение тканей от костей. Реже кремневые орудия использовались при собирании травянистых и древесных растений [Lemorini et al., 2006; Barkai, Lemorini, Gopher, 2010].

Для сравнения индустрий Леванта и Горного Алтая важное значение имеют результаты исследования первичного оформления нуклеусов в амудийском комплексе пещеры Кесем. В пещере обнаружены 318 ядрищ, которые были разделены на три класса: нуклеусы для снятия отщепов, пластинчатые нуклеусы и пренуклеусы со следами апробации сырья [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011]. Среди пластинчатых нуклеусов исследователи выделили: пластинчатые нуклеусы, у которых на рабочей поверхности имеются негативы снятия преимущественно толь-

Puc. 7. Нуклеусы для скалывания пластин и отщепов из пещеры Кесем.

I-6 – для снятия пластин, 7, $\bar{8}$ – для снятия пластин и отщепов (по: [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011, p. 469]).

ко пластин (рис. 7, 1-6), и нуклеусы с негативами скалывания пластин и отщепов (рис. 7, 7, 8). Среди пластинчатых ядрищ выделены формы с параллельными краями (28 экз.), у которых с плоской поверхности скалывания снимались только пластины. Эти нуклеусы типологически ближе всего к призматическим. Важно отметить, что параллельные края у них не оформлялись, потому что основой нуклеусов данного типа являлись специально подобранные плоские куски кремня подпрямоугольной формы. Поверхность таких ядрищ была покрыта естественной коркой, за исключением плоскостей скалывания и ударной площадки, которые оформлялись преимущественно одним сколом (40,7 %), фасетированием (33,3 %), комбинированным способом с использованием обоих приемов (3,7 %) или сохраняла естественную корку (22,2 %).

Среди пластинчатых нуклеусов выделены призматические с относительно плоской поверхностью скалывания и негативами пластинчатых снятий (14 экз.). В отличие от нуклеусов с параллельными краями

у них отсутствуют признаки, свидетельствующие о неизменности контура рабочей площадки — он изменялся на протяжении всего процесса обработки (рис. 7, 2–4). Для изготовления таких нуклеусов использовались окатанные камни или аморфные желваки. Естественная корка сохранялась у 28,5 % нуклеусов на поверхности, за исключением рабочей поверхности и ударной площадки, у 50 % — только на одной стороне.

К пластинчатым нуклеусам отнесены также пирамидальные формы (7 экз.). Они имеют изогнутую плоскость скалывания и приостренное основание (рис. 7, 5, 6). Круговое снятие пластинчатых сколов, в т.ч. сколов с т.н. ныряющим окончанием, приводило к образованию приостренного основания. В качестве исходного материала использовались окатанные и аморфные желваки.

Исследователями индустрии пещеры Кесем реконструирована последовательность подготовки нуклеусов к скалыванию и подправки нуклеусов в процессе снятия пластинчатых заготовок и отщепов [Barkai, Gopher, Shimelmitz, 2005; Barkai et al., 2009; Gopher et al., 2005; Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011; и др.]. Технология подготовки нуклеусов к снятию пластин и отщепов во многом зависит от выбора сырья. Обитатели пещеры Кесем уделяли этому большое внимание: дальнейший процесс оформления ядрища того или иного типа и снятия с него заготовок определялся в значительной мере изначальной формой кремневой отдельности. В этом районе чаще всего встречались крупные плоские куски кремня, а также окатанные или аморфные желваки.

Ударная площадка оформлялась посредством снятия крупного скола с образованием плоской поверхности, уплощалась фасетированием или сохраняла естественную поверхность. Обычно она образовывала с плоскостью скалывания угол в 70-80°, очень удобный с точки зрения технологии для дальнейшего скалывания заготовок. Основание нуклеусов, как правило, не оформлялось. Результатами первоначальных скалываний были заготовки в виде пластин и пластинок с естественной коркой, первичные сколы с «ныряющим» проксимальным концом и реберчатые пластины. С учетом свойств исходного материала уже на ранней стадии подготовки нуклеуса к последующему расщеплению определялось, в каком количестве он может использоваться; нуклеусы с параллельными краями служили для получения в основном пластин и пластинок. Причем торцовая часть наиболее часто использовалась для скалывания пластинчатых заготовок различных размеров. Эта технология фронтального скалывания, или стратегия использования «узких» ядрищ (его торцовой части), очень часто применялась в палеолитических индустриях среднего или раннего этапа верхнего палеолита (например, на местонахождении Кара-Бом в Горном Алтае) [Деревянко, Петрин, Рыбин и др., 1998].

Нуклеусы, которые оформлялись на окатанных и аморфных желваках на заключительном этапе этого процесса, имели призматическую или аморфную рабочую поверхность. Пластинчатые заготовки скалывали посредством нанесения сильного удара жестким отбойником по ударной площадке нуклеуса. Рабочая поверхность, оформленная на широкой плоскости, использовалась для скалывания пластинчатых заготовок и отщепов, причем последние часто служили сколами оформления фронта нуклеуса. Очень важным является наблюдение исследователей о двух способах скалывания с нуклеуса заготовок, результатом которого были пластинчатые изделия трех типов [Barkai, Gopher, Shimelmitz, 2005; Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011]. Один способ позволял создавать нуклеусы с параллельными краями, а другой – нуклеусы с аморфной рабочей поверхностью, призматические и пирамидальные [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011].

Для получения нуклеусов с параллельными краями тщательно отбирали гальки или куски одной породы с двумя прямыми и параллельными поверхностями, между которыми находился плоский фронт скалывания или рабочая поверхность. В процессе скалывания заготовок рабочая плоскость, сохраняя постоянный контур, постепенно истощалась. Используемый материал не требовал тщательного предварительного оформления и легко трансформировался в нуклеус для получения большого количества одинаковых пластин. Пластинчатые сколы уже после незначительной подправки ретушью были пригодны для эксплуатации.

Результатом использования второго способа подготовки нуклеусов являются нуклеусы с аморфной рабочей площадкой, призматические и пирамидальные. Для их оформления подбирались окатанные или аморфные заготовки, которые не нуждались в более интенсивной и тщательной обработке. Ударная площадка у этих нуклеусов и у нуклеусов с параллельными сторонами оформлялась в основном такими же техническими приемами: одним или несколькими поперечными сколами выравнивалась плоскость, в отдельных случаях она подправлялась более мелкими сколами. В качестве рабочей выбирали одну из боковых поверхностей, которая находилась под острым углом к ударной площадке. Рабочая поверхность формировалась снятием первичных сколов, на дорсальной поверхности которых сохранялась естественная корка. В дальнейшем производилось снятие заготовок в виде пластин и отщепов. На основе экспериментальных исследований специалисты сделали вывод о том, что широкие плоскости скалывания требовали комбинированного снятия пластинчатых изделий и отщепов [Ibid., р. 474]. Если заготовки скалывались преимущественно с одной плоскости, то последняя смещалась к спинке нуклеуса и расширялась, а нуклеус приобретал призматическую форму. Если нуклеус имел несколько плоскостей скалывания, то в результате снятия пластин и заготовок с «ныряющим» окончанием получались пирамидальные нуклеусы.

Исследователи считают, что пластинчатые изделия в пещере Кесем изготавливали двумя во многом похожими техническими приемами. Пластинчатые изделия трех типов (пластины, первичные пластины, ножи с естественным обушком) обладали многими сходными характеристиками. Все это свидетельствует о том, что обитатели пещеры Кесем при оформлении нуклеусов придерживались одной стратегии, одного плана с некоторыми вариациями, определяемыми исходным сырьем. При проведении полевых работ исследователи редко находят нуклеусы, подготовленные к скалыванию заготовки. Наиболее часто встречаются истощенные ядрища: они были не пригодны для снятия заготовок.

Достоверно реконструировать технологию подготовки нуклеуса и процесс работы с ним возможно при условии проведения максимально полного ремонтажа сохранившихся на стоянке нуклеусов и сколов. В противном случае даже эксперименты по созданию нуклеусов и их расщеплению не помогут составить достоверную картину первичного расщепления. П.В. Волков на основе опубликованных материалов пещеры Кесем разработал реконструкцию процесса расщепления в трех вариантах, в зависимости от особенностей сырья, которую мы приводим в виде схемы (рис. 8)*.

Когда стремились получить пластинчатые изделия из качественного (однородного по составу и относительно изотропного) сырья в виде больших плоских или округлых блоков кремня, расщепление ядрищ производилось по одной схеме: создавался характерный для призматических нуклеусов удлиненный фронт основных снятий и использовалась естественная или специально сформированная площадка. Пластинчатые заготовки скалывались благодаря приложению силы в параллельно ориентированных направлениях. Сохранить конфигурацию фронта, изменение которого происходило в процессе основных снятий, позволяли три варианта вспомогательных действий. При расщеплении использовалась по сути одна стратегия - призматическая; ее варианты определялись качеством и формой заготовки. Отражением особенностей процесса расщепления являются нуклеусы: призматические, пирамидальные (результат крайнего истощения изначально призматических пренуклеусов) и аморфные.

^{*}Выражаем благодарность П.В. Волкову за возможность опубликовать схему в настоящей статье.

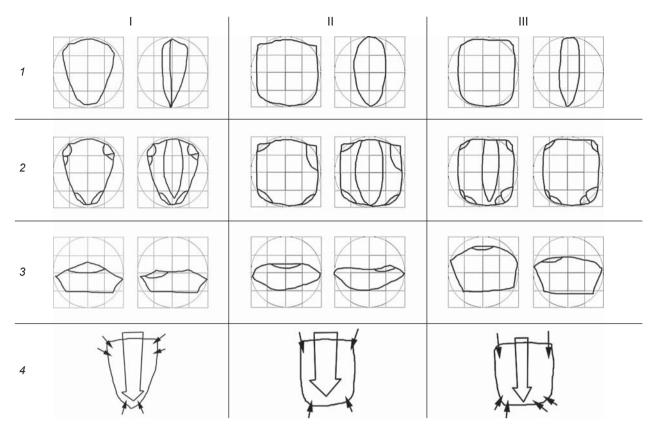

Рис. 8. Варианты стратегии расщепления нуклеусов из пещеры Кесем в зависимости от сырья (I–III), предложенные П.В. Волковым.

I – форма нуклеусов со стороны фронта и основных снятий; 2 – дислокация подготовительных и основных снятий; 3 – дислокация первых и последних основных снятий со стороны площадки; 4 – схема расщепления.

Исследования в пещере Кесем позволили значительно расширить наши знания о степени развития пластинчатой индустрии на финальном этапе ашеля Леванта. Обитатели этой территории в позднем ашеле имели представление о качестве сырья и, видимо, при выборе места стоянки учитывали близость его источников. У них сформировались стратегия технологии изготовления заготовок и подготовки нуклеусов с некоторыми вариациями, учитывающими возможности исходного материала. Стратегия технологии изготовления была направлена на получение большого количества пластинчатых заготовок, которые с минимальной модификацией или без дополнительной подработки в дальнейшем использовались для различных хозяйственных нужд. После прихода ок. 800 тыс. л.н. в Левант из Африки H. heidelbergensis на этой территории появлялись другие таксоны и развитие физического типа человека и его индустрии протекало автохтонно. Это, конечно, не исключало кратковременных контактов коренных обитателей Леванта с популяциями сопредельных регионов и дрейфа генов, но данный процесс на археологическом материале не выявляется. Ашело-ябрудийская индустрия в Леванте формировалась на основе более ранней ашельской индустрии.

Чрезвычайно важным и сложным является вопрос о дате ашело-ябрудийской индустрии в Леванте. Ябрудийские местонахождения в Сирии датировались в диапазоне от финального рисса до рисс-вюрма и начала вюрма или МИС 6 и 5. Даты, установленные ранее по образцам из культуросодержащих горизонтов в пещере Табун, были не совсем достоверные. Они создавали впечатление о позднем переходе в Леванте от нижнего к среднему палеолиту.

В последние два десятилетия были значительно удревнены хронологические рамки ашело-ябрудийской индустрии: слои Ed—Ea пещеры Табун отнесены к интервалу 385—240 тыс. л.н. [Jelinek, 1992; Bar-Yosef, 1995; Schwarcz, Rink, 1998], а леваллуа-мустьерская индустрия слоя D — к интервалу 263—244 тыс. л.н. [Mercier et al., 1995]. В лаборатории дозиметрии, радиоактивности окружающей среды и радиотермолюминесцентного анализа МГУ для слоя Е пещеры Табун получены даты $260,0\pm60,270\pm60,340\pm80,410\pm110$ и 480 ± 120 тыс. л.н. [Лаухин и др., 2000]; на основании ESR и серий уранового ряда для нижнего слоя Ed получена дата 387 ± 49 —36 тыс. л.н. [Rink et al., 2004].

В настоящее время наиболее обсуждаемыми являются даты для пещеры Табун: слой $XIV - 415 \pm 27$,

слой XIII — 390 ± 50 и 302 ± 27 , слой XII — 324 ± 31 , слой XI — 264 ± 28 , слой X — 267 ± 22 , слой IX — 256 ± 26 тыс. л.н.; для Табун C: нижний слой I — 165 ± 16 (TL) и $120 \pm 16/140 \pm 21$ (ESR EU/LU), верхний слой I — 102 ± 17 ; 122 ± 16 (ESR EU/LU) [Mercier et al., 2000; Mercier, Valladas, 2003; Rink et al., 2004; Shea, 2007]. Для амудийских культуросодержащих слоев в пещере Кесем получены даты 400—220 тыс. л.н. [Barkai et al., 2003; Gopher et al., 2010; Mercier et al., 2013].

Таким образом, формирование ашело-ябрудийской индустрии в Леванте началось ок. 400 тыс. л.н. и продолжалось до среднего палеолита (260–250 тыс. л.н.). Даты ашело-ябрудийской индустрии, представленной на территории Сирии, также, видимо, необходимо пересмотреть: судя по технико-типологическим характеристикам, она должна относиться к этому же хронологическому интервалу.

Не только в пещере Кесем, где пластинчатые сколы служили в основном заготовками для изготовления орудий, но и на других местонахождениях с амудийской индустрией орудия на пластинах преобладали над орудиями, изготовленными на отщепах. Так, в пещере Табун на уч. XI более половины пластин имеют следы обработки ретушью [Монигал, 2001]. Материалы, обнаруженные на этом участке, свидетельствуют о том, что наряду с системой расщепления для получения пластин здесь использовалась нелеваллуазская система расщепления для получения отщепов, характерная для ашело-ябрудийской индустрии, которая прослежена в подстилающем амудийскую индустрию культуросодержащем горизонте и перекрывающем его слое. Особенностью амудийской индустрии является постепенное увеличение в культуросодержащих слоях количества пластин и изготовленных из них орудий, а также постепенное снижение количества отщепов, используемых в качестве заготовок [Jelinek, 1990].

В материалах заключительного этапа нижнего палеолита Леванта некоторые исследователи выделяют хуммалийскую индустрию, местонахождения которой известны в основном на территории Сирии. Индустрия связана с массовым получением пластин, служивших заготовками для изготовления орудий. Индекс пластин на некоторых местонахождениях достигает 80. Отщепы на этих местонахождениях представлены в основном дебитажем [Meignen, 1994]. Пластины, скалываемые с призматических нуклеусов однонаправленными ударами, были довольно узкие, массивные, правильной формы с параллельными краями, длиной ок. 10 см.

При характеристике пластинчатой индустрии развитого и позднего ашеля Леванта следует отметить, что пластинчатое расщепление на многослойных местонахождениях было связано в основном с эксплуатацией леваллуазского, подпризматического, при-

зматического, пирамидального нуклеусов. Согласно материалам многослойных памятников, пластинчатое расщепление не всегда доминировало над отщепным: в культуросодержащих горизонтах от нижних к верхним зачастую прослеживается своеобразное чередование — преобладание то одних проявлений, то других.

Дискуссия

В ходе изучения пластинчатых индустрий позднего ашеля Леванта в самом нижнем культуросодержащем слое G в пещере Табун было обнаружено небольшое количество укороченно пирамидальных нуклеусов для снятия пластин и пластинчатых отщепов. Признаки пластинчатого и леваллуазского расщепления прослежены в вышележащем слое Табун F, хотя А. Елинек считал, что в индустрии нижних слоев пещеры леваллуазское расщепление получило очень слабое отражение [Jelinek, 1975].

С нашей точки зрения, материалы ашельских местонахождений позволяют утверждать, что пластинчатое и леваллуазское расщепление играло не ведущую, но важную роль в получении заготовок для изготовления орудий в индустрии древних популяций Леванта. На ашело-ябрудийском этапе в финальном ашеле значение пластинчатых технологий значительно возрастает. И с этим связано появление уже в раннем палеолите нуклеусов, подготовленных для последующего получения заготовок. Среди них необходимо выделить четыре типологические группы: унифасиальные, радиальные, комбева и леваллуазские для получения отщепов. Строго говоря, они были достаточно близки по технологии изготовления от этапа первичного оформления заготовки и до скалывания с них отщепов. Поэтому можно бесконечно дискутировать о том, где впервые появляется тот или иной тип нуклеусов, каким образом и когда он появляется в других районах Евразии.

На территории Леванта известны стоянки намного древнее местонахождения Гешер Бенот Яаков, по материалам которых прослеживаются элементы пластинчатого расщепления. Индустрия стоянки Еврон, расположенной к северо-востоку от г. Хайфы в Верхней Галилее, не содержит бифасов, но свидетельствует о применении в первичном расщеплении методов пластинчатой технологии [Ronen, 1991; Ronen et al., 1980]. Среди нуклеусов имеются дисковидные формы и один многоплощадочный нуклеус с негативами сколов отщепов и пластинчатых отщепов. В числе орудий выделен поперечный скребок подтреугольной формы, изготовленный на пластинчатом отщепе, и ретушированный пластинчатый отщеп. А. Ронен полагает, что возраст стоянки более 2 млн лет [Ronen, 1991, p. 161].

Более ярко выраженная пластинчатая индустрия выявлена на стоянке Хуммаль в центральной части Сирии, между бассейном Евфрата и пустыней, протянувшейся от Пальмиры до Дэйр-эз-Зор [Le Tensorer et al., 2011]. В нижней части стратиграфической последовательности в горизонтах 17 и 18 найдены 195 артефактов. Среди них - два нуклеуса подпризматического типа. Один из них имеет две рабочие плоскости, с которых скалывали пластинчатые отщепы [Ibid., fig. 20]. На третьей плоскости с двух концов сколоты небольшие отщепы, вероятно, чтобы подправить ударную площадку. Если это так, то данный нуклеус можно отнести к ядрищам леваллуазского типа. Как считают исследователи, в дальнейшем он был модифицирован в чоппинг. У второго подпризматического нуклеуса имеются негативы разнонаправленных снятий [Ibid., fig. 21]. Еще один нуклеус выполнен на крупном отщепе. С него был снят отщеп псевдолеваллуазского типа [Ibid., p. 259]. Вызывает интерес то, как на этой стоянке оформлялись чопперы. Лезвие одного из них оформлено на округлом желваке посредством двух крупных снятий на одном конце с одной стороны и трех – с другой [Ibid., fig. 11]. Два чоппинга исследователи рассматривают как бифасиальные нуклеусы со следами однонаправленных снятий [Ibid., fig. 13]. С нашей точки зрения, изделие такого типа можно отнести к псевдолеваллуазским или прелеваллуазским. Палеомагнитными исследованиями в нижних горизонтах стоянки определены хронозоны Матуяма. По мнению специалистов, местонахождение должно датироваться как минимум 1 млн л.н. [Ibid., p. 265].

Приведенные примеры показывают, что древние мастера на территории Леванта могли перейти к пластинчатому и леваллуазскому расщеплению раньше, чем обитатели стоянки Гешер Бенот Яаков.

В развитии технологии расщепления нельзя исключать возможности конвергентного появления одинаковых или близких технологических схем окончательного оформления нуклеуса для дальнейшего скалывания с него заготовок. В пользу этого свидетельствуют данные о том, что леваллуазское расщепление в эпоху палеолита на протяжении нескольких сотен тысяч лет использовалось на значительной территории в Африке и Евразии, за исключением Восточной и Юго-Восточной Азии. Радиальное расщепление в отличие от леваллуазского применялось человеком более продолжительное время – от раннего палеолита до неолита – на более обширной территории. Причем и радиальная, и леваллуазская технологии то появлялись, то исчезали на одной и той же территории, и это было связано не с приходом на нее новой популяции людей, а со сменой адаптационных стратегий, зачастую обусловленной изменением экологических условий. Такая же закономерность прослежена в развитии пластинчатого расщепления. Разнообразные типологические наборы каменных изделий со стоянки в пещере Табун и других ябрудийских местонахождений свидетельствуют о том, что на территории Леванта в раннем палеолите происходило чередование различных технологий первичного расщепления. Нет оснований объяснять различие ашело-ябрудийских индустрий в этом регионе сменой населения. С нашей точки зрения, на территории Леванта 400—200 тыс. л.н. расселялась одна и та же популяция людей.

Очень важной проблемой является определение истоков пластинчатой индустрии на территории Леванта. Единственный регион, откуда могла происходить инфильтрация людей с пластинчатой индустрией во второй половине ашеля, - Восточная Африка. Эту проблему мы уже затрагивали в одной из статей [Деревянко, 2015а]. Наиболее раннее проявление рассматриваемой индустрии в Восточной Африке зафиксировано в Кении в формации Каптурин, в культуросодержащих слоях, датируемых 545 ± 3 и 509 ± 9 тыс. л.н. [Tryon, McBrearty, 2002, 2006]. В Южной Африке наиболее ранняя пластинчатая индустрия обнаружена в материалах форсмит на местонахождении Кату Пан 1, в культуросодержащем слое, датированном методами: ОСЛ – 464 ± 47 тыс. л.н., ЭПР – $542 \pm 140/107$ тыс. л.н. [Porat et al., 2010]. Появление пластинчатой индустрии в Африке и на Ближнем Востоке, возможно, разделяет небольшой период, но связывать ее истоки с одним из указанных регионов нет никаких оснований, потому что их технокомплексы технологически и типологически существенно отличаются друг от друга. С нашей точки зрения, пластинчатое расщепление на каждой территории появилось, скорее всего, независимо, в результате технологической конвергенции.

Заключение

- 1. Ближний Восток в силу его географического положения в течение всего голоцена периодически связывал Африку с Евразией. Особенно важную роль играла территория Леванта как транзитная между Африкой и Евразией: по ней постоянно могли мигрировать люди и животные в двух направлениях.
- 2. На территории Леванта уже в ашеле появляется пластинчатое расщепление. Слой G в пещере Табун содержит небольшое количество укороченных пирамидальных нуклеусов для снятия пластин и пластинчатых отщепов.
- 3. На местонахождении Гешер Бенот Яаков, которое относится ко времени, соответствующем МИС 18–20, появилась, видимо, древнейшая в мире леваллуазская (протолеваллуазская) система первичного расщепления, связанная со скалыванием с нукле-

уса леваллуазского отщепа. Индустрия Гешер Бенот Яаков формировалась на более древней автохтонной основе с небольшим влиянием восточно-африканской индустрии, которая появилась в Леванте с новым таксоном — *H. heidelbergensis*.

- 4. На ашело-ябрудийском этапе позднего ашеля пластинчатое расщепление становится одним из основных в технологии, ориентированной на получение заготовок для изготовления орудий. Особенно большую роль оно играет в доориньякской, амудийской и хуммалийской индустриях, относящихся ориентировочно к интервалу 400–250 тыс. л.н.
- 5. Индустрии финала раннего палеолита Леванта формируются на основе более древней ашельской индустрии. Об этом свидетельствуют материалы многослойных хорошо стратифицированных стоянок пещерных и открытого типа в Леванте. Так, согласно находкам из горизонта XI в пещере Табун, система первичного расщепления в амудийской индустрии сосуществовала со способами, которые позволяли получать отщепы и орудия, типичные для ашело-ябрудийского комплекса из подстилающего горизонта [Монигал, 2001].
- 6. Популяции, населявшие в среднем плейстоцене территорию Леванта, сыграли большую роль в формировании технологии пластинчатого расщепления в различных вариантах и ее распространении в других регионах Евразии, в т.ч. в Южной Сибири.

Список литературы

Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. – М.: Наука, 2006. - 692 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. -2001. -№ 3. -C. 70–103.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. -2005а. -№ 2. - C. 22–36.

Деревянко А.П. К вопросу о формировании пластинчатой индустрии и микроиндустрии на востоке Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. -20056. -№ 4. -C. 2-29.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009а. – 232 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования Homo sapiens в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. – 328 с.

Деревянко А.П. Пластинчатая и микропластинчатая индустрии в Северной, Восточной и Центральной Азии. Возникновение пластинчатой индустрии в Африке и на Ближнем Востоке и распространение ее на восток Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. -2015a. -№ 2. -C. 3–22.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т 1: Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015б. — 611 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е.В., Ривс Р., Зенин А.Н., Кривошалкин А.И., Гунчинсурэн Б., Цэрэндагва Я. Исследования палеолита в Южной Гоби совместной Российско-монгольско-американской экспедицией // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Ноябрь 1995 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. — С. 40—42.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Ривс Р.У., Девяткин Е.В., Мыльников В.П. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1995 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Исследование пещерного комплекса Цаган Агуй на южном фасе Гобийского Алтая в Монголии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 80 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Динамика эволюционных изменений каменной индустрии многослойной стоянки Кара-Бом // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. — С. 173—204.

Кривошапкин А.И., Брантингхэм П.Д., Колобова К.А. Значение и качество каменного сырья при использовании формализованных стратегий расшепления в палеолите Северо-Восточной Азии // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. — 2011. — № 3. — С. 3—6.

Лаухин С.А., Ронен А., Ранов В.А., Поспелова Г.А., Бурдукевич Я.М., Шаронова З.В., Волгина В.А., Куликов О.А., Власов В.К., Цацкин А. Новые данные о геохронологии палеолита Южного Леванта (Ближний Восток) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. -2000. - Т. 8, № 5. - С. 82-95.

Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка *Ното erectus* в пещере Кударо I (Центральный Кавказ). – СПб.: Петербург. востоковедение, 2004. – 269 с.

Монигал К. Пластинчатые индустрии нижнего, среднего и начала верхнего палеолита в Леванте // Археология, этнография и антропология Евразии. -2001. - № 1. - C. 11-24.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 447 с.

Barkai R., Gopher A., Lauritzen S.E., Frumkin A. Uranium series dates from Qesem Cave, Israel, and the end of the Lower Palaeolithic // Nature. – 2003. – Vol. 423. – P 977–979

Barkai R., Gopher A., Shimelmitz R. Middle Pleistocene blade production in the Levant: an Amudian assemblage from Qesem Cave, Israel // Eurasian Prehistory. – 2005. – Vol. 3. – P. 39–74.

Barkai R., Lemorini C., Gopher A. Palaeolithic cutlury 400.000–200.000 years ago: tiny meat-cutting tools from Qesem Cave, Israel // Antiquity. – 2010. – Vol. 84, iss. 325. – URL: http:// antiquity.as.uk/projgall/barkai325/

Barkai R., Lemorini C., Shimelmitz R., Lev Z., Stiner M.C., Gopher A. A blade for all seasons? Making and using Amudian blades at Qesem Cave, Israel // J. of Human Evol. – 2009. – Vol. 24. – P. 57–75.

Bar-Yosef O. Geochronology of the Levantine Middle Paleolithic // The Human Revolution: Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1989. – P. 589–610.

Bar-Yosef O. The Low and Middle Paleolithic in the Mediterranean Levant: Chronology and Cultural Entities // Man and Environment in the Paleolithic. – Liège: Univ. de Liège, 1995. – P. 247–263. – (Etudes et recherches Archéol. de L'Univ. de Liége; N 62).

Boëda É. Levallois: a volumetric construction, methods, a technique // The Difinition and Interpretation of Levallois Technology / eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 41–68. – (Monogr. in World archaeol.; N 23).

Boëda E., Geneste J.-M., Meignen L. Identification de chaînes opératoires lithiques du Paléolithique ancien et moyen // Paléo. – 1990. – N 2. – P. 43–79.

Bordes F. Le Paleolithique inferieur et moen de Jabrud (Syrie) et la question du pre-Aurignacien // L'Anthropologie. – 1955. – Vol. 59 (5/6). – P. 486–507.

Bräuer G. Origin of modern humans / eds. W. Henke, I. Tattersall // Handbook of paleoanthropology. – B.: Springer, 2007. – Vol. III: Phylogeny of hominids. – P. 1749–1779.

Bräuer G. Middle Pleistocene Diversity in Africa and the Origin of Modern Humans // Modern Origins: A North African Perspective / eds. J.-J. Hublin, S.P. McPherron. – N. Y.: Springer, 2012. – P. 221–240. – (Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology Ser.).

Brown F.H., Gathogo P.N. Stratigraphic relation between Lokalalei 1A and Lokalalei 2C, Pliocene Archaeological sites in West Turkana, Kenya // Archaeol. Sci. – 2002. – Vol. 29. – P 699–702

Copeland L. Forty-Six Emireh Points From the Lebanon in the Context of the Middle to Upper Paleolithic Transition in the Levant // Paléorient. – 2000. – Vol. 26 (1). – P. 73–92.

DeBono H., Goren-Inbar N. Note on a link Between Acheulian handaxes and the Levallois method // J. Israel Prehistoric soc. – 2001. – Vol. 31. – P. 9–23.

Delagnes A., Roche H. Late Pliocene hominid knapping skills: the case of Lokalalei 2C, West Turkana, Kenya // J. of Human Evol. – 2005. – Vol. 48 (5). – P. 435–472.

Feibel C.S. Quaternary lake margins of the Levant Rift Valley // Human Paleoecology in the Levantine Corridor. – Oxford: Oxbow Books, 2004. – P. 21–36.

Gopher A., Ayalon A., Bar-Matthews M., Barkai R., Frumkin A., Karkanas P., Shahck-Grose R. The chronology of the late Lower Paleolithic in the Levant: U-series dates of speleothems Middle Pleistocene Qesem Cave, Israel // Quaternary Geochronology. – 2010. – Vol. 5. – P. 644–656.

Gopher A., Barkai R., Shimelmitz R., Khalaly M., Lemorini C., Hershkovitz I., Stiner R. Qesem Cave an Amudian site in Central Israel // J. Israel Prehistoric Soc. – 2005. – Vol. 35. – P. 69–92.

Goren-Inbar N. The Lithic assemblage of the Berekhat Ram Acheulian site, Golan Heights // Paléorient. – 1985. – Vol. 11, N 1. – P. 7–28.

Goren-Inbar N. The Acheulian site of Gesher Benot Ya'aqov: An African or Asian entity? // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. – Tokyo: Hokusen-sha, Publ. Co, 1992. – P. 67–82.

Goren-Inbar N. The Lower Palaeolithic of Israel // The Archaeology of Society in the Holy Land / ed. T.E. Levy. – L.: Leicester Univ. Press, 1995. – P. 93–109.

Goren-Inbar N. Culture and cognition in the Acheulian industry – a case study from Gesher Benot Ya'aqov // Phil. Trans. R. Soc. Biol. Sci. – 2011a. – Vol. 366. – P. 1038–1049.

Goren-Inbar N. Behavioral and Cultural Origins of Neanderthals: A Levantine Perspective. Ch. 8 // Continuity and Discontinuity in the Peopling of Europe: One Hundred Fifty Years of Neanderthal Study / eds. S. Condemi, M. Weniger. – B.: Springer Sci. Business Media B.V., 2011b. – P. 89–100. – (Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology ser.).

Goren-Inbar N., Alperson-Afil N., Kislev M.E., Simchoni O., Melamed Y., Ben-Nun A., Werker E. Evidence of hominin control of fire at Gesher Benot Ya'aqov, Israel // Science. – 2004. – Vol. 304. – P. 725–727.

Goren-Inbar N., Belitzky S. Structural position of the Pleistocene Gesher Benot Ya'aqov site in the Dead Sea Rift Zone // Quaternary Res. – 1989. – Vol. 31. – P. 371–376.

Goren-Inbar N., Feibel C.S., Verosub K.L., Melamed Y., Kislev M.E., Tchernov E., Saragusti I. Pleistocene milestones on the out-of-Africa corridor at Gesher Benot Ya'aqov, Israel // Science. – 2000. – Vol. 289. – P. 944–974.

Goren-Inbar N., Grosman L., Sharon G. The technology and significance of the Acheulian giant cores of Gesher Benot Ya'aqov, Israel // J. of Archaeol. Sci. – 2011. – Vol. 38, N 8. – P. 1901–1917.

Goren-Inbar N., Lister A., Werker E., Chech M. A butchered elephant skull and associated artifacts from the Acheulian site of Gesher Benot Ya'aqov, Israel // Paléorient. – 1994. – Vol. 20, N 1. – P. 99–112.

Goren-Inbar N., Saragusti I. An Acheulian biface assemblage from Gesher Benot Ya'aqov, Israel: Indication of African affinities // J. of Field Archaeol. – 1996. – N 23. – P. 15–30.

Goren-Inbar N., Sharon G. Invisible handaxes and visible Acheulian biface technology at Gesher Benot Ya'aqov, Israel // Axe Age: Acheulian Tool-Making from Quarry to Discard Equinox. – L.: Equinox, 2006. – P. 111–135.

Goren-Inbar N., Sharon G., Alperson-Afil N., Laschiver I. The Acheulian massive scrapers of Gesher Benot Ya'aqov — a product of the biface chaine opératoire // J. of Human Evol. — 2008. — Vol. 55. — P. 702—712.

Howell F.C., Clark J.D. Acheulian hunter-gatherers in sub-Saharan Africa // African ecology and human evolution / eds. F.C. Howell, F. Bourlier. – Chicago: Aldine, 1963. – P. 458–533.

Hublin J.-J. Nortwestern African Middle Pleistocene hominids and their bearing on the emergence of Homo sapiens // Barham L., Robson-Brown K. Human roots Africa and Asia in the Middle Pleistocene. – Bristol: Western Academic and Specialist Press, 2001. – P. 99–121.

Hublin J.-J. Out of Africa: modern human origins special feature: the origin of Neanderthals // Proc. of the Nat. Acad. of Sci. of the USA. – 2009. – Vol. 106. – P. 16022–16027.

- **Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J.** Technology and Terminology of Knapped Stone. Nanterre: Cercle de Recherches et d'Études Préhistoriques, 1999. T. 5: Préhistoire de la Pierre Taillée. 191 p.
- **Jagher R.** Nadaouiyeh Aïn Askar: Un nouveau site Hummalien dans lebassin d'El Kowm (Syrie) // Cahiers de l'Euphrate. 1993. N 7. P. 37–46.
- **Jelinek A.J.** A preliminary report on some Lower and Middle Paleolithic industries from the Tabun Cave (Mount Carmel), Israel // Problems in Prehistory: North Africa and the Levant / eds. R. Wendorf, A.E. Marks. Dallas: SMU Press, 1975. P. 297–315.
- **Jelinek A.J.** The Middle Palaeolithic in the Southern Levant from the Perspective of the Tabun Cave // Préhistoire du Levant. P.: CNRS Press, 1981. P. 265–280.
- **Jelinek A.J.** The Middle Palaeolithic in the Southern Levant, with Comments on the Appearance of Modern *Homo Sapiens* // The Transitions from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man / ed. A. Ronen. Oxford: BAR, 1982. P. 57–104. (BAR Intern. Ser.; N 151).
- **Jelinek A.J.** The Amudian in the context of the Mugharan tradition at the Tabun cave (Mount Carmel), Israel // The Emergence of Modern Humans / ed. P. Mellars. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1990. P. 81–90.
- **Jelinek A.J.** Problems in the chronology of the Middle Paleolithic and the first appearance of early modern *Homo sapiens* in Southwest Asia // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. Tokyo: Hokusen-sha, 1992. P. 253–275.
- Jelinek A.J., Farrand W.R., Haas G., Horowitz A., Goldberg P. New excavation the Tabun cave, Mount Carmel, Israel, 1967–1972: a preliminary report // Paléorient. 1973. Vol. 1. P. 151–183.
- **Johnson C.R., Brearty S.C.** 500 000 year old blades from the Kapthurin Formation, Kenya // J. of Human Evol. 2010. Vol. 58, N 2. P. 193–200.
- **Kibunjia M.** Pliocene archaeological occurences in the Lake Turkana basin, Kenya // H. of Human Evol. 1994. Vol. 27. P. 157–171.
- **Kleindienst M.R.** Variability within the late Acheulian assemblage in Eastern Africa // South African Archaeol. Bull. 1961. Vol. 16. P. 35–52.
- **Kuman K.** An Acheulian site with prepared core technology near Taung, South Africa // South African Archaeol. Bull. 2001. Vol. 56. P. 8–22.
- **Lemorini C., Gopher A., Shimelmitz R., Stiner R., Barkai R.** Use-wear analysis of an Amudian laminar assemblage from Acheuleo-Yabrudian Qesem Cave, Israel // J. Archaeol. Sci. 2006. Vol. 33. P. 921–934.
- Le Tensorer J.-M., Falkenstein V., Le Tensorer H., Shmidt P., Muhesen S. Etude préliminaire des industries archaques de faciés Oldowayen du site de Hummal (Es Kown, Syrie Centrale) // L`Anthropologie. 2011. Vol. 115. P. 247–266.
- **Madsen B., Goren-Inbar N.** Acheulian giant core technology and beyond: an archaeological and experimental case study // Eurasian Prehist. 2004. N 2. P. 3–52.
- **Meignen L.** Le Paléolithique moyen au Proche-Orient: Le phénoméne laminaire // Les Industries Laminaires au Paléolithique Moyen / eds. S. Révillion, A. Tuffreau. – P.: CNRS, 1994. – P. 125–159.

- **Mercier N., Valladas H.** Reassessment of TL age estimates of burnt flints from the Paleolithic site of Tabun Cave, Israel // J. of Human Evol. 2003. Vol. 45, N 5. P. 401–409.
- Mercier N., Valladas H., Falguères Ch., Qingfeng Sh., Gopher A., Barkai R., Bahain J.-J., Vialettes L., Joron J.-L., Reyss J.-L. New datings of Amudian layers at Qesem Cave (Israel): results of TL applied to burnt ints and ESR/U-series to teeth // J. Archaeol. Sci. 2013. Vol. 40. P. 3011–3020.
- Mercier N., Valladas H., Froget L., Joron J.-L., Ronen A. Datation parla thermoluminescence de la base du gisement paleolithique de Tabun (Mont Carmel, Israel). [S. l.]: C. R. Acad. des Sci., 2000. Vol. 330. P. 731–738.
- Mercier N., Valladas H., Valladas G., Reyss J.-L., Jelinek A., Meignen L., Joron J.-L. TL-dates of burnt flints from Jelinek's excavations at Tabun and their implications // J. of Archaeol. Sci. 1995. Vol. 22. P. 495–509.
- Porat N., Chazan M., Grün R., Aubert M., Eisenmann V., Horwitz L.K. New radiometric ages for the Fauresmith industry from Kathu Pan, Southern Africa: Implications for the Earlier to Middle Stone Age transition // J. of Archaeol. Sci. 2010. Vol. 37, N 2. P. 269–283.
- **Rightmire G.P.** Human evolution in the Middle Pleistocene: the role of *Homo heidelbergensis* Evolutionary // Anthropology. 1998. Vol. 6. P. 218–227.
- Rink W.J., Schwarcz H.P., Ronen A., Tsatskin A. Confirmation of a near 400 ka age for the Yabrudian industry at Tabun Cave, Israel // J. of Archaeol. Sci. 2004. Vol. 31. P. 15–20
- Roche H., Delagnes A., Brugal J.-P., Feibel C., Kibunjia M., Mourre V., Texier P.-J. Early hominid stone tool production and technical skill 2.34 Myr ago in West Turkana, Kenya // Nature. 1999. Vol. 399. P. 57–60.
- Ronen A. The Yiron-Gravel lithic assemblage artefacts older than 2,4 My in Israel // Archaeologisches Korrespondenzbl. 1991. Bd. 21. S. 159–164.
- **Ronen A.** The emergence of blade technology: Cultural affinities // The Evolution and Dispersal of Modern Human in Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. Tokyo: Hokusen-Sha, 1992. P. 217–228.
- **Ronen A., Gisis I., Safadi A.** Tabun-Mapolet, an Acheulo-Yabrudian lithic assemblage from Garrod's layer Ed, Ec // Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie. 2003. Bd. 57. S. 477–494.
- **Ronen A., Gisis I., Tchernikov I.** The Mugharan Tradition Reconsidered // Etudes et Recherches Archéol. de l'Univ. de Liège. 2011. N 999. P. 1–8.
- Ronen A., Inbar M., Klein M., Brunnaker K. Artefact-bearing gravels beneath the Yiron basalt // Israel J. Earth Sci. 1980. Vol. 29. P. 221–226.
- **Rust A.** Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). Neumünster: Karl Wachholtz Verl., 1950. 154 S.
- **Schwarcz J.H., Rink W.J.** Progress in ESP and U-Series Chronology of the Levantine Paleolithic // Neanderthal and Modern Humans in Western Asia. N. Y.: Plenum Press, 1998. P. 57–68.
- **Semaw S.** The Word's Oldest stone artefacts from Gona, Ethiopia. Their Implications for Understanding Stone Technology and Patterns of Human Evolution between 2,6–1,5 milion-years age // J. of Archaeol. Sci. 2000. N 27. P. 1197–1214.

Semaw S., Rogers M.I., Quade J., Renne P.R., Butler R.F., Dominquez-Rodrigo M., Stout D., Hart W.S., Pickering T., Simpson S.W. 2.6-million-year-old stone tools and associated bones from OGS-6 and OGS-7, Gona, Afar, Ethiopia // J. Human Evol. – 2003. – Vol. 45, N 2. – P. 169–177.

Sharon G. Acheulian Large Flake Industries. Technology, Chronology and Significance. – Oxford: Archaeopress, 2007. – 236 p. – (BAR Intern. Ser.; N 1701).

Sharon G., Alperson-Afil N., Goren-Inbar N. Cultural conservatism and variability in the Acheulian sequence of Gesher Benot Ya'aqov // J. of Human Evol. – 2011. – Vol. 60, N 4. – P. 387–397.

Sharon G., Beaumont P. Victoria West: a highly standardized prepared core technology // Axe Age. Acheulian Tool-Making from Quarry to Discard. – L.: Oakville, 2006. – P. 181–199.

Sharon G., Goren-Inbar N. Soft percursor use at the Gesher Benot Ya'aqov Acheulian site? // Isr. Prehist. Soc. – 1999. – Vol. 28. – P. 55–79.

Shea J. Behavioral differences between Middle and Upper Paleolithic *Homo sapiens* in the East Mediterranean Levant // J. of Anthropol. Res. – 2007. – Vol. 63. – P. 446–488.

Shimelmitz R. The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel // Quaternary Intern. – 2015. – Vol. 361. – P. 34–45.

Shimelmitz R., Barkai R., Gopher A. Systematic blade production at late Lower Paleolithic (400–200 kyr) Qesem Cave, Israel // J. of Human Evol. – 2011. – Vol. 61. – P. 458–479.

Shimelmitz R., Khun S.L., Ronen A., Weinstein-Evron M. Predetermined Flake Production at the Lower/Middle Paleolithic Boundary: Yabrudian Scraper-Blank Technology // PLoS ONE. – 2014. – Vol. 9, iss. 9. – URL: http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0106293

Solecki R.S. The Shamsi: Industry, a Tayacian related industry at Yabroud Syria // La Préhistoire: problèmes et tendances / ed. F. Bordes. – P.: Ed. du Centre Nat. de la Recherche Scientifique, 1968. – P. 401–411.

Stout D., Semaw S., Rogers M., Cauche D. Technological variation in the earliest Oldowan from Gona, Afar, Ethiopia // J. of Human Evol. – 2010. – Vol. 58 (6). – P. 474–491.

The Stone Age of Mount Carmel / eds. D.A.E. Garrod, D.M.A. Bate. – Oxford: Clarendon Press, UK, 1937. – Vol. 1: Excavations at the Wady el-Mughara. – P. 137–240.

Tryon C.A., McBrearty S. Tephrostratigraphy and the Acheulian to Middle Stone Age transition in the Kapthurin Formation, Baringo, Kenya // J. of Human Evol. – 2002. – Vol. 42, N 1/2. – P. 211–235.

Tryon C.A., McBrearty S. Tephrostratigraphy of the Bedded tuff member (Kapthurin formation, Kenya) and the nature of archaeological change in the later middle Pleistocene // Quaternary Research. – 2006. – Vol. 6. – P. 492–507.

Tuffreau A., Lamotte A., Marcy J.-L. Land-use and site function in Acheulian complexes of the Somme Valley // World Archaeol. – 1997. – Vol. 29 (2). – P. 225–241.

Vishnyatsky L.B. The Pre-Aurignacian and Amudian as Intra-Yabrudian-episode // Toward Modern Humans: The Yabrudian and Micoquian, 400–50 k-years ago. Proc. of a congr. held at the Univ. of Haifa, nov. 3–9, 1996 / eds. A. Ronen, M. Weinstein-Evron. – [S. 1.], 2000. – P. 145–151. – (BAR Intern. Ser.; N 850).

White M., Scott B., Ashton N. The Early Middle Palaeolithic in Britain. Archaeology, settlement history and human behavioral // J. of Quaternary Sci. – 2006. – Vol. 21 (5). – P. 525–541.

Zviely D., Ronen A. Garrod's spring in Tabun Cave, Mt. Carm. 1 (Israel): 70 years later // Contemporary Israeli Geography (Special Iss. of Horizons in Geography). – Haifa: Univ. of Haifa, 2004. – Vol. 60/61. – P. 247–254.

Материал поступил в редколлегию 02.02.16 г.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.027-038 УДК 903

С. Шидранг¹, Ф. Биглари², Ж.-Г. Борд¹, Ж. Жобер¹

¹Университет Бордо, Франция

Université de Bordeaux, Bâtiment B8, Allée Geoffroy Saint Hilaire, CS 50023, 33615 PESSAC CEDEX, France E-mail: sshidrang@gmail.com; jg.bordes@pacea.u-bordeaux1.fr; j.jaubert@pacea.u-bordeaux1.fr ²Национальный музей Ирана, Иран National Museum of Iran, 30 Tir St., Emam Khomaini Ave., Tehran, Iran

titonal Museum of Iran, 50 Hr St., Emam Knomaint Ave., 1ehran, Iran E-mail: fbiglari@gmail.com

ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗАГРОСА: ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ ПЕЩЕРЫ ГХАР-Е-КХАР, БИСОТУН, ИРАН

В статье представлен технико-типологический анализ каменного комплекса, открытого в 1965 г. в пещере Кхар – одной из немногих палеолитических стоянок в горной области на западе Ирана в Загросе, где прослежены стратифицированные отложения, содержащие последовательно залегавшие культурные остатки периодов МИС 2 и МИС 3. Исследование опирается на технико-типологические характеристики артефактов из обеих частей коллекции стоянки в пещере Кхар, которые хранятся в Национальном музее Ирана и Университете Монреаля и ранее не получили должного освещения, особенно с точки зрения технологии. Обсуждаются проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Загросе, технологические характеристики индустрий барадоста/загросского ориньяка и возможность эволюции традиций от позднего барадоста к раннему зарзи. Анализ коллекции, несмотря на ее малочисленность, позволяет выявить преемственность в стратегиях редукции нуклеусов и методах изготовления орудий в пещере Кхар от позднего этапа среднего палеолита до эпипалеолита. Однако на основании имеющихся данных сделан вывод о том, что технологических свидетельств для подтверждения гипотезы о преемственности между традициями среднего и верхнего палеолита в Загросе недостаточно, подтвердить или исключить возможность постепенного перехода в этом регионе невозможно.

Ключевые слова: *переход от среднего к верхнему палеолиту, мустье Загроса, барадост, ориньяк Загроса, зарзи, центральный Загрос.*

S. Shidrang¹, F. Biglari ², J.-G. Bordes¹, and J. Jaubert¹

Bâtiment B8, Allée Geoffroy Saint Hilaire, CS 50023,
33615 PESSAC CEDEX, France
E-mail: sshidrang@gmail.com; jg.bordes@pacea.u-bordeaux1.fr; j.jaubert@pacea.u-bordeaux1.fr
2National Museum of Iran,
30 Tir St., Emam Khomaini Ave., Tehran, Iran
E-mail: fbiglari@gmail.com

CONTINUITY AND CHANGE IN THE LATE PLEISTOCENE LITHIC INDUSTRIES OF THE CENTRAL ZAGROS: A TYPO-TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF LITHIC ASSEMBLAGES FROM GHAR-E KHAR CAVE, BISOTUN, IRAN

The paper presents a typo-technological analysis of the lithic assemblages from the 1965 excavation of Khar cave in mountainous region of Central Zagros, Iran. Khar cave is one of the rare excavated Paleolithic sites in Zagros region with a stratified sequence encompassing archaeological materials from both MIS 2 and MIS 3. The research is based on typo-technological characteristics of artifacts from the both parts of the Khar cave lithic assemblage, which are stored in the National Museum of Iran and in the Montreal University and have not been properly studied in terms of technology. The paper addresses the issue of Middle to Upper

Paleolithic transition in Zagros, technological characteristics of Baradostian/Zagros Aurignacian industries, and the possibility of industrial evolution from the late Baradostian to the early Zarzian. Despite the small size of the assemblage, the analysis illustrates a sequence of changes and continuity in core reduction strategies and tools production in Khar cave, beginning from Late Middle Paleolithic to Epipaleolithic. However based on the current state of data, the paper reaches a conclusion that our technological data supporting the hypothesis of Middle to Upper Paleolithic continuity in Zagros are insufficient and we can neither confirm nor reject the possibility of a gradual transition in this region.

Keywords: MP-UP Transition, Zagros Mousterian, Baradostian, Zagros Aurignacian, Zarzian, Central Zagros.

Введение

В период ок. 50–35 тыс. л.н. каменные индустрии Европы и Юго-Западной Азии претерпели значительные изменения: на смену леваллуазским техникам в результате замещения или постепенной трансформации пришли методы, ориентированные в основном на получение пластин. Эти перемены в каменной технологии, или, в более широком смысле, в человеческом поведении связаны с проблемой окончательного замещения неандертальцев людьми современного антропологического типа - одной из фундаментальных проблем палеолитической археологии и палеоантропологии. До сих пор неясно, где и как начался данный процесс на базе диффузии из одного предкового региона или адаптации на местной основе в нескольких регионах. Ключевыми территориями являются Восточная Африка и Юго-Западная Азия, в частности Левант, именно здесь представлены наиболее хорошо изученные материалы по этой проблеме. Возможность сопоставления и воссоздания цельной картины человеческой эволюции в рассматриваемый период дают материалы Леванта – региона, который всегда вызывал интерес у специалистов, и других регионов Среднего Востока, таких как Иран [Shidrang, 2014]. В ходе исследований двух последних десятилетий в Загросе, горной области на западе Ирана, была получена важная информация, относящаяся к проблемам перехода от среднего к верхнему палеолиту, идентификации таких верхнепалеолитических общностей, как барадост и определения его взаимоотношений с ориньяком. В конце 1950 – начале 1960-х гг. исследователи сосредоточили внимание на проблеме смены среднего палеолита верхним в Загросе. Во время проведения раскопок важнейших палеолитических памятников этого региона специалисты не располагали убедительными свидетельствами преемственности между мустье и барадостом Загроса [Hole, Flannery, 1967; Hole, 1970; Smith, 1986]. Однако новое детальное изучение комплекса Варваси, предпринятое в 1990-е гг. Д. Ольшевски и Х. Дибблом, позволило сделать предположение о преемственности между этими общностями [Olszewski, Dibble, 1994, 2006; Olszewski, 2007a].

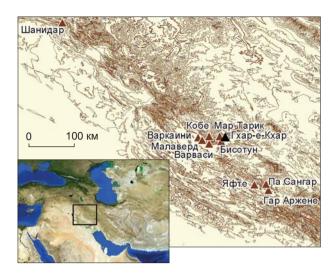
Коллекций из данного региона, объем которых позволяет проводить обоснованные корреляции с другими известными комплексами, не так много. К важнейшим раскопанным комплексам загросского мустье, барадоста и зарзи относились ассамбляжи из Варваси [Olszewski, 1993a, b; Olszewski, Dibble, 1994], слоя С Шанидара, расположенного в западных предгорьях Загроса [Solecki, 1958], Па Сангара [Hole, Flannery, 1967; Minzoni-Deroche, 1993], Гар Аржене [Hole, Flannery, 1967] и пещеры Яфте [Ibid.; Bordes, Shidrang, 2009; Jaubert et al., 2006; Otte, Biglari, Flas et al., 2007; Otte, Shidrang, Zwyns et al., 2011]. Accamбляж из Гхар-е-Кхар (далее – пещера Кхар) относится к тем редким комплексам, которые содержат культурные остатки, ассоциируемые с загросским средним палеолитом, верхним палеолитом и эпипалеолитом, но до сих пор не описанные в достаточной степени, особенно с технологической точки зрения. Цели данной статьи: во-первых, познакомить специалистов с технико-типологическими характеристиками этого малоизвестного комплекса, во-вторых, сопоставить комплекс стоянки в пещере Кхар с ассамбляжами других памятников палеолитических индустрий Загроса.

Географическое расположение исследуемых стоянок

Материалы нескольких стоянок в пещерах и под скальными навесами в межгорных долинах Керманшаха и Хорремабада на западе Центрального Загроса и некоторых стоянок в Южном Загросе являются основными источниками наших знаний о культурных процессах в палеолите во время позднего плейстоцена. Среди памятников на территории Загроса именно стоянки Керманшаха вызывают интерес у исследователей палеолита Ирана. В значительной степени на основе их материалов была реконструирована последовательность развития палеолита Загроса (рис. 1). Провинция Керманшах с ее высокогорными речными долинами с запада граничит с равнинами Месопотамии. На природные условия, близкие к средиземноморским, значительное влияние оказывают горный климат Загроса и речные долины, благодаря которым формируется несколько экологических ниш. В период, соответствующий КИС 3, в долине господствовал относительно сухой и прохладный климат [Van Zeist, Bottema, 1977; Kehl, 2009], но были надежные источники водоснабжения и, соответственно, животные и др. пищевые ресурсы плейстоценового

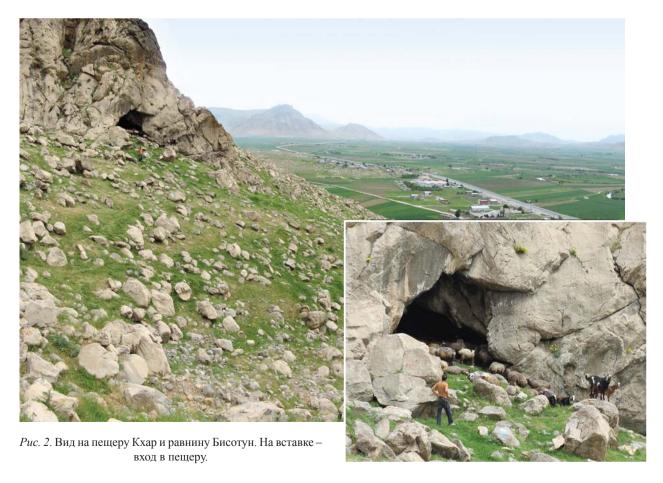
Рис. 1. Некоторые основные палеолитические стоянки в межгорных долинах Керманшаха и Хорремабада в Центральном Загросе.

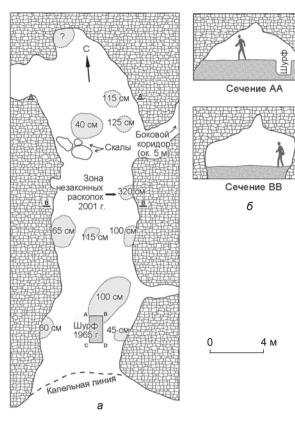
населения. Здесь имелись пещеры и много высококачественного каменного сырья. Благодаря этим характеристикам Керманшах является важным регионом для изучения поведенческих систем древних человеческих популяций. В Керманшахе находится значительное количество раскопанных палеолитических стоянок [Biglari, 2012]. В их числе - Кобе и Варваси на севере от современного г. Керманшаxa [Braidwood, Howe, 1960; Braidwood, Howe, Reed, 1961], Охотничья пещера, пещеры Кхар и Мар-Тарик на южных склонах массива Бисотун [Biglari, 2001; Coon, 1951; Jaubert et al., 2009; Young, Smith, 1966]. Материалы некоторых из этих стоянок, например, под скальным навесом Варваси, ранее уже интенсивно изучались [Holdaway, 1989; Dibble, 1993; Olszewski, 1993a, b; 2001, 2007a, b; Dibble, Holdaway, 1993; Olszewski, Dibble, 1994]. Однако коллекции пещеры Кхар никогда тщательно не изучались и не публиковались, несмотря на их принадлежность к единственной известной стратифицированной палеолитической стоянке поблизости от скального навеса Варваси.

Пещера Кхар и история ее исследований

Пещера Кхар расположена на юго-восточном гребне г. Бисотун (34° 24′00.52″ с.ш., 47°26′27.41″ в.д.) на высоте 1 420 м над ур. м. и открыта в южном направлении в сторону покрытой зеленью долины р. Гамасиаб. Она выработана в известняковой зоне Центрального Загроса в пров. Керманшах (рис. 2). Пещера, длинная и относительно узкая (длиной ок. 27 м и шириной

 $Puc.\ 3.\ \Pi$ лан (a) и поперечный разрез (δ) пещеры Кхар. $Pucyнок\ \Phi.\ Биглари.$

в среднем ок. 6 м) (рис. 3), была обнаружена К. Куном в 1949 г. в ходе работ по проекту, связанному с изучением пещер в Иране. В 1964 и 1965 гг. Ф. Смит и Т. Янг при проведении разведки доисторических объектов на территории от Керманшаха до Иранского Азербайджана в качестве объекта исследований выбрали долину р. Гамасиаб. В 1965 г. они заложили шурф размерами 1 × 2 м около входа в пещеру Кхар, отложения которого раскапывались по 10-30-сантиметровым уровням; в ходе раскопок ученые достигли глубины 5 м от дневной поверхности (рис. 4). Глубина шурфа не доходила до скального основания, однако раскопки показали перспективность этой стоянки, была прослежена стратиграфическая последовательность культурных отложений от позднего среднего палеолита до эпипалеолита и более поздних эпох [Smith, 1986; Young, Smith, 1966]. На дне шурфа был выявлен среднепалеолитический уровень, который, однако, оставался нераскопанным, за исключением небольшой части, которая содержала несколько мустьерских артефактов. Согласно сообщениям исследователей, между мустьерскими и барадостскими уровнями, как между барадостскими и зарзийскими уровнями, отсутствовали четкие стратиграфические перерывы [Young, Smith, 1966; Smith, 1986]. Большая часть барадостских отложений (ок. 1 м) содержала более легкую, по сравнению с предыдущими слоями, красновато-коричневую почву с углистыми примазками, следами обвала в верхней части и угловатыми обломками известняка в подошве, где барадостские артефакты были смешаны с мустьерскими. Зарзийские артефакты находились в плотной коричневой глине с редкими углистыми примазками мощностью ок. 1 м. Полученный в ходе раскопок 1965 г. материал был разделен на две части, одна осталась в Национальном музее Ирана, а другая была отослана в Университет Монреаля. В настоящей статье приводится детальное описание результатов изучения обеих частей коллекции из Тегерана и Монреаля.

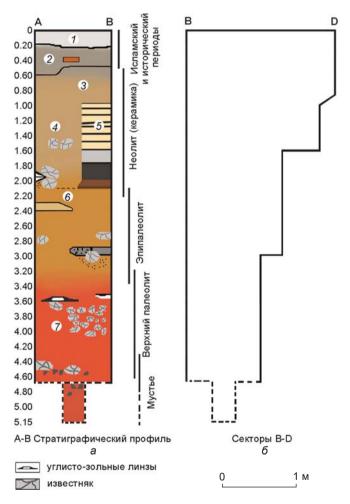

Рис. 4. Стратиграфический разрез шурфа по линии квадратов А-В (a) и план длинной стенки шурфа по линии квадратов В-D (δ) пещеры Кхар (по: [Smith, 1986]).

I – рыхлая серо-коричневая почва; 2 – суглинок с черными примазками и кирпичом, обнаруженным в середине слоя; 3 – более рыхлая коричневая почва с редкими угольками; 4 – интрузивная яма (?); 5 – уровни с чередующимися слойками пепла; 6 – плотная коричневая глина, включающая спорадические угольные примазки; 7 – красновато-коричневая почва, менее глинистая, включающая спорадические глинистые примазки, следы скального обвала в верхней части и включения угловатых обломков известняка в основании.

Материалы и методы

Изучаемый комплекс состоит из 285 каменных артефактов. Из них 256 экз., вероятно, представляют позднеплейстоценовые традиции Загроса и являются объектом нашего исследования. Остальные 29 предметов нами не рассматриваются, т.к. они находились в голоценовых отложениях вместе с фрагментами керамики, что позволило отнести их к эпохе неолита [Young, Smith, 1966]. С учетом малой площади разведочного шурфа и ограниченности информации, касающейся истории формирования отложений стоянки, статистические данные следует воспринимать с осторожностью, поскольку они, возможно, не отражают реальный характер археологических материалов. Наше исследование эволюции позднеплейстоценовых индустрий пещеры Кхар опирается в основном на технико-типологические характеристики каменных артефактов. Методика исследования была следующая: проводился анализ каменного сырья, из которого были изготовлены артефакты; для реконструкции изменений технологии выявлялись основные атрибуты артефактов. Вид сырья определялся на основе изучения макроскопических характеристик камня. Комплекс артефактов был разделен на три основные категории: орудия, дебитаж и нуклеусы. Определялись типы сколов-заготовок и огранки поверхностей артефактов, а также основные метрические характеристики предметов (рис. 5). Все артефакты сначала были разделены в соответствии с изначальными условными горизонтами раскопок и затем соотнесены с тремя основными культурными подразделениями и комплексами, в стратиграфическом отношении находящимися между этими культурными подразделениями. Изучение коллекции с помощью метода ремонтажа было невозможно ввиду малочисленности комплекса и разделения коллекции на две части.

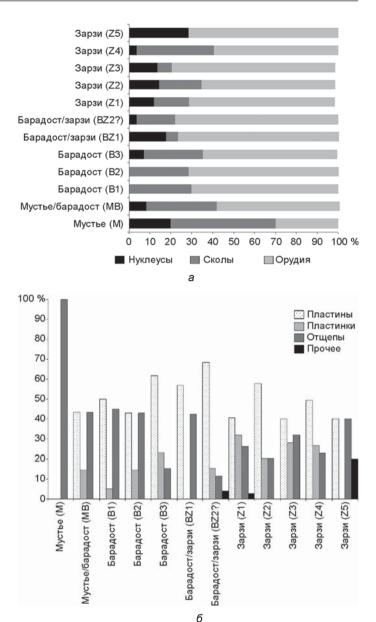

Рис. 5. Структура индустрии (a) и удельный вес различных типов сколов (б) в комплексах стоянки в пещере Кхар, распределенных согласно условным уровням и культурной атрибуции.

Каменное сырье

Во всех уровнях пещеры Кхар преобладают артефакты из радиолярита, различного по текстуре, цвету и степени окремненности. Радиолярит происходит из радиоляритового пояса Керманшаха, который находится в 10–15 км к югу от пещеры и распространяется от Боруджерда на юго-востоке от пещеры до Павеха на северо-западе. Выходы радиолярита, расположенные в местности Гакиа-Харсин, содержат желваки и плитки высокого качества. Выходы находятся в холмистом районе к юго-востоку от Керманшаха и к севе-

ро-западу от Харсина, на расстоянии ок. 12 км к югоюго-западу от пещеры Кхар [Biglari, 2001, 2004, 2007; Неуdari, 2004; Jaubert et al., 2009]. Позднеплейстоценовые обитатели пещеры, вероятно, предпочитали брать сырье в Гакиа-Харсин; здесь был более окремненный радиолярит, чем в местах поблизости от стоянки. Сохранившаяся на некоторых артефактах неокатанная естественная поверхность позволяет предположить, что сырье из вторичных источников, таких как русловой галечник использовалось очень редко. Во время разведок в этом регионе [Biglari, 2004; Heydari, 2004] было обнаружено большое количество крупных и мелких выходов радиолярита, однако источник сырья, которое использовали обитатели пещеры Кхар, точно определить не удалось. Это сырье представляет собой непрозрачную красновато-коричневую окремненную породу со «свежей» естественной поверхностью, что свидетельствует о том, что оно происходило из первичного источника. Другим распространенным типом сырья являются серовато-зеленые, молочные, желтоватые и розоватые окремненные породы.

Комплекс загросского мустье

Наиболее древние артефакты обнаружены в маленьком углублении на дне шурфа. Основная глубина шурфа составила 5.15 м от дневной поверхности; на одном

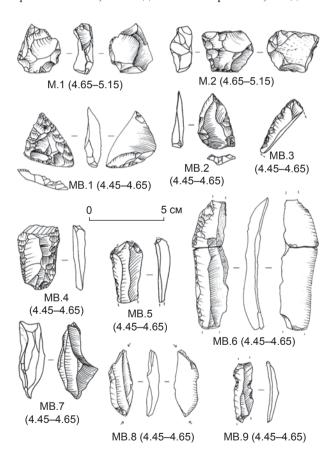

Рис. 6. Артефакты из мустьерского (М.1, 2) и промежуточных мустьерских/барадостских (МВ.1–9) уровней пещеры Кхар (в скобках указаны глубины обнаружения артефактов). Рисунок С. Шидранг.

М.1, 2 — маленькие радиальные нуклеусы на отщепах; МВ.1 — конвергентные скребла с тронкированием-фасетированием; МВ.2 — мустьерское острие на леваллуазском сколе; МВ.3 — фрагмент лезвия конвергентного скребла (?); МВ.4 — двойное скребло; МВ.5 — фрагмент концевого скребка на пластине; МВ.6 — ретушированная пластина/продольное скребло; МВ.7 — фрагмент нуклеуса для снятия пластин; МВ.8 — двойной противолежащий резец; МВ.9 — пластина с двойными выемками на продольных краях.

участке шурф был углублен до 5,30 м с целью поиска скального основания и определения мощности отложений в пещере (так и оставшейся неизвестной). По мнению Ф. Смита и Т. Янга, основанному на анализе типологического облика артефактов из самого нижнего уровня шурфа, среднепалеолитический слой содержал типичные мустьерские артефакты, напоминающие находки из расположенной поблизости пещеры Бисотун, раскопанной К. Куном [Young, Smith, 1966; Smith, 1986; Coon, 1951, 1957]. С точки зрения Ф. Смита, то, что у мустьерских артефактов из пещеры Кхар не были выявлены леваллуазские элементы, объясняется малочисленностью коллекции [Smith, 1986]. Однако, согласно проведенному нами исследованию, немногочисленные находки из нижнего слоя представляют отщеповую индустрию, связанную с использованием жесткого отбойника; ее аналоги зафиксированы и на других мустьерских стоянках данного региона. Следует отметить, что в нижнем комплексе обнаружен мустьерский остроконечник, изготовленный на леваллуазском отщепе (рис. 6). Леваллуазский метод расщепления представляют материалы близлежащей среднепалеолитической стоянки Мар-Тарик [Jaubert et al., 2009] и стоянки в пещере Бисотун [Dibble, 1984]. Наличие свидетельств применения леваллуазского метода редукции обитателями пещеры Кхар подкрепляет гипотезу о более значительной роли леваллуазских методов в загросском мустье, чем предполагалось ранее [Ibid.; Dibble, Holdaway, 1993]. Среди 11 мустьерских артефактов особого внимания заслуживают 2 маленьких нуклеуса, примерно равных по размерам и похожих по технологическим характеристикам (рис. 6). В обоих случаях использовался отщеп с размерами ок. 3,5 × \times 2,5 \times 1,0 см; в качестве фронта служила вентральная или дорсальная плоскость с подходящей выпуклостью. На краях отщепа оформлялись ударные площадки. После этого производились центростремительные снятия мелких отщепов. Комплекс соответствовал, вероятно, различным методам расщепления. Технология первичного расщепления, которую представляет данная индустрия, является комбинацией леваллуазского метода, метода комбева и техники изготовления тронкированно-фасетированных изделий. Тронкированно-фасетированные изделия, или нуклеусы (в данном случае мы используем термин «нуклеус» с определенной осторожностью, поскольку сколы-заготовки слишком малы для того, чтобы с уверенностью судить об их функции), морфологически очень разнообразны. Это вызывает трудности при их классификации в качестве нуклеусов, орудий или предметов, оформленных для закрепления в какой-либо рукояти или зажиме. Изучение тронкированно-фасетированных изделий среднепалеолитических индустрий Бисотуна, Варваси и Пеш-дель' Aз IV [Dibble, McPherron, 2007] позволило считать эти предметы нуклеусами, а не подвергнутыми утончению орудиями или рабочими элементами орудий. Наше исследование данной категории артефактов из нескольких ассамбляжей загросского мустье дает основания для предположения о том, что тронкирование-фасетирование могло использоваться не только для получения мелких отщепов, но и для утончения орудий, предназначенных для закрепления в рукояти, наподобие мустьерских остроконечников [Solecki R.S., Solecki R.L., 1993]. В некоторых случаях тронкированно-фасетированный элемент напоминает специфический рабочий край орудий, но трасологический анализ, который помог бы определить его функцию, пока не проводился. Подобные изделия известны на нескольких стоянках региона Керманшах, таких как Варваси, Бисотун, Варкаини и До-Ашкафт. Важно, что все тронкированнофасетированные предметы сходны по размерам и технико-типологическим характеристикам, что позволяет рассматривать их как один из индикаторов загросского мустье [Dibble, 1984; Dibble, Holdaway, 1993; Biglari, 2001; Shidrang, 2006].

Комплекс из слоев, содержащих индустрии загросского мустье и барадоста

Отложения, залегавшие между отметками 4,45–4,65 м ниже пола пещеры, содержали 24 артефакта, среди которых были формы, характерные как для мустье, так и для барадоста (рис. 7, В1-В6). Большая часть барадостских артефактов достаточно уверенно определяется по особенностям каменного сырья: они изготовлены преимущественно из среднезернистого окремненного материала различных цветовых вариаций. Мустьерские изделия чаще всего сделаны из высококачественного радиолярита, происходящего из выходов этого сырья в местности Гакиа-Харсин [Biglari, 2007]. Некоторые артефакты могут быть отнесены к барадосту с учетом наличия в указанных отложениях таких технологических атрибутов, как фрагмент одноплощадочного объемного нуклеуса и характерные пластины, полученные с помощью мягкого отбойника. Загросское мустье в данных отложениях представляют помимо двойных скребел на отщепах два типичных мустьерских остроконечника на относительно коротких отщепах с фасетированными площадками. Очевидно, один из них был изготовлен на леваллуазском сколе, другой артефакт на проксимальном окончании имеет следы двустороннего тронкирования-фасетирования, которое производилось, вероятно, чтобы приспособить предмет для закрепления в рукояти.

Барадостский комплекс

Отложения на глубине 4,45 м ниже дневной поверхности являются самым верхним уровнем, на котором

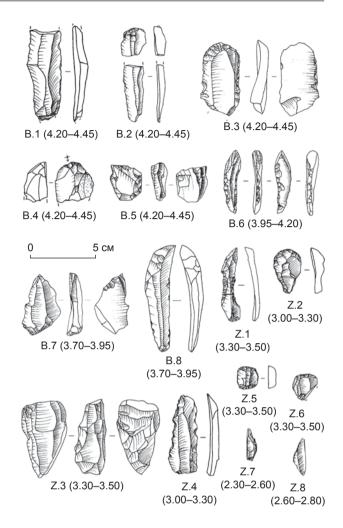

Рис. 7. Артефакты из барадостских (В) и зарзийских (Z) уровней пещеры Кхар (в скобках указаны глубины залегания артефактов). Рисунок С. Шидранг.

В.1 – фрагмент пластины; В.2 – схема ремонтажа концевого скребка и его основания/рукояти; В.3 – концевой скребок на отщепе/ пластине; В.4 – фрагмент концевого скребка; В.5–7 – кареноидные резцы; В.8 – часть реберчатой пластины; Z.1 – пластина с двойной выемкой; Z.2 – веерообразный скребок; Z.3 – одноплощадочный нуклеус для снятия пластин; Z.4 – пластина с зубчатой ретушью; Z.5, 6 – мелкие скребки (ногтевидные); Z.7, 8 – геометрические микролиты.

могли быть отмечены мустьерские артефакты; последующие отложения (до глубины ок. 3,50 м) содержали находки, типичные для загросского раннего верхнего палеолита или барадоста. Основной целью редукции нуклеусов, характерных для барадоста, было получение пластин, которые служили заготовками для изготовления типичных барадостских концевых скребков. Ремонтаж концевых скребков с проксимальными частями пластин, на которых они были изготовлены, позволяет проследить устойчивый способ фрагментации (рис. 7). Фрагментация происходила в дистальной зоне пластины, вероятно, из-за давления на противолежащую часть орудия в процессе использования.

Стандартные пластины и типичные концевые скребки характерны для нижней части отложений раннего верхнего палеолита. По материалам из верхнего барадостского уровня прослежена тенденция к изготовлению пластинок, резцов и скребков на коротких и мелких пластинах или отщепах. На отщепах выполнялись простые формы концевых скребков или резцов (в частности кареноидных резцов). Тонкие пластины средних размеров, которые могли быть получены с помощью другой редукционной техники, обычно фасетировались отвесной (нечешуйчатой) ретушью на обоих латералях и иногда на дистальном конце. На некоторых таких тонких ретушированных пластинах выполнялись кареноидные резцы, которые использовались, вероятно, при изготовлении пропеллеровидных пластинок.

Комплекс зарзи

Артефакты, найденные на глубине ок. 3,50 м ниже современного пола пещеры Кхар, демонстрируют сходство с эпипалеолитической индустрией зарзи, известной по материалам многих стоянок Центрального Загроса [Olszewski, 1993a; Hole, Flannery, 1967]. В комплексе зарзи по сравнению с индустрией позднего барадоста выше доля пластин и пластинок, получавшихся при расщеплении одно- и двухплощадочных нуклеусов, и почти полностью отсутствуют кареноидные изделия. Пластины и пластинки, полученные упомянутыми выше методами редукции, использовались для изготовления орудий с притупленным краем, выемчатых и зубчатых орудий. Другим маркером зарзи, особенно его начальной фазы, являются маленькие концевые скребки на отщепах или мелких пластинах; их размеры заметно уменьшались в ходе интенсивной вторичной обработки заготовки по окружности. Эти артефакты имели округлую форму и часто трансформировались в ногтевидные скребки. По мнению Д. Ольшевски, основанному на предположении Ф. Хоула и К. Флэннери, комплекс начальной фазы зарзи являлся результатом эволюции индустрии позднего барадоста [Hole, Flannery, 1967; Smith, 1986]. Изучение более чем 17 тыс. зарзийских каменных артефактов из эпипалеолитических слоев Варваси позволило установить, что пластинки дюфур, характерные для ранней фазы зарзи (подразделение 1), в более поздние периоды сменились неравносторонними треугольниками [Olszewski, 1993b]. Сравнивать эти комплексы невозможно, поскольку зарзийский ассамбляж пещеры Кхар состоит только из 150 артефактов. Однако следует отметить, что в комплексе пещеры Кхар доминируют орудия треугольной и атипичной трапециевидной формы, которые, скорее всего, являются вариантом треугольников.

Обсуждение

После того как результаты изучения материалов из пещеры Кхар были включены в базу данных по палеолиту Загроса, нам стало известно о шести стоянках со стратифицированными каменными индустриями, отражающими процессы перехода от среднего к верхнему палеолиту. Стоянка Гар Аржене должна быть исключена из этого числа ввиду серьезных нарушений последовательности отложений памятника. Две другие стоянки – Гилваран и Калдар – были раскопаны недавно, их индустрии также представляют собой смесь средне- и верхнепалеолитических элементов [Hole, Flannery, 1967; Bazgir et al., 2014]. В ходе раскопок стоянки Эшкат-е Гави в 1978 г. была выявлена стратиграфическая последовательность, в основании которой, согласно данным М. Розенберга, находились типичные мустьерские артефакты без примеси верхнепалеолитических элементов [Rosenberg, 1988]. Единственным опорным памятником является стоянка под скальным навесом Варваси. Опираясь на ее материалы, Д. Ольшевски и Х. Диббл отмечали, что, очень возможно, существовала культурная преемственность между индустриями мустье и раннего этапа верхнего палеолита Загроса [Olszewski, Dibble, 1994, 2006; Olszewski, 2001, 2007a, b]. Культурные отложения Варваси мощностью 2,2 м, содержавшие материалы ранней поры верхнего палеолита, они разделили в соответствии с двумя фазами стоянки. Промежуточный мустьерский/барадостский слой в пещере Кхар может быть соотнесен с первой хронологической фазой формирования культурных отложений стоянки под навесом Варваси или с началом раннего загросского ориньяка. Эта фаза рассматривалась как переходная в процессе развития палеолита Загроса от мустье к развитому загросскому ориньяку. В составе индустрии присутствуют как мустьерские элементы (скребла и тронкированно-фасетированные изделия), так и ранневерхнепалеолитические формы (концевые скребки на пластинах, резцы, пластинки дюфур и острия типа аржене). Даже одного взгляда на тип-лист орудий загросского раннего ориньяка достаточно, чтобы определить высокую долю скребел и зубчато-выемчатых изделий, широко представленных на позднем этапе среднего палеолита Загроса. Эта черта может свидетельствовать о доминирующей роли мустьерских традиций в индустриях Варваси переходной фазы [Olszewski, Dibble, 1994, 2006]. Наличие типов орудий раннего этапа верхнего палеолита, особенно резцов и скребков, находящихся в одном комплексе с леваллуазскими остриями (определяемых только по морфологии или являющихся таковыми в технологическом смысле), и нелеваллуазских пластин, изготовленных с помощью жесткого отбойника, определяет характер комплексов переходных фаз нескольких левантийских стоянок. Эти переходные индустрии представлены в двух вариантах: первый характеризуют такие «руководящие ископаемые», как эмирехские острия, а второй – орудия типа шанфрейн [Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2013]. На начальном этапе верхнего палеолита Анатолии, как и Леванта, важнейшими составляющими индустрий являются многочисленные леваллуазские пластины и удлиненные острия. В наборах также имеется небольшое количество изделий типа шанфрейн; высокий удельный вес концевых скребков определяет состав ретушированных форм [Kuhn et al., 2009]. Анализ материалов давних раскопок и новых исследований некоторых стоянок, расположенных к северу от Леванта, в Армении и Грузии, не выявил признаков преемственности между индустриями среднего и верхнего палеолита. Верхний палеолит на этих территориях появился достаточно поздно и не имел местных предшественников [Adler et al., 2006; Bar-Yosef et al., 2006; Golovanova et al., 1999; Tushabramishvili et al., 2012]. В пещере Ортвала Клде культурные остатки позднего этапа среднего палеолита перекрываются артефактами раннего периода верхнего палеолита – пластинчатыми нуклеусами со следами однонаправленных снятий, скребками на пластинах и на овальных отщепах, обработанных по периметру; резцами на тронкированных сколах, ретушированными пластинками и пластинками с притупленным краем [Adler et al., 2006]. Характер индустрии ранней поры верхнего палеолита из пещеры Дзудзуана определяют короткие пластины и пластинки, снятые со специализированных однонаправленных нуклеусов, многочисленные микролиты, типичные резцы и концевые скребки. Более поздние верхнепалеолитические слои в Дзудзуане содержат индустрию, в которой преобладают мелкие пластины и пластинки, снятые преимущественно с кареноидных нуклеусов [Bar-Yosef et al., 2011]. С учетом всех известных характеристик переходные индустрии Загроса, которые представляют трансформацию местной технологии каменных орудий в период от позднего мустье до начальной и ранней фаз верхнего палеолита, можно рассматривать скорее как смесь компонентов загросского мустье и раннего верхнего палеолита, а не результат выраженного в технологии постепенного перерастания среднепалеолитических традиций в верхнепалеолитические. Интерес вызывает информация об индустриях, обнаруженных к северо-востоку от Ирана: материалы стоянки Кара-Бом на Алтае могут быть свидетельствами постепенной трансформации местных леваллуа-мустьерских комплексов, которые напоминают по своим характеристикам коллекцию слоя 1 стоянки Бокер-Тахтит, в индустрию начальной поры верхнего палеолита [Деревянко, 2011a, б; Rybin, 2004]. Однако

некоторые специалисты скептически относятся к утверждению о плавном характере перехода от среднего к ранней фазе верхнего палеолита на Алтае. В их работе описывается бипродольная пластинчатая индустрия начального этапа верхнего палеолита, сопровождаемая нуклеусами-резцами для получения пластинок, которая стратиграфически находилась над местными среднепалеолитическими артефактами [Zwyns et al., 2012]. Для раннего верхнего палеолита Алтая характерны типичные объемные, изготовленные из желваков или галек среднего размера нуклеусы для получения пластин и пластинок (в основном однонаправленных). Пластины и пластинки имеют гладкие ударные площадки и несут следы воздействия мягкого отбойника [Ibid.; Rybin, 2004]. Подобные индустрии, но с несколько меньшей долей кареноидных скребков, представляют и раннюю фазу барадоста Загроса.

Возвращаясь к вопросу о культурной последовательности в пещере Кхар, отметим, что начало развитого этапа раннего верхнего палеолита, или барадоста, маркирует индустрия, ориентированная на получение пластин средних размеров и орудий на них – концевых скребков. Однако в поздних барадостских слоях на смену резцам, особенно кареноидных разновидностей, которые служили основой для изготовления мелких пластинок с «закрученным» профилем, приходят стандартизированные пластины. Согласно результатам недавних исследований каменных индустрий из пещеры Яфте в Луристане, барадосту соответствовали две основные техникотипологические фазы [Bordes, Shidrang, 2009]. Первая (ранняя) фаза ассоциируется с ассамбляжем, ориентированным в основном на получение острий типа аржене и относительно крупных, прямых или слегка изогнутых пластинок дюфур. Вторая (поздняя) фаза, связанная с отложениями в верхней части пещеры, отмечена преобладанием кареноидных резцов, с которых скалывались маленькие «закрученные» пластинки, трансформировавшиеся потом с помощью вентральной или противолежащей ретуши в пластинки дюфур [Ibid.]. Новые данные по хронологии Яфте позволяют предположить, что эта последовательность может относиться к интервалу от 24,5 до 36,0 тыс. радиоуглеродных л.н. (промежуточная дата ок. 33,5 тыс. радиоуглеродных л.н.) [Otte et al., 2011]. Мы не намерены напрямую сопоставлять богатые барадостские ассамбляжи пещеры Яфте с несколькими похожими артефактами из пещеры Кхар, однако не можем не отметить наличие в материалах поздних барадостских уровней пещеры Кхар кареноидных резцов и пластин средних размеров, использовавшихся в качестве заготовок для типичных концевых скребков в период, соответствующий ранним уровням барадоста. В конце барадоста, фактически во время переходной фазы

от барадоста к зарзи, вновь увеличивается и в начале зарзи становится доминирующим производство пластин, служивших заготовками для изготовления зубчатых и выемчатых орудий, а также орудий с притупленной спинкой, таких как граветтийские острия. Пластины и пластинки были результатом использования одной стратегии редукции одноплощадочных нуклеусов. Геометрические формы, особенно треугольники и трапеции, в очень малом количестве были представлены в начале зарзи. Они продолжали существовать и в более поздние периоды. Отметим, что хотя этот набор артефактов был малочислен, почти во всех культурных уровнях зафиксирована высокая доля орудий (см. рис. 5). Поскольку данный ассамбляж имеет явно неселективный характер (среди находок из раскопок 1967 г. сохранились даже необработанные куски породы), такое соотношение артефактов нельзя интерпретировать как результат преднамеренной выборки. Скорее всего, это функциональная специфика стоянки. Обитатели пещеры Кхар, как показало изучение фаунистических остатков, придерживались стратегий жизнеобеспечения, которые отличали их от сообществ, живших в пещере Бисотун и под скальным навесом Варваси [Hesse, 1989]. По данным Б. Хессе, в фаунистических коллекциях верхнепалеолитических и эпипалеолитических слоев в пещере Кхар больше костных остатков козы/овцы (Capra aegagrus/ Ovis orientalis), чем в отложениях других средне- и верхнепалеолитических стоянок в районе Керманшаха. Согласно мнению этого специалиста, стоянка может быть определена как высокогорный охотничий лагерь, который, судя по способам эксплуатации пищевых ресурсов, соответствовал модели «специализации на определенном виде дичи», разработанной на материалах стоянки в долине Хорремабад Ф. Хоулом и К. Флэннери [Ibid.; Hole, Flannery, 1967]. Охотники, вероятно, специализировались на загоне животных, которые мигрировали в меридиональном (вертикальном) направлении. Охота на травоядных обитателей равнин, таких как газель (Gazella subgutturosa) или онагр (Equus hemionus), совершавших горизонтальные миграции, была связана с засадой. Стоянка в пещере Кхар находится на высоте ок. 30 м над дном долины, в основании скалы Бисотун, которая является естественным местом обитания козлов, поэтому высокий процент остатков этих животных в фаунистическом комплексе ожидаем. С учетом того, что кости таких крупных травоядных, как олень (Cervus elaphus) или тур были представлены в более поздних подразделениях (зарзи и барадосте), но отсутствовали в более ранних, Б. Хессе предположил возможность смешивания более ранних и более поздних материалов [Hesse, 1989]. В пользу этого свидетельствует наличие диагностически значимых «закрученных» пластинок в гомогенном

зарзийском уровне и двух фрагментов кости – в отложениях позднего барадоста и зарзи [Ibid.].

Заключение

Исследование стоянки в пещере Кхар позволило не только рассмотреть возможность постдепозиционных перемещений, воздействовавших на часть стратиграфических подразделений (в частности между барадостскими и зарзийскими уровнями), но и выявить смешение мустьерских и барадостских элементов в основании барадостских уровней. Обнаруженные в пещере леваллуазские орудия (в частности мустьерское острие, изготовленное на леваллуазской заготовке), которые ассоциируются с типичной мустьерской отщеповой индустрией и барадостскими элементами, свидетельствуют о том, что была промежуточная фаза между средним и верхним палеолитом. Вместе с тем пока не известны материалы, подтверждающие вывод о технологической преемственности между индустриями этих периодов. Трудности в формировании понимания процессов, связанных с чрезвычайно важным сдвигом между средним и верхним палеолитом Загроса, обусловлены, во-первых, ограниченностью данных - они относятся только к стоянке под скальным навесом Варваси, во-вторых, отсутствием детальной информации о стратиграфии и хронологии, в-третьих, невозможностью проследить эволюцию технологии от позднего этапа мустье Загроса к наиболее раннему периоду барадоста, в связи с чем приходится опираться только на типологию. Следы активной деятельности, оставленные обитателями пещеры в эпоху зарзи, можно считать доказательствами длительного ее заселения или частых визитов. Однако пещера слишком мала и недостаточно освещена для того, чтобы служить базовым лагерем. Судя по плотности залегания находок и структуре индустрии, маловероятно, что люди жили в ней продолжительное время. Обитавший в пещере человек получал пластины и пластинки, редуцируя полупирамидальные нуклеусы. Из сколов изготавливали пластинки с притупленным краем, зубчатые и выемчатые орудия и орудия геометрических форм. Как предположил Ф. Хоул, а затем Д. Ольшевски, основываясь на материалах стоянок в долине Хорремабада и под скальным навесом Варваси, индустрии зарзи являлись продуктом эволюции барадостского комплекса [Hole, Flannery, 1967; Olszewski, 1993a]. Чтобы продвинуться вперед, необходимо изучить надежно стратифицированные комплексы для установления общепринятой региональной культурной последовательности, в которой могут быть прослежены как замещение одних культур другими, так и их сосуществование на протяжении различных хронологических фаз и традиций плейстоцена Загроса.

Благодарности

Авторы благодарны Бернару Бернье, директору департамента антропологии Университета Монреаля, любезно разрешившему ознакомиться с частью коллекции пещеры Кхар 1967 г. С. Шидранг признательна Пьеру Корбею за обеспечение доступа к археологическим коллекциям и плодотворные дискуссии, а также Анн Деланж, Ариан Барк и Маржане Машкур за любезную помощь и поддержку. Авторы выражают благодарность Мохаммаду Резе Каргару, бывшему директору Национального музея Ирана, который дал разрешение на изучение части коллекции пещеры Кхар 1967 г. С. Шидранг благодарна Фонду Веннер-Грен для исследований в области антропологии за поддержку и получение международной стипендии Уодсворта, которая позволила ей посетить Университет Монреаля с целью изучения каменного комплекса пещеры Кхар в рамках программы подготовки докторской диссертации. Авторы благодарны анонимным рецензентам за конструктивные комментарии и предложения.

Список литературы

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011а. – 560 с.

Деревянко А.П. Формирование человека современного анатомического вида и его поведение в Африке и Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. -20116. - № 3. - С. 2–31.

Adler D.S., Bar-Oz G., Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O. Ahead of the game, Middle and Upper Palaeolithic behaviors in the southern Caucasus // Current Anthropol. – 2006. – Vol. 47. – P. 89–118.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Adler D.S. The implications of the Middle-Upper Paleolithic chronological boundary in the Caucasus to Eurasian prehistory // Anthropologie. – 2006. – Vol. 44 (1). – P. 49–60.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto E., Goldberg P., Kvavadze E., Matskevich Z. Dzudzuana: an Upper Paleolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // Antiquity. – 2011. – Vol. 85, iss. 328. – P. 331–349.

Bazgir B., Otte M., Tumunga L., Ollé A., Deo S.G., Joglekard P., López-Garcíae J.M., Picina A., Davoudi D., Madega J. Test excavations and initial results at the Middle and Upper Paleolithic sites of Gilvaran, Kaldar, Ghamari caves and Gar Arjene Rockshelter, Khorramabad Valley, western Iran // Comptes Rendus Palevol. – URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.crpv.2014.01.005

Belfer-Cohen A., Goring-Morris A.N. The earlier Upper Paleolithic: a view from the southern Levant // L'Aurignacien de la grotteYafteh (fouilles 2005–08) et son contexte/The Aurignacian from Yafteh Cave (2005–08 excavations) and its context / eds. M. Otte, S. Shidrang, D. Flas. – Liege: Univ. de Liège, 2013. – P. 127–136. – (ERAUL; N 132).

Biglari F. Recent Finds of the Paleolithic Period from Bisotun, Central Western Zagros Mountains // Iranian J. of Archaeol. and Hist. – 2001. – Vol. 14/2. – P. 4–5.

Biglari F. The Preliminary Observations on Middle Paleolithic Raw Material Procurement and Usage in the Kermanshah Plain, the Case of Do-Ashkaft Cave // Persian Antiques Splendor, Mining Crafts and Archaeology in Ancient Iran / eds. T. Stollner, R. Slotta, A. Vatandoust. – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2004. – Vol. I. – P. 130–138.

Biglari F. Approvisionnement et utilisation des matières premières au Paléolithique moyen dans la plaine de Kermanshah (Iran): le cas de la Grotte Do-Ashkaft // Aires 'approvisionnement en matières premières et aires d'approvisionnement en ressources alimentaires Approche intégrée des comportements (XV Congr. UISPP, Lisbonne; vol. 5) / eds. M.H. Moncel, A. Moigne, M. Arzarello, C. Peretto. – [S. 1.], 2007. – P. 227–239. – (BAR Intern. Ser.; vol. 1725).

Biglari F. The development of the Paleolithic archaeology in Iran; a review // Eighty years of Iranian archaeology / eds. Y. Hassanzadeh, S. Miri. – Tehran: Nat. Museum of Iran and Iranian Center for Archaeol. Research, 2012. – P. 7–48.

Bordes J.G., Shidrang S. La Sequence Baradostienne de Yafteh (Khorramabad, Lorestaan, Iran) // Iran Palaeolithic (Proc. of the XV World Congr. UISPP, Lisbonne) / eds. M. Otte, F. Biglari, J. Jaubert. – [S. l.], 2009. – P. 85–100. – (BAR Intern. Ser.; vol. 28).

Braidwood R.J., Howe B. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. – Chicago: Univ., 1960. – 184 p. – (Oriental Inst. of the Univ. of Chicago, Studies in Ancient Oriental Civilization; vol. 31).

Braidwood R.J., Howe B., Reed C.A. The Iranian Prehistoric Project // Science. – 1961. – Vol. 133. – P. 2008–2010.

Coon C.S. Cave explorations in Iran. – Philadelphia: Univ. Museum, Univ. of Pennsylvania, 1951. – 124 p.

Coon C.S. The Seven Caves: Archaeological Explorations in the Middle East. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1957. – 338 p.

Dibble H.L. The Mousterian Industry from Bisitun Cave (Iran) // Paléorient. – 1984. – Vol. 10 (2). – P. 23–34.

Dibble H.L. Le Paléolithique moyen récent du Zagros // Bull. de la Soc. Préhistorique Française, 1993. – Vol. 90, N 4. – P. 307–312.

Dibble H.L., Holdaway S.J. The Middle Paleolithic Industries of Warwasi // The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus / eds. D.I. Olszewski, H.L. Dibble. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, Univ. Museum of Archaeol. and Anthropol., 1993. – P. 75–99. – (Univ. Museum Monogr.; vol. 83).

Dibble H.L., McPherron S.P. Truncated-faceted pieces: hafting modification, retouch, or cores? // Tools versus cores: Alternative Approaches to Stone Tool Analysis / ed. S.P. McPherron. – Newcastle: Cambridge Scholars Press, 2007. – P. 75–90.

Golovanova L.V., Hoffecker J.F., Kharitonov V.M., Romanova G.P. Mezmaiskaya Cave: a Neandertal occupation in the northern Caucasus // Current Anthropol. – 1999. – Vol. 40. – P. 77–86.

Hesse B. Paleolithic faunal remains from Ghar-I-Khar, western Iran // Early Animal Domestication and Its Cultural Context / eds. P.J. Crabtree, D.V. Campana, K. Ryan. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, Univ. Museum of Archaeol. and Anthropol., 1989. – Vol. 6. – P. 37–45.

Heydari S. Stone raw material sources in Iran: some case studies // Persiens Antike Pracht, Bergbau – Handwerk – Archäologie: Katalog. – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2004. – S. 124–129.

Holdaway S. Were There Hafted Projectile Points in the Mousterian? // The J. of Field Archaeol. – 1989. – Vol. 16. – P. 79–85.

Hole F. The Paleolithic Culture Sequence in Western Iran // Actes du VII Congrès de l'UISPP. – Bratislava, 1967. – P. 286–293.

Hole F., Flannery K.V. The Prehistory of Southwestern Iran: A Preliminary Report // Proc. of the Prehistoric Soc. – 1967. – Vol. 33. – P. 146–206.

Jaubert J., Biglari F., Bordes J.-G., Bruxelles L., Mourre V., Shidrang S., Naderi R., Alipour S. New Research on Paleolithic of Iran: Preliminary Report of 2004 Iranian-French Joint Mission, Iranian Center for Archaeological Research, Tehran, Iran // Archaeol. Rep. – 2006. – Vol. 4. – P. 17–26.

Jaubert J., Biglari F., Bordes J.-G., Bruxelles L., Mourre V., Shidrang S., Naderi R., Mashkour M., Maureille B., Mallye J.-B., Quinif Y., Randu W., Laroulandie V. The Middle Paleolithic occupation of Mar Tarik, a new Zagros Mousterian site // Iran Palaeolithic (Proc. of the XV World Congr. UISPP, Lisbonne) / eds. M. Otte, F. Biglari, J. Jaubert. – [S. 1.], 2009. – P. 7–27. – (BAR Intern. Ser.; vol. 28).

Kehl M. Quaternary climate change in Iran-The state of Knowledge // Erdkunde. – 2009. – Vol. 63. – P. 1–17.

Kuhn S., Stiner M., Gülec E., Ozer I., Yilmaz H., Baykara I., Acikkol A., Goldberg P., Molina K., Unay E., Suata-Alpaslan F. The early Upper Paleolithic occupations at Üçağızlı Cave (Hatay, Turkey) // J. of Human Evol. – 2009. – Vol. 56. – P. 87–113.

Minzoni-Deroche A. Middle and Upper Paleolithic of the Taurus-Zagros region // The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus / eds. D.I. Olszewski, H.L. Dibble. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archeol. and Anthropol., 1993. – P. 147–158. – (Univ. Museum Monogr.; vol. 83).

Olszewski D.I. The Late Baradostian Occupation at Warwasi Rockshelter, Iran // The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus / eds. D.I. Olszewski, H.L. Dibble. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, Univ. Museum of Archeol. and Anthropol., 1993a. – P. 187–206. – (Univ. Museum Monogr.; vol. 83).

Olszewski D.I. The Zarzian Occupation at Warwasi Rockshelter, Iran // The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus / eds. D.I. Olszewski, H.L. Dibble. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum Archeol. and Anthropol., 1993b. – P. 207–236. – (Univ. Museum. Monogr.; vol. 83).

Olszewski D.I. Ruminations on the Early Upper Paleolithic and a Consideration of the Zagros Aurignacian // Questioning the Answers: Resolving Fundamental Problems of the Early Upper Paleolithic / eds. M. Hays, P. Thacker. – Oxford: BAR, 2001. – P. 79–89. – (BAR Intern. Ser.; vol. 1005).

Olszewski D.I. Carinated tools, cores, and mobility: the Zagros Aurignacian example // Tools versus cores: Alternative Approaches to Stone Tool Analysis / ed. S.P. McPherron. – Newcastle: Cambridge Scholars Press, 2007a. – P. 91–106.

Olszewski D.I. Issues in the development of the Early Upper Paleolithic and a "transitional" industry from the Zagros Region // New Approaches to the Study of the Early Upper Paleolithic 'Transitional' Industries of Western Eurasia: Transitions Great and Small / eds. J. Riel-Salvatore, G.A. Clark. – Oxford: Archaeopress, 2007b. – P. 131–142. – (BAR Intern. Ser.; vol. 1620).

Olszewski D.I., Dibble H.L. The Zagros Aurignacian // Current Anthropol. – 1994. – Vol. 35 (1). – P. 68–75.

Olszewski D.I., Dibble H.L. To Be or Not To Be Aurignacian: The Zagros Upper Paleolithic // Towards a Definition of the Aurignacian / eds. O. Bar-Yosef, J. Zilhão. – Lisbon: Am. School of Prehistoric Research / Inst. Português de Arqueologia, 2006. – P. 355–373. – (Trabalhos de Arqueol.; t. 45).

Otte M., Biglari F., Flas D., Shidrang S., Zwyns N., Mashkour M., Naderi R., Mohaseb A., Hashemi N., Darvish J., Radu V. The Aurignacian in the Zagros region: new research at Yafteh Cave, Lorestan, Iran // Antiquity. – 2007. – Vol. 81. – P. 82–96.

Otte M., Shidrang S., Zwyns N., Flas D. New radiocarbon dates for the Zagros Aurignacian from Yafteh cave, Iran // J. of Human Evol. – 2011. – Vol. 61. – P. 340–346.

Rosenberg M. Paleolithic settlement patterns in the Marv Dasht, Fars Province, Iran: Ph.D. Thesis, Dep. of Anthropol., Univ. of Pennsylvania. – Philadelphia, 1988. – Unpublished.

Rybin E. Middle Paleolithic "Blade" Industries and the Middle-to-Upper-Paleolithic Transition in South Siberia: Migration or Regional Continuity? // Acts of the XIV UISPP Congress, Univ. of Liège, Belgium, 2–8 Sept. 2001. Sect. 5: The Middle Palaeolithic, General Session and Posters. – Oxford, 2004. – P. 81–90. – (BAR Intern. Ser.; vol. 1239).

Shidrang S. Warkaini: A new Paleolithic site near Kermanshah in West-central Zagros, Iran // Antiquity. – 2006. – Vol. 80, iss. 310. – URL: http://www.antiquity.ac.uk/projgall/shidrang/

Shidrang S. Middle East Middle to Upper Paleolithic Transitional industries // Encyclopedia of Global Archaeology / ed. C. Smith. – N. Y.: Springer, 2014. – Vol. 7. – P. 4894–4907.

Smith P.E.L. Paleolithic archaeology in Iran. – Philadelphia: The Univ. Museum, 1986. – 112 p. – (The Am. Inst. of Iranian Studies Monogr.; vol. 1).

Solecki R.S. The Baradostian Industry and the Upper Paleolithic in the Near East: Ph.D. Thesis, Columbia Univ. – N. Y., 1958. – 174 p.

Solecki R.S., Solecki R.L. The pointed tools from the Mousterian occupations of Shanidar Cave, Northern Iraq // The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus / eds. D.I. Olszewski, H.L. Dibble. – Philadelphia: Museum Archeol. and Anthropol., 1993. – P. 119–146. – (Univ. Museum Monogr.; vol. 83).

Tushabramishvili N., Pleurdeau D., Moncel M.H., Agapishvili T., Veku A., Bukhaianidze M., Maureille B., Muskhelishvili A., Mshvildadze M., Kapanadze N., Lordkipanidze D. Human remains from a new Upper Pleistocene sequence in Bondi Cave (western Georgia) // J. of Human Evol. – 2012. – Vol. 62 (1). – P. 179–185.

Van Zeist W., Bottema S. Palynological investigations in western Iran // Palaeohistoria. – 1977. – Vol. 19. – P. 19–85.

Young T.C., Smith P.E.L. Research in the Prehistory of Central Western Iran // Science. – 1966. – Vol. 153. – P. 386–391.

Zwyns N. Laminar technology and the onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia: Ph.D. Thesis, Leiden Univ. – Leiden, 2012. – 413 p.

Zwyns N., Rybin E.P., Hublin J.J., Derevianko A.P. Burin-Core Technology and Laminar Reduction sequence in the Initial Upper Paleolithic from Kara-Bom (Gorny-Altai, Siberia) // Quaternary Intern. – 2012. – Vol. 259. – P. 33–47.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.039-050 УДК 903.2

В.С. Славинский, Е.П. Рыбин, Н.Е. Белоусова

Институт археологии и этнографии СО РАН пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия E-mail: slavinski@yandex.ru rybep@yandex.ru consacrer@yandex.ru

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ И ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАБОТКИ КАМНЯ НА СТОЯНКЕ КАРА-БОМ, ГОРНЫЙ АЛТАЙ

(на основе применения метода ремонтажа)*

В статье анализируются технологии первичного расшепления камня на стоянке Кара-Бом в Горном Алтае с привлечением метода ремонтажа. Археологические комплексы из отложений памятника послужили одной из основ для реконструкции процессов развития каменных индустрий на территории Горного Алтая на протяжении большей части среднего палеолита, а также ранних этапов верхнего палеолита от примерно 60 до 30 тыс. л.н. Рассматривается новая схема стратиграфического членения стоянки Кара-Бом, выделяются четыре цикла заселения ее территории. На базе результатов изучения ремонтажа артефактов из среднепалеолитических комплексов СП2 воссоздается технология однонаправленного конвергентного леваллуазского расщепления. Реконструкции нуклеусов и групп сколов, относящихся к верхнепалеолитическим слоям ВП2 и ВП1 Кара-Бома, позволили проследить вариабельность верхнепалеолитических технологий обработки камня и сделать вывод о существенных изменениях в технологиях редукции нуклеусов: на смену доминировавшему в среднем палеолите плоскостному однонаправленному конвергентному леваллуазскому расшеплению в эпоху верхнего палеолита пришло бипродольное объемное подпризматическое и призматическое раскалывание. Предполагается, что комплексы стоянки Кара-Бом представляют устойчивые специфические варианты пластинчатой технологии, нацеленной на изготовление крупных и средних пластин, а также торцового микрорасщепления, направленного на получение пластинок. На основании сравнения комплексов стоянки Кара-Бом и синхронных ансамблей из северной и восточной частей Центральной Азии установлено, что сопоставляемые индустрии наиболее ранних стоянок верхнего палеолита возрастом более 35 тыс. лет характеризуются явным преобладанием технологий расщепления кара-бомовского типа.

Ключевые слова: *Горный Алтай, средний палеолит, начальный и ранний верхний палеолит, технология расщепления камня, метод ремонтажа.*

V.S. Slavinsky, E.P. Rybin, and N.E. Belousova

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia E-mail: slavinski@yandex.ru; rybep@yandex.ru; consacrer@yandex.ru

VARIATION IN MIDDLE AND UPPER PALEOLITHIC TECHNIQUES OF LITHIC REDUCTION AT KARA-BOM, THE ALTAI MOUNTAINS: REFITTING STUDIES

Primary reduction techniques used at Kara-Bom, the Altai Mountains, are analyzed using the refitting method. In previous studies, the Kara-Bom assemblages provided a basis for reconstructing the evolution of lithic industries in the Altai Mountains over most of the Middle Paleolithic and at the early stages of the Upper Paleolithic (ca 60–30 ka BP). Under the new stratigraphic subdivision of Kara-Bom, four habitation stages are described. The refitting of artifacts from the Middle Paleolithic (MP2) layer indicates the Levallois unidirectional convergent flaking aimed at producing points and blades as a co-product of reduction sequences. Based on

^{*}Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

cores and groups of spalls from the Upper Paleolithic layers UP2 and UP1, the variation of Upper Paleolithic reduction techniques is reconstructed and a conclusion is made that significant changes in core reduction occurred: the Middle Paleolithic (Levallois) flat unidirectional technique gave way to bidirectional volumetric subprismatic and prismatic reduction of the Upper Paleolithic type. The Kara-Bom assemblages appear to have been stable variants of the blade technology aimed at producing large and medium-sized blades as well as the narrow-faced micro-reduction aimed at producing bladelets. The comparison of Kara-Bom with contemporaneous industries of northern and eastern Central Asia suggests that the earliest Upper Paleolithic industries (before 35 ka BP) show a marked predominance of the Kara-Bom-type reduction techniques.

Keywords: the Altai Mountains, Middle Paleolithic, initial Upper Paleolithic, early Upper Paleolithic, lithic reduction techniques, refitting method.

Введение

Впервые определение начального этапа верхнего палеолита было сформулировано на основе анализа хронологически ранней верхнепалеолитической эмиранской индустрии уровня 4 стоянки Бокер-Тахтит в Израиле [Marks, Ferring, 1988]. Позднее эта дефиниция была расширена С. Куном за счет включения определения левантийской культурной общности, которая в хроностратиграфическом отношении находится между левантийским мустье и верхнепалеолитическим ахмарианом и характеризуется сочетанием леваллуазского и пластинчатого методов подпризматического расщепления ([Kuhn, Stiner, Güleç, 1999]; см. обсуждение историографии вопроca: [Kuhn, Zwyns, 2014]). По мере накопления данных и совершенствования методов датирования становилось ясно, что индустрии начального этапа верхнего палеолита, которые занимают хроностратиграфические позиции между индустриями с несомненно среднепалеолитическими характеристиками и комплексами, обладающими выраженными верхнепалеолитическими чертами, получили очень широкое распространение. Они обнаружены на территории Леванта, Центральной и Восточной Европы, Горного Алтая, российского Забайкалья, Северного Китая и Монголии. Очевидно, что довольно значительная технологическая и типологическая вариабельность индустрий начального этапа верхнего палеолита нуждается в уточнении определения. Весьма важную информацию для этого может дать ремонтаж каменных артефактов: он позволяет надежно реконструировать операционные последовательности расщепления камня древним человеком. Лишь некоторые ансамбли рассматриваемого периода обеспечены обширными сериями реконструированных последовательностей расщепления. К этим ансамблям относятся коллекции стоянок Брно-Богунице и Странска-Скала в Чехии, Бокер-Тахтит в Израиле [Škrdla, 2003a; Volkman, 1983]. Однако анализ технологии расщепления на материалах начального этапа верхнего палеолита Северной и Центральной Азии пока не проводился на основе ремонтажа.

При изучении древних технологий каменного производства начального периода верхнего палеоли-

та, а также вопросов, касающихся преемственности и взаимоотношений средне- и верхнепалеолитических технологий в Северной Азии, особого внимания заслуживают коллекции многослойной стоянки Кара-Бом. На ее материалах было впервые доказано, что индустрии начального периода верхнего палеолита получили распространение и на территории Северной Азии. Археологические комплексы из отложений памятника послужили одной из основ для реконструкции процессов развития каменных индустрий на территории Горного Алтая на протяжении большей части среднего палеолита, а также ранних этапов верхнего палеолита [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Деревянко, Шуньков, 2004]. В последние годы изучались особенности каменного сырья стоянки, проводились работы, целью которых были реконструкция пространственной и стратиграфической структуры объекта, а также воссоздание способов первичного расщепления на основе ремонтажа. В результате удалось определить вариабельность средне- и верхнепалеолитических технологий обработки камня, диапазон технических методов, которыми владели носители кара-бомовской культурной традиции начальной фазы верхнего палеолита, оценить степень вероятности технологической преемственности между среднеи верхнепалеолитическими индустриями Кара-Бома, а также различий между комплексами начального и раннего этапов верхнего палеолита памятника.

Многослойная палеолитическая стоянка открытого типа Кара-Бом находится в Еловской котловине, входящей в систему межгорных депрессий центральной части Российского Алтая (50°43′ с.ш., 85°42′ в.д.). Стоянка располагалась у подножия правого склона долины ручьев Алтайры и Семисарт, вблизи их слияния. Археологические остатки залегали в пачке отложений склонового генезиса, прислоненных к вертикальной скальной стене, которую составляли ступенеобразные уступы сланцев; она защищала обитателей стоянки от господствующих ветров. Наклон поверхности шлейфа отложений достигал 15-20°. Стоянка имела южную экспозицию. У подножия скалы находится долгоживущий незамерзающий родник; рядом со стоянкой имеется невысокая горная гряда в форме полуцирка, перевал которой обеспечивает связь с соседней долиной [Археология и палеоэкология..., 1990].

Мощность осадочных отложений стоянки составляла ок. 5 м. Значительная часть памятника сложена пролювиальными отложениями и повреждена в результате таяний ледников и временными водотоками. Раскопки памятника проводились с некоторыми перерывами с 1980 по 1993 г. Территория стоянки была разделена на четыре участка - раскопа. Участок площадью ок. 150 м², прилегающий к скале, сохранился в непотревоженном состоянии. Он сложен лессовидными суглинками, насыщенными обломочным материалом. Основание разреза на этом участке сформировано иловатыми суглинками, смешанными с продуктами разложения коры выветривания. Большая часть площади (ок. 100 м²) этого сектора была вскрыта в ходе раскопок 1980-1991 гг.: основная часть материалов исследования раскопа 1 пока не опубликована; небольшая часть материалов, полученных в ходе раскопок 1992-1993 гг. (раскоп 4), издана в виде монографии [Деревянко и др., 1998]. Изучение отложений в раскопе Кара-Бома позволило выделить шесть верхнепалеолитических уровней обитания (ВП6–1, нумерация начинается сверху) и два мустьерских горизонта (СП2, 1, из которых СП2 – нижний).

Основой индустрий стоянки Кара-Бом являлось каменное сырье местного происхождения - кислые афировые эффузивы, их приносили на стоянку ее обитатели с расстояния до 5 км напрямую со склонов соседней г. Аптырга, где расположены их выходы. Использовались также слабоокатанные желваки той же породы, которые перемещались водами рек, протекавших по долине [Кулик, Шуньков, Петрин, 2003]. Поскольку каменное сырье испытывало незначительное воздействие русловых агентов, отдельности имели преимущественно подпрямоугольные, удлиненные, брусковидные очертания. Вероятно, камень, использовавшийся обитателями стоянки, относится к наиболее высококачественным разновидностям сырья в палеолите Горного Алтая. Характер текстурного рисунка, цвет породы, состояние естественной поверхности обеспечивают возможность отделения продуктов дебитажа одной отдельности каменного сырья от другой.

Леваллуазская конвергентная технология в среднепалеолитическом комплексе

Культуросодержащие отложения стоянки Кара-Бом содержат среднепалеолитический компонент, представленный комплексом СП2 (мустьерский горизонт 2 по предыдущей классификации [Деревянко и др., 1998]) [Белоусова, Рыбин, 2013]. Комплекс залегал в литологическом слое 9, представляющем собой коричневато-серый суглинок склонового генезиса. Малочисленный комплекс культурного горизонта СП1, относящийся, вероятно, к начальному этапу верхне-

го палеолита, располагался в горизонте 9Б; для него характерны обрывочные следы гумусации. Ассамбляж СП2 обнаружен в 40-50 см ниже, в отложениях горизонта 9В, под еще одним горизонтом гумусации в кровле слоя. Имеются два определения, полученные ЭПР-методом по экспериментальной методике. Из подстилающих СП2 отложений был взят образец, на основе которого определена дата 72,2 тыс. л.н.; для перекрывающего слоя получена дата в 62,2 тыс. л.н.; для горизонта 1 имеются две радиоуглеродные даты по кости >42 тыс. л.н (АА-8873) и >44 тыс. л.н. (АА-8894) [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000, с. 38]. Согласно стратиграфическим данным и палинологическим характеристикам, косвенно подтвержденным ЭПР-датами, комплекс СП2 может относиться к периоду ок. 60-50 тыс. л.н., к концу МИС 4 или началу МИС 3. Мощность отложений, включающих горизонт СП2, достигает 30 см, общая площадь составляет 80 м²; наиболее насыщенный находками участок площадью ок. 30 м² находится под скалой (раскопы 1 и 4). Комплекс включает ок. 1 500 каменных артефактов. Работа по ремонтажу артефактов из СП2 продолжается. Находки представляют два основных взаимосвязанных метода редукции нуклеусов. Первый метод – простое (нелеваллуазское) параллельное однонаправленное расщепление плоскостных нуклеусов для получения пластин и отщепов. Второй – однонаправленное конвергентное леваллуазское раскалывание для получения острий (кара-бомовская коллекция леваллуазских острий - одна из самых многочисленных и выразительных в палеолите Северной и Центральной Азии). Типичный вариант леваллуазского расщепления представляет небольшой реконструированный артефакт (рис. 1, 4). На нем видно, что острие с фасетированной ударной площадкой сформировано слабоконвергентными однонаправленными техническими снятиями-dèbordant и сколами, определившими Ү-образный рисунок дорсала и симметричные ровные конвергентные края. Доля удлиненных изделий составляет 30 %. Для получения леваллуазских сколов в качестве нуклевидной заготовки подбирались подпрямоугольные отдельности камня. С помощью краевых и параллельных удлиненных сколов формировался профиль леваллуазского острия, после отделения которого вновь производилась подготовка фронта раскалывания и ударной площадки и снимался последующий леваллуазский скол. На заключительной стадии могли изменяться техника и метод расщепления; производилась, например, параллельная редукция плоскостного нуклеуса для снятия нелеваллуазских сколов. Характер такого расщепления может быть прослежен по реконструкции блока из слоя СП2 (более подробное описание см.: [Славинский, Рыбин, 2007]) (рис. 1, *1–3*). Восстановленный с помощью ремонтажа артефакт со-

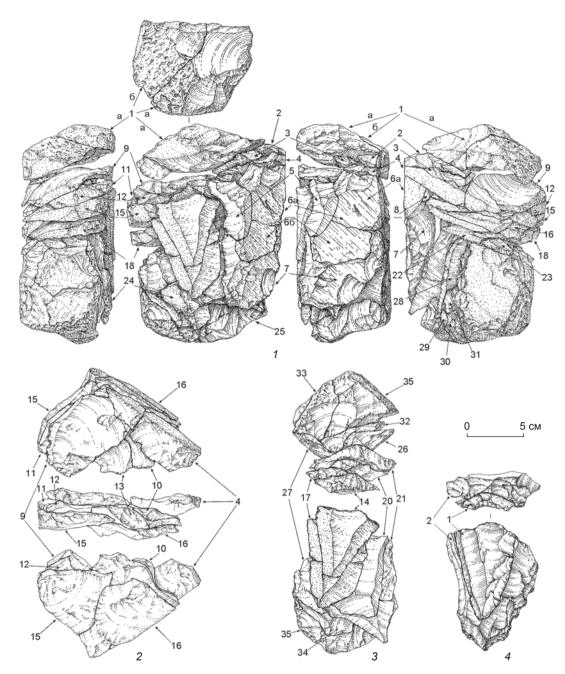

Рис. 1. Артефакты, реконструированные с помощью ремонтажа, из СП2 стоянки Кара-Бом. I-3 – блок № 14; 4 – блок № 15. Стрелки с номерами указывают порядок снятий. I-3 – [Славинский, Рыбин, 2007, рис. 1].

стоит из 37 элементов, локализованных на участке площадью 6 м² (кв. И-К-9, -11). В качестве заготовки нуклеуса использовалась удлиненная, слегка уплощенная подпрямоугольная отдельность камня. Ее расщепление производилось по заранее запланированной системе. Сначала определялась плоскость основной ударной площадки и задавалось направление основной оси скалывания предполагаемых целевых заготовок. Она ориентирована вдоль одного из продольных ребер заготовки. Одна из боковых граней,

образующих данное ребро, имела ровную, гладкую естественную поверхность, которая впоследствии без дополнительной подправки служила мастеру готовой латералью леваллуазских заготовок (элементы блоков № 14, 17). Использование естественной грани при формировании Y-образного рельефа леваллуазской заготовки является нестандартным решением. После переоформления латералей и ударной площадки производилось последовательное снятие еще двух атипичных леваллуазских острий (элементы 20, 21).

Предпринятые затем переоформление площадок и подправка фронта нуклеуса не привели к снятию дополнительных острий. Остаточный нуклеус на рабочем фронте имел негативы произведенных с помощью простой параллельной техники снятий двух отщепов.

Вариабельность верхнепалеолитических технологий обработки камня

Изучение археологических коллекций уровней обитания 1–6 раскопа 4 (1 876 экз.) с применением петрографического анализа сырья и методов ремонтажа позволило дополнить рассматриваемые материалы каменными артефактами из раскопа 1. В этой коллекции по сырью были выделены 72 группы артефактов: 943 изделия, или ок. 40 % от численности коллекции. Из них 294 артефакта, или ок. 14 % от общей численности находок, составили элементы реконструированного процесса расщепления. Для культурных отложений раскопа 4 было определено положение артефактов из различных сырьевых групп. С учетом этого удалось скорректировать схему последовательности культурных отложений стоянки.

Нами было определено положение артефактов из различных сырьевых групп, а также очажных пятен, кострищ и крупных каменных плит на продольном и поперечном профиле раскопа, что позволило выявить два уровня залегания находок — культурные горизонты ВП1 (20 сырьевых групп) и ВП2 (52 сырьевые группы) [Белоусова, Рыбин, 2013]. Археологические материалы более позднего горизонта ВП1 залегали в слое 5Б; культурным отложениям соответствуют следующие даты, полученные по 14 C, — 30 990 ± \pm 460 л.н. (GX-17593), 33 780 \pm 570 л.н. (GX-17594), 34 180 \pm 640 л.н. (GX-17595) [Goebel, Derevianko,

Petrin, 1993]. Кровля литологического слоя 6 и подошва литологического слоя 5Б составляли прослой между горизонтами. Он являлся лишь относительно стерильным и выклинивался вниз по склону, где частично контактировали культурные отложения двух горизонтов. Материалы горизонта ВП2 располагались в центральной части или подошве литологического слоя 6. Горизонту ВП2 соответствуют даты (определены по 14 C) 43 200 \pm 1 500 л.н. (GX-17597) и 43 300 \pm ± 1 600 л.н. (GX-17596). Поскольку участки раскопов 4 и 1 были защищены с севера и северо-востока преградой, сложенной скальными породами, они не испытали в полной мере влияния деструктивных факторов [Деревянко и др., 1998]. Однако анализ распространения артефактов показал, что склоновые процессы вызвали нарушение отложений более позднего горизонта ВП1 и значительное смещение культурных остатков вниз по склону (угол наклона поверхности распределения находок составляет ок. 25°). Седименты горизонта ВП2, залегающего субгоризонтально, подверглись минимальному смещению вдоль склона (угол наклона поверхности распределения находок составляет 5-10°) (рис. 2).

Согласно полученным данным, каменные артефакты, ранее соотносимые с уровнями обитания 1–3, могут рассматриваться как составные части единого горизонта ВП1, большая часть находок из уровней обитания 5 и 6 – единого горизонта ВП2. С уровнем обитания 4 в процессе раскопок ассоциировались преимущественно находки, залегавшие между горизонтами ВП1 и ВП2.

По артефактам из культурного горизонта ВП2 (1 100 экз.) собрано 40 реконструкций, включающих от двух до десяти элементов. Нивелировочные отметки мест залегания этих элементов составляют единый уровень залегания находок, падение склона фиксируется показателями от –290 см на линии 5 до –339 см

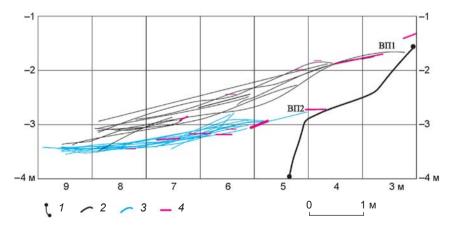

Рис. 2. Планиграфические связи, восстановленные методом ремонтажа и по петрографическим признакам артефактов, на продольном профиле раскопа 4 (по линии кв. 3) стоянки Кара-Бом. 1 – вертикальный профиль скалы по линии 3; 2 – локализация артефактов из различных сырьевых групп ВП1; 3 – локализация артефактов из различных пятен.

на линии 8. Анализ мест расположения элементов наиболее крупных блоков на плане раскопа позволил выявить две зоны их концентрации: первая, вероятно, несколько вытянутых очертаний, находилась в кв. 3-И-5, -6 (элементы одного блока обнаружены в кв. 3-8) (рис. 3), вторая – в кв. 3-И-8.

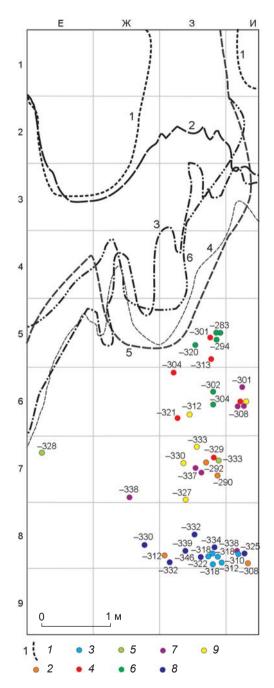

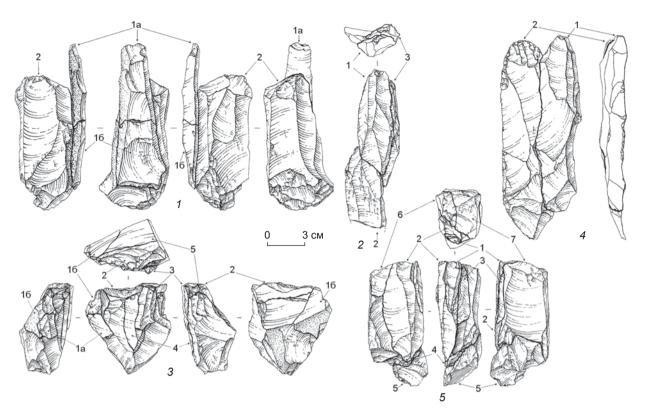
Рис. 3. План локализации реконструированных артефактов на участке раскопа 4 стоянки Кара-Бом. 1 — линия скального выхода на этапе расчистки отдельных уровней обитания; 2 — блок № 12; 3 — блок № 13; 4 — блок № 1; 5 — блок № 4; 6 — блок № 5; 7 — блоки № 6 и 7; 8 — блок № 8; 9 — блок № 9. 2, 3 — ВП1; 4—9 — ВП2.

Воссозданные артефакты из рассматриваемого горизонта представляют две технологии расщепления:

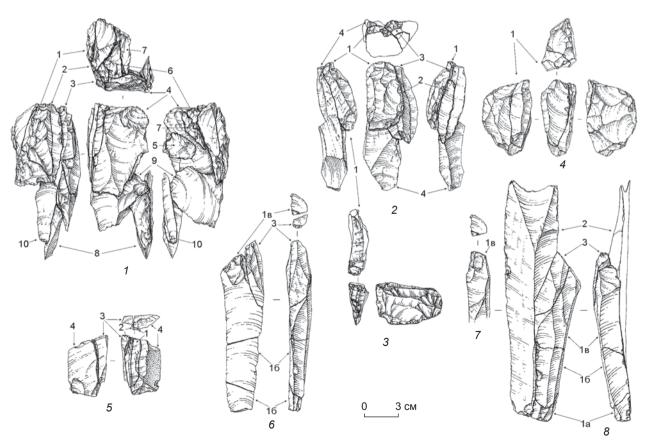
1-я – подпризматическая бипродольная, позволявшая получать пластины среднего и крупного размера. Нами рассматривается шесть реконструированных блоков, каждый из которых включает несколько элементов, в т.ч. нуклеусы (рис. 4; 5, 1, 4). Воссозданные артефакты относятся к средней и заключительной стадиям процесса получения основных заготовок. Нуклеусы имеют удлиненную подцилиндрическую форму, на противоположных концах у них с помощью поперечных сколов сформированы слабоскошенные ударные площадки (угол скалывания >75°). Заготовки являлись результатом расщепления во встречных направлениях, зависящего от объема и формы субстрата на конкретном этапе. Это были пластины среднего, реже крупного размера, иногда остроконечной формы (см. рис. 4, 4). На их дорсальной поверхности, как правило, читаются негативы субпараллельных бипродольных снятий.

Данные ремонтажа свидетельствуют об использовании в подпризматической бипродольной технологии двух вариантов расщепления. Первый вариант предполагал реберчатую подправку латералей нуклеуса (см. рис. 4, 4; 5, 1). При редукции нуклеуса острые латеральные ребра обрабатывались серией снятий, направленных перпендикулярно к продольной оси фронтальной поверхности на рабочую плоскость и от нее. Формирование оптимальной выпуклости рабочей поверхности завершалось продольным снятием латеральных ребер (в виде полуреберчатых и реберчатых пластин). После этого снимались основные пластины. Если обработанные ребра не находились на латералях нуклеуса, то продольные ребра оформлялись техническими снятиями, направленными перпендикулярно продольной оси фронта нуклеуса. После оформления краевой реберчатой или полуреберчатой пластины производились снятия вдоль сформировавшихся ребер, а затем, по завершении интенсивной подправки ударной площадки, расщеплению последовательно подвергалась смежная плоскость (см. рис. 4, 1). У нуклеуса, имеющего призматическую форму и фронт по всему периметру, с целью частичной декортикации поверхности было снято продольное ребро (см. рис. 4, 5). Данный воссозданный артефакт является одним из наиболее ранних примеров использования призматической технологии в Северной и Центральной Азии.

Второй вариант расщепления воплощен в реконструированных артефактах, которые не имеют признаков поперечной латеральной подправки. На изделии № 3 (см. рис. 4, 2) прослеживаются следы поочередного скалывания пластин с противолежащих ударных площадок. Изменения в способах редукции, происходившие в начале верхнего палеолита, ярко иллюстри-

 $Puc.\ 4$. Реконструированные артефакты № 1 (5), 2 (1), 3 (2), 4 (4), 5 (3) из ВП2 стоянки Кара-Бом.

Puc. 5. Реконструированные артефакты № 6 (I), 7 (4), 8 (6–8), 9 (2, 3), 10 (5) из ВП2 стоянки Кара-Бом.

рует реконструированный блок № 5 (см. рис. 4, 3). В процессе редукции плоская рабочая поверхность ядрища, согласно рисунку негативов, приобрела очертания, характерные для леваллуазской конвергентной техники. Однако технология расщепления была нелеваллуазской. Скалывание производилось с помощью бипродольных снятий. После серии сколов была предпринята неудачная попытка сформировать на узкой стороне ядрища рабочую поверхность оптимальной выпуклости — она представлена негативами мелких снятий, образовавших заломы при попытке удаления продольного латерального ребра.

Один из реконструированных артефактов имеет признаки вторичного использования остаточного нуклеуса для скалывания пластинчатых заготовок с торцовой части (см. рис. 5, 4).

2-я — торцовая технология для получения мелких пластинчатых заготовок (см. рис. 5, 2, 3, 5–8). Это специфический метод редукции. Крупные и массивные пластины, краевые пластины или отщепы, остаточные формы нуклеусов, полученные с применением подпризматической пластинчатой технологии, использовались вторично в качестве заготовок для торцовых нуклеусов. Воссозданные артефакты иллюстрируют процесс торцового однонаправленного (см. рис. 5, 2, 3, 5–8) и бипродольного (см. рис. 5, 5) скалывания

мелких пластинчатых заготовок треугольного и трапециевидного сечения (толщины к ширине <1 : 2). Торцовые нуклеусы на сколах многочисленны в материалах культурного горизонта ВП2. Такие нуклеусы похожи на многофасеточные резцы, поэтому в ряде работ они классифицировались как ядрища специфического типа — нуклеусы-резцы [Петрин, Рыбин, 2001; Zwyns et al., 2012].

В свете данной проблематики особого внимания заслуживает конструкция № 9 (см. рис. 5, 2, 3). Первоначально расщепление производилось в системе, которая характерна для подпризматического бипродольного снятия пластин среднего размера. На массивном краевом сколе (снятие 1) после отделения от нуклеуса был оформлен рабочий фронт, несущий негативы снятий микропластинок. Киль нуклеуса подправлен ретушью. По морфологии данное изделие очень напоминает клиновидные нуклеусы, распространенные на позднем этапе палеолита Северной Азии.

В коллекции культурного горизонта ВП1 из раскопа 4 (264 экз.) восстановлено шесть артефактов, включавших от трех до девяти элементов (рис. 6). Во время формирования этого культурного горизонта функционировали две рабочие площадки. В ходе частичного разрушения верхней площадки ее культурные отложения постепенно перекрыли нижнюю площадку.

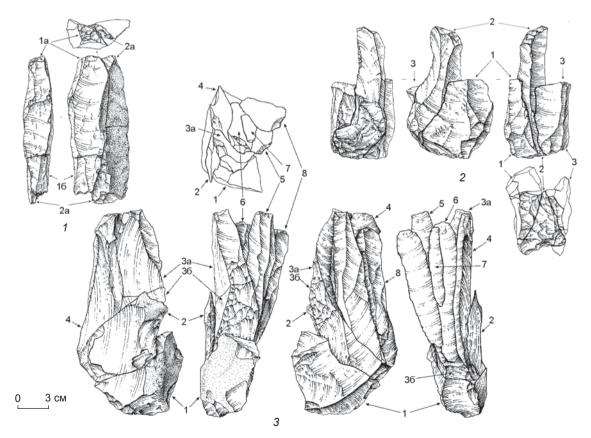

Рис. 6. Реконструированные артефакты № 11 (2), 12 (*I*), 13 (*3*) из ВП1 стоянки Кара-Бом. 3 – по: [Славинский, Рыбин, 2007, с. 76, рис. 4].

Нивелировочные отметки залегания элементов реконструированных блоков соответствуют одному уровню. Падение склона от –290 см на линии 7 до –322 см на линии 8. Элементы воссозданных артефактов концентрируются на участках кв. 3-7 и 3-8 (см. рис. 3).

Реконструированные артефакты, относящиеся к ВП1, свидетельствуют об использовании двух методов расщепления:

1-й — подпризматический бипродольный способ, ориентированный на получение пластин среднего и крупного размера. Рассматриваемые блоки можно отнести к начальной (см. рис. 6, 2) и заключительной (см. рис. 6, I) стадиям процесса расщепления. Заготовки получены в ходе бинаправленной редукции, зависящей от объема и формы расщепляемого субстрата на конкретном этапе. Это пластины среднего и крупного размера. Сколы имеют субпараллельные края, на дорсальной поверхности, как правило, читаются негативы субпараллельных бипродольных снятий.

Отмечены два варианта воплощения данного метода. Один предполагал оформление на контрфронте подпризматического нуклеуса продольного ребра с помощью поперечных снятий (рис. 6, 2). Другой вариант представлен апплицирующимися краевыми пластинами. Они получены в результате снятия с одной ударной площадки и не имеют следов какой-либо дополнительной подправки фронта нуклеуса (рис. 6, 1). Следует отметить, что оба реконструированных изделия сделаны из сырья сравнительно низкого качества, с внутренними трещинами.

2-й – подпризматический однонаправленный способ получения пластин среднего и крупного размера с применением техники инициального реберчатого скола. Реконструированный артефакт, который представляет этот метод, состоит из девяти элементов (рис. 6, 3) и относится к начальному и среднему этапам параллельного продольного скалывания крупных пластинчатых заготовок с удлиненной узкой торцовой рабочей плоскости. После удаления продольного ребра торцовой части заготовки нуклеуса производилась тщательная реберчатая обработка продольного фронтального ребра. В результате снятия технических сколов терминальная часть изделия последовательно сужалась. Судя по реконструированному блоку, после подготовки рабочей плоскости было сколото не менее десяти пластин стандартной морфологии.

Обсуждение

Проведенные исследования выявили существенные различия между технологиями расщепления, которые использовались на стоянке Кара-Бом в период среднего и на начальном этапе верхнего палеолита. Согласно данным ремонтажа и результатам анализа

коллекции сколов, в среднепалеолитическом комплексе СП2 широко применялась простая однонаправленная параллельная и однонаправленная конвергентная леваллуазская технологии. Метод леваллуазского конвергентного однонаправленного расщепления, представленный двумя реконструированными блоками, был ориентирован на создание соразмерных острий с одной плоскости нуклеуса с помощью цикличных подправок, которые производились после снятия каждой заготовки техническими краевыми сколами. Последние определяли Ү-образную однонаправленную огранку дорсальной поверхности острия. Сколами подправки оформлялись фасетированные ударные площадки. Основных заготовок, полученных в ходе одного цикла, было, как правило, не более двух. Расщепление производилось с широкой плоскости нуклеуса. Однако, если исходная заготовка имела прямоугольную форму, то краевые сколы могли заходить на боковые грани нуклеуса.

Комплекс ВП2 обнаруживает ряд принципиальных отличий от нижележащего комплекса СП2. Они обусловлены прежде всего тем, что на смену доминировавшему плоскостному расщеплению пришло объемное подпризматическое и призматическое раскалывание. Характерный для верхнепалеолитических технологий прием снятий предусматривал перенос скалывания с латерали-торца нуклеуса к широкой плоскости и обратно. Как в среднем, так и в верхнем палеолите Кара-Бома для поддержания объема использовался прием подправки латералей нуклеусов с помощью краевых сколов, но способы подготовки латералей были различные. В период среднего палеолита латерали, как правило, специально не оформлялись. В верхнепалеолитическом комплексе имеются свидетельства регулярной подработки латералей поперечными сколами. Наличие реберчатых пластин указывает на создание ребра не только на латерали нуклеуса, но и на других участках фронта.

Комплексы ранней поры верхнего палеолита Кара-Бома свидетельствуют о преобладании бипродольного встречного скалывания. Данный метод, судя по комплексу СП2, редко использовался мастерами более раннего периода. Для первичного расщепления ядрищ из горизонта ВП2 характерно попеременное скалывание с противолежащих ударных площадок; результатом этого были пластины, а также остроконечные сколы, напоминающие по своей морфологии леваллуазские острия. Пропорции этих сколов зависели от формы и стадии редукции нуклеуса, а не от преднамеренной подготовки. Методы редукции, реконструируемые на основе ремонтажа, находят отражение и в ансамбле пластинчатых сколов. Как было показано выше, в комплексе ВП2 Кара-Бома в количественном отношении выделяется две группы пластин. Первая включает изделия шириной от 5 до 15 мм, вторая -

от 20 до 30 мм [Zwyns et al., 2012]. Очевидно, что артефакты первой группы (пластинки) были получены при редукции торцовых нуклеусов (нуклеусов-резцов), а изделия, составляющие вторую группу, связаны с подпризматическим расщеплением. Использование бипродольной обработки, результатами которой были остроконечные сколы, фиксируется по древнейшим ассамбляжам начального этапа верхнего палеолита Леванта, уровням 1 и 2 стоянки Бокер-Тахтит. В них, как и на Кара-Боме, присутствуют ядрища, редукция которых была асимметричной, а снятия осуществлялись переменно на узкой и широкой стороне нуклеуса [Škrdla, 2003b].

Сопоставление методов расщепления камня в периоды, соответствующие культурным горизонтам ВП1 и ВП2, на основе данных ремонтажа показало, что определяющей для индустрий из обоих горизонтов была техника подпризматического бипродольного скалывания средних и крупных пластинчатых заготовок. Применение подпризматической однонаправленной техники зафиксировано только в индустрии культурного горизонта ВП1. На каждом этапе заселения стоянки для получения пластин древние мастера оформляли продольное ребро посредством снятий, поперечных оси скалывания, однако подобная обработка имела разное назначение. По реконструированным артефактам из комплекса ВП1 удалось установить, что продольное ребро создавалось либо на контрфронте (вероятно, для поддержания формы и объема), либо в центральной части будущей рабочей поверхности для последующего расщепления методом реберчатого скола. Восстановленные изделия из комплекса ВП2 свидетельствуют о том, что серией поперечных снятий могли обрабатываться обе латерали нуклеуса, но зачастую, создавая продольное ребро, мастер действовал по ситуации. Использование торцовой техники для получения мелких пластинчатых заготовок фиксируется только по реконструированным изделиям из ансамбля ВП2.

Однонаправленная конвергентная технология достигла высшей точки в своем развитии во второй половине МИС 4 и начале МИС 3. На это указывают индустрии поздней стадии среднего палеолита из СП2 Кара-Бома, слоев 5 и 4 Усть-Канской пещеры, являющиеся преемниками ассамбляжей из средней части разреза Денисовой пещеры и слоев 14 и 18 Усть-Каракола-1. Данные комплексы близки по орудийному набору и по практически идентичной технологии раскалывания, характерной для т.н. кара-бомовского варианта среднего палеолита Горного Алтая. Возможно, что их ближайшими аналогами в технологическом отношении, но весьма удаленными территориально, могут быть индустрии, соответствующие МИС 4 и началу МИС 3 (от 70 до 48-45 тыс. л.н.). Эталоном данного технокомплекса являются ассамбляжи из слоев X и IX

пещеры Кебара в Израиле [Meignen, Bar-Yosef, 2004; Demidenko, 2011]. Для этих индустрий, считающихся составной частью общности позднелевантийского мустье (комплекс Табун-Б), характерны 1) подготовка ядрищ, сопряженная с тщательным фасетированием ударной площадки; 2) процесс расщепления нуклеусов, объединяющий снятия удлиненных, покрытых естественной коркой краевых сколов и отщепов с производством пластин – подготовительных сколов для получения леваллуазских острий.

Технология получения пластин подпризматическим бипродольным методом, прослеженная по реконструированным изделиям, относящимся к слою ВП2 стоянки Кара-Бом, отражена в ряде комплексов Горного Алтая первой половины МИС 3. Выразительные свидетельства ее использования выявлены в материалах памятника Кара-Тенеш [Деревянко и др., 1999], индустриях слоя 5 раскопа 1986 г., слоев 8–11 раскопа 1993–1997 гг. стоянки Усть-Каракол-1 [Славинский, 2007; Природная среда..., 2003], индустриях слоев 10–12 стоянки Ануй-3 [Деревянко, Шуньков, 2004], материалах слоя 7 предвходовой площадки Денисовой пещеры [Там же].

Появление технологии нуклеусов-резцов отмечено в наиболее раннем верхнепалеолитическом горизонте СП1 стоянки Кара-Бом [Деревянко и др., 1998]. Торцовая техника для получения мелких пластинчатых заготовок в виде нуклеусов-резцов или торцовых нуклеусов на отдельностях представлена в культурных отложениях практически каждого из перечисленых памятников, включая наиболее ранние верхнепалеолитические отложения слоя 11 Восточной галереи Денисовой пещеры [Деревянко и др., 2010].

Набор приемов, характерный для кара-бомовской индустрии начального этапа верхнего палеолита, представляют индустрии восточной части Южной Сибири и Монголии, стоянок Хотык, Каменка, Толбор-16 [Лбова, 2000; Zwyns et al., 2014]. На стоянке Толбор-4 в Северной Монголии, датируемой в пределах 35–41 тыс. л.н., в период, соответствующий горизонтам 5 и 6, операционная последовательность расщепления была практически такая же, как в кара-бомовской технологии начального этапа верхнего палеолита. Индустрия включает одну из наиболее многочисленных серий типичных нуклеусов-резцов, обнаруженных за пределами Горного Алтая [Деревянко и др., 2007].

Заключение

Культуросодержащие горизонты Кара-Бома могут представлять как минимум четыре цикла заселения стоянки, разделенных промежутками в несколько тысяч лет. Хотя микроуровней внутри отдельных куль-

турных горизонтов не было, можно предполагать, что эти циклы были связаны с неоднократными посещениями стоянки людьми. Указанные горизонты стратиграфически нерасчленимы по условиям тафономии. Кроме того, данная небольшая территория являлась зоной интенсивной деятельности человеческих коллективов, максимум которой пришелся на горизонт ВП2. Эта деятельность, связанная с различными поселенческими эпизодами, обусловила образование палимпсеста отложений.

Полученные нами данные не дают оснований для вывода о непосредственной культурной преемственности между средне- и верхнепалеолитическими комплексами: они представляют существенно различающиеся методы редукции нуклеусов. Вместе с тем логично предположить, что основой для возникновения подпризматической бипродольной технологии начального верхнего палеолита Горного Алтая являлась пластинчатая и параллельная, а также конвергентная однонаправленная редукция, характерная для среднего палеолита этого региона. О возможном формировании индустрии начального этапа верхнего палеолита Кара-Бома на местной основе косвенно свидетельствует небольшой комплекс СП1 Кара-Бома, залегающий между стерильными слоями и занимающий промежуточное положение как в стратиграфическом, так и технологическом плане между средним и верхним палеолитом. В этом ассамбляже резко увеличивается доля пластин и уменьшается удельный вес фасетированных ударных площадок, по сравнению с нижележащим СП2. Наряду с леваллуазскими остриями, отщепами и нуклеусами для снятия леваллуазских отщепов в СП1 имеется пластинка с притупленным краем, два нуклеуса-резца и типичное для верхнего палеолита Горного Алтая симметричное ретушированное острие на пластине [Деревянко и др., 1998]. Более определенно можно говорить о преемственности между комплексами начального верхнего палеолита (ВП2) и раннего верхнего палеолита (ВП1) Кара-Бома, для которых характерен метод редукции; единственным исключением может быть признано отсутствие технологии нуклеусов-резцов в комплексе ВП1. В региональных последовательностях Центральной и Восточной Европы и Леванта богунисьен и эмиран заменяются значительно отличающимися технокомплексами ориньяка и ахмариана. Анализ индустрий начального верхнего палеолита Горного Алтая не позволяет сделать вывод о резкой смене этой традиции особым технологическим вариантом традиции раннего верхнего палеолита.

В Забайкалье, Горном Алтае и Монголии – регионах северной и восточной части Центральной Азии – представлены наиболее ранние комплексы верхнего палеолита (их возраст превышает 35 тыс. л.н.), которые характеризуются явным преобладанием техно-

логии расщепления кара-бомовского типа. Это дает основание предполагать, что методы редукции, реконструированные нами на основе ремонтажа материалов комплекса ВП2 Кара-Бома, на изучаемой территории характерны для технологического набора именно начального верхнего палеолита.

Список литературы

Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая: путеводитель междунар. симп. «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)». — Новосибирск: Наука, 1990. — 158 с.

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Новая схема культурностратиграфического членения ранневерхнепалеолитических отложений стоянки Кара-Бом (на основе пространственного анализа и данных ремонтажа) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 64–76.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. -2007. — № 1. — C. 16—38.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И., Николаев С.В. Индустрия стоянки Кара-Тенеш в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. – 1999. – № 3. – С. 3–13.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. -2000. - N 2. - C. 31-52.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Чеха А.М. Исследование отложений верхнего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. — Т. XVI. — С. 93—98.

Кулик Н.А., Шуньков М.В., Петрин В.Т. Результаты петрографического анализа палеолитических индустрий Центрального Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. — Т. IX, ч. 1. — С. 154—159.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Петрин В.Т., Рыбин Е.П. К проблеме взаимосвязей техники расщепления торцового нуклеуса и резцового скола // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского

края: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. – Барнаул, 2001. – Вып. 12. – С. 220–223.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Славинский В.С. Индустрии ранневерхнепалеолитических уровней обитания стоянки Усть-Каракол (материалы раскопа 1986 г.) // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. — Иркутск: Оттиск, 2007. — Т. 2. — С. 197—214.

Славинский В.С., Рыбин Е.П. Восстановление с помощью ремонтажа вариантов скалывания камня в индустриях среднего палеолита и ранней поры верхнего палеолита стоянки Кара-Бом // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2007. – Т. 6. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 70–79.

Demidenko Y.E. The late Middle Palaeolithic and early Upper Palaeolithic of the northeastern and eastern edges of the Great Mediterranean (south of eastern Europe and Levant): any archaeological similarities // The Lower and Middle Palaeolithic in the Middle East and neighbouring regions: Proc. of the Basel Symp. (8–10 May 2008). – Liège, 2011. – P. 151–167.

Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T. Dating the Middle-to-Upper Paleolithic Transition at Kara-Bom // Current Anthropology. – 1993. – Vol. 34. – P. 452–458.

Kuhn S., Stiner M., Güleç E. Initial Upper Paleolithic in south-central Turkey and its regional context: a preliminary report // Antiquity. – 1999. – Vol. 73, N 281. – P. 505–517.

Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 347. – P. 29–38.

Marks A.E., Ferring C.R. The Early Upper Palaeolithic of the Levant // The Early Upper Palaeolithic: Evidence from Europe and the Near East. – Oxford: BAR, 1988. – P. 43–72. – (BAR Intern. Ser.; N 437).

Meignen L., Bar-Yosef O. Réflexions sur la fin du Paléolithique moyen et les débuts du Paléolithique supérieur au Proche-Orient // Actes du XIVème Congr. UISPP, Sect. V: le Paléolithique moyen. – Liège, 2004. – P. 235–246.

Škrdla P. Bohunician technology: a refitting approach // Stranska skala. Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic. – Cambridge: Peabody Museum Press, 2003a. – P. 119–151.

Škrdla P. Comparison of Boker Tachtit and Stránská skála MP/UP Transitional Industries // J. of the Israel Prehistoric Soc. – 2003b. – Vol. 33. – P. 37–73.

Volkman P. Boker Tachtit: cores reconstructions // Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel. – Dallas: Southern Methodist Univ. Press, 1983. – Vol. 3. – P. 127–190.

Zwyns N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Tabarev A.V., Dogandzic T., Gillam G.C., Khatsenovich A.M., Odsuren D., Purevjal K.-E., Richards M., Stewart J., Talamo S. The open-air site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): preliminary results and perspectives // Ouaternary Intern. – 2014. – Vol. 347. – P. 53–65.

Zwyns N., Rybin E.P., Hublin J.-J., Derevianko A.P. Burin-core technology and laminar reduction sequence in the initial Upper Paleolithic from Kara-Bom (Gorny-Altai, Siberia) // Quaternary Intern. – 2012. – Vol. 259. – P. 33–47.

Материал поступил в редколлегию 18.02.15 г., в окончательном варианте – 06.03.15 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.051-064 УДК 903.4

М. Файер*, Е. Фолтын, Я.М. Вага*

*Силезский университет, Польша University of Silesia, Będzinska 60, 41–200 Sosnowiec, Poland E-mail: maria.fajer@us.edu.pl, wagajan@wp.pl E-mail: efoltyn@o2.pl

РАЗЛИЧНЫЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В КУЛЬТУРАХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ МОРАВСКИХ ВОРОТ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА)

В статье на материалах 94 стоянок рассматривается один из этапов развития палеолитических поселений носителей богуницкой, селетской, ориньякской и граветтской культур на территории, расположенной к северу от Моравских Ворот. Реконструируются различные способы освоения окружающей среды указанным населением. Местоположение стоянок изучается в связи с особенностями климата и рельефа, высотой над уровнем моря, близостью рек, наличием каменного сырья, биологических ресурсов. Отмечены сходство представителей культур в выборе мест для своих поселений и различия в размещении отдельных стоянок и использовании занимаемой территории. Прослежено, что наиболее консервативный подход к использованию возможностей окружающей среды характерен для богуницких популяций. Богуницкие поселения создавались в основном на юго-восточном, восточном и южном склонах, на высоте 205,5–310,0 м над ур. м. Носители ориньякской и граветтской культур предпочитали селиться в зонах с разнообразным рельефом, в т.ч. в горной местности. Стоянки ориньякского населения располагались в горах на северных склонах, как правило, на высоте 205–378 м над ур. м. Граветтские популяции селились чаще всего в низинах на южных склонах или террасах, на высоте 220–286 м над ур. м. Для селетской культуры характерны поселенческие комплексы с центральной стоянкой на возвышенности. Стоянки создавались в низинах на склонах, обращенных на север и юго-запад, преимущественно на высоте 217–316 м над ур. м. Установлены виды деятельности носителей рассматриваемых культур.

Ключевые слова: верхний палеолит, поселение, ландшафтные зоны, Южная Польша.

M. Fajer*, E. Foltyn, and J.M. Waga*

*University of Silesia, Będzinska 60, 41–200 Sosnowiec, Poland E-mail: maria.fajer@us.edu.pl, wagajan@wp.pl E-mail: efoltyn@o2.pl

DIFFERENT MODELS OF SETTLEMENT OF THE UPPER PALEOLITHIC CULTURES IN THE NORTHERN FORELAND OF THE MORAVIAN GATE (CENTRAL EUROPE)

Based on 94 sites of the Bohunician, Szeletian, Aurignacian, and Gravettian cultures, marking the Neanderthal to Homo sapiens sapiens transition, stages in the evolution of the Paleolithic settlement north of the Moravian Gate are described with special reference to environmental adaptation. Relevant factors include climate, relief, altitude, proximity of water sources, availability of lithic raw material and floral and faunal resources as well as the socio-cultural level of the respective groups. While being similar in terms of habitat choice, these cultures differed in placement of sites and the exploitation of resources. The most conservative style of exploiting the environment is evidenced by Bohunician sites, which are mostly situated on the southeastern, eastern, and southern slopes, 205.5–310.0 m asl. The typical feature of Szeletian sites is central placement on elevations; they are situated in lowland slopes facing north and southwest, mostly at 217–316 m asl. Areas preferred by Aurignacians and Gravettians were larger, with diverse, often rugged terrains. Aurignacians preferred northern mountain slopes, 205–378 m asl. Gravettians settled mostly in lowlands, on southern slopes and terraces, 220–286 m asl. This territorial expansion testifies to growing opportunities caused by higher socio-cultural potential, enabling people to inhabit formerly uninhabited zones.

Keywords: *Upper Paleolithic*, *settlement*, *landscape zones*, *southern Poland*.

Введение

История северных предгорий Моравских Ворот в период интерпленигляциала определялась бытованием богуницкой, селетской, ориньякской и граветтской культур, носители которых мигрировали сюда с юга. В то время рассматриваемый регион был северной окраиной ойкумены. Исследование подобных территорий позволяет выявить особенности первых доисторических поселений в периферических зонах и даже некоторые элементы психомоторного портрета участников процесса заселения. Источниками знаний об их культурах являются разрозненные артефакты, найденные на поверхности. Количество памятников с четкой или реконструируемой стратиграфией незначительно. Поэтому общее представление о заселении данного региона складывается на основе материалов стоянок разных периодов. Оно может быть не полным ввиду различий в степени изученности остатков поселений в разных частях территории. Основные ареалы поселений с наибольшим информационным потенциалом концентрируются на Глубчицком плато.

Чтобы представить поселенческие стратегии обитателей региона в указанный период, необходимо рассмотреть пространственный, структурный, функциональный, природный и морфологический контекст объектов. В северных предгорьях Моравских Ворот, по сути, верхнепалеолитические поселения никогда комплексно не исследовались с целью определения взаимосвязи между ландшафтными условиями и человеческой деятельностью. В ходе проводившихся изысканий описывались отдельные памятники или группы местонахождений на фоне их непосредственного окружения.

Район исследования

В северных предгорьях Моравских Ворот в рельефе различаются три пояса (рис. 1). В горных массивах

Карпат и Судет с запада на восток прослеживаются предгорья, возвышенные равнины с лессовым покрытием, плато с флювиогляциальными отложениями и моренные высокие равнины. Формирование ареала этих отложений происходило под значительным влиянием Одерского ледяного щита и талых вод при его сокращении. В последующие периоды большее значение имели флювиальные и эоловые процессы [Geomorfologia Polski..., 1972].

Горы и предгорья. В горных массивах Бескиды и Восточные Судеты можно выделить рельеф трех морфологических типов: средневысотные горы, предгорья, внутригорные впадины и дно долин. Вершины Бескидских и Судетских гор переходят в крутые склоны, которые образуют борта долины. Долины зачастую имеют равновесный продольный профиль и каменистые борта. Силезское предгорье формирует нижнюю часть Бескидских гор. В его морфологии выделяется пояс холмов шириной 5–15 км, который поднимается на 300–500 м над ур. м., он рассечен долинами рек Олше, Висла и Сола. Северная граница предгорья представляет собой крутой склон высотой 30–50 м.

Прикарпатские впадины. Широкая впадина Рацибуж-Освенцим простирается между Силезским предгорьем и Силезско-Краковской возвышенностью. В южной части впадины находятся околокарпатские высокие холмистые равнины, достигающие высоты 280–300 м над ур. м., а в северной части располагаются чуть более низкие (200–260 м над ур. м.) возвышенные равнины. Посередине между ними находится Рыбниковское плато.

Присудетская территория. Рельеф присудетской территории аналогичен рельефу Прикарпатской впадины. Различие заключается в том, что в присудетской области существует террасовидный увал высотой 200–310 м над ур. м, который врезается в плоский ландшафт Силезской низменности. Около городов Ныса и Отмухув рельеф разнообразится холмами, возникшими при таянии ледяного щита од-

ной из фаз Одерского оледенения. Между крутыми склонами плато и высокими равнинами, расположенными на высоте 50 м над глубокими речными долинами, — повсюду встречается «валунный» ландшафт.

Возвышенностии. Морфология Силезско-Краковской возвышенности характеризуется чередованием нагорий и низменностей. Нагорья, особенно Хелмский массив (400 м над ур. м.) и Ченстоховская возвышенность (300–500 м над ур. м.), четко прослеживаются в морфологии рельефа.

Puc. 1. Ландшафтные зоны в районе исследований. I – горы; 2 – возвышенности; 3 – низменности; 4 – впадины.

Методы исследования

Изучалась связь между расположением верхнепалеолитических стоянок в северной части предгорий Моравских Ворот и отдельными элементами ландшафта. Ландшафтные зоны в северных предгорьях Моравских Ворот были разграничены по методу, аналогичному методу И. Свободы [Svoboda et al., 2009]. При разграничении и классификации зон учитывались высоты, морфология и происхождение форм рельефа. Классификация ландшафтных зон произведена с учетом принципа деления на геоморфологические блоки, предложенного М. Климашевским [Geomorfologia Polski..., 1972]. Зоны классифицированы следующим образом: А – горы; В1 – предгорья; В2 – возвышенности; С1 – плато; С2 – более высокие равнины; С3 – менее высокие равнины и высокие террасы; D – холмы (моренные и камы); Е – первичные долины стока и речные долины.

Участки земной поверхности, поднимающиеся более чем на 1 500 м над ур. м., рассматривались как среднегорные, а на ок. 500 м над ур. м. – как низкогорные. Оба этих морфометрических типа рельефа достигают 300 м относительной высоты (над окружающей местностью).

Затем исследовались зоны поселенческой и хозийственной активности носителей богуницкой, селетской, ориньякской и граветтской культур в тесной взаимосвязи с ландшафтными зонами, в которых они размещались, а также местоположение стоянок в связи с формой рельефа, высотой над уровнем моря и близостью гидрографической сети. Порядок потока определялся по методу Хака [Hack, 1957] с использованием топографических карт масштаба 1 : 25 000 и 1 : 10 000. Были проанализированы материалы 94 стоянок (рис. 2, 3); большая часть объектов открыта ранее и уже описана в литературе, и лишь несколько стоянок обнаружены недавно.

Стратегии жизнеобеспечения в верхнепалеолитических культурах: результаты и обсуждение

Богуницкая культура

Площадь ареала богуницкой культуры составляет свыше 104,5 км², но, если не брать в расчет территорию малоизученного района Рыбник-Грабовня 3, она сокращается до 53,3 км². Ареал богуницкой культуры, по-видимому, ограничивается зонами С1, С2 и в меньшей степени С3 (см. рис. 2, *a*). Носители культуры, перемещавшиеся в границах обозначенной

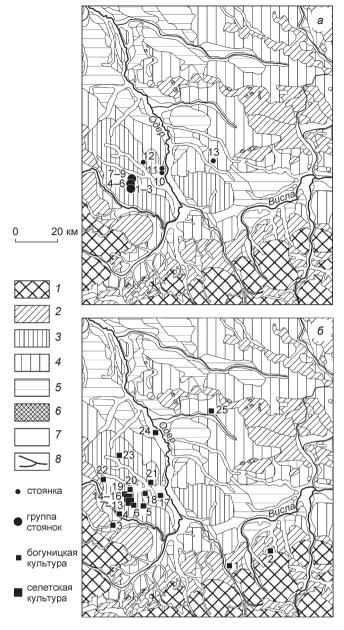
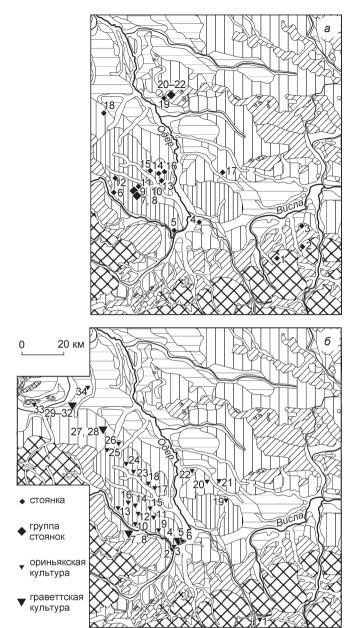

Рис. 2. Расположение богуницких (а) и селетских (б) стоянок в ландшафтных зонах.

Ландшафтные зоны (расшифровку буквенных обозн. см. в тексте): I-A; 2-B1+B2; 3-C1; 4-C2; 5-C3; 6-D; 7-E; 8- реки. Богуницкие стоянки: 1-3- Розумице 16, 32, 36; 4-6- Дзержислав 1, 4, 8; 7-9- Кетш 4, 7, 10; 10- Рацибуж-Студзенна 12; 11- Рацибуж-Оцице 10; 12- Макув 15; 13- Рыбник-Грабовня 3.

Селетские стоянки: 1 — Цешин 1; 2 — Явоже 8а; 3 — Отице; 4 — Опава-Пальханец, 5 — Хухельна; 6 — Гневошице; 7—11 — Розумице 5, 26, 22, 17, 4; 12 — Пильщ 63; 13 — Розумице 33; 14, 15 — Дзержислав 1, 3; 16 — Трэбом; 17 — Беньковице; 18 — Самборовице 2a; 19 — Люботынь 11; 20 — Кетш 3; 21 — Цыпшанув 3; 22 — Левице 1; 23 — Бабице 23 — Невице 33 — Самборовице 33 — Самборовице 34 — Нисек 44 — Самборовице 44 — Самборовице 44 — Самборовице 44 — Самборовице 44 — Нисек 44 — Самборовице 44 — Самборовице 44 — Самборовице 44 — Нисек 44 — Самборовице 44 — Самбор

области, вели почти оседлый образ жизни. Группа поселений обнаружена у слияния ручья Розумицкий и р. Моравка, а также на Глубчицком плато в среднем течении р. Псина (Дзержислав 1, 8 и Дзержислав 4/

 $Puc.\ 3.$ Расположение ориньякских (a) и граветтских (b) стоянок в ландшафтных зонах (обозн. ландшафтных зон см. на рис. 2).

Ориньякские стоянки: 1 — Явоже Остры; 2 — Бельско-Бяла Чупель; 3 — Бествина 8; 4 — Бохумин-Забляти III; 5 — Острава-Гошталковице I; 6 — Бранице; 7, 8 — Дзержислав 2, 79; 9, 10 — Люботынь 1, 11; 11 — Кетш 2; 12 — Зубжице H; 13 — Петровице Вельке 4b; 14 — Корнице 11; 15 — Макув 12; 16 — Рацибуж-Медоня; 17 — Рыбник-Велёполе Б; 18 — Смич 18; 19 — Закшув 41; 20 — Лигота Дольна; 21, 22 — Высока 57, 4. Граветтские стоянки: 1 — Истебна 7; 2, 3 — Острава-Гошталковице I, II; 4—6 — Острава-Петршковице II, III, I; 7, 8 — Опава I, II; 9 — Козмице; 10 — Опава-Катержинский; 11 — Хухельна; 12 — Дзержислав 79; 13 — Боболюшки 2; 14 — Розумице 3; 15 — Петрашин 18; 16 — Хрусьцелюв 2; 17 — Цыпшанув 1; 18 — Макув Z3; 19 — Рыбник-Готартовице Ж; 20 — Рыбник-Стодолы С; 21 — Рыбник-Голеюв С; 22 — Руда Козельская; 23 — Баборув 7; 24 — Дебжица 1; 25 — Поможовице 17; 26 — Шонув; 27, 28 — Смич 6, 18; 29—32 — Домашковице 6, 16, 17, 38; 33 — Вуйцице 1; 34 — Совин.

Трэбом; табл. 1). Только Рацибуж-Студзенна 12 и Рацибуж-Оцице, которые являлись своеобразными укреплениями в долине Одера, находились за пределами этой территории. Максимальное расстояние между стоянками не превышает 14 км, а минимальное составляет 0,55–0,60 км. Ареал богуницкой культуры не выходит за пределы зоны распространения роговиков, т.е. за пределы нагорья Драхан и юго-западных территорий у Брно [Oliva, 2002; Svoboda, 2006a, b].

Стоянка Дзержислав 1 (нижний уровень) сочетала функции долговременной стоянки, временного лагеря, а также места для охоты и обработки добычи, где выполнялись основные виды деятельности, такие как приготовление пищи, изготовление и ремонт орудий, обработка кости и дерева, дубление шкур животных. Производственные площадки располагались вокруг небольших озер в аласах, которые представляли собой неглубокие резервуары с «технической» водой [Fajer et al., 2005]. Дзержислав 1, возможно, был базовым лагерем для относительно небольшого хозяйственного комплекса. Жилой лагерь и мастерская Дзержислав 8 и Дзержислав 4/Трэбом (табл. 1) расположены рядом. Базовый лагерь с маленькими лагерями, находящимися рядом, типичная модель поселений носителей богуницкой культуры [Svoboda, Ložek, Vlček, 1996].

На территориях временных лагерей, охотничьих стоянок, специальных лагерей для отдыха, мастерских по обработке кремня и в местах забоя животных обнаружены артефакты, включающие немногочисленные наконечники [Kozłowski, 2000; Foltyn, 2003]. В мастерских, возможно, обрабатывалась охотничья добыча и изготавливались орудия. Обнаруженные на стоянках Дзержислав 1, 8 и Макув 15 драханские кварцитовые пренуклеусы связывают памятники с местом добычи каменного сырья в Ондратице и, возможно, с самой стоянкой Ондратице, которая являлась начальной точкой в продвижении человека в северные предгорья Моравских Ворот. Некоторая доля артефактов из верхнесилезского кремня в инвентаре стоянки Ондратице 1 [Oliva, 1995] подтверждает это предположение. Однако, судя по малочисленности изделий из этого сырья на моравских стоянках [Kozłowski, 1991; Svoboda, 1999], миграция человека к северу от Моравских Ворот, скорее всего, не была связана с поиском источников кремня. Кварцитовые пренуклеусы без следов обработки были оставлены после создания лагеря; возможно, они являлись резервом, необходимость в котором отпала после обнаружения местных источников верхнесилезского кремня [Foltyn, 2003]. Обитатели Моравского региона,

 Таблица 1. Характеристики отдельных археологических объектов

	Источники	Foltyn, Kozłowski, 2003; Fajer et al., 2005	Foltyn, 2003	lbid.	Kozłowski, 1964a, 2000; Foltyn, 2003	Klima, 1974; Foltyn, 2003	Foltyn, 2003	Kozłowski, 1964a	lbid.; Foltyn, 2003	Masojć, Bronowicki, 2003	Neruda, 1997	Klima, 1955; Petřkovice, 2008	Klima, 1969	Dagnan, Ginter, 1970	Kozłowski, 1964a
	отходы про- ватодовеи	6,3	6,3	13,7	8,0	6,5	10,8	1	8,3	5,1	6,9	46,6	ı	ı	2,4
Местоположение Артефакты, %	Макролиты	I	I	I	I	I	I	I	I	I	ı	2,0	ı	ı	ı
	Отбойники	6,0	0,2	4,	6, ــ	2,2	_	3,4	<u>6,</u>	I	ı	ı	ı	ı	ı
	видуqО	6,0	10,7	8,2	12,1	36,2	33,5	9,1	8,3	13,7	16,2	5,1	12,3	_∞	3,1
	сколы Резцовые	ı	I	ı	ı	1	1	1	I	ر هُر	1	8,0	ı	ı	ı
	Пластины	13,2	20,6	19,2	12,8	2,7	10,3	3,1	Ω	13,4	13,8	15,3	84,6	89,5	9
	и Ідпепы обломки	9'29	50,5	25	58,3	45,4	37,2	71,5	43,6	63	36,3	30	ı	ı	82,9
	Нуклеусы	8,3	11,2	5,5	7,5	7	6,2	16,3	28,2	3,0	24,4	1,5	3,1	2,5	2,4
	Преформы	1	2,5	I	1	1	_	1	3,3	1	I	I	ı	ı	3,2
	видивопря	오	ЮВ	В	1	O	O	က	I	C3	SB	*	ЮВ	*	Ю3
	Элемент рельефа	Холм, между- речье	Край плато	Склон холма	Вершина холма	Холм, между- речье	Склон борта до- лины	Верхний склон холма, между- речье	Вершина холма, междуречье	Край геоморфо- логического вы- ступа	Вершина остаточ- ного холма	Тоже	Склон борта до- лины	Моренный холм, подножие	Склон борта до- лины
	Относи- тельная высота, м	09	35	45	53	50	25	29	69	~100	45–50	20	25–40	30	20
`	Высота над уровнем моря, м	282,5–284,0	287	270	288,4	310,7	230	307,3	309,8	345-348	248–249	248	230–245	230–233	210–215
Тип памятника		Поселение	Поселение + ма- стерская	То же	Поселение	Поселение с эле- ментами ма- стерской	То же	Мастерская	То же	Поселение с эле- ментами мас- терской	То же	Поселение	*	*	Мастерская
	Памятник	Дзержислав 1 (нижний уро- В вень)	Дзержислав 8	Дзержислав 4/ Трэбом	Дзержислав 1 (верхний уро- вень)	Селет Очице	Самборовице 2а	Люботын 1	ть Люботын 11	Э Высока 57	Острава-Гоштал- ковице I	Острава-Петр- шковице I	Острава-Петр-	Вуйцице	Кыпржанов 1

возможно, случайно обнаружили куски верхнесилезского кремня во время охоты [Kozłowski, 1972/1973]. Предположение о миграции человека в районе к востоку от Одера подтверждается наличием на стоянках Рыбник-Грабовня 3 и Мохельно в Моравском регионе артефактов из кремня с Краковско-Ченстоховской возвышенности [Škrdla, 2000], а на стоянке Дзержислав 1 отщепов из микушовицкого кремнистого сланца

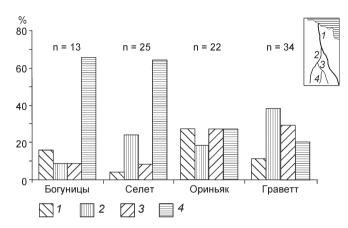
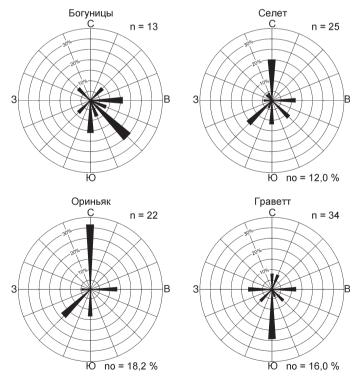

Рис. 4. Распределение археологических стоянок по порядку водотоков.

1 — 1-й порядку: 2 - 2-й: 3 - 3-й: 4 - 4-й

I-1-й порядок; 2-2-й; 3-3-й; 4-4-й. n-кол-во стоянок.

Puc. 5. Распределение археологических стоянок по экспозиции склонов, на которых они находятся.

n – кол-во стоянок; n о – доля стоянок, расположенных в равнинных зонах и на вершинах возвышенностей, для которых не удалось определить ориентацию склона.

[Foltyn, Kozłowski, 2003]. Кратковременное появление на территории к северу от Моравских Ворот людей, обитавших в Богуницком регионе, можно рассматривать как эпизод охоты.

Определяющее значение для создания системы поселений и поддержания между ними связей имели водные потоки 4-го порядка (66,7 %; рис. 4). Это были удобные пути, связывавшие стоянки около Дзержи-

слава; сухие эрозионно-денудационные долины Моравки и ручья Розумицкий являлись ловушками для животных, идущих на водопой. Расположение поселений далеко от главных рек соответствует ситуации в Моравском регионе [Svoboda, 1999; Oliva, 2002]. В долинах небольших рек люди и животные находили укрытие и питьевую воду. Широкие долины больших рек, ориентированные, как правило, с севера на юг, были больше подвержены воздействию ветров и потоков холодного воздуха.

Для проживания люди выбирали чаще всего камовые холмы, а не террасы или уступы на склонах холмов. Удобными для поселения считались только пологие склоны; на вершинах селились редко. В Моравском регионе жилые стоянки встречаются как на склонах, так и на вершинах [Škrdla, 2002]. Организуя поселение на теневой стороне холма, человек чувствовал себя в безопасности, защищенным от сильных ветров. Слабый ветерок в укрытии уносил надоедливую мошку. Расположение поселений на склонах обеспечивало хороший обзор только в одном, но наиболее удобном направлении, в сторону долины [Oliva, 1998a]. Размещение поселений на высотах, доминирующих над окружающей местностью, или на возвышенностях долинных водоразделов давало возможность обозревать долины и плато [Svoboda, 1999; Oliva, 2002; Fajer et al., 2005]. В этих двух зонах со специфическим растительным покровом было представлено сезонное разнообразие пищевых ресурсов, главным образом животных – объектов охоты [Oliva, 2002]. Люди охотились в основном на крупных стадных животных, преимущественно лошадей [Svoboda, Simán, 1989], а также на отдельных более мелких. На стоянках Странска Скала и Брно-Богунице были найдены костные остатки лошади, мамонта и зубра [Musil, 1976, 2003; Seitl, 1984].

Долговременные стоянки создавались преимущественно на юго-восточном (25 %), восточном и южном (до 16,7 %) склонах (рис. 5). Для жилых стоянок выбирали южные и юговосточные склоны. Инсоляция южных склонов была в 2 раза выше, чем северных [Soffer, 1985]. Восточные склоны также были хорошо освещены. Люди стремились найти места с песчаной и гравийной поверхностью. Поселения не создавались на лессовых почвах, поскольку при влажном климате тающий снег и лед превращали лессовый грунт в жидкую грязь. Стоянки расположены на высоте 205,5–310,0 м над ур. м. (рис. 6). Поселения в Моравии находятся на высоте 230–330 м над ур. м. [Škrdla, 2002].

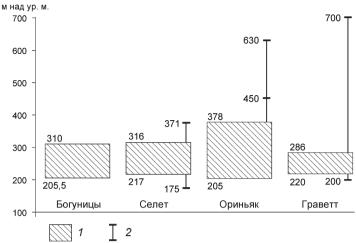
Селетская культура

В период существования селетской культу-

ры площадь ойкумены заметно расширилась и составила 3 290 км². Осваивались новые территории и развивалась более широкая и сложная сеть поселений. Место создания поселения уже жестко не связывалось с возвышенностью. Тем не менее поселенческая деятельность в низинах была не очень активной. Зона распространения селетской культуры включала С1, Е, С2, В (см. рис. 2, б). Северная граница этого культурного ареала протянулась вдоль 50°17′ с.ш., тогда как восточная — 18°57′ в.д. Каменные артефакты позволяют определить зону добычи сырья: ее граница проходит по рекам Ныса Шалена (16°08′ в.д.) и Раба (19°43′ в.д.).

Предположительно установлено существование двух поселенческих микрорегионов. Зарегистрированы также отдельные разрозненные стоянки. Границами первого микрорегиона являются ручей Розумицкий и р. Моравка. Территория другого (несколько стоянок находятся в стороне) вытянута вдоль долины рек Псина и Грабия. Поселенческие объекты удалены друг от друга не более чем на 6,25 км, минимальное расстояние составляет 0,35–0,40 км. Такая схема размещения поселений соответствует концепции системы связи замкнутых групп человеческих поселений с более или менее постоянными базовыми и кратковременными охотничьими лагерями [Allsworth-Jones, 1986; Oliva, 1995; Valoch, 1996; Svoboda, 2006а].

Памятники Дзержислав 1 и Трэбом 1, которые, вероятно, являлись центрами территорий освоения (радиус 10 км), относятся к жилым стоянкам. Стоянка Дзержислав 1 (верхний уровень) расположена на вершине Блэк-Хилл и датируется термолюминесцентным методом 36,5 ± 5,5 тыс. л.н. [Kozłowski, 1964a, 2000; Foltyn, 2003]. На объекте прослежены два скопления кремневых изделий, границы которых соединяются с контуром основания уникальной жилищной конструкции, укрепленной валунами неправильной формы [Kozłowski, 1964a; Fajer et al., 2005]. Терочник, покрытый бурым железняком, является свидетельством того [Kozłowski, 1964b], что на сто-

Puc. 6. Распределение археологических стоянок по высоте над уровнем моря.

1 – основные памятники; 2 – отдельные объекты.

янке изготавливалась краска из железняка и здесь же она использовалась при выполнении некоторых видов работ. Поселенческий комплекс с центральной стоянкой на возвышенности, окруженной кольцом более мелких поселений, типичен для селетской культуры [Oliva, 1992; Svoboda, 2001a; Svoboda et al., 2009]. Масштабные по площади стоянки с низкой концентрацией артефактов можно интерпретировать как многослойные [Oliva, 1995]. Рассредоточение каменных материалов на поверхности площадью более 30 м², по существу, исключает возможность обнаружения свидетельств многократного пребывания на стоянке [Kind, 1985].

Среди разных по назначению стоянок были кратковременные охотничьи лагеря и стихийные мастерские [Kozłowski, 1964a; Foltyn, 2003; Svoboda et al., 2009; Bobak, Połtowicz-Bobak, 2009]. В охотничьих лагерях, вероятно, из полуобработанной охотничьей добычи изготавливались необходимые для охотников изделия. Листовидные наконечники, находившиеся вне связи с другими предметами, скорее всего, относятся к категории изделий, потерянных или выброшенных во время остановки с целью отдыха или охоты [Pazda, Bagniewski, 1968; Foltyn, 2003].

Стратегия охоты предполагала ведение наблюдения за открытыми территориями и исключение фактора непредсказуемости за счет контроля более широких пространств [Svoboda, Ložek, Vlček, 1996]. Поселения организовывались с целью поиска каменного сырья и создания условий для его обработки. Это подтверждается отсутствием очевидных стоянок-мастерских, ориентированных на получение нуклеусов и продуктов их расщепления. На стоянках в Моравском регионе артефакты из верхнесилезского камня составляют только 4 % от всех находок [Kozłowski,

1991; Valoch, 1996, 2000; Nerudová, 1997]. Поиск сырья для этого, конечно, не организовывался. Верхнесилезский кремень люди подбирали, скорее всего, случайно, во время миграций, происходивших с иными целями. Согласно предположению Л. Бинфорда [Binford, 1979], поиск кремня был частью охотничьих походов [Kozłowski, 1972/73].

Основные зоны обитания человека сосредоточивались на участках близ водных потоков 4-го (64 %) и 2-го (24 %) порядка (см. рис. 4). Лагеря, находившиеся в долинах небольших ручьев и высохших рек, которые рассекали склоны высокогорий, были защищены от сильных ветров. Размещение поселений около средних рек 2-го порядка позволяло их обитателям обозревать долину и контролировать маршруты передвижения животных, водопои и места пересечения рек, где во время сезонных миграций регулярно появлялись животные и можно было на них охотиться [Oliva, 2007]. Мы полагаем, что в широких речных долинах можно было легче отследить звериные тропы [Valoch, 1996]. К тому же, крутые борта долин рек 2-го порядка (таких как Опава, Олше, Псина или Клодница), вероятно, были местами охоты. Отложения стоянок в Словакии и Моравии, расположенные на подобных участках, содержали остатки мамонта, бизона, зубра, лошади и лося [Oliva, 1995].

Верхнесилезские стоянки занимают важные стратегические позиции; они расположены преимущественно на холмах или небольших, но протяженных возвышенностях. Места для их размещения на вершинах, склонах и у подножий гор выбирались осознанно. Террасы, кромки плато или холмообразные скалистые возвышенности использовались реже.

Из поселений на вершинах возвышенностей, краях террас и бортах долин люди могли наблюдать, что происходило в долинах [Ibid.; Svoboda, 1999; Hromada, 2000; Škrdla, 2002]. Стоянки Дзержислав 1 и Трэбом, которые считаются жилыми поселениями, расположены на высотных точках. Выбор места для них, вероятно, сделан с учетом хорошей освещенности участка, защищенности от насекомых, а также возможности вести наблюдения за миграцией животных. Неподалеку от Дзержислава 1 находился один (или два) созданный человеком бугор [Fajer et al., 2005], откуда можно было лучше контролировать окружающую местность. Необходимо упомянуть и о стоянке Отице, которая занимает выгодную позицию: с нее открывается вид на долину в точке пересечения четырех рек – Велка, Гвозднице, Моравице и Опава.

Для охотничьих лагерей выбирали места, где был широкий, ничем не ограниченный обзор, и на подветренной стороне, поскольку в безветренную погоду запах человека распространяется во всех направлениях со средней скоростью 1 м/мин [Meissner, 1990]. Поселения создавались, как правило, в местности с пес-

чаной или гравийно-песчаной поверхностью, быстро впитывающей влагу. Стоянки обычно встречаются на склонах, обращенных на север (20,8) и на юго-запад (16,7 %) (см. рис. 5), большинство — на отметках 217—316 м над ур. м. (87 %), редко — 175—371 м над ур. м. (см. рис. 6). Важно отметить, что богуницкие и селетские поселения территориально в целом не совпадали. Подобное наблюдается и в Моравском регионе [Oliva, 1995; Svoboda et al., 2009].

Ориньякская культура

Поселения носителей ориньякской культуры занимали территорию площадью 3 756 км² и находились в зонах С1, В, А, С2, С3 (см. рис. 3, а). Этот ареал протянулся от 17°38′ до 19°03′ в.д. вдоль 50°28′ с.ш. и не включал низинные территории. Стоянки сосредоточивались в долинах рек Моравка, Троя и Псина, а также на Хелмском массиве. Расстояние между ними 2,6–6,7 км (Моравка – Троя – Псина) и 2,0–4,2 км (Хелмский массив). Стоянки в Силезском предгорье, в Силезских Бескидах и Малых Бескидах, возможно, образовывали третье скопление; остальные стоянки не связаны друг с другом. Характерной чертой ориньякской культуры является территориальная изолированность разнотипных групп поселений [Hahn, 1977; Svoboda, Simán, 1989; Valoch, 1996; Bánesz, 1998; Svoboda, 2006a].

Наиболее крупные мастерские (Люботынь 1 и Люботынь 11) и жилые стоянки, объединенные с мастерскими (Высока 57 и Острава-Гошталковице I; табл. 1), сопровождались небольшими мастерскими и лагерями со следами временного пребывания охотников во время разовых остановок либо остановок с целью восстановления орудий [Kozłowski, 1964a, 1965; Foltyn E., 2003; Foltyn E.M., Foltyn E., 2003; Masojć, Bronowicki, 2003; Połtowicz, 2003].

Количественный анализ инвентаря стоянок Корнице 11 [Chochorowska, Chochorowski, 1986] и Петровице Вельке 4b [Kozłowski, 1964а] выявил преобладание по численности нуклеусов над орудиями. На этих стоянках по сравнению со стоянками в Бескидских горах местный микушовицкий кремнистый сланец представлен в объеме, который соответствовал лишь ежедневным потребностям; его появление можно связать со спорадическими масштабными перемещениями людей в поисках новых охотничьих территорий.

Таким образом, следы пребывания ориньякского населения на северной стороне Моравских Ворот свидетельствуют о двух видах деятельности — охоте и изготовлении каменных орудий. Они определяли потребность в кремневом сырье [Svoboda, Ložek, Vlček, 1996; Valoch, 1996]. Преобладание изделий из верхнесилезского кремня отмечена в тех районах, где представлена индустрия типа Мишковице [Valoch, 1993;

Oliva, 2002]. Значительное присутствие артефактов из этого сырья отмечено также на ориньякских стоянках [Valoch, 1975; Oliva, 2002; Škrdla, 2007]. Частая встречаемость изделий из верхнесилезского кремня в инвентаре памятников Моравского региона означает регулярный доступ к его ресурсам. Возможно, организовывались специальные походы к источникам этого сырья, известным определенным группам людей [Kozłowski, 1972/73; Oliva, 1984]. Такие экспедиции, которые Л. Бинфорд называл целенаправленными [Binford, 1979], могли совпадать с сезонными миграциями животных. Наличие изделий из юрского кремня, встречающегося в окрестностях Кракова, свидетельствует о передвижениях групп людей на значительные расстояния в восточном направлении [Ibid.]. По мнению М. Оливы, группы людей, перемещавшиеся к выходам кремня, могли обмениваться целыми отдельностями камня с другими сообществами. В мастерских изготавливали пластины и орудия [Kozłowski, 2004], которые попадали к ближайшим и несколько более отдаленным соседям, например, обитателям территорий Восточной Словакии и Венгрии [Kozłowski, 1972/73; Oliva, 1984; Kozłowski, Mester, 2003/04]. По мнению И. Свободы [Svoboda, Ložek, Vlček, 1996], сырье с севера на ориньякских стоянках появилось, возможно, в результате контактов ориньякских популяций с носителями граветтской культуры. Целью походов в горы могла быть также сезонная oxota [Kozłowski, 1994].

Между типом стоянки и ее местоположением нет прямой связи. Поселения рассредоточены в равной степени вдоль водных потоков 1 (27,3 %), 3 (27,3 %), 4 (27,3 %) и 2-го (18,2 %) порядка (см. рис. 4). Наиболее крупные поселения не располагаются у водотоков 3-го порядка. Такое распределение поселений по территориям около рек и ручьев в северных предгорьях Моравских Ворот можно объяснить тем, что реки являлись своеобразными коридорами, которые соединяли разные экологические зоны [Bahn, 1983], в равной степени привлекательные для носителей ориньякской культуры. По речным долинам человеку легче было выйти на моренные равнины и плато с флювиогляциальными отложениями. Тенденция к одновременному освоению вершин, долин и впадин как мест для создания стоянок не прослеживается. Обитатели стоянок, расположенных не в горах, были вынуждены ежедневно совмещать орудийную деятельность и охоту. Чтобы обеспечить себя пищей, охотники, скорее всего, преследовали любых животных; например, материалы стоянки в Австрии содержали костные остатки не только северного оленя, но и мамонта, носорога, оленя, лисы, горного альпийского козла, волка, зайца, лошади, льва и полорогих жвачных [Hahn, 1977]. На многих стоянках артефакты рассеяны по склонам холма. Стоянки на склонах северной экспозиции преобладают (31,9 %; см. рис. 5). Лишь несколько стоянок ориентированы на юго-запад (Высока 57, Петровице Вельке 4b и Корнице 11) и восток (Дзержислав 79). Поселения располагаются на вершинах или склонах либо на краях возвышенностей. Встречаются местонахождения и в зоне обнажения горных пород (Хелмский массив). В таких местах впитывающая способность грунта и утечка воды вызывали пересушенность земли.

Стоянки на вершинах или в стратегически важных местах создавались, вероятно, с учетом необходимости отслеживать перемещение дичи [Oliva, 1987; Svoboda et al., 2009]. Широкий обзор давал возможность охотникам заранее выбирать тактику поведения [Hromada, 2000]. Примерами могут являться стоянки в долине р. Одер — в Хелмском массиве и в Острава-Гошталковице I [Masojć, Bronowicki, 2003; Neruda, 1997].

Большинство стоянок (90,9 %) расположены на высоте 205–378 м над ур. м. (см. рис. 6). Две стоянки находятся на высоте 450-630 м над ур. м.

Граветтская культура

Ареал памятников граветтской культуры обширен: его площадь 6 565 км². Поселения располагались в зонах С1, С3, С2, А, Е (см. рис. 3, б). Мигрирующие в северном направлении носители граветтской культуры достигли пространства между 17°12′ и 18°55′ в.д., что свидетельствует об устойчивости, подвижности и гибкости их поселенческих моделей. Они не избегали территорий с изменчивыми условиями окружающей среды. Анализ распространения граветтских стоянок выявил их наиболее высокую плотность на территории, где высокие равнины Глучин соединяются с низинной местностью Острава. Здесь поселения удалены на 0,7-8,5 км друг от друга. Два менее консолидированных комплекса, в которых расстояния между стоянками составляют 5,0-13,5 км, были выявлены на участках между реками Опава и Особлага, а также Особлага и Ныса Клодзка. Аналогично располагаются объекты небольшого комплекса в долине р. Руда. Концентрация поселений вдоль речных долин иногда создает впечатление линейной системы [Otte, 1985]. На юге поселения располагаются по линии ЮВ – СЗ, на севере – по линии ЮЗ – СВ. Обособленное кратковременное поселение Истебна 7 [Rydlewski, 1983] является свидетельством того, что человек решался заходить глубоко в горы.

К северу от Моравских Ворот выделяются два хронологических горизонта граветта. Один из них отражает развитую стадию и содержит материалы павловской культуры. Второй, менее выраженный горизонт, включающий наконечники с боковой выемкой, связан с виллендорф-костёнковской и средиземноморской граветтской (Розумице 3) культурами. Поселения различаются по материалам культур. Жилые поселки (Острава-Петршковице I, Острава-Петршковице II, Вуйцице; табл. 1) с домашней мастерской (Цыпшанув 1) встречаются чаще всего.

По результатам радиоуглеродного датирования были выделены два этапа в истории стоянки Острава-Петршковице I: 23 370 \pm 160 и 20 790 \pm 270 л.н. [Svoboda et al., 2009]. Рядом с остатками жилищных конструкций здесь находились хозяйственные ямы для хранения припасов, пятна т.н. красного железняка, а также многочисленные следы кострищ, что свидетельствует о длительном пребывании человека. Данный вывод подтверждается наличием среди находок фигурок «венеры», которые, вероятно, были забыты на стоянке [Klima, 1955; Otte, 1981; Jarošová et al., 1996; Jarošová, 1999; Oliva, Neruda, 1999].

Небольшие стоянки со скудным материалом, повидимому, были кратковременными мини-мастерскими или спутниками охотничьих лагерей – Смич 6, 18, Гошталковице II [Kozłowski, 1964a; Klima, 1969; Rydlewski, 1983; Neruda, 1995, 1997; Oliva, 1998a; Oliva, Neruda, 1999; Foltyn, 2000; Neruda, Nerudová, 2000; Svoboda, 2000; Svoboda et al., 2009; Foltyn E.M., Foltyn E., 2003; Połtowicz, 2003]. Судя по наличию павловских наконечников, которые интерпретируются как орудия охоты и/или ножи, здесь могли быть охотничьи территории и/или места, где обитала дичь [Kozłowski, 1964a; Foltyn E.M., Foltyn E., Wysocka-Grzanka, 1995].

Эти граветтские популяции из Моравского и Богемского регионов, вероятно, пришли в бассейн верхнего течения Одера и к истоку Вислы в поисках источников высококачественного сырья. «Импорт» верхнесилезского кремня достиг невиданных ранее масштабов [Oliva, 2002; Svoboda, 2003]. Доля изделий из него на моравских стоянках составляла от 6,2 до 100 % [Svoboda, 2001b; Oliva, 2007; Škrdla, Nyvltová-Fišáková, Nyvlt, 2008; Svoboda et al., 2009]. Верхнесилезский кремень доставлялся и на территории Восточной Словакии, Австрии и Венгрии [Kozłowski, 1987; Dobosi, 2000]. Потребность в нем обитателей поселений на территориях Моравии и Словакии обусловила появление и развитие системы взаимного и регулярного обмена [Svoboda, 1994; Svoboda, Ložek, Vlček, 1996; Oliva, 1998b]. Природа этого феномена требует обсуждения. Известны две точки зрения на нее. Первая основана на данных о том, что территория северных предгорий Моравских Ворот является источником каменного сырья. Кремень добывали в ходе регулярных специальных экспедиций или охотничьих походов по следам мигрирующих животных [Kozłowski, 1996; Svoboda, Ložek, Vlček, 1996; Oliva, 1998b, 2007; Svoboda, 2001b]. Если бы камни приходилось доставлять отдельно от другой добычи, то их объем и интенсивность использования должны были сокращаться по мере увеличения расстояния от источника [Oliva, 2002]. Однако изделия из верхнесилезского кремня доминируют даже на самых отдаленных местонахождениях. Нет никаких свидетельств специальной обработки или повышения эффективности его использования [Oliva, 1998b, 2002]. Низкая плотность стоянок и, главное, малочисленность мастерских противоречат такой модели [Oliva, 2007]. Заселение северных предгорий Моравских Ворот, возможно, было кратковременным (летний сезон?) и поэтому не оставило заметных следов [Ibid.]. Некоторые стоянки были уничтожены в результате процессов солифлюкции. Лишь отдельные культурно недиагностируемые артефакты могут свидетельствовать о существовании дополнительных стоянок-мастерских или хозяйственных мастерских [Kozłowski, 1996].

Согласно второй точке зрения, в северных предгорьях Моравских гор в ходе адаптации к местной микросреде сформировался автономный поселенческий центр, который постоянно или большую часть года был населен. Обнаружение отдельного небольшого поселенческого центра на территории Венгрии [Dobosi, 2000] подтверждает эту гипотезу. Носители граветтской культуры нашли богатые природные ресурсы в Верхней Силезии. В дальнейшем их поселенческая деятельность распространилась на многие долины. Например, в долинах на Глубчицком плато плотность поселений в направлениях С – Ю, СЗ – ${\rm HOB}$ и ${\rm CB-HO3}$ составляет от одного до трех на 1 км². Группам, которые решались зимовать здесь, удавалось накопить запасы мяса и дров в конце лета и осенью. На круглогодичных поселениях мастера, имевшие доступ к источникам кремня, сталкивались с выходцами с территории Моравии и Словакии, которые также приходили за сырьем [Oliva, 1998b]. Жители сезонных поселений, занимавшиеся добычей кремня, со временем передвигались к югу, в места с более комфортными для проживания условиями, с ними перемещался и каменный материал. Обмениваясь кремнем, представители разных групп получали право на охоту на чужих территориях [Oliva, 1998b, 2007]. Предположение о такой модели распределения подтверждается тем, что в Моравском регионе наиболее крупные поселения были обитаемы круглогодично или в течение зимы [Klima, 1994; Svoboda, Ložek, Vlček, 1996; Nývltová-Fišáková, 2013], а на территории Словакии - осенью и, возможно, зимой [Kaminská, Kozłowski, 2002].

В обоих ареалах человека обмен сырьем выполнял важную социальную функцию и способствовал поддержанию межгрупповых отношений [Oliva, 2002]. Сырье транспортировалось в виде предварительно оббитых галек, пренуклеусов, пластин или нуклеусов [Kozłowski, 1987; Oliva, 1998b, 2007]. И хотя приоритетной задачей являлась разработка каменных ресурсов, население не прекращало охотиться. Охот-

ничьи коллективы покидали базовые стоянки (Острава-Петршковице I, Вуйцице?), иногда называемые «местами добывания камня» [Klima, 1957], и отправлялись на близлежащие территории, а также в горы [Rydlewski, 1983]. Согласно палеозоологическим данным, мамонт (Острава-Петршковице I, Опава I, II, Вуйцице?) являлся объектом охоты наряду с лошадью и северным оленем (Острава-Петршковице I, Опава I).

Наиболее часто местонахождения встречаются вдоль водных потоков 2-го (38,2 %) и 3-го (29,4 %) порядка (см. рис. 4). Поселения и мастерские часто располагались вблизи водотоков 1-го и 2-го порядка. В этих местах люди охотились главным образом на мамонтов, а также добывали камень на склонах долин. В широких долинах рек 1-го и 2-го порядка люди могли обеспечить себя пищей круглый год [Oliva, 2007]. Холмам они предпочитали край плато, возвышающегося над долиной. Поселения создавались на склонах или террасах, что может объясняться

стремлением их обитателей контролировать происходящее в долине и на возвышенностях, а также иметь доступ к питьевой воде. Люди не были готовы организовывать поселения внизу, в долинах (как это сделали обитатели Моравского региона [Oliva, 1998a]), поскольку они боялись насекомых, наводнений, ветров и потоков холодного воздуха.

На территории Моравии и Венгрии большинство постоянных лагерей расположены рядом с вершинами и на возвышенностях [Ibid.; Oliva, Neruda, 1999], с которых можно было вести наблюдение за пространством радиусом в несколько километров. С поселения Острава-Петршковице I на холме Ландек открывался вид на широкую долину Одера, покрытую весной зеленью. Охотничьи лагеря разбивались около устьев притоков больших рек [Otte, 1981].

Стоянки располагались, как правило, на южных, наиболее освещенных склонах (24,3 %; см. рис. 5). В этом состоит их отличие от поселений в Моравском

Таблица 2. Связь верхнепалеолитических объектов северных предгорий Моравских Ворот с ландшафтными зонами

Ланд- шафт- ные зоны	Высота над уров- нем моря, м	Площадь ареала, % от площади рассматриваемого региона	Рельеф	На- личие сырья	Тип памятника	Культура
A	600–1400	8,61*	Средневысотные горы, окруженные вершинами, ступенчатые борта долин	+	Охотничий лагерь	Ориньяк- ская, гра- веттская
B1+B2	300–500	10,35+9,18	Холмистый (Силезское низкогорье); перевалы; протяженные, относительно высокие хребты; карстовые формы (Силезско-Краковская возвышенность)	+	Поселения с элементами мастерской Охотничий лагерь Кратковременная стоянка	Селетская, ориньяк- ская
C1	260–310	6,21	Переход от плоского рельефа к холмистому; лессы; поверхность глубоко рассечена долиной	+	Мастерская Мини-мастерская Поселение Поселение с элементами мастерской Кратковременная стоянка Место забоя животных	
C2	200–260	28,52	Плоский и холмистый	+	Поселение с элементами мастерской Кратковременная стоянка Место охоты	То же
C3	160–200	19,3	Плоский и слегка холмистый	+	Поселение с элементами мастерской Кратковременная стоянка Место охоты	Богуницкая, селетская, граветт- ская
D	240–320	0,72	Холмы вытянутой или нере- гулярной формы	+	-	_

^{*}Без учета Восточных Судет.

регионе [Oliva, 1998a, 2002; Škrdla, 2006]. Частично оно объясняется разной ориентацией долин: в Моравском регионе последние расположены меридионально, а к северу от Моравских Ворот – почти широтно. При выборе места для стоянки предпочтение отдавали лессовым ареалам. Преобладание лессовых отложений гарантирует оптимальные условия для произрастания травяных растений, которые привлекают крупных млекопитающих [Fajer et al., 2005]. В зонах с исключительно благоприятными ландшафтными условиями стоянки организовывались несколько раз практически в одном и том же месте (Острава-Петршковице I, II, Опава I).

Подавляющее большинство стоянок находится на высоте 220–286 м над ур. м. (83,3 %). Стоянка Истебна 7 расположена на высоте 700 м над ур. м. (см. рис. 6). Аналогичная ситуация наблюдается в Моравском регионе [Oliva, 1998a; Svoboda, 2003; Svoboda et al., 2009; Škrdla, 2006] и в западной части Словакии [Kaminská, Kozłowski, 2002].

Заключение

Объектом исследования были четыре поселенческоадаптационные системы, сформированные в результате демографических, экономических и социальных процессов, которые происходили на территориях к югу от Моравских Ворот. Охотники начала и середины верхнего палеолита проживали в северных предгорьях Моравских Ворот. Их сходство проявлялось в выборе мест для своих поселений, а различия в размещении отдельных стоянок и способах использования занимаемых земель (табл. 2).

Поселенческая модель богуницкой культуры предполагала заселение территорий, ограниченных камовыми холмами высотой до 310 м над ур. м. Стоянки располагались вблизи водных потоков 4-го порядка, на склонах с юго-восточной, восточной и южной экспозицией, в некотором удалении от вершин.

Селетской культуре принадлежит другая поселенческая модель. Повышенной мобильности ее носителей соответствовали большее число стоянок и более крупные размеры «земельных владений». Поселения селетской культуры находятся в зонах С1, Е, С2 и В. Во время миграции стоянки создавались в долинах рек преимущественно 4-го и 2-го порядка. Селетские группы размещали свои лагеря на высоте 217–316 м над ур. м., преимущественно на камовых и скалистых холмах, а позже – на террасах или кромках моренных плато. Они выбирали склоны, как правило, северной, юго-западной, южной и юго-восточной экспозиции.

Поселенческая модель ориньякского населения была связана с освоением зон C1, В и А. Диапазон вертикального перемещения достигал 425 м (205–630 м

над ур. м.). Стоянки организовывались на возвышенностях (камовых, моренных, гористых, скалистых или нагорных), у водных потоков 1, 3, 4-го и в меньшей степени 2-го порядка, на северном, юго-западном, южном и восточном склонах.

Носители граветтской культуры, как и селетское население, селились в низинах и, как представители ориньякской культуры, несмотря на трудности, — в горах. Ареалы граветтского населения соответствуют ландшафтным зонам С, А, Е, но фактически их модель в большей степени связана с регионом С1. Поселения организованы на высотах 220—286 м над ур. м. на кромках плато, в основном на теневых склонах холмов и вершин, обеспечивавших естественную защиту, на берегах рек 2, 3, 4-го и реже — 1-го порядка. Стоянки, как правило, располагались на южном, восточном и западном склонах. Популяции мигрировали в поисках сырья и охотничьей добычи.

Группы населения, следы деятельности которых периода интерпленигляциала обнаружены на северных предгорьях Моравских Ворот, различаются по материальному статусу, хозяйственным и поселенческим традициям.

Список литературы

Allsworth-Jones P. The Szeletian and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in central Europe. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – 412 p.

Bahn P. Late Pleistocene economies of the French Pyrenees // Hunter-Gatherer Economy in Prehistory. A European Perspective / ed. G.N. Bailey. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – P. 168–186.

Bánesz L. Socio-historical and palaeo-ecological considerations of Aurignacian in Europe and Near East // Slovenská archeológia. – 1998. – Vol. 46. – P. 1–30.

Binford L.R. Organisation and formation processes. Looking at curated technologies // J. of Anthropol. Research. – 1979. – Vol. 35. – P. 255–273.

Bobak D., Połtowicz-Bobak M. Przyczynek do rozpoznania osadnictwa paleolitycznego na terenach Płaskowyżu Głubczyckiego. Dwa nowe stanowiska powierzchniowe z Pilszcza // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. – 2009. – Vol. 51. – S. 131–140.

Chochorowska E., Chochorowski J. Nowe dane do geochronologii stanowiska paleolitycznego Kornice 11 // Materiały Archeologiczne. – 1986. – T. 23. – S. 233–245.

Dagnan A., Ginter B. Wyniki badań na stanowisku górnopaleolitycznym w Wójcicach, pow. Grodków // Sprawozdania Archeologiczne. – 1970. – Vol. 22. – S. 31–37.

Dobosi V. Interior parts of the Carpathian Basin between 30,000 and 20,000 BP // Hunters of the Golden Age. The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000–20,000 BP / eds. W. Roebroeks, M. Mussi, J. Svoboda, K. Fennema. – Leiden: Univ. of Leiden, 2000. – P. 232–239.

Fajer M., Foltyn E., Kozlowski J.K., Pawelczyk W., Waga J.M. The multilayer Palaeolithic site of Dzierżysław I

(Upper Silesia, Poland) and its environmental context // Přehled výzkumů. – 2005. – Vol. 46. – S. 13–33.

Foltyn E. Badania ratownicze wielokulturowego stanowiska C w Rozumicach, woj. opolskie // Badania archeologiczne na Górnym Śląsku i ziemiach pogranicznych w 1997 roku / ed. E. Tomczak. – Katowice: Centrum Dziedzictwa Kulturowego Górnego Śląska, 2000. – S. 13–19.

Foltyn E. Uwagi o osadnictwie kultur z ostrzami liściowatymi na północ od łuku Karpat // Przegląd Archeologiczny. – 2003. – Vol. 51. – S. 5–47.

Foltyn E.M., Foltyn E. Starsza epoka kamienia we wschodniej części Górnego Śląska w świetle odkryć w dorzeczu Rudy // Ludzie i Kultury / ed. I. Bukowska-Floreńska. – Żory: Muzeum Miejskie w Żorach, 2003. – Vol. 1. – S. 85–104.

Foltyn E.M., Foltyn E., Wysocka-Grzanka J. Archeologiczne badania poszukiwawcze nad dolną i środkową Rudą // Scripta Rudensia. – 1995. – Vol. 4. – S. 7–29.

Foltyn E., Kozlowski J.K. The lower level of the site of Dzierżysław I, Opole voivodship (Silesia, Poland) and the problem of the Bohunician // Eurasian Prehistory. – 2003. – Vol. 1. – P. 79–116.

Geomorfologia Polski. Góry i wyżyny / ed. M. Klimaszewski. – Warszawa: PWN, 1972. – T. 1. – 384 s.

Hack J. Studies of longitudinal stream profiles in Virginia and Maryland // Geological Survey Professional Paper. – 1957. – Vol. 294-B. – P. 45–95.

Hahn J. Aurignacien. Das Ältere Jungpaläolithikum in Mittel- und Osteuropa. – Köln: Böhlau, 1977. – 187 S.

Hromada J. Moravany nad Váhom. Táboriská lovcov mamutov na Povazí. – Nitra; Bratislava: Archeologický ústav Sloven, akad. vied., 2000. – 126 s.

Jarošová L. Nové výzkumy paleolitické lokality v Ostravě-Petřkovicích v letech 1994–1995 // Archeologické rozhledy. – 1999. – T. 51. – S. 26–57.

Jarošová L., Cílek V., Oches E., Śnieszko Z. Petřkovice, excavations 1994–1995 // Paleolithic in the Middle Danube Region / ed. J. Svoboda. – Brno: Archeologický ústav Akad. věd České republiky, 1996. – P. 191–205.

Kaminská L., Kozłowski J.K. Gravettian settlement on the south and north side of the Western Carpathians // Starsza i środkowa epoka kamienia w Karpatach polskich / ed. J. Gancarski. – Krosno: Muzeum Podkarpackie w Krośnie, 2002. – P. 35–58.

Kind C.-J. Die Verteilung von Steinartefakten in Grabungsflächen. – Tübingen: Archaeol. Venatoria: Inst. für Urgeschichte, 1985. – 283 S.

Klima B. Výsledky archeologického výzkumu na tábořišti lovců mamutů v Petřkovicich, okr. Ostrava v roce 1952 a 1953 // Acta Musei Silesiae. – 1955. – T. 4. – S. 1–35.

Klima B. Übersicht über die jüngsten paläolithischen Forschungen in Mähren // Quartär. – 1957. – Bd. 9. – S. 85–130.

Klima B. Petřkovice II – nová paleolitická stanice v Ostravě // Archeologické rozhledy. – 1969. – T. 21. – S. 583–595.

Klima B. Paleolitické nálezy z Otic u Opavy // Archeologický Sbornik. – 1974. – T. Í. – S. 9–21.

Kozłowski J.K. Paleolit na Górnym Śląsku. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, PAN, 1964a. – 222 s.

Kozlowski J.K. Stanowisko górnopaleolityczne Dzierżysław I, pow. Głubczyce, na Górnym Śląsku w świetle badań przeprowadzonych w 1962 r. // Wiadomości Archeologiczne. – 1964b. – T. 30. – S. 461–477.

Kozłowski J.K. Węzłowe problemy chronologii paleolitu w dolinie Odry i Cyny pod Raciborzem // Rocznik Muzeum Górnośląskiego w Bytomiu, Archeologia. – 1965. – T. 3. – S. 5–38.

Kozlowski J.K. The origin of lithic raw materials used in the Palaeolithic of the Carpathian countries // Acta Archaeologica Carpathica. – 1972/73. – Vol. 13. – P. 5–19.

Kozlowski J.K. Changes in raw material economy of the Gravettian technocomplex in Northern Central Europe // International Conference on Prehistoric Flint Mining and Lithic Raw Material Identification in the Carpathian Basin / ed. K.T. Biró. – Budapest, 1987. – P. 65–79.

Kozłowski J.K. Raw material procurement in the Upper Paleolithic of Central Europe // Raw material economies among prehistoric hunter-gatherers / eds. A. Montet-White, S. Holden. – Lawrence: Univ. of Kansas, 1991. – P. 187–196. – (Univ. of Kansas Publ. in Anthropol.; N 19).

Kozlowski J.K. Le Paléolithique des Carpates occidentales // Preistoria Alpina – Museo Tridentino di Scienze Naturali. – 1994. – Vol. 28 (1992). – P. 113–126.

Kozłowski J.K. The Danubian Gravettian as seen from the northern perspective // Paleolithic in the Middle Danube Region / ed. J. Svoboda. – Brno: Archeologický ústav Akad. věd České republiky. 1996. – P. 11–22.

Kozłowski J.K. Southern Poland between 50 and 30 Kyr B.P. Environment and Archeology // Neanderthals and Modern Humans: discussing the transition: Central and Eastern Europe from 50,000–30,000 B.P. / eds. J. Orschiedt, G.-C. Weniger. – Mettmann: Neanderthal Museum, 2000. – P. 76–91.

Kozłowski J.K. Świat przed "rewolucją" neolityczną. Wielka Historia Świata. – Kraków: Fogra, 2004. – T. 1. – 768 s.

Kozlowski J.K., Mester Z. Un nouveau site du Paléolithique supérieur dans la region d'Eger (nord-est de la Hongrie) // Praehistoria. – 2003/04. – Vol. 4/5. – P. 109–140.

Masojć M., Bronowicki J. The Chełm Massif area – An Aurignacian settlement enclave in the South-Western Poland // Przegląd Archeologiczny. – 2003. – Vol. 51. – S. 49–76.

Meissner H.-O. Die Überlistete Wildnis. – Warszawa: Bellona, 1990. – 285 S.

Musil R. Pferdefunde aus der Zeit zwischen dem Alt- und Mittelwürm // Valoch K. Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice. – Praha: Archeologický ústav Československé akad. věd, 1976. – S. 76–83.

Musil R. The Early Upper Paleolithic fauna from Stránská skála // Stránská skála. Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin Moravia, Czech Republic / eds. J. Svoboda, O. Bar-Yosef. – Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ., 2003. – P. 213–218.

Neruda P. Technologická analýza remontáže gravettienské industrie z lokality Hoštálkovíce-Hladový Vrch // Acta Musei Moraviae. – 1995. – Vol. 80. – S. 29–44.

Neruda P. Paleolitická stanice na "Dubečku" v Ostravě-Hoštálkovícich // Acta Musei Moraviae. – 1997. – Vol. 82. – S. 87–116.

Neruda P., Nerudová Z. Archeologická sondáž na lokalitě Hoštálkovíce II-Hladový Vrch (o. Ostrava) // Acta historica et museologica Universitatis Silesianae Opaviensis. – 2000. – T. 5. – S. 116–122.

Nerudová Z. K využití cizích surovin v szeletienu na Moravě // Acta Musei Moraviae. – 1997. – T. 82. – S. 79–86.

Nývltová-Fišáková M. Seasonality of Gravettian sites in the Middle Danube Region and adjoining areas of Central Europe // Quaternary Intern. – 2013. – Vol. 294. – P. 120–134.

Oliva M. Technologie a použité suroviny štípané industrie moravského aurignacienu // Archaeologické rozhledy. – 1984. – T. 36. – S. 601–628.

Oliva M. Aurignacien na Moravì // Studie muzea Kroměřížska. – 1987. – T. 87. – S. 5–128.

Oliva M. The Szeletian occupation of Moravia, Slovakia and Bohemia // Acta Musei Moraviae. – 1992. – Vol. 77. – S. 35–58

Oliva M. Le Szélétien de Tchécoslovaquie: industrie lithique et repartition géographique // PALEO. – 1995. – N 1, suppl. – P. 83–90.

Oliva M. Geografie Moravského Gravettienu // Památky archeologické. – 1998a. – T. 89. – S. 39–63.

Oliva M. K ekonomii surovin štípané industrie Moravského Gravettienu // Sborník Prací Filozofické Fakulty Brněnské Univ. – 1998b. – T. 3. – S. 9–19.

Oliva M. Využívání krajiny a zdrojů kamenných surovin v mladém paleolitu // Archeologické rozhledy. – 2002. – T. 54. – S. 555–579.

Oliva M. Gravettien na Moravě. – Brno: Masarykova univ., 2007. – 258 s.

Oliva M., Neruda P. Gravettien severní Moravy a českého Slezska // Acta Musei Moraviae. – 1999. – T. 84. – S. 43–115.

Otte M. Le Gravetien en Europe Centrale // Disseratationes Archaeologicae Gaudenses. – 1981. – Vol. 20. – P. 1–504.

Otte M. Le Gravettien en Europe // L'Anthropologie. – 1985. – Vol. 89. – P. 479–503.

Klima B. Pavlov I Excavations 1952–53. – Liège: Univ. de Liège, 1994. – 234 p. – (ERAUL; N 66).

Pazda S., Bagniewski Z. Wyniki badań powierzchniowych w powiecie głubczyckim // Terenowe Badania Archeologiczne na Opolszczyźnie. Rok 1968. – Opole, 1968. – S. 57–87.

Petřkovice: On Shouldered Points and Female Figurines / ed. J. Svoboda. – Brno: Archeologický ústav Akad. věd České republiky, 2008. – 252 s.

Połtowicz M. Dzierżysław 79, pow. Głubczyce – nowe, wielokulturowe stanowisko powierzchniowe z epoki kamienia // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. – 2003. – T. 45. – S. 97–106.

Rydlewski J. Paleolityczne i neolityczne materiały z Beskidu Śląskiego // Acta Archeologica Carpathica. – 1983. – T. 22. – S. 199–207.

Seitl L. Befund über das pleistozäne osteologische Material von Stránská skála (Bez. Brno-město) // Přehled výzkumů 1982. – Brno: Archeologichý ústav ČSAV, 1984. – 13 s.

Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. – Orlando (Florida): Academic Press, 1985. – 539 p.

Svoboda J. The Pavlov Site, Czech Republic: lithic evidence from the Upper Paleolithic // J. of Field Archaeol. – 1994. – Vol. 21. – P. 69–81.

Svoboda J. Čas lovců: dějiny paleolitu, zvláště na Moravě. – Brno: Archeologický ústav Akad. věd České republiky, 1999. – 352 s.

Svoboda J. Opava (okr. Opava) // Přehled výzkumů. – 2000. – T. 40. – S. 168–174.

Svoboda J. La question szélétienne // Les industries à outils bifaciaux du Paléolithique moyen d'Europe occidentale /

ed. D. Cliquet. – Liège: Univ. de Liège, 2001a. – P. 221–230. – (ERAUL; N 98).

Svoboda J. The Pavlov site and the Pavlovian: a large hunter's settlement in a context // Praehistoria. – 2001b. – Vol. 2. – P. 97–115.

Svoboda J. The Gravettian of Moravia: Landscape, settlement, and dwellings // Perceived landscapes and built environments: The cultural geography of Late Paleolithic Eurasia / eds. S.A. Vasil'ev, O. Soffer, J. Kozłowski. – Oxford: Archaeopress, 2003. – P. 121–129. – (BAR Intern. Ser.; N 1122).

Svoboda J. Sídelní archeologie loveckých populací. K dynamice a populační kinetice mladého paleolitu ve středním Podunají // Přehled výzkumů. – 2006a. – T. 47. – S. 13–31.

Svoboda J. The Danubian Gate to Europe: Patterns of chronology, settlement archeology, and demography of late Neandertals and early modern humans of the Middle Danube // When Neanderthals and Modern Humans Met / ed. N.J. Conard. – Tübingen: Kerns Verl., 2006b. – P. 233–267.

Svoboda J., Havlíček P., Ložek V., Macoun J., Musil R., Přichystal A., Svobodová H., Vlček E. Paleolit Moravy a Slezska. – Brno: Archeologický ústav Akad. věd. České republiky, 2009. – 303 p.

Svoboda J., Ložek V., Vlček E. Hunters between East and West. The Paleolithic of Moravia. – N. Y.: Plenum Press, 1996. – 307 p.

Svoboda J., Simán K. The Middle-Upper Paleolithic transition in Southeastern Central Europe (Czechoslovakia and Hungary) // J. of World Prehistory. – 1989. – Vol. 3. – P. 283–322.

Škrdla P. Mohelno – stanice z období přechodu od středního k mladému paleolitu na Moravě // Přehled výzkumů. – 2000. – T. 40. – S. 35–47.

Škrdla P. Změny v sídelní strategii mladého paleolitu v mikroregionu brněnské kotliny // Archeologické rozhledy. – 2002. – T. 54. – S. 363–370.

Škrdla P. Mladopaleolitické sídelní strategie v krajině: Příklad středního Pomoraví // Přehled výzkumů. – 2006. – T. 47. – S. 33–48.

Škrdla P. Napajedla (okr. Zlín) // Přehled výzkumů. – 2007. – T. 48. – S. 317–321.

Škrdla P., Nývltová-Fišáková M., Nývlt D. Gravettské osídlení Napajedelské brány // Přehled výzkumů. – 2008. – T. 49. – S. 47–82.

Valoch K. Příspěvek k otázce provenience surovin v moravském paleolitu // Folia Fac. Sci. Nat. Univ. Purk. Brun. – 1975. – T. 16. – S. 83–87.

Valoch K. V záři ohňů nejstarších lovců // Pravěké dějiny Moravy / ed. V. Podborský. – Brno: MVS, 1993. – S. 11–70.

Valoch K. Le Paléolithique en Tchéquie et en Slovaquie. – Grenoble: Ed. Jérôme Millon, 1996. – 358 p.

Valoch K. Das Szeletien Mährens – seine Wurzeln und Beziehungen // A la recherche de l'Homme préhistorique / eds. Z. Mester, A. Ringer. – Liège: Univ. de Liège, 2000. – P. 287–294. – (ERAUL; N 95).

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.065-071 УДК 903.5

А.В. Епимахов, Н.А. Берсенева

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН Южно-Уральский государственный университет пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия E-mail: eav74@rambler.ru bersnatasha@mail.ru

МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА

Статья посвящена проблемам социальной интерпретации погребений синташтинской культуры Южного Урала (XXI—XVIII вв. до н.э.), в которых обнаружены предметы, связанные с процессом производства и обработки бронзовых изделий. Не менее 10 % всех захоронений содержало соответствующие атрибуты (литейные формы, керамические сопла, остатки руды и шлаков, слитки и капли металла). При включении в этот список каменных ударных и абразивных орудий доля увеличивается до 16 %. Исследование показало, что данные артефакты маркировали социальную идентичность людей, вовлеченных в сферу производства бронзовых изделий, и позволило дать общую характеристику группы. В нее входили в основном взрослые мужчины, количество которых было ограниченным. Женщины могли принимать участие в некоторых стадиях процесса, как минимум в подготовительных. Следы производственной специализации крайне редко сочетались с атрибутами высокого статуса (навершия булав, наконечники копий, топоры, колесницы и псалии). Это полностью соответствует выводам кросс-культурных исследований, согласно которым «металлурги» не занимали высише ступени иерархии. Однако не может быть речи и о дискриминации данной группы в синташтинском обществе. Профессиональная принадлежность была одним из важных, но не главным основанием персональной идентичности. В целом наличие даже единичных захоронений «металлургов» выделяет синташтинскую культуру на фоне большинства обществ бронзового века степной Евразии.

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, синташтинская культура, металлопроизводство, погребальная обрядность, социальная идентичность.

A.V. Epimakhov and N.A. Berseneva

South Ural Department of the Institute of History and Archaeology,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences
South-Ural State University,
Pr. Lenina 76, Chelyabinsk, 454080, Russia
E-mail: eav74@rambler.ru; bersnatasha@mail.ru

METAL PRODUCTION, MORTUARY RITUAL, AND SOCIAL IDENTITY: THE EVIDENCE OF SINTASHTA BURIALS, SOUTHERN URALS

The study aims at a social interpretation of the Sintashta burials, southern Ural (21st–18th century BC cal.), where artifacts related to bronze metallurgy (molds, ceramic nozzles, ore and slag remains, metal bars and drops) had been placed. These were found in at least 10 % of graves. If stone hammers and abrasive tools are included, the share increases to one-sixth. The findings apparently indicate the social identity of those buried and point to a general characteristics of the group. People engaged in metal production were mostly adult males, and were relatively few. Women, too, may have participated, at least at the preparatory stages. Markers of engagement in metal production very rarely co-occur with attributes of high status such as mace-heads, spearheads, axes, chariots, and cheek-pieces. This agrees with conclusions of cross-cultural studies suggesting that "metallurgists" were not topranking members of the social hierarchy. Nor were they subject to discrimination in the Sintashta society, because being buried at a cemetery evidenced high status. Professional membership was an important but not the main criterion of personal identity. Despite being few, burials of smiths distinguish Sintashta from most other Bronze Age steppe societies of Eurasia.

Keywords: Bronze Age, Southern Urals, Sintashta culture, metal production, mortuary rituals, social identity.

Введение

Резкое ускорение процесса дифференциации в производственной и социальной сферах начинается в эпоху палеометалла. Роль новой технологии в культурогенезе по общему признанию высока. Некоторые исследователи даже считают ее центральным фактором развития древних цивилизаций (см.: [Amzalang, 2009, р. 497]). Именно с этого времени погребальная обрядность иллюстрирует наряду с иными ипостасями индивида его профессиональную принадлежность, что хорошо представлено в археологических памятниках регионов, которые не характеризуются высокой социальной сложностью. Однако далеко не во всех синхронных культурах, в т.ч. существовавших на смежных территориях, обнаруживаются такие свидетельства [Бочкарев, 2010]. Попытки интерпретации погребений «литейщиков» или «кузнецов» предпринимались неоднократно (см., напр.: [Williamson, 1990; Batora, 2002; Kaiser, 2005; Черных, 2007; и др.]). Несмотря на внушительную библиографию, вопросы идентичности пока оставались на периферии исследовательских интересов. Это объясняется характером памятников, а также качеством исследований.

Современная археология активно обращается к проблемам индивидуальной и групповой идентичности в древности. Фокус исследований постепенно смещается от изучения обществ как целостных систем к изучению различных социальных групп и даже индивидов. Каждый человек ассоциирует себя с различными общественными группами. Ключевыми характеристиками при этом являются возраст, половая принадлежность, этничность и культура, социальный статус, религия и род занятий [Diaz-Andreu et al., 2005, p. 1–12]. Изучение этих вопросов помогает лучше понять повседневную жизнь древних социумов. Металлургия была очень важной и нередко сакрализованной сферой деятельности в древних и средневековых обществах. Бронзовые предметы, без сомнения, высоко ценились и имели не только утилитарное, но и символическое значение. В этой связи представляется интересным, какие категории населения, люди какого возраста, пола, статуса были так или иначе вовлечены в сферу их производства? Возможность найти ответы на данные вопросы предоставляют синташтинские погребальные памятники Южного Урала, которые характеризуются высокой вариативностью и информативностью. До 86,7 % взрослых индивидов сопровождалось металлическими артефактами, что весьма необычно для культур бронзового века Северной Евразии и косвенно указывает на значимость металлургии в сфере не только экономики, но и идеологии.

Цель нашего исследования — установить, как атрибуты металлопроизводства соотносятся с компонентами социальной идентичности, и тем самым охарактеризовать группу людей, включенных в эту сферу деятельности.

Краткая характеристика материалов

Начало эпохи бронзы на территории Южного Урала приходится на рубеж IV–III тыс. до н.э. В это время в степной зоне утверждались традиции животноводства и металлургии. Регион был центром добычи руды и производства меди. Однако ранний период представлен в основном погребальными памятниками, в которых имеются единичные свидетельства производственной специализации (литейные формы, руда) [Богданов, 2004, рис. 46, 60; Каргалы, 2005, с. 26–33; и др.]. Значительно более информативны абашевские и синташтинские древности, поскольку они позволяют осуществить сравнительный анализ материалов разнотипных памятников.

Синташтинские поселения и могильники, датируемые концом III — первыми веками II тыс. до н.э. [Ерітакhov, Krause, 2013], хорошо известны специалистам и являются наиболее комплексно изученными среди памятников бронзового века Южного Урала. На фоне большинства культур Северной Евразии синташтинские некрополи отличаются значительной долей детских захоронений (до 70 %), сложной обрядностью и обилием инвентаря. Для целей нашего исследования последний представляет особый интерес. Он включал предметы вооружения, конскую упряжь, детали одежды, украшения, предметы быта и орудия труда. Иногда в могильную яму помещали колесницу или ее детали. В составе инвентаря обязательно присутствовала посуда.

Находки, связанные с металлопроизводством (литейные формы, фрагменты литейных чаш, каменные молоты, керамические сопла, технологическая керамика, шлаки, руда, сплески металла и т.д.), составляют заметную часть коллекций с поселений [Древнее Устье, 2013, с. 216–253; Епимахов, Молчанов, 2013; Кгаизе, 2013; и др.]. В погребениях они также представлены (за вычетом литейных чаш и технологической керамики), хотя и в меньшем количестве.

В дальнейшем анализе задействованы все опубликованные материалы, включающие информацию о 353 погребенных (257 могильных ям, 33 кургана и два грунтовых кладбища) из могильников Синташта, Большекараганский, Каменный Амбар-5, Солнце II, Кривое Озеро, Бестамак, Танаберген II, Халвай-3, Жаман-Каргала I и т.д. [Епимахов, Берсенева, 2012, табл. 1]. Поскольку большинство индивидов было захоронено в коллективных усыпальницах, а около половины всех могильных ям потревожено, существуют объективные ограничения в диагностировании интересующих нас социальных структур, т.к. не всегда удается соотнести инвентарь с конкретным погребенным. Осложняет ситуацию отсутствие антропологических определений для ряда очень важных комплексов и полноценных публикаций по некоторым из них. Соответственно, при корреляции погребенных с сопровождающими их предметами случаи, когда принадлежность инвентаря не установлена или нет антропологических определений, будут специально оговорены.

Доля погребений с атрибутами металлургического производства не может быть оценена с абсолютной уверенностью, т.к. существует проблема критериев отбора. Если в отношении сопел и литейных форм сомнений не возникает, то при рассмотрении каменного инвентаря приходится констатировать крайнюю разноголосицу дефиниций в условиях острого дефицита трасологических определений. Вместе с тем при их наличии коллекции с синхронных поселений отчетливо демонстрируют преобладание среди каменных изделий орудий металлопроизводства и металлообработки [Коробкова, Виноградов, 2004; Кунгурова, 2013; Моlchanov, 2013; и др.].

В публикациях материалов могильников нам встретились следующие термины: «терочник», «зернотерка», «абразив», «точильный камень», «шлифовальный камень», «каменная плита», «каменная ступка», «наковальня», «каменный пест» и «каменный молот». Очевидно, что часть таких орудий не была узкоспециализированной и широко использовалась в быту. Тем не менее было бы неправильно совсем проигнорировать каменные изделия, применявшиеся в металлургии и металлообработке, поэтому мы опирались на два варианта подсчетов, основанных на максимально и минимально информативных свидетельствах. Первый (список А) включает все атрибуты: литейные формы, керамические сопла, остатки руды и шлаков, слитки, капли и неопределимые фрагменты металла (лом для переплавки?), каменные песты (молоты), а также иные плохо атрибутированные каменные изделия. Второй вариант (список Б) сокращен за счет последней категории артефактов.

Если исходить из списка A, атрибуты металлопроизводства/обработки содержались в 44 могильных ямах из 257 (17,1%). Захоронения представлены всеми типами – от индивидуальных до крупных коллективных. Тринадцать погребений разграблены (29,5%), в пяти из них принадлежность инвентаря конкретному индивиду установить не удалось. Если принимать во внимание только очевидные атрибуты (список Б), то количество таких могильных ям сокращается до 27 (10,5%). Здесь также представлены все типы захоронений, 11 ям разграблены (40,7%), в четырех из них принадлежность инвентаря не ясна.

Далее попытаемся произвести корреляцию обозначенных категорий инвентаря с индивидами и установить социальную идентичность людей, которые отправились в иной мир, сопровождаемые атрибутами металлургического производства.

Атрибуты металлопроизводства как маркеры идентичности

Среди компонентов идентичности нами выбраны только доступные для изучения по антропологическим и археологическим данным.

Возрастная идентичность (взрослые/дети). В этом случае использована наиболее простая группировка по возрастным категориям, которая универсальна для разных обществ. В качестве условного порога «взрослости» принят возраст 15 лет.

Рассматривая погребения с указанными выше атрибутами согласно списку А, следует сразу отметить, что в абсолютном большинстве это захоронения взрослых. Исключением является индивидуальное детское (3–7 лет) погр. 15 кург. 4 могильника Каменный Амбар-5, где найдена миниатюрная каменная «наковальня» [Епимахов, 2005, ил. 103], правда, в заполнении. Еще два «точильных камня» обнаружены в погребениях 27 и 29 Синташтинского грунтового могильника, которые авторы раскопок считали «детскими», однако антропологическая идентификация отсутствует. Если исходить из списка Б, среди захоронений с атрибутами металлургии (27 ям) детских погребений нет.

Гендерная идентичность (мужчины/женщины). Из 44 могильных ям, соответствующих списку А, лишь для 19 имеются антропологические определения пола погребенных: шесть захоронений идентифицированы как женские (31,6 %), остальные — мужские. В трех из них (коллективные усыпальницы могильника Каменный Амбар-5) невозможно корректно установить принадлежность инвентаря, хотя один из умерших, несомненно, был мужчиной (остальные в основном дети разного возраста). По списку Б ситуация сходная: нет антропологических определений пола для 14 могильных ям из 27. Девять погребений идентифицированы как мужские (69,2 %), четыре — женские.

Теперь рассмотрим более подробно корреляцию таких достоверных атрибутов, как литейные формы, сопла и каменные молоты, с полом и возрастом индивидов. К сожалению, керамические сопла и литейные формы слабо представлены в синташтинских некрополях. Единственная литейная форма найдена в погр. 7 могильника Бестамак [Калиева, Логвин, 2009, рис. 10–12]. Она была обнаружена в индивидуальном захоронении мужчины 35–40 лет вместе с тремя керамическими соплами.

Весьма информативна в интересующем нас аспекте могильная яма 20 того же могильника [Калиева, Логвин, 2012]. Она содержала останки двух взрослых индивидов (пол, к сожалению, не установлен), каждый погребенный сопровождался жертвоприношением пары лошадей [Там же, рис. 1, 1]. В составе инвентаря, кроме многочисленных изделий из бронзы,

обнаружены четыре керамических сопла, каменные плитки и песты [Там же, рис. 2]. Выглядит интригующе то, что эти предметы были размещены не вблизи погребенных людей, а рядом с лошадьми (по два сопла в каждом комплексе), т.е. входили в состав жертвенников. Умершие имели и «персональные» наборы инвентаря: погребенный в южной части могилы – два браслета, подвеску в 1,5 оборота и бусины; в северной – бронзовые шилья, бусины (27 экз.), нож и иглу, 13 слитков и сплески металла (31 экз.). По наличию украшений можно осторожно предположить, что это женские погребения. Еще два сопла вместе с кусочками шлака были найдены в погр. 1 (взрослый с неопределенным полом) кург. 5 могильника Солнце II [Епимахов, 1996] и еще одно - в коллективном разграбленном захоронении малого кургана некрополя Синташта [Стефанов, Епимахов, 2006]. Из этого же комплекса происходит несколько тальковых плит, которые, по нашему мнению, являются заготовками литейных форм.

Погребений с каменными пестами насчитывается 22. Во всех идентифицированных случаях, за исключением одного, они сопровождали мужчин (пять случаев) или обнаружены в коллективных захоронениях, где как минимум один погребенный был мужчиной (три случая). В непотревоженных погребениях песты входят в состав разнообразных наборов инвентаря и, как правило, сопровождаются теми или иными видами каменных плит, а иногда бронзовыми слитками (Бестамак, ямы 20, 170). Лишь одно такое изделие обнаружено в индивидуальном захоронении молодой женщины (Танаберген II, кург. 7, яма 20) наряду с украшениями и другими орудиями труда, что еще раз подтверждает полифункциональность каменных пестов. В погр. 170Б могильника Бестамак, где пол погребенного не удалось установить из-за плохой сохранности костей, обломок каменного песта найден вместе с парой браслетов и шилом [Логвин, Шевнина, 2013, с. 354]. Возможно, это также женское захоронение.

Кусочки руды, слитки и сплески металла встречены минимум в 13 могильных ямах (могильники Каменный Амбар-5, Бестамак, Танаберген II, Кривое Озеро и Большекараганский). Как и прочие предметы, связанные с производством металла, они входят в состав разнообразных наборов наряду с украшениями, предметами быта, оружием и орудиями труда. Лишь в одном коллективном погребении вместе с рудой обнаружены пест и каменная плита (комплекс грунтовых и курганных захоронений могильника Синташта) [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 252–256, рис. 139]. Подчеркнем, что как минимум в некоторых случаях характеристики руды не позволяют ее использовать ни в качестве красителя, ни в качестве источника металла (могильник Каменный Амбар-5, кург. 4,

могильные ямы 1 и 3; кург. 2, яма 17)*, т.е. речь идет о сугубо знаковой функции этих находок.

Вертикальный статус. Синташтинские погребальные памятники не демонстрируют очевидных признаков социальной иерархии в пределах могильников**, хотя они и могут отражать только один из сегментов общества, а не картину в целом. В этом смысле приходится ориентироваться на сочетание «металлургической» атрибутики с теми категориями находок, которые обычно признаются маркерами статуса: массивным оружием (топоры и копья), колесничным комплексом, каменными навершиями булав. Нетрудно заметить, что перечисленные категории традиционно считаются «мужскими», хотя не всегда есть тому прямые подтверждения.

В пяти погребениях, соответствующих списку А, обнаружены следы установки колесниц, в 20 - какиелибо предметы вооружения, в т.ч. четыре бронзовых наконечника копья, шесть бронзовых топоров и шесть наверший булав. Если рассматривать список Б, то здесь три могильные ямы со следами установки колесниц и 11 захоронений с предметами вооружения в составе инвентаря, в числе которых три наконечника копья, четыре бронзовых топора, две булавы. Однако во всех этих погребениях маркеры вертикального статуса сочетались в основном с каменными изделиями. Единственным исключением является сочетание навершия булавы и следов колесницы с соплом и заготовками литейных форм в коллективном захоронении (пять индивидов без антропологических определений) малого кургана могильника Синташта.

Профессиональная идентичность. Фактически, инвентарь, недвусмысленно связанный с выплавкой металла (сопла и литейная форма), обнаружен лишь в четырех комплексах (Бестамак, погребения 7 и 20, Солнце II, погр. 1 кург. 5, Синташта, коллективное захоронение в малом кургане). Непотревоженными являлись лишь бестамакские погребения, но только одно из них сопровождено антропологической идентификацией. Во всех могильных ямах предметы, имеющие отношение к металлургии, были положены наряду с наконечниками стрел, булавой, псалиями, бронзовыми ножами и шилом. Жертвоприношения животных зафиксированы в трех погребениях (Бестамак, Солнце II); четвертое (Синташта) было сильно разрушено. Не будет большим преувеличением заключить, что в этих погребениях отражен род занятий умерших

^{*}Речь идет о вмещающей породе со следами медных окислов, которая в силу низкого содержания меди не могла использоваться в пирометаллургических процессах (заключение канд. геол.-мин. наук А.М. Юминова, Институт минералогии УрО РАН).

^{**}Еще труднее аргументировать социальную неоднородность по результатам исследования поселений.

(либо одного из них). Все они были взрослыми людьми, один из них уверенно определен как мужчина. Обращают на себя внимание малочисленность захоронений «профессионалов» и сочетание атрибутики металлопроизводства с очень разными категориями находок.

Некоторые проблемы интерпретации

Обозначенный круг тем давно находится в фокусе интересов разных исследователей, по этой причине мы сосредоточимся на наиболее территориально и хронологически близких материалах. Погребения бронзового века Восточной Европы и Западной Сибири дают вполне представительную, хотя и не очень массовую серию находок. Наличие обзоров избавляет от необходимости дублировать эту информацию. Получившие распространение в ямной и катакомбной культурах (III тыс. до н.э.) погребения «литейщиков» были не единственными захоронениями с производственным инвентарем, например, есть погребения мастеров по изготовлению стрел. Традиция хорошо документирована в более поздний период не только в анализируемых синташтинских памятниках, но и в абашевских [Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966; Халяпин, 2005], сейминско-турбинских [Матющенко, Синицина, 1988, рис. 11, 36–38, 42, 52; Сатыга, 2011, с. 12, рис. 2.5-2.6; и др.]. Хронологически они близки (конец III – начало II тыс. до н.э.), часть из них имеет следы взаимных контактов носителей данных культур. Однако разница в облике основных культурных черт существенна, да и о территориальном единстве говорить трудно.

Следы полного цикла металлопроизводства хорошо документированы на абашевских и синташтинских поселениях. Очевидно, что эта отрасль базировалась на местных ресурсах, хотя степень ее специализации оценить трудно. Абашевские захоронения с достоверными свидетельствами профессиональной специализации, как и синташтинские, единичны. Примечательно, что следующий период бронзового века, представленный очень крупными срубными и андроновскими могильниками, не наследует традицию таких погребений [Бочкарев, 2010]. Даже в зонах, заведомо связанных с добычей руды и выплавкой металла, таковых практически нет [Каргалы, 2005, с. 49–124; Ткачев, 2012а, б]*.

Западно-сибирские материалы бронзового века также хорошо иллюстрируют традиции металлопроизводства, хотя в погребальных памятниках свидетельства специализации в данной сфере (нередко в сочетании с военной атрибутикой) тяготеют к сейминско-турбинским и близким по времени и территории одиновским и кротовским древностям [Молодин, 1983]. В последующие века II тыс. до н.э. картина резкого сокращения этих свидетельств в погребениях (но не в целом) сходна с восточно-европейской и урало-казахстанской.

Трудности интерпретации археологических данных стимулировали интерес к этнографическим источникам, основная часть которых, правда, связана с металлургией железа. Социальные аспекты металлопроизводства в традиционных обществах, как и организация процесса от стадии добычи сырья до этапа обмена/ продажи, попали в фокус совместного внимания этнографов и археологов не так уж давно [Schmidt, 1989; Weedman, 2006, p. 269–270]. Среди археологов широко распространена идея (выдвинута Г. Чайлдом), что древние металлурги имели высокий статус благодаря своим специальным знаниям, которые также носили сакральный характер (см.: [Hølleland, 2010, р. 32]). Однако этнография и история дают различные примеры. В некоторых африканских обществах «кузнецам» запрещалось принимать пищу и пить вместе со своими соседями, они жили за пределами поселения, и кланы металлургов часто были эндогамными [Williamson, 1990]. На другом конце спектра можно найти высокоспециализированных ремесленников, занимавшихся художественным литьем в городах Древнего Египта или Ближнего Востока. Но и здесь их статус соответствовал статусу ремесленника, т.е. был далеко не самым высоким. Таким образом, не существует кросс-культурных закономерностей, априори ставящих «металлургов» на высшие ступени социальной лестницы.

Гендер людей, связанных с производством металла в традиционных обществах, до недавнего времени также не обсуждался, изначально предполагаясь мужским. Действительно, письменные источники, древние изображения и этнографические отчеты демонстрируют абсолютное доминирование мужчин в этой сфере, предполагающей наличие, помимо знаний и умений, также физической силы. Однако более целенаправленные этноархеологические исследования в Африке показали: женщины и дети принимали участие в подготовительных мероприятиях и некоторых стадиях процесса, таких как подготовка руды и сбор топлива [Weedman, 2006, р. 269]. Нет оснований отрицать, что женщины не являлись главными участниками металлопроизводства, но их деятельность была важным вкладом в выплавку металла в ряде сообществ. Особенно это касалось относительно небольших коллективов, где металл производился для собственного потребления и, возможно, сезонно.

Наконец, следует упомянуть и о письменных источниках, которые по понятным причинам не имеют прямого отношения к проанализированным конкретным материалам и могут быть использованы только

^{*}В.В. Ткачев, публикуя единичные погребения с каменными орудиями, специально подчеркивает, что эти комплексы «чуть ли не единственные на тысячи известных... захоронений» [2012a, с. 109–110].

для самых общих заключений. Они отражают мифологические системы Евразии (начиная с III тыс. до н.э.), возникшие в рамках очень разных социально-экономических институтов. Несмотря на это, объединяющим моментом оказалось значительное преобладание упоминаний такой категории, как «кузнец», и соответствующей лексики* в сравнении с представителями иных профессий [Вальков, 2013, с. 279–280]. Для конкретизации данного вывода в части интересующих нас компонентов идентичности требуются дополнительные исследования.

Выводы

Обзор источников, анализ этнографических и исторических данных, демонстрирующих огромную вариабельность, приводит нас к мысли, что выводы о социальной идентичности производителей металла должны формулироваться только на базе анализа контекста и применительно к конкретным ситуациям. Наличие поселений и могильников синташтинской культуры позволяет сопоставлять овеществленные проявления социальной жизни ее носителей. В целом можно констатировать, что персональная идентичность была, безусловно, маркирована с помощью орудий труда, связанных с металлургическим процессом. К сожалению, на данный момент мы не располагаем прямыми доказательствами участия индивидов в этом процессе, каковые получены в ходе изучения костных остатков носителей других культур бронзового века (см., напр.: [Добровольская, Медникова, 2011]). Вместе с тем наличие собственного металлопроизводства не подлежит сомнению, значит, были и люди, участвовавшие в нем. Вопрос лишь в том, каков состав этой группы и насколько она была дифференцирована в пределах социума.

Проведенный анализ демонстрирует, что с точки зрения возрастной структуры мы предсказуемо имеем дело почти исключительно со взрослыми. Однако их половая принадлежность не была жестко определена: при общем доминировании мужчин есть достоверная доля женщин. Погребенный с литейной формой – мужчина, песты также лучше представлены в мужских погребениях. Однако руда найдена и в мужских, и в женских захоронениях. Погребение с комплексом украшений (Бестамак, яма 20), несмотря на отсутствие антропологических определений, может подтвердить тезис об участии женщин в металлургическом процессе, как минимум на некоторых его стадиях. Во всяком случае, жестких ритуальных ограничений на приобщение женщин к «огненному ремеслу» нет.

Еще более размыты границы группы в рамках вертикальных статусных градаций, т.к. сочетания категорий инвентаря очень разнообразны. Уверенно можно говорить об отсутствии дискриминации по принадлежности к сфере производства. С одной стороны, включение манифестаций металлургии в сакральную сферу свидетельствует скорее о ее престижности, с другой вполне очевидно, что она была менее акцентирована в погребальной обрядности, чем, например, военное дело, которое обычно уверенно соотносится с элитным комплексом. Само по себе включение производственных атрибутов в число признаков элиты вовсе не так невероятно, как может показаться на первый взгляд. Сакрализация труда надежно зафиксирована для более сложных обществ, чем синташтинское [Авилова, 2011]. Однако в нашем примере необходимо учитывать сравнительно небольшие демографические параметры коллективов и слабую социальную дифференциацию. То и другое соотносится с масштабами производимого продукта через потребности социума (повседневные и/или престижные) и, как следствие, значением металлопроизводства в глазах членов коллектива. В этой связи напрашивается заключение о том, что данные занятия были уделом немногих индивидов или малых групп*, которые не были строго обособлены от других членов сообщества в реальной жизни и ритуальной сфере. Профессиональная принадлежность являлась одним из многих, но не главным основанием персональной и групповой идентичности.

Список литературы

Авилова Л.И. О символике металлических реплик орудий труда по материалам Ближнего Востока эпохи бронзы // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. -2011. — № 1. — С. 87—95.

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 287 с.

Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб.: Инфо Ол, 2010. – С. 209–211.

Вальков Д.В. Представления о «мастерах» в некоторых мифологических системах Евразии // Экспериментальная археология: Взгляд в XXI век: мат-лы полевой науч. конф. – Ульяновск, 2013. – С. 237–283.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Т. 1. – 408 с.

Добровольская М.В., Медникова М.Б. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // Археология, этнография и антропология Евразии. -2011. -№ 2. -C. 143-156.

^{*}Этот условный термин в данном случае объединяет все виды деятельности горняков, металлургов и мастеров по обработке металла [Вальков, 2013, с. 242].

^{*}Важным фактором была и необходимость передачи специальных знаний и навыков.

Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / отв. ред. Н.Б. Виноградов; науч. ред. А.В. Епимахов. — Челябинск: Абрис, 2013. — 482 с.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II— некрополь укрепленного поселения средней бронзы Устье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала.— Челябинск: Каменный пояс, 1996.— С. 22—42.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: Челяб. дом печати, 2005. – Кн. 1. – 192 с.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 148–170.

Епимахов А.В., Молчанов И.В. Свидетельства металлопроизводства бронзового века укрепленного поселения Каменный Амбар: каменные плавильные чаши // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — Вып. 1. — С. 4—9.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 9. – С. 32–58.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Погребение 20 могильника Бестамак // Кадырбаевские чтения-2012: мат-лы III Междунар. науч. конф. – Актобе, 2012. – С. 77–82.

Каргалы / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. – М.: Языки славян. культуры, 2005. – Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования. – 240 с.

Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б. Каменные и костяные предметы из поселения Кулевчи III // Вестн. ЧГПУ. – Сер. 1: Исторические науки. – 2004. – № 2. – C. 57–87.

Кунгурова Н.Ю. Трасологическое изучение каменных предметов из раскопок укрепленного поселения Устье І // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / отв. ред. Н.Б. Виноградов. — Челябинск: Абрис, 2013. — С. 285—330.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: мат-лы Междунар. конф. 12–15 дек. 2011, г. Алматы. – Алматы, 2013. – С. 349–359.

Матющенко В.И., Синицина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. — Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1983. — С. 96–109.

Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. – 192 с.

Стефанов В.И., Епимахов А.В. Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // Вопросы археологии Поволжья. — Самара: Науч.-техн. центр, 2006. — Вып. 4. — С. 263—272.

Ткачев В.В. К вопросу о минерально-сырьевой базе металлопроизводства западноалакульской культурной группы // Кадырбаевские чтения-2012: мат-лы III Междунар. науч. конф. – Актобе, 2012а. – С. 105–114.

Ткачев В.В. Погребально-культовый комплекс в Восточном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. -20126. - № 1. - C. 49-57.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек). – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966. – 60 с.

Халяпин М.В. Погребение литейщика эпохи бронзы с территории степного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. — Уральск: Зап.-Казахстан. обл. центр истории и археологии, 2005. — Вып. 4. — С. 203—217.

Черных Е.Н. Каргалы: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. — М.: Языки славян. культуры, 2007. — 200 с. — (Каргалы; т. V).

Amzalang N. From Metallurgy to Bronze Age Civilisations: The Sinthetic Theory // Am. J. of Archaeol. – 2009. – Vol. 113. – P. 497–512.

Batora J. Contribution to the problem of "craftsmen" graves at the end of Aeneolithic and in Early Bronze Age in the Central, Western and Eastern Europe // Slovenska Archeologia. – 2002. – Roč. L, č. 2. – Str. 179–228.

Diaz-Andreu M., Lucy S., Babic S., Edwards D. The Archaeology of Identity. Approaches to gender, age, status, ethnicity and religion. – L.; N. Y.: Routledge, 2005. – 171 p.

Epimakhov A.V., Krause R. Absolute and relative chronology of the Kamennyi Ambar (Olgino) settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / eds. R. Krause, L. Koryakova. – Bonn: Verl. Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 129–146.

Hølleland H. Spells of History: Childe's Contribution to the European Identity Discourse // Bull. of the history of Archaeology. – 2010. – Vol. 20, iss. 1. – P. 30–37.

Kaiser E. Frühbronzezeitliche Gräber von Metallhandwerkern mit Gußformen für Schaftlochäxte im osteuropäischen Steppenraum // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2005. – Bd. 121. – S. 265–291.

Krause R. The metallurgy of Kamennyi Ambar – settlement and cemetery // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / eds. R. Krause, L. Koryakova. – Bonn: Verl. Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 203–232.

Molchanov I.V. Inventory of small finds // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / eds. R. Krause, L. Koryakova. – Bonn: Verl. Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 147–170.

Schmidt P. Reading Gender in the Ancient Iron Technology of Africa // Gender in African Prehistory / ed. S. Ken. – L.: British Museum Publ., 1989. – P. 139–162.

Weedman K. Gender and Ethnoarchaeology // Handbook of Gender in Archaeology / ed. S.M. Nelson. – Oxford: AltaMira Press, 2006. – P. 247–294.

Williamson D. The role and status of the Bronze Age smith and the organisation of metallurgy: A thesis of diss. of master of arts. – Durham: Univ. of Durham, 1990. – URL: http://etheses.dur.ac.uk/6262/ (дата обращения: 01.12.2013).

Материал поступил в редколлегию 18.02.14 г., в окончательном варианте – 20.04.14 г. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.072-081 УДК 903.211.1

С.Н. Скочина, Ю.В. Костомарова

Институт проблем освоения Севера СО РАН a/я 2774, Тюмень, 625003, Россия E-mail: sveta_skochina@mail.ru jvkostomarova@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ОРУДИЙ ИЗ ГАЛЕК С ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

(экспериментально-трасологический анализ)

В статье представлены результаты комплексного изучения орудий труда из галек с памятников эпохи поздней бронзы лесостепного Притоболья, относимых к федоровской, черкаскульской и пахомовской культурам. Охарактеризовано сырье и рассмотрена технология изготовления подобных изделий. Установлено, что для дальнейшего использования отбирались гальки, не требовавшие дополнительной подработки, в редких случаях рабочая поверхность оформлялась оббивкой. На основании трасологического анализа выделены и детально описаны следы сработанности (выкрошенность, заполировка, различного рода деформации и т.д.). Анализ микропризнаков, их взаимовстречаемости позволили разделить орудия на четыре группы. Для выяснения функционального назначения каждой из них был проведен ряд экспериментов по обработке шкур и выделке кожи, лощению поверхности глиняных сосудов, полировке шлифованных каменных топоров и металлических изделий. Экспериментальные орудия также подверглись трасологическому изучению. Сравнение полученных сведений с данными микроанализа археологических образцов дало возможность атрибутировать выделенные группы и связать их с конкретными производствами. Установлено, что в большинстве своем изделия из галек с позднебронзовых селищ являлись полифункциональными. Они использовались при выделке шкур и кож, а также в керамическом производстве для лощения поверхности сосудов. В меньшей степени в коллекциях представлены гальки, применявшиеся только в одном производстве: кожевенном, обработке глиняных или металлических изделий. Использование в хозяйственной деятельности орудий труда из небольших кварцитовых галек можно считать своеобразным культурно-хронологическим маркером, характеризующим андроновские (прежде всего черкаскульские) древности.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, лесостепное Притоболье, орудия из галек, экспериментально-трасологический анализ, микрофотографии следов сработанности.

S.N. Skochina and Y.V. Kostomarova

Institute of Northern Development, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, POB 2774, Tyumen, 625003, Russia E-mail: sveta_skochina@mail.ru; jvkostomarova@yandex.ru

THE FUNCTION OF PEBBLE TOOLS FROM LATE BRONZE AGE SITES IN THE TOBOL FOREST-STEPPE: AN EXPERIMENTAL TRACEOLOGICAL ANALYSIS

Late Bronze Age quartzite pebble tools from the Tobol forest-steppe sites associated with the Fedorovka, Cherkaskul, and Pakhomovskaya cultures were subjected to a comprehensive analysis with regard to raw material and technology. Pebbles requiring no retouch were preferred, and in rare instances the working surface was processed by percussion. Based on the results of the traceological analysis, types of wear such as crumbling, polishing, various deformations, etc., are described. The analysis of microwear traces and of their co-occurrence has allowed us to subdivide the tools into four groups. To assess the tentative function of each group, a series of experiments in processing skins, dressing leather, polishing clay vessels, stone axes, and metal tools, was conducted. Experimental tools, too, were subjected to use-wear analysis. The comparison of experimentally derived wear marks with those revealed microscopically on

ancient tools has made it possible to attribute the groups and relate them to various manufactures. Most pebble tools from Late Bronze sites were polyfunctional. They were used for dressing skins, processing leather, and burnishing clay vessels. Monofunctional pebbles used in a single manufacture (skin dressing or the production of ceramic or metal tools) are less frequent. The use of small quartzite pebble tools may be seen as a cultural and chronological marker of the Andronovo, primarily Cherkaskul, tradition.

Keywords: Late Bronze Age, Tobol River, forest-steppe, pebble tools, experimental use-wear analysis.

Введение

На памятниках эпохи поздней бронзы андроновского и андроноидного круга довольно часто встречаются небольшие по размерам речные гальки со следами сработанности. Исследователи, затрагивавшие проблемы андроновского хозяйства, интерпретировали подобные изделия как орудия, которые применялись для лощения глиняных сосудов [Кривцова-Гракова, 1948, с. 82, 144; Потемкина, 1985, с. 70, 100, 128; Кузьмина, 1994, с. 111-112; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 50; Сериков, 2006, с. 45]. В археологической литературе встречаются и иные трактовки назначения галек, допускающие их использование для полировки металлических изделий, в частности поверхности отливок [Кунгурова, Удодов, 1997, с. 78], и для обработки шкур и кож, а именно волососгонки и лощения [Семенов, Коробкова, 1983, с. 137, 147; Зах, 1995, с. 63; Коробкова, 2001, с. 159; Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 175, 193].

Следует отметить, что, во-первых, зачастую функциональная атрибуция собственно андроновских материалов проводилась без применения трасологического метода; во-вторых, в опирающихся на этот метод работах, посвященных другим культурам, авторы лишь в общих чертах описывали признаки изношенности на подобных орудиях, не подкрепляя их иллюстрациями следов использования; в-третьих, предварительный микроанализ галек, обнаруженных на селищах бронзового века Притоболья, позволил выявить несколько вариаций признаков сработанности, что дает основания предполагать функциональную дифференциацию орудий.

Таким образом, вопрос о функциональном назначении галек остается открытым. Для его решения было проведено экспериментально-трасологическое изучение всего комплекса подобных предметов. В результате удалось получить сведения об использовании галек в конкретном производстве и его этапах, а также дополнить характеристику хозяйственной деятельности населения эпохи поздней бронзы на рассматриваемой территории в целом.

Материалы исследования

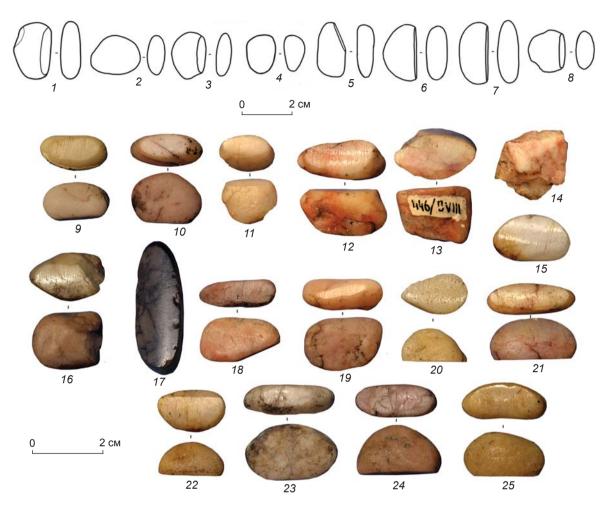
Объектом нашего исследования являются гальки со следами сработанности, обнаруженные на поселениях

позднего бронзового века лесостепного Притоболья: Хрипуновское-1, Ольховка, Имбиряй-3, Большой Имбиряй-2, -10, Криволукское-7, Щетково-2, Черемуховый Куст, Чепкуль-5 [Матвеев, 2000, 2007; Матвеев, Аношко, Измер, 2002, 2003; Матвеев, Костомаров, 2011; Аношко и др., 2003; Зах, 1995, с. 63; Зах и др., 2014]. Самые представительные коллекции происходят с черкаскульских памятников Хрипуновское-1 и Ольховка – 22 и 12 предметов соответственно. С этой же культурой связаны три гальки с поселения Имбиряй-3. На черкаскульско-пахомовском селище Большой Имбиряй-10 обнаружено 6 экз. С федоровским временем соотнесены единичные находки с поселений Криволукское-7, Черемуховый Куст. В федоровский комплекс селища Щетково-2 мы включили десять галек, большая часть которых была обнаружена при проведении разведочных работ и представляет собой подъемный материал. Одно изделие происходит с памятника Чепкуль-5, возможно, оно связано с коптяковским комплексом. В заполнении пахомовского жилища на поселении Большой Имбиряй-2 найдены две гальки со следами сработанности. Таким образом, подобные изделия встречаются преимущественно в материалах черкаскульской, федоровской, реже пахомовской и бархатовской культур (рис. 1).

Трасологический анализ и микрофотографии следов сработанности на орудиях из галек выполнены с помощью металлографического микроскопа Olympus BX-51 с фотокамерой ProgRes C10 и панкратического микроскопа МСП-1 с камерой Canon EOS-1100. Под микроскопом рабочие площадки галек размещались горизонтально. Для более полной демонстрации различных характеристик их износа микроснимки выполнены в двух увеличениях — 10- и 50-кратном.

Технология изготовления

Для изготовления орудий использовались целые и разбитые плоские окатанные кварцевые гальки средних и малых размеров. Рабочим являлся выпуклый край, реже — одна из поверхностей, чаще всего без специальной подработки. Кроме того, встречены экземпляры, у которых отмечена подготовка рабочей площадки, состоявшая из выравнивания выпуклого края путем оббивки, иногда рабочим являлось место раскола гальки.

 $Puc.\ 1.$ Орудия из галек с поселений бронзового века в Притоболье. $I-3,\,8-13$ – Ольховка; $4,\,6,\,7,\,17,\,19-21,\,23-25$ – Хрипуновское-1; $5,\,16,\,18$ – Большой Имбиряй-2; 14 – Большой Имбиряй-10; 15 – Имбиряй-3; 22 – Криволукское-7.

Большая часть исследованных предметов имеет в плане овальную форму (рис. 1), но есть и треугольные (3 экз.), трапециевидные (2 экз.) и прямоугольные (3 экз.). Имеются изделия, выполненные на обломках галек (рис. 1, 13, 14). Длина в среднем варьирует от 1,3 до 2,4 см (лишь у одного экземпляра 3,9 см), ширина – от 0,9 до 2,3, а толщина – в пределах 0,4–1,2 см. В большинстве случаев рабочим являлся продольный боковой край, сработанный в разной степени (42 экз.). Также имеются предметы со следами износа на одной из поверхностей (7 экз.). Рабочая плоскость, как правило, одна. На нескольких предметах отмечены две рабочие грани с ребром между ними (рис. 1, 14, 22).

В коллекции артефактов каждого памятника имеются гальки как со сколами и выбоинками, образовавшимися в результате оббивки, так и без каких-либо следов. Видимо, они являлись заготовками для будущих орудий. На поселении Хрипуновское-1 в одной из ям сооружения 6 выявлено скопление, состоявшее

из 46 галек, на поверхности которых признаки использования отсутствовали. Изделия с выбоинками часто трактуются как отбойники и/или ретушеры, но малые размеры и, соответственно, небольшая масса изученных нами предметов не позволяют отнести их к данному типу орудий.

Трасологический анализ

В ходе трасологического анализа археологической коллекции орудия из галек были разделены на четыре группы на основании выделенного блока следов сработанности. Последний включает выкрошенность, характер рабочей площадки, заполировку, объемные следы, следы на обушковых участках орудий и различного рода деформации.

К первой группе относятся плоские гальки (21 экз.) с выровненной рабочей площадкой, расположенной на одном крае. У данных изделий кром-

ка рабочего участка скруглена, на ней фиксируются мелкие фасетки утилизации с нечеткими границами (рис. 2). Рабочая зона имеет ровные или чуть наклонные П-образной формы поперечные и продольные сечения со скругленными углами. Один край рабочего участка, наиболее интенсивно контактировавший с обрабатываемой поверхностью, сильнее сглажен, забит микрофасетками утилизации и истерт. В четырех случаях на расколотых гальках со стороны слома отмечена переориентация лезвия, отчего образовались две смежные рабочие грани. Заполировка матовая, жирная, проникающая в микрорельеф рабочей поверхности и частично заходящая на соседние. При небольшом увеличении (в 10 раз) она очень яркая, буквально зеркальная, при 50-кратном не теряет своих характеристик, но становится чуть рассеянной (рис. 2). В нескольких случаях отмечена матовая, истирающая микрорельеф пришлифовка, характерная для кварцевого сырья (рис. 2, 66). Линейные следы представляют собой многочисленные удлиненные или короткие, резко очерченные, глубокие царапинки и бороздки, расположенные перпендикулярно или чуть наклонно по отношению к длинной оси рабочей зоны. Основная их локализация приходится на один край рабочей площадки, распространяясь до ее середины и вплоть до другого края. Поверхность, на которой располагаются линейные следы, часто имеет гофрированный вид, характерный для орудий, использовавшихся для обработки шкуры.

Вторая группа представлена пятью гальками. Характер и локализация рабочего участка у них такие же, как и у первой группы, но блок следов сработанности иной. Рабочая поверхность ровная, истерта и заглажена одновременно, П-образная в сечении, с четкими границами (рис. 3, 2, 4). На некоторых гальках по всему периметру на краях рабочего лезвия фиксируются фасетки утилизации средних размеров. Заполировка в виде пятен яркого блеска имеет линейную направленность, она поверхностная, глубоко не проникающая в микрорельеф, характеризуется чуть размытой границей с незаполированной частью. Линейные следы расположены в зоне заполировки. Это поперечные относительно рабочей площадки, параллельные друг другу короткие риски и хаотичные, пересекающиеся между собой, царапинки.

Особенностью третьей группы галек (25 экз.), наряду с блоком следов, характерным для первой и второй, является наличие двух уровней заполировки

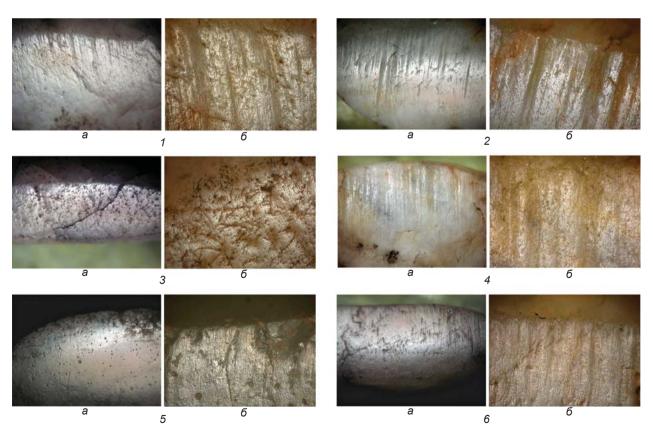
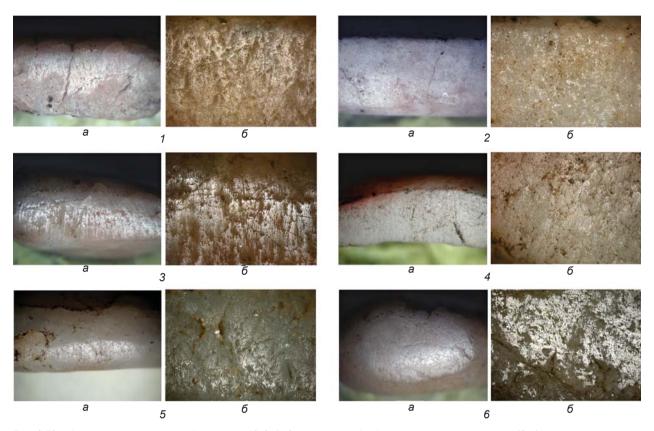

Рис. 2. Следы сработанности на орудиях из галек для обработки шкуры и выделки кожи. I – Большой Имбиряй-2; 2 – Имбиряй-3; 3–6 – Хрипуновское-1. a – 10-кратное увеличение; 6 – 50-кратное.

 $Puc.\ 3.$ Комбинированные следы сработанности (1,3,5,6) и следы от обработки глиняной поверхности (2,4) на орудиях из галек. I – Большой Имбиряй-2; 2–5 – Хрипуновское-1; 6 – Большой Имбиряй-10. a – 10-кратное увеличение; δ – 50-кратное.

(рис. 3, 1, 3, 5, 6). Первая тусклая, жирная, глубоко проникающая в микрорельеф, полностью покрывает рабочую площадку. Второй уровень фиксируется поверх описанного и представляет собой участок более яркой, зеркальной, с четкими границами заполировки, в зоне которой имеются мелкие риски, перекрещивающиеся царапины и круговые риски. Она локализуется в основном в середине рабочей площадки,

не затрагивая края. Первая заполировка характерна для обработки кожи, вторая образована при работе по другому сырью (глине или кости (?)), что может свидетельствовать о многофункциональном использовании галек.

Орудия трех групп имеют идеально выровненный рабочий участок. Что же могло послужить причиной образования такой поверхности? В пер-

вую очередь, мы предположили, что это результат оформления рабочей площадки абразивной шлифовкой. Однако изучение под микроскопом археологических орудий не выявило признаков использования данного приема. Мы предполагаем, что основной причиной образования ровной поверхности являлась работа на твердой основе. Таким образом могла происходить обработка кожи. Кроме того, быстрому формированию ровной поверхности мог способствовать такой технологический прием, как выравнивание путем оббивки поверхности и краев рабочей площадки, впоследствии снивелированных в результате работы, это отмечено на нескольких экземплярах.

У галек четвертой группы рабочей являлась одна из плоских поверхностей (4 экз.). Рабочая часть характеризуется четкими границами, она ровная, гладкая, зашлифованная и заполированная до металлического блеска. Линейные следы расположены в зоне заполировки, они представляют собой пересекающиеся, очень тонкие, удлиненные, ровные царапины (рис. 4).

Экспериментальное моделирование следов сработанности на гальках

Для выяснения функционального назначения орудий из галек под руководством В.Э. Чибиряка и С.Н. Скочиной был проведен ряд экспериментов по обработке шкур и выделке кожи, лощению поверхности глиняных сосудов, полировке шлифованных каменных топоров и металлических изделий. В опытах использовались собранные по берегам рек Тобол, Пур и Аган окатанные кварцевые гальки небольших размеров, по своим минералогическим свойствам аналогичные археологическим образцам. Работа ими осуществлялась в течение 1—3 ч. Рабочая площадка галек специально не оформлялась, за исключением одного экземпляра, у которого она была отшлифована с помощью абразива.

В ходе эксперимента было апробировано несколько вариантов возможного использования галек. При обработке шкуры и кожи (11 экз.) выполнялись следующие операции: мездрение, пушение бахтармы, лощение, в т.ч. замши с жирением и кожи с добавлением песка; волососгонка вымоченной шкуры на доске, размягчение и лощение обезволошенной и высушенной сыромятной кожи с добавлением мелкого шпатового песка. Десять галек использовались для лощения поверхности глиняной посуды, тремя производилась полировка каменных шлифованных топоров, одной полировали поверхность бронзового изделия. Для сравнения следов износа под микроскопом были просмотрены гальки (три из кварца и три из сердо-

лика), использованные в процессе лощения посуды в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства*.

Трасологический анализ

На экспериментальных гальках, использовавшихся для выделки шкур и обработки кожи, зафиксирован одинаковый характер заполировки (рис. 5). Она жирная, тусклая, глубоко проникающая в микрорельеф, располагается по всей рабочей площадке, заходя на прилегающие участки, границы с незаполированной поверхностью размыты (рис. 5, 1-3). На большей части рабочей зоны заполировка насыщенная, постепенно рассеивающаяся к краю. Если производилось лощение высушенной шкуры или эта операция осуществлялась с добавлением песка, то структура заполировки выглядит волнистой (рис. 5, 4, 5). Края рабочего участка практически не имеют выкрошенности, они скруглены и заглажены. В поперечном сечении кромка имеет арочные очертания. Линейные следы представляют собой многочисленные удлиненные или короткие риски и бороздки, перпендикулярные длинной оси гальки. Они равномерно распределены по всей длине рабочей площадки. Наиболее выразительны следы от таких операций, как мездрение с песком и волососгонка вымоченной оленьей шкуры на доске, а также лощение высушенной сыромятной кожи (рис. 5, 6–9).

Выравнивание рабочей площадки орудия было проверено экспериментально. Одну гальку оформили на абразиве и затем использовали для лощения глины с шамотом и хвоей. Оказалось, что полученные следы сработанности не перекрывают абразивную шлифовку, она по-прежнему очень хорошо видна невооруженным глазом (рис. 6, 1). Таким образом, основной причиной формирования выровненной поверхности у ряда археологических образцов, по нашему мнению, является обработка кожи на твердой основе, что подтверждено экспериментальными работами. Было проведено размягчение необработанной галькой небольшого (6 дм²) фрагмента высушенной после вымачивания и волососгонки кожи (с его внешней обезволошенной стороны) на плоской доске. В ходе обработки на экспериментальном орудии образовался хорошо заметный плоский рабочий участок с характерными для ряда археологических образцов следами сработанности.

^{*}Выражаем огромную благодарность В.Э. Чибиряку за проведенные экспериментальные исследования, Н.П. Салугиной, И.В. Васильевой и В.В. Илюшиной за предоставленные для просмотра лощила из галек.

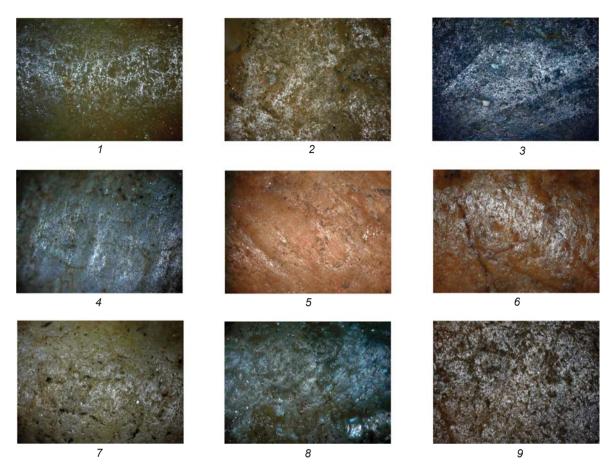

Рис. 5. Следы сработанности от работы по коже, шкуре (50-кратное увеличение). Экспериментальные образцы. Кварц.

I – мездрение шкуры (30 мин); 2 – мездрение мокрой шкуры с песком (30 мин); 3 – лощение готовой замши с жирением (1 ч); 4 – лощение высушенной шкуры (1 ч); 5 – лощение сыромятного ремня (1 ч); 6 – волососгонка вымоченной шкуры на доске (1 ч); 7 – размягчение и лощение сыромятной кожи (1 ч); 8 – пушение бахтармы (2 ч); 9 – мездрение с песком (2 ч).

Рис. 6. Следы от абразивной шлифовки рабочего участка и лощения поверхности глиняной посуды (1), полировки каменного топора (2) и бронзового изделия (3). Увеличение 50-кратное. Экспериментальные образцы. Кварц.

Основным итогом проведенного эксперимента стало подтверждение результативности и достаточно высокой производительности использования галек для размягчения сыромятной кожи. После получасовой обработки фрагмент, о котором говорилось выше, бывший твердым, сухим и ломким, стал мягким, гибким и гладким. Кроме того, была установлена необхо-

димость создания высокого локального давления на обрабатываемую поверхность и наличия твердой плоской основы под нее. От держания в руке на аккомодационной части галек фиксируются признаки залощенности в виде слабо проникающего в микрорельеф блеска.

Экспериментальное заглаживание внешней поверхности подсушенных глиняных сосудов показало,

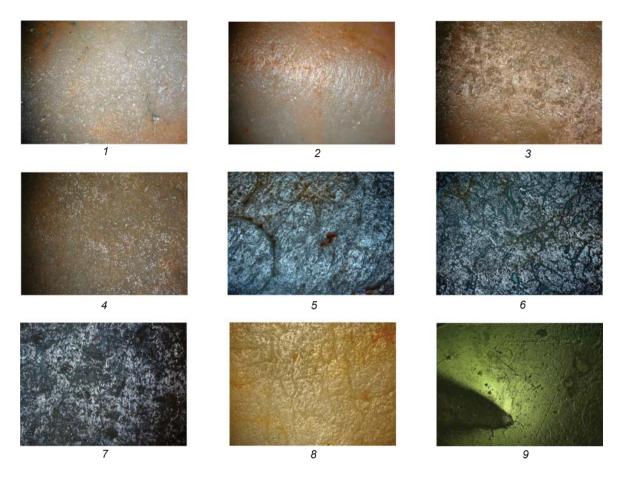

Рис. 7. Следы сработанности от обработки поверхности глиняной посуды (50-кратное увеличение). Экспериментальные образцы. Кварц (1-8), сердолик (9).

что для этой процедуры наиболее удобны небольшие гальки, имеющие естественные уплощенные гладкие участки. Обработка осуществлялась короткими разнонаправленными приглаживающими движениями. В результате поверхность сосудов, ранее матовая и шершавая, получала лощеный вид и технологически необходимую уплотненность. Эта работа не требовала усиленного давления, и выравнивание рабочей зоны орудия происходило медленно.

В результате лощения поверхности глиняной посуды выступающие участки микрорельефа рабочей зоны гальки истираются, заглаживаются, в поперечном сечении они приобретают арочные очертания (рис. 7, 2, 3). Общим для всей группы орудий является характер заполировки (рис. 7). Она яркая, но поверхностная, не проникающая в микрорельеф. При непродолжительном использовании (1 ч) гальки заполировка пятнистая (рис. 7, 1, 4, 8), может быть рассеянной и линейной, граница с незаполированной поверхностью четкая или слегка размыта. На двух образцах зафиксированы поперечные параллельные друг другу короткие тонкие царапины мягких очертаний (рис. 7, 2). После трехчасовой рабо-

ты заполировка полностью покрывает выступающие участки микрорельефа, не углубляясь в неровности. Линейные следы при лощении в течение 1—2 ч практически не формируются. Иная картина наблюдается на гальках, использовавшихся для обработки глины с примесью шамота и песка. На них заполировка приобрела линейность, появились тонкие риски, параллельные друг другу, и грубые царапины, расположенные хаотично (рис. 7, 5—7). Можно сделать вывод, что характер следов напрямую зависит от состава формовочной массы. Помимо описанных следов, на рабочих площадках встречаются С-образные царапины, образовавшиеся от круговых движений. Подобные зафиксированы на гальках из Самарской экспедиции (рис. 7, 9).

У галек, использовавшихся для полировки каменных шлифованных топоров, рабочий участок расположен на одной из поверхностей. В ходе эксперимента происходило его выравнивание. Образовывалась яркая рассеянная линейная заполировка, не проникающая глубоко в микрорельеф, а как будто истирающая его выступающие части. На ее площади локализуются линейные следы в виде пересекающихся

и параллельных друг другу царапин с нечеткими границами (см. рис. 6, 2). При аналогичной обработке бронзового изделия также происходит истирание рабочей поверхности, образуется пятнистая заполировка с металлическим отблеском, на начальном этапе (30 мин) работы глубоко не проникающая в микрорельеф (см. рис. 6, 3).

Необходимо отметить, что сработанность археологических образцов значительно сильнее, чем экспериментальных. Это обусловлено отсутствием длительных технологических серий и моделирующим характером экспериментов. Тем не менее дифференциация экспериментальных образцов по характеру следов износа ярко выражена, и с большой уверенностью можно говорить о том, что блок следов на гальках, использовавшихся в экспериментах по обработке шкуры и выделке кожи, соотносим с таковым на археологических образцах первой группы. Характер износа указывает на применение этих изделий для пушения бахтармы, лощения кожи и шкуры, а также не исключает их использование в других операциях кожевенного производства. Экспериментальные лощила по глине соотносимы с гальками второй группы. Кроме того, анализ керамики с рассматриваемых поселений показал, что технология изготовления сосудов включала в себя выравнивание их поверхностей и лощение. Для выполнения данных операций самыми подходящими по размерам и техническим характеристикам предметами были мелкие речные гальки. Подтверждает это и характер следов, зафиксированных на керамике.

Наличие в археологической коллекции галек с комбинированным блоком следов сработанности свидетельствует об их полифункциональности. По нашему мнению, их использовали для лощения кожи, поверхности глиняной посуды и др. Среди трасологически изученных орудий из галек нами не выявлены те, которыми полировали камень. Это вполне согласуется с единичностью полированных каменных изделий в материалах культур позднего бронзового века лесостепного Притоболья. На гальках четвертой группы зафиксированы следы сработанности, характерные для обработки поверхности металлических изделий. Данный вывод соотносится с интерпретацией подобных галек эпохи бронзы из Кулунды как орудий для доводки поверхности бронзовых отливок [Кунгурова, Удодов, 1997, с. 78].

Выводы

Таким образом, экспериментально-трасологический анализ показал, что население Притоболья позднего бронзового века применяло речные гальки в нескольких отраслях. Самыми многочисленными являются

предметы с комбинированными следами (25 экз.). Они использовались при выделке шкур и кож, а также в керамическом производстве для лощения поверхности сосудов. То есть данные орудия были полифункциональными. Только в кожевенном производстве использовалась 21 из изученных галек, а в обработке глиняных и металлических изделий – 5 и 4 соответственно. Орудия из галек по своей функциональности не уступали традиционным скребкам и лощилам из камня, кости и керамики.

Активное использование галек было обусловлено широкой доступностью этого сырья, которое в изобилии имелось в непосредственной близости от древних поселков. Кроме того, оно не требовало дополнительной обработки — фактически представляло собой уже готовое орудие.

Традиция изготовления орудий из небольших кварцитовых галек не являлась чисто зауральской. Это сырье повсеместно использовали, например, носители ямной культуры, а также обитатели городища Алтын-депе [Семенов, Коробкова, 1983, с. 137, 147; Коробкова, 2001, с. 159; Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 175, 193]. Бытование таких орудий на территории Зауралья связано с андроновским населением: единичные изделия зафиксированы в алакульских материалах, а максимальное количество — в федоровских и черкаскульских.

Список литературы

Аношко О.М., Матвеев А.В., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В. Большой Имбиряй-10 — новый памятник пахомовской культуры в Ингальской долине // Словцовские чтения — 2003: мат-лы XV Всерос. науч.-практ. краевед. конф. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2003. — С. 90—91.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1995. – 96 с.

Зах В.А., Костомаров В.М., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.С., Костомарова Ю.В. Коптяковский комплекс поселения Чепкуль-5 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – Вып. 1. – С. 36–49.

Коробкова Г.Ф. Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. – СПб.: ИИМК РАН, 2001. – С. 146–212.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). — СПб: Европ. дом, 2005. — 316 с.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. – 1948. – Вып. XVII: Археологический сборник. – С. 57-181.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхожде-

ние индоиранцев. – М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994.-464 с.

Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – С. 76–79.

Матвеев А.В. Поселение Щетково-2 — первый стратифицированный комплекс эпохи бронзы в Ингальской долине (предварительное сообщение) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: мат-лы итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 1999 г. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2000. — Вып. 1. — С. 23—24.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // AB ORIGENE: Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Вектор-Бук, 2007. - C. 4-41.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Хроностратиграфические комплексы позднебронзового поселения Щетково-2 в Ингальской долине // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы науч. семинара. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. — С. 78—83.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Исследование новых памятников бронзового века в Ингальской

долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: мат-лы итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2002 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 4. – С. 28–32.

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – Вып. 1. – С. 46–55.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). — М.: ПАИМС, 1995. — 151 с.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств (мезолит – энеолит). – Л.: Наука, 1983. – 255 с.

Сериков Ю.Б. Гальки и их использование древним населением Урала // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2006. – Вып. 6. – С. 42–57.

> Материал поступил в редколлегию 07.02.14 г., в окончательном варианте – 30.06.14 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.082-092 УДК 903.6

А.А. Ковалев¹, Д. Эрдэнэбаатар², И.В. Рукавишникова¹

¹Институт археологии РАН ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия E-mail: chemurchek@mail.ru rukavishnikovairina@yandex.ru

²Монгольский государственный университет National University of Mongolia P.O.-51, Box-167, Ulaanbaatar-51, Mongolia E-mail: ediimaajav@gmail.com

СОСТАВ И КОМПОЗИЦИЯ СООРУЖЕНИЙ РИТУАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА С ОЛЕННЫМИ КАМНЯМИ УШКИЙН-УВЭР (по результатам исследований 2013 года)

Статья посвящена реконструкции структуры и истории сооружения ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (Хубсугульский аймак, Монголия) на основе масштабных раскопок 2013 г. В ходе работ были обнаружены и исследованы объекты наиболее раннего периода его существования: шесть забитых камнем катакомб и ритуальные ямы. Получены новые данные о возможных местах установки известных оленных камней, а также обнаружены in situ нижние части пяти новых. Определено, что в исследованную часть комплекса входили два единых по композиции ансамбля сооружений с рядами оленных камней. Основу каждого из них составляли две каменные платформы: одна изогнутая (ориентирована в меридиональном направлении), а другая прямоугольная (ориентирована в широтном направлении, сопровождалась каменными стелами). Оленные камни устанавливались по западному краю изогнутых платформ. Ансамбли с востока, севера и юга дополнялись жертвенниками с захоронениями костей лошади. Эти объекты не перекрывали друг друга, что говорит о едином композиционном замысле сооружения. К северу от него располагались еще два ряда оленных камней, к востоку от которых также находились аналогичные жертвенники, а к западу – каменные кольца с фрагментами кальцинированных костей животных. По составу и композиции все ансамбли (платформы со стелами, дуга из жертвенников с останками лошадей с востока, каменные кольца с кальцинированными костями животных с запада) аналогичны ритуальным сооружениям, сопровождающим погребальные курганы-херексуры Центральной Монголии, что подтверждает высказанное ранее предположение о замещении оленными камнями реальных погребений.

Ключевые слова: *Монголия, поздний бронзовый – ранний железный век, оленные камни, херексуры, древние ритуалы, кенотафы.*

A.A. Kovalev¹, D. Erdenebaatar², and I.V. Rukavishnikova¹

¹Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia E-mail: chemurchek@mail.ru; rukavishnikovairina@yandex.ru ²National University of Mongolia, P.O.-51, Box-167, Ulaanbaatar-51, Mongolia E-mail: ediimaajav@gmail.com

A RITUAL COMPLEX WITH DEER STONES AT UUSHIGIIN UVUR/ULAAN UUSHIG, MONGOLIA: COMPOSITION AND CONSTRUCTION STAGES (Based on the 2013 Excavations)

Composition and construction history of a ritual complex with deer stones at Uushigiin uvur, Hovsgol aimag, Mongolia, are inferred from findings of large-scale excavations in 2013. The earliest elements of the complex were six catacombs filled with stones, and ritual pits. Possible placement of known deer stones was discovered, and lower parts of five new ones were found in situ. The

excavated part of the complex included two ensembles similar in composition and consisting of rows of deer stones. Each ensemble rested on two stone platforms, one curved (oriented in a north-south direction), the other rectangular (oriented in an east-west direction and accompanied by stone stelae). Deer stones were placed along the western edge of the curved platforms. East, north, and south of the ensembles, altars with buried horse bones were discovered. These objects did not overlap one another, which suggests a single compositional structure of the work. Further north, two more rows of deer stones were situated. On the eastern side of those, there were similar altars, and on the western side, stone rings with fragments of calcined animal bones. In terms of structure and composition, all ensembles (platforms with stelae, an arc of altars with horse remains from the east, stone rings with calcined animal bones from the west) are similar to ritual constructions around funerary mounds—the khereksurs of Central Mongolia, supporting the idea that deer stones had replaced actual burials.

Keywords: Mongolia, Late Bronze Age, Early Iron Age, deer stones, khereksurs, funerary rituals, cenotaphs.

В 1970 г. комплекс погребальных и поминальных сооружений Ушкийн-Увэр был осмотрен отрядом Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции под руководством В.В. Волкова и Э.А. Новгородо-

вой. Первая публикация выполненных в ходе разведки плана памятника и рисунков оленных камней [Волков, Новгородова, 1975] стала началом нового этапа исследований последних как феномена культуры евразийских номадов. На основании сходства изображенных на изваяниях Ушкийн-Увэра предметов вооружения с оружием «карасукских типов» Э.А. Новгородова и В.В. Волков предположили, что наиболее ранние оленные камни относятся к концу эпохи бронзы [Новгородова, 1973; Волков, Новгородова, 1975, с. 84; Волков, 1981, с. 111; Новгородова, 1989, с. 182-183, 211-212]. Опубликованный в 1975 г. план комплекса, на котором оленные камни изображены установленными в ряд, идущий от кургана-«херексура» к югу, послужил одним из аргументов в пользу отнесения их к единой культурной общности [Худяков, 1987, с. 156-158; Новгородова, 1989, с. 202].

В 1999—2006 гг. на памятнике проводила исследования монголо-японская экспедиция под руководством Д. Эрдэнэбаатара, Шу Такахама, Хаяши Тошио [Takahama Shu et al., 2006]*. Был снят детальный топографический

план комплекса (рис. 1). Экспедиция провела раскопки одного из крупных херексуров (X-1) к северу от местонахождения оленных камней, кургана с кольцевой оградой, расположенного к востоку от изваяний (X-12),

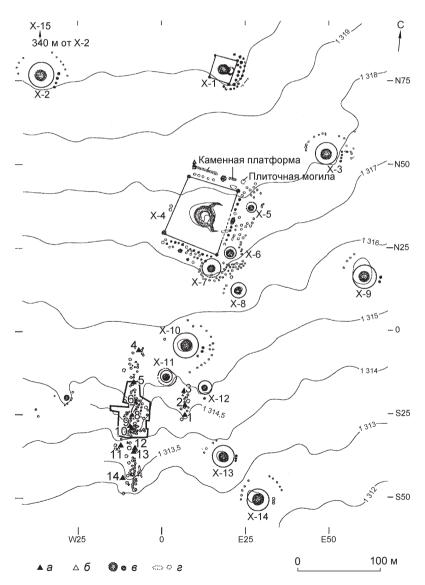

Рис. 1. План местонахождения Ушкийн-Увэр (по: [Takahama Shu et al., 2006]). На план нанесены границы раскопа 2013 г.

^{*}Японские археологи дали памятнику название Улаан-уушиг I по наименованию близлежащей горы, однако мы считаем более корректным использовать первоначальное название Ушкийн-Увэр, данное В.В. Волковым и Э.А. Новгородовой и прочно укоренившееся в российской и мировой литературе.

a — оленные камни (1–14 — нумерация по: [Волков, Новгородова, 1975]); δ — стелы; ϵ — каменный курган, каменная насыпь; ϵ — ряд камней, каменное кольцо. X — херексур.

а также ряда иных погребальных и ритуальных сооружений, в т.ч. каменных конструкций на небольшой площади в районе оленных камней 4 и 7 (здесь и далее известные на 2013 г. оленные камни 1–15 по нумерации В.В. Волкова и Э.А. Новгородовой). Были выполнены новые прорисовки известных оленных камней.

Рис. 2. Раскоп 2013 г. на комплексе Ушкийн-Увэр. Общий вид с востока (1) и с юга (2). Перемещенные оленные камни заретушированы.

Обнаружение стелы с признаками таких изваяний («серьга», скошенная верхняя грань) в поле насыпи херексура подкрепляет, на взгляд авторов, предположение о синхронности подобных сооружений с оленными камнями [Ibid., р. 77]. Кроме того, по костям животных из исследованных ритуальных объектов, сопровождающих херексур и оленные камни, были получены четыре радиоуглеродные даты, все они (после калибровки) укладываются в период XIII—IX вв. до н.э. [Такаhama Shu, 2010, с. 127].

В 2013 г. Международная Центрально-Азиатская археологическая экспедиция под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара

провела масштабные раскопки на памятнике Ушкийн-Увэр (рис. 2) с целью выявления особенностей пространственной организации ритуального места и прояснения вопроса о последовательности сооружения конструкций. В ходе работ была исследована центральная часть т.н. западного ряда оленных камней. Раскоп был устроен таким образом, чтобы охватить абсолютно все сооружения в районе сохранившихся in situ оленных камней 5 и 10 (его расположение показано на рис. 1), а не только каменные конструкции в месте их максимальной концентрации. Наибольшая ширина раскопа с севера на юг составила 75 м, с запада на восток – 55 м. Грунт (гумусированные лессовые отложения) по всей площади снимался до уровня щебнистого предматерика, что должно было гарантировать выявление всех созданных человеком структур и объектов на каждом этапе развития комплекса. Чертежи для максимальной детализации выполнялись в масштабе 1:10.

Большую проблему для реконструкции структуры и истории сооружения комплекса создали варварские действия лиц, в 80-х или 90-х гг. ХХ в. вкопавших поваленные оленные камни. Изваяния вкапывались, естественно, без предварительного изучения сохранившихся в земле следов их первоначальной установки. Новые ямы могли повредить оригинальные

Рис. 3. План-схема исследованной в 2013 г. части комплекса.

Ж - жертвенник, ОК - оленный камень (нумерация по В.В. Волкову, Э.А. Новгородовой с добавлением вновь найденных изваяний; в скобках указаны полевые номера найденных фрагментов оленных камней). ЦС – центральное сооружение: U-образная ритуальная яма, «pit» – ямы, исследованные в 2006 г. Зеленым цветом обозначены объекты начального периода (катакомбы, ритуальные ямы), голубым – ряды оленных камней, желтым - сооружения с погребениями костей лошали и с кальцинированными костями:

Стела 18 д

Стела 17 ∆

Стела 16 △

Стела 12

Степа 14

Стела 19 ∆

Стела 20 Д

Стела 21 ∆

6 м

сооружения. Особенно изрытым оказался участок, на котором изначально располагались оленные камни 6-8 [Волков, 2002, с. 80-81]. Об их исходном положении теперь можно только догадываться.

В исследованную часть комплекса входили два единых по композиции ансамбля сооружений с оленными камнями (рис. 3). Основу каждого из них составляли каменные платформы: одна - изогнутая, ориентированная длинной осью по линии юго-юго-запад - северо-северо-восток (платформы 1 и 2), другая – прямоугольная (платформы 3 и 4), вытянутая в широтном направлении, на оконечности которой устанавливались

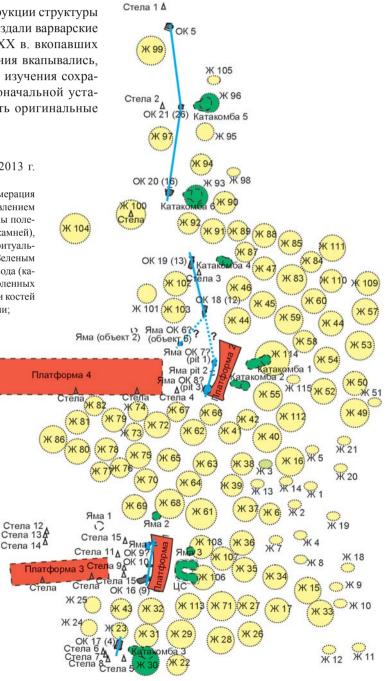

Рис. 4. Ансамбль 1. Вид с юго-востока.

друг другу, южная короче северной. Обе продольные стороны изогнуты, причем если восточная представляет собой часть окружности, то кривизна западной увеличивается к югу. Эта непростая форма в плане, несомненно, была придана сооружению специально, поскольку такими же особенностями отличается и исследованная севернее платформа 2. Площадь платформы выложена небольшими плоскими обломками гранита в один слой, ее периметр сформирован такими же плитками, вкопанными вертикально в предматерик на глубину до 0,10-0,15 м.

Приблизительно в 4 м к западу от платформы 1 начинается прямоугольная в плане платформа 3, вытянутая в широтном направлении с отклонением от параллели к юго-западу ок. 4° (см. рис. 4, 5). Ее длинная ось выведена приблизительно на середину платформы 1. Длина сооружения ок. 9,5 м, ширина – ок. 2,1 м. Стенки платформы сложены из одного-двух слоев каменной кладки, а с южной стороны еще вкопаны две

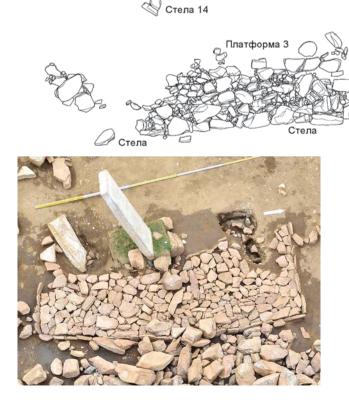
Стела 11

Стела 9

OK 16 (9)

три стелы. Оленные камни в обоих случаях располагались по западному краю изогнутой платформы.

Ансамбль 1 (рис. 4, 5). Изогнутая платформа 1 (рис. 5, 6) имеет длину ок. 5,2 м, наибольшую ширину ок. 2,1 м. Ее длинная ось (условно принята по линии хорды дуги восточной стороны) отклоняется от меридиана к северо-востоку приблизительно на 11°. Торцевые стороны платформы практически параллельны

Puc. 5. План центральной части ансамбля 1 с U-образной ритуальной ямой (после выборки ее заполнения).

OK 16 (6)

OK 16 (10)

3 м

Рис. 6. Изогнутая платформа 1 и ряд оленных камней 1 ансамбля 1. Вид с востока.

приостренные стелы. Пространство между стенками заполнено небольшими каменными глыбами в один — три слоя. В западной части платформа сильно разрушена. Менее чем в 2 м к западу от нее по линии, параллельной торцевой стороне, были вкопаны три стелы из необработанного камня (19–21). Такой же ряд (стелы 9–11) располагался и вдоль восточной стороны. Стелы 12–15, находившиеся к северу от платформы 3, могли относиться к тому же ансамблю, но планиграфически это не выявляется.

Западная сторона изогнутой платформы 1 в средней части перекрыта забутовочным материалом ямы, в которой стоит оленный камень 10 - один из немногих, сохранившихся до наших дней целиком in situ [Волков, 2002, табл. 72; 77, 1; Takahama Shu et al., 2006, pl. 18, I] (см. рис. 5, 6). Яма была выкопана у самого края платформы, изваяние располагалось лицевой стороной строго на восток. Как выяснилось в ходе раскопок, приблизительно в 1,2 м к югу от этого оленного камня находился еще один (см. рис. 5, 6). Яма для его установки прорезала западный край платформы 1. Она овальная в плане, вытянута длинной осью по линии запад – восток, следовательно, оленный камень также должен был быть ориентирован узкими сторонами по этой линии. В яме находился обломок средней части оленного камня (фрагмент ОК 9), воткнутый наклонно в перевернутом положении (см. рис. 5). Нижняя часть этого же камня (фрагмент ОК 6) лежала на древнем горизонте в 1 м к юго-западу от ямы, а два фрагмента

верхней обнаружены к югу от ямы (ОК 8) и на платформе 1 (ОК 10). Расположение обломков указывает, скорее всего, на то, что именно этот оленный камень, получивший номер 16, был установлен в указанной яме.

В 2 м к северу от оленного камня 10 выявлены еще две ямы, предназначенные, видимо, для установки оленных камней (см. рис. 5, 6). Одна из них прорезала западную сторону платформы 1, имела в плане подовальную форму, длинной осью ориентирована в широтном направлении. Вероятно, в ней был первоначально установлен «уплощенный» оленный камень типа изваяния 10. Его обломков обнаружить не удалось. С запада к этой яме примыкала другая, подпрямоугольная в плане, вытянутая, напротив, в меридиональном направлении. По пропорциям она подходит для оленного камня 9, который, судя по плану В.В. Волкова, «лежал в земле» в 2 м к северу от стоявшего оленного камня 10 [Волков, 2002, табл. 72; 76, 2; Takahama Shu et al., 2006, pl. 17, 2]. Верхний конец изваяния был отбит в древности. Нам удалось найти его среди каменных обломков, лежавших на уровне древнего горизонта в 3 м к западу от ямы оленного камня 16 (фрагмент ОК 7; рис. 7), что косвенно подтверждает нашу атрибуцию.

Итак, вдоль западного края платформы 1 был установлен ряд оленных камней, ориентированный по линии юго-юго-запад — северо-северо-восток (ряд 1).

Ансамбль 2 (рис. 8). Изогнутая платформа 2 так же, как и платформа 1, сложена из одного слоя неболь-

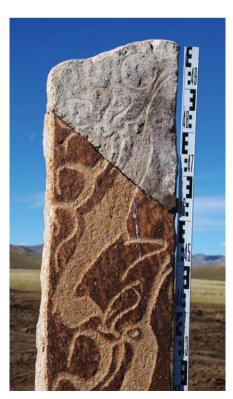
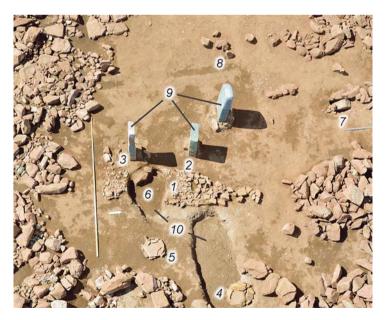

Рис. 7. Оленный камень 9.

Puc.~8. Ансамбль 2. Центральная часть с окружающими объектами. I – изогнутая платформа 2; 2 – яма для установки оленного камня 7 (?) (pit 1); 3 – яма для установки оленного камня 8 (?) (pit 3); 4 – катакомба 1; 5 – катакомба 2; 6 – место просадки платформы 2 в камеру катакомбы 2 (разрушено); 7 – оленный камень 18 in~situ; 8 – яма для установки оленного камня 6 (?); 9 – перемещенные оленный камень 8 и фрагменты оленного камня 7; 10 – траншеи экспедиции 2006 г.

ших плиток, по периметру окаймлена такими же плитками, вкопанными вертикально. Она была зачищена и зафиксирована монголо-японской экспедицией в 2005–2006 гг. [Такаһата Shu et al., 2006, р. 72–73]. К сожалению, в ходе этих исследований платформу сильно повредили. Нам удалось обнаружить *in situ* только часть плиток, установленных вертикально по ее периметру, а также небольшой участок выкладки. Северо-западный угол платформы был уже разрушен ко времени раскопок 2005–2006 гг., однако здесь сохранились фрагменты периметра, которые позволяют реконструировать форму сооружения.

Судя по имеющимся данным, платформа 2 по форме в плане аналогична платформе 1, но с более резкими диспропорциями. Ее длина составляла ок. 5,4 м, наибольшая ширина – 2,2 м. Торцевые стороны были прямыми и параллельными друг другу, причем южная короче северной, продольная восточная сторона также была прямой, а западная вогнута по дуге, кривизна которой нарастала к югу. Ориентация сооружения (по западной стороне) – 20° к северо-востоку от меридиана.

Примерно в 5 м к западу от платформы 2 начинается прямоугольная платформа 4, вытянутая строго в широтном направлении. Она сложена аналогично платформе 3, стенки образованы уложенными по прямой линии крупными каменными блоками, внутреннее пространство заполнено небольшими глыбами в один-два слоя. Западная часть сооружения сильно разрушена. В 1 м к западу от платформы по линии, параллельной ее торцевой стороне, были вкопаны три стелы из необработанного камня (№ 16–18). Еще одна стела (№ 4) находилась между платформами 2 и 4, однако ее принадлежность этому ансамблю планиграфически подтвердить невозможно.

На момент осмотра комплекса В.В. Волковым и Э.А. Новгородовой в 1970 г. примерно на месте платформы 2 стояла *in situ* как минимум нижняя часть оленного камня 7. Именно в таком положении (вид сверху) он изображен на плане В.В. Волкова и назван «стоящим» [2002, с. 80-81; табл. 72]. Кроме того, в статье 1975 г. [Волков, Новгородова, 1975, с. 80] сообщается не только о высоте надземной части этого изваяния (1,7 м), но и об общей его длине (3,75 м). Таким образом, «стоящий» оленный камень 7 или его нижняя часть были выкопаны в ходе разведки 1970 г. В монографии В.В. Волков дал рисунок этого изваяния с разрывом на месте разлома [2002, табл. 73, 3]. Так что надземная часть оленного камня 7 была, скорее всего, уже отколота к началу работ 1970 г. Японские исследователи в 2005 г. застали обратную картину: вкопана была уже верхняя часть камня, а нижняя лежала у ее подножия; вокруг них было выложено кольцо из обломков гранита в два-три ряда и один слой. Это кольцо и уложенная нижняя часть оленного камня 7 перекрывали вышеописанную платформу 2. Ясно, что верхняя часть изваяния была вкопана сюда после 1970 г. Оленные камни, насколько нам известно, никогда не устанавливались в центре каменного кольца. Одно это наводит на мысль, что кольцо было выложено в XX в. Однако есть и более серьезное доказательство. В ходе работ монголо-японской экспедиции 2005 и 2006 гг. вкопанный обломок оленного камня 7 вытащили и полностью исследовали яму (pit 2), в которой он находился. Опубликованные чертежи и фотографии показывают, что глубина этой ямы составляла всего ок. 52 см, а диаметр – 98 см [Takahama Shu et al., 2006, pl. 10, 11], она не могла предназначаться для установки столь крупного оленного камня. А вот севернее, непосредственно под кладкой указанного каменного кольца, обнаружилась другая яма (pit 1), глубиной 1,06 м, диаметром в нижней части 0,5, вверху – 1,38 м. По своим параметрам она точно соответствует нижней, закапывавшейся части оленного камня 7 (без рисунков), которая имеет длину 1,1 м, плавно сужается книзу с ширины 0,6 м до 0,3 м [Ibid., р1. 16]. Именно из этой ямы, скорее всего, В.В. Волков ее выкапывал. Поэтому перекрывающее яму каменное кольцо должно было быть сооружено уже после работ Советско-Монгольской экспедиции и не может учитываться в составе комплекса.

Яма (pit 1), в которой, как мы предполагаем, изначально стоял оленный камень 7, расположена около середины западной стенки платформы 2, поэтому данное изваяние, аналогичное по пропорциям оленному камню 10, находилось в том же положении относительно платформы 2, что и этот камень относительно платформы 1.

Юго-западный угол платформы 2, как и у платформы 1, был прорезан ямой (pit 3) [Ibid., p. 73, pl. 11]. Эта яма, исследованная в 2006 г., имела диаметр 165 см, глубину 55 см. В ней были обнаружены камни до 30 см в диаметре, которые могли использоваться для забутовки оленного камня. Японские коллеги почему-то предположили, что в эту яму устанавливался оленный камень 7. Однако простейшие расчеты показывают, что он никак не мог бы удержаться в вертикальном положении, если бы его зауженная нижняя часть была закопана в землю на 55 см, а на поверхности осталась в 2 раза более широкая верхняя часть высотой 3,2 м. Скорее всего, эта яма служила для установки оленного камня 8, найденного в 1970 г. лежащим «рядом со стоящим камнем № 7» с южной стороны [Волков, 2002, с. 81, табл. 72]. Согласно описанию, он имел длину 2,3 м, ширину 0,4-0,5, толщину 0,15-0,18 м. Судя по рисунку В.В. Волкова, его нижняя часть без изображений (закапываемая в землю) составляла немного менее четверти от общей длины (от 2,3 м), т.е. как раз ок. 55 см [Там же, табл. 76, 1). Поэтому, вполне вероятно, в яму (pit 3), прорезавшую край платформы 2, изначально был установлен оленный камень 8.

Таким образом, можно предположить, что вдоль западного края платформы 2 так же, как и у платформы 1, был сооружен ряд оленных камней, ориентированный по линии юго-юго-запад — северо-северовосток (ряд 2).

Севернее ансамблей 1 и 2 были прослежены еще два (?) ряда сооружений, состоящие из оленных камней, каменных колец с погребениями костей лошади и насыпями, а также с кальцинированными костями.

Ряд 3. В 3 м к северо-западу от северо-западного угла платформы 2 нами обнаружена in situ нижняя часть оленного камня подквадратного сечения, который получил номер 18 (фрагмент ОК 12) (см. рис. 3, 8). Северо-северо-западнее его был изначально установлен найденный нами оленный камень 19, его вывороченная нижняя часть (фрагмент ОК 13) лежала около ямы, а обломки средней - на современной поверхности. Видимо, еще одним в этой дуге был поваленный в древности оленный камень 6. Как сообщалось в статье 1975 г., он замыкал с севера «ряд» оленных камней «6-8, 11, 13 и 15» [Волков, Новгородова, 1975, с. 80]. На плане он показан «лежащим» совсем недалеко от оленного камня 7 [Волков, 2002, табл. 72]. Рисунок В.В. Волкова [Там же, табл. 75, 1] отображает только надземную часть изваяния, хотя начиная со статьи 1975 г. приводится его общая длина – 3,4 м, что весьма сомнительно, поскольку зафиксированная часть с рисунками составляет всего 1,9 м. Это оставляет возможность того, что положение, в котором камень застала монголо-японская экспедиция [Takahama Shu et al., 2006, pl. 2], является первоначальным. Тогда он оказывается в этом ряду между оленными камнями 18 и 19, с небольшим смещением к востоку. Однако сегодняшнее местонахождение изваяния отстоит от предполагаемого места установки оленного камня 7 на 8 м, что расходится с планом 1970 г. Возможно, оно было изначально установлено южнее, в 4 м к западу от северо-западного угла платформы 2, где нами зачищена яма диаметром ок. 0,4 м, глубиной ок. 0,8 м (см. рис. 8). В ее заполнение уходило несколько каменных обломков, другие лежали вокруг на уровне древнего горизонта (эти стуктуры получили полевое обозначение «объект 5»; см. рис. 3). Оленный камень 6 имеет ширину 0,38 м, а толщину 0,27 м [Волков, 2002, с. 80], поэтому по основным параметрам яма для него подходит.

В случае, если оленный камень 6 был установлен в указанную яму, ряд 3 располагался обособленно от ряда 2 (вдоль западного края платформы 2), к северо-западу от него. Если же он сохранил свое первоначальное положение, то линия, по которой устанавливались вместе с ним оленные камни 18 и 19, была как бы продолжением дуги, образованной западной

стенкой платформы 2, и, соответственно, ряда 2, включавшего оленные камни 7 и 8 (см. рис. 3).

Ряд 4. В следующий ряд входят стоящий *in situ* оленный камень 5, а также найденные нами оленные камни 20 и 21, от которых *in situ* сохранились вкопанные нижние части (фрагменты ОК 16 и ОК 26 соответственно) (см. рис. 3, 9). Если отбитых фрагментов последнего найти не удалось, то обломки оленного камня 20 (как минимум пять) обнаружены на широкой площади северной части раскопа. Ряд 4 имеет форму слабоизогнутой дуги. Аналогичное размещение оленных камней было прослежено нами при раскопках на соседнем (10 км к западу) ритуальном комплексе с восемью изваяниями Суртийн-дэнж [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, рис. 4, 5].

К югу от платформы 1 нами открыт отдельно стоящий оленный камень 17: нижняя часть (фрагмент ОК 4) *in situ* и три обломка в южной части раскопа на древнем горизонте. Яма для его установки смещена к западу от оси ряда 1, входящего в ансамбль 1. Юго-западнее оленного камня находился ряд из трех стел (\mathbb{N} 6–8).

С востока, юга и севера ансамбли были дополнены более чем сотней жертвенников, основу которых составляли неглубокие ямы с захороненными частями лошадиных скелетов. Как правило (хотя не все жертвенники имеют столь полный набор), на дне ямы находились четыре копыта и верхнее ребро, а на них кости черепа и шейный отдел позвоночного столба. Ориентация копыт и черепов восточная. Этот вид захоронения, многократно зафиксированный при раскопках сооружений, сопровождающих оленные камни и херексуры, видимо, связан с обрядом, который до-

Рис. 9. Оленный камень 20 in situ. Вид с севера.

жил до наших дней в Центральной Азии: именно такой набор костей остается после сгнивания конской шкуры, выставляемой в ритуальных целях (см. напр.: [Потанин, 1883, с. 78–79]), верхнее ребро в погребении символизирует внутренности лошади. Ямки с частями лошадиных скелетов заполнялись грунтом, затем (что подтверждается стратиграфическими наблюдениями) вокруг большинства из них сооружалось кольцо из одного – трех слоев камня, засыпавшееся каменными обломками различного размера. По мере отдаления от центра ансамблей качество этих каменных сооружений ухудшается, в ряде случаев кольцо только «намечено» укладкой отдельных глыб. По восточной окраине комплекса располагались жертвенники вовсе без каменных сооружений.

При тщательном полевом исследовании нами не встречено ни единого случая перекрывания одним жертвенником другого. Все они сооружались с уче-

Рис. 10. Фрагмент оленного камня 20 в засыпке жертвенника 52.

Рис. 11. U-образная ритуальная яма (вид с запада после разборки заполнения, на переднем плане край платформы 1).

том уже имеющихся. Жертвенники не перекрывают и не нарушают также каменные платформы и ряды оленных камней 1—4, что говорит о единстве замысла всего комплекса на этом этапе. В то же время фрагмент оленного камня 20 был обнаружен нами в заполнении жертвенника 52 (рис. 10). Данный факт свидетельствует о долговременном функционировании комплекса. Провести точную границу между жертвенниками, входящими в ансамбли 1 и 2 или сопровождающими ряды оленных камней 3 и 4, не представляется возможным, хотя некоторые наблюдения могут указывать на определенное членение этого массива.

Нами впервые зафиксированы и исследованы сооружения, относящиеся либо к наиболее раннему периоду существования комплекса, либо к начальным стадиям формирования отдельных его частей: шесть катакомб, забитых камнем, а также ритуальная U-образная в плане яма со вкопанными в ее дно стелами. Эта яма, получившая полевое обозначение «центральное сооружение» (ЦС), была выкопана и засыпана камнем, по данным стратиграфии, до строительства платформы 1 (см. рис. 3-5). Плитки бордюра с восточной стороны последней перекрывали край каменного завала ритуальной ямы. Кроме того, камни этого завала лежали на ее краю на уровне ок. 10 см ниже, чем уровень, на котором располагалась платформа 1. Жертвенники с лошадиными костями 106 и 108 устроены поверх каменного завала ритуальной ямы. В то же время оленный камень 10 вкопан с противоположной стороны платформы 1 в точности по линии оси симметрии ритуальной ямы, а сама платформа сооружена практически на краю последней, и хорда ее вогнутой восточной стороны почти перпендикулярна этой оси (отклонение на 3°). Таким образом, можно предположить определенное единство ритуальной ямы и сооружений ансамбля 1.

В плане яма (рис. 11) имела размеры примерно 2 × 2 м, между ее северной и южной частями была оставлена перемычка шириной ок. 0,4-0,5 м, ориентированная в широтном направлении с отклонением примерно на 7° к юго-востоку. Дно ямы понижалось к востоку (с уровня приблизительно 0,3 м от древнего горизонта до уровня ок. 0,7 м). В ее северной части на дне зачищены фрагменты таза и челюсти лошади. На концах «ветвей» яма расширялась. Здесь в ее дно были вкопаны стелы из необработанных обломков гранита: в северной части - три плоские, ориентированные широкими сторонами примерно по линии запад - восток, а в южной - четыре, расположенные приблизительно по сторонам света. На западном краю северной «ветви» лежал гранитный обломок с выемкой сверху, ориентированной точно по линии восток запад (алтарь?).

Яма была забита обломками камня. Наверху этой засыпки в северной части лежала глыба размерами

Puc. 12. Камень с выбитой лункой в заполнении U-образной ритуальной ямы.

 $0.7 \times 0.6 \times 0.5$ м. На ее верхней грани имеется лунка диаметром ок. 0.1 м (рис. 12), поверхность которой покрыта натеком органического вещества (взят соскоб для проведения химического и генетического анализов). От лунки по камню идут многочисленые радиальные трещины. Они могли образоваться при промерзании жидкости, залитой в углубление. Несомненно ритуальное применение этой глыбы, но в засыпке ямы она, возможно, была вторично использована, поскольку лунка оказалась здесь в наклонном положении.

Каждая катакомба представляла собой вертикальную шахту диаметром до 1 м и глубиной до 1,6 м, в западной стенке которой устраивался подбой длиной 0,8–1,5 м (рис. 13, 14). Вход в камеру закладывался каменной плитой, в катакомбах 1 и 2 их было несколько. Шахта плотно забивалась камнями. Катакомбы 3, 5, 6 сопровождались каменными кольцами (рис. 15). Эти кольца («жертвенники» 30, 93 и 96) входили в ряды типичных жертвенников с захоронениями. Шахта катакомбы 1 была перекрыта жертвенником 114 (stone heap 1 по нумерации 2006 г.) [Такаhama Shu et al., 2006, р. 71, рl. 10], край шахты катакомбы 3 – жертвенником 31. Часть платформы 2 в древности просела в катакомбу 2; в 2006 г. это приняли за яму (ріt 4) [Івіс., р. 73–74, рl. 11, 5].

Планиграфия катакомб позволяет предполагать их композиционное единство с ансамблем 2 (катакомбы 1 и 2), рядами оленных камней 3 и 4 (катакомбы 4—6), а также с оленным камнем 17 (катакомба 3). Случаи перекрывания шахт жертвенниками могут указывать на то, что дислокация входа в катакомбу была неизвестна людям, обустраивавшим ритуальное место,

Рис. 13. Катакомба 2. Вид с запада.

Рис. 14. Катакомба 2. Заполнение камеры. Вид с севера.

Рис. 15. Катакомба 6. Вид входной шахты с юго-востока.

либо игнорировалась ими. Поэтому принадлежность этих сооружений отдельным ансамблям остается дискуссионной.

Предварительные итоги исследования памятника Ушкийн-Увэр предоставляют новые доказательства единства планировки ансамблей сооружений с оленными камнями и ритуально-погребальных комплексов херексуров Центральной Монголии, о котором уже говорилось на примере Суртийн-дэнжа [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, 2010]. Аналогичную композицию каменных колец, содержащих погребения костей лошади, и прямоугольных каменных платформ со стелами мы видим на планах херексуров (Ушкийн-Увэр, Жаргалантын-ам, Урт-булагын, Цацынэрэг B09 и B10 и др.) [Takahama Shu et al., 2006, pl. 2; Төрбат и др., 2011, т. 53–54; Allard, Erdenebaatar, 2005, p. 547-551; Erdenebaatar, 2007; Magail, 2007, р. 115-116]. Это подтверждает предположение о замещении оленными камнями реального погребального сооружения - кургана с могилой [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 104]. Таким образом, можно утверждать, что в Центральной Монголии все оленные камни использовались как кенотафы - памятники, изображающие реальных умерших людей, по каким-то причинам не погребенных в курганах-херексурах (о понятии «кенотаф» см.: [Тишкин, Грушин, 1997]). В настоящее время появились новые свидетельства использования оленных камней Евразии в качестве ритуального замещения покойного, в т.ч. известны случаи намеренного захоронения оленных камней в курганах раннескифского времени Тувы [Ковалев, Рукавишникова, Эрдэнэбаатар, 2014].

Список литературы

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 253 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – 2-е изд. – М.: Науч. мир, 2002. – 248 с.

Волков В.В., Новгородова Э.А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 78–84.

Ковалев А.А., Рукавишникова И.В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни – это памятники-кенотафы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 41–54.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евра-

зии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 99–105. – (Тр. САИПИ; вып. 3).

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–24 сент. 2010 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — С. 104–117.

Новгородова Э.А. Оленные камни и некоторые вопросы древней истории Монголии // Олон улсын монголч эрдэмтнийн II их хурал. – Улаанбаатар, 1973. – Боть I. – Т. 385–388.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип. В. Киршбаума], 1883. – Вып. IV: Материалы этнографические. – 1026 с.; ил.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2. – С. 24–28.

Төрбат Ц., Баярсайхан Ж., Батсүх Д., Баярхүү Н. Жаргалантын амны буган хөшөөд. – Улаанбаатар: Mongolian Tangible Heritage Assoc., 2011. – 192 т.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 136–162.

Allard F., Erdenebaatar D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia // Antiquity. – 2005. – Vol. 79, N 305. – P. 547–563.

Erdenebaatar D. Funeral and Sacrifice Ritual of the Horse in the Bronze Age of Mongolia // Этноистория и археология Северной Еразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 201–209.

Magail J. Compte-rendu de la campagne 2007 de la mission archéologique conjointe Monaco-Mongolie // Bull. de Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco. – 2007. – N 47. – P. 115–120.

Takahama Shu. Research of Ulaan uushig I (Uushigiin övör) in Mongolia and newly acquired ¹⁴C data // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–24 сент. 2010 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 126–131.

Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebaatar D. Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushgiin Övör) in Mongolia // Bull. of Archaeology, the Univ. of Kanazava. – 2006. – Vol. 28. – P. 61–102.

Материал поступил в редколлегию 18.06.14 г., в окончательном варианте – 26.02.15 г. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.093-103 УДК 549.27+903.25-032.42

В.В. Зайков^{1,2}, Л.Т. Яблонский³, П.К. Дашковский⁴, В.А. Котляров¹, Е.В. Зайкова¹, А.М. Юминов^{1,2}

¹Институт минералогии УрО РАН

Ильменский заповедник, Миасс, 456317, Россия

E-mail: zaykov@mineralogy.ru; kotlyarov@mineralogy.ru; liza@mineralogy.ru; umin@mineralogy.ru

²Южно-Уральский государственный университет

пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия

³ Институт археологии РАН

ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия

Е-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru

⁴ Алтайский государственный университет

ул. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

Е-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

МИКРОВКЛЮЧЕНИЯ ПЛАТИНОИДОВ ГРУППЫ САМОРОДНОГО ОСМИЯ В ДРЕВНИХ ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЯХ СИБИРИ И УРАЛА*

В статье изложены результаты изучения древних золотых изделий Сибири и Урала с микровключениями платиноидов группы самородного осмия, аналогичными таковым в артефактах Ближнего Востока. Исследованы предметы из золота, найденные в царском кургане Аржан II (Тува), могильниках Ханкаринский Дол и Инской Дол (Алтай), Филипповка I и II (Южный Урал), относящихся к раннему железному веку. По морфологии и разнообразию состава включений установлено, что золото добывали в россыпях, локализованных вблизи золотоносных и платиноносных гипербазитовых поясов. Микровключения представлены твердыми растворами осмия, иридия, рутения. Их номенклатура определялась по соотношению указанных компонентов. На диаграммах составов микровключений в изделиях из уральских памятников их фигуративные точки образуют четыре тренда: основные – рутениевый и иридиево-осмиевый, второстепенные – осмиево-рутениевый и иридиево-рутениевый. Последний характерен для наноразмерных частиц, окружающих более крупные. Их появление объясняется воздействием золотого расплава на микровключения. При плавке золота раскаленный воздух, содержавшийся в микропорах, мог вызывать окисление осмия с последующей ассимиляцией продуктов окисления расплавом. Данное обстоятельство следует учитывать при сопоставлении состава микровключений и минералов предполагаемых россыпных источников. Фигуративные точки для изделий из Сибири на диаграмме Os-Ru-Ir образуют в основном рутениевый тренд, установлены также осмиево-рутениевый и иридиево-осмиевый, а составы, соответствующие иридиево-рутениевому тренду, пока не выявлены, что может объясняться малым числом анализов. Присутствие микровключений осмия в древних золотых изделиях может служить одним из доказательств производства золотых изделий в местных ювелирных мастерских.

Ключевые слова: золото, платиноиды, осмий, микровключения, россыпи, скифская эпоха.

V.V. Zaykov^{1,2}, L.T. Yablonsky³, P.K. Dashkovsky⁴, V.A. Kotlyarov¹, E.V. Zaykova¹, and A.M. Yuminov^{1,2}

¹Institute of Mineralogy, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
Ilmensky Reserve, Miass, 456317, Russia
E-mail: zaykov@mineralogy.ru; kotlyarov@mineralogy.ru; liza@mineralogy.ru; umin@mineralogy.ru

²South Ural State University,
Pr. Lenina 76, Chelyabinsk, 454080, Russia

^{*}Исследование выполнено в рамках госзадания Минобрнауки РФ № 33.2644.2014 и поддержано РФФИ (проект № 15-05-00311).

³Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia E-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru ⁴Altai State University, Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

PLATINOID MICROINCLUSIONS OF NATIVE OSMIUM GROUP IN ANCIENT GOLD ARTIFACTS FROM SIBERIA AND URALS AS A SOURCE OF GEOARCHAEOLOGICAL INFORMATION

The analysis of Early Iron Age gold jewelry from Hankarinsky Dol and Inskoy Dol in the Altai, Arzhan II royal mound in Tuva, and Filippovka I and II royal mounds in the Southern Urals, has detected platinoid inclusions similar to those in artifacts from the Near East. Their morphology and composition suggest that gold was mined from placer deposits located near the gold and platinum bearing ultramafic belts. Microinclusions consist of solid solutions of osmium, iridium, and ruthenium. Their nomenclature was evaluated by the proportion of these components. Triangular plots of microinclusions in artifacts from the Urals reveal four clusters: principal (ruthenium and iridium-osmium) and secondary (osmium-ruthenium and iridium-ruthenium), the latter relating to nanoscale particles surrounding larger ones. Their emergence is due to the impact of gold melt on microinclusions. During melting, heated air in micropores could cause oxidation of osmium with subsequent assimilation of oxidation products by melt. Micropores, 1–0.4 µ in size, were revealed in 5–10 %. This should be taken into account when comparing the composition of microinclusions and minerals from tentative placer sources. Artifacts from Siberia show a mostly ruthenium tendency. Osmium-ruthenium and iridium-osmium trends were also detected, but not the iridium-ruthenium trend, possibly due to small sample size relating to Siberia. The presence of PGE microinclusions in ancient gold artifacts may suggest that these were manufactured locally.

Keywords: Gold, platinoids, osmium, ancient gold jewelry, microinclusions, placers, ultramafic belts, gold melt, nomads, Scythian age.

Ввеление

В последние годы в древних золотых изделиях Урала и Сибири нами выявлены и исследованы микровключения минералов группы самородного осмия из семейства платиноидов, сопоставимые с аналогичными включениями в артефактах Ближнего Востока [Мееks, Тite, 1980; Уильямс, Огден, 1995, с. 14–15]. Ранее были описаны уральские находки, установленные до 2009 г. [Зайков, Зайкова, Котляров, 2010]. Новые материалы, существенно дополняющие опубликованные сведения [Благородные металлы..., 2012, с. 111–119], были получены в 2012–2013 гг. экспедициями Института археологии РАН (руководитель Л.Т. Яблонский) и Алтайского государственного университета (руководитель П.К. Дашковский).

Цель статьи — обобщение и систематизация накопленных данных в связи с их значением для геоархеологических реконструкций и определения типа разрабатывавшихся в древности месторождений золота. Основными объектами являлись предметы из золота, в значительном количестве обнаруженные в царском кургане Аржан II (Тува), могильниках Ханкаринский Дол и Инской Дол (Алтай), Филипповка I и II (Южный Урал). Все они относятся к раннему железному веку.

Микровключения представлены минералами группы осмия – твердыми растворами осмия, иридия, рутения [Геологический словарь, 1973, с. 49]. Их состав показан в табл. 1 и 2. Номера проб, приведенные

в тексте, соответствуют табличным. Номенклатура устанавливалась по соотношению указанных компонентов в кристаллохимических формулах [Harris, Cabri, 1991]. Минерал именовался по превалирующему элементу в кристаллохимической формуле, его разности — по подчиненным элементам (в порядке увеличения содержаний) и примесям [Кобяшев, Никандров, 2007, с. 117]. Например: осмий рутениево-иридиевый с примесью платины — $Os_{0,42}Ir_{0,37}Ru_{0,17}Pt_{0,04}$; рутений осмиево-иридиевый — $Ru_{0,38}Ir_{0,31}Os_{0,27}$.

Генетически платиноиды связаны с ультраосновными породами – гипербазитами (уральский тип месторождений) и основными – базитами (норильский тип) [Годовиков, 1983, с. 23]. Набор платиноидов и особенно их соотношения различны в этих типах, преобладание осмия и рутения характерно именно для месторождений уральского типа. Они приурочены к глубинным разломам, вмещающим также месторождения золота. Включения минералов группы осмия могут быть индикатором связи источника данных платиноидов с массивами гипербазитов или формирующимися за их счет россыпями.

Методика проведения работ описана ранее [Зай-ков, Зайкова, Котляров, 2010]. Для корреляции золота с его источниками использована пробность, которая определяется как отношение содержания золота к сумме всех металлов (Au, Ag, Cu) и измеряется в промилле [Петровская, 1973, с. 94]. С некоторыми коррективами приняты следующие границы: 1000–920 – высокопробное, 920–800 – среднепроб-

 Таблица 1. Состав микровключений платиноидов в золотых изделиях из курганов Южной Сибири

Кристаллохимическая	формула минерала	OS _{0,73} Ir _{0,27}	Ru _{0,38} Ir _{0,31} Os _{0,27} Pt _{0,04}	Ir _{0,43} Os _{0,39} Ru _{0,18}	Ru _{0,53} OS _{0,44} Rh _{0,02} Ir _{0,01}	Ru _{0,35} Os _{0,33} Ir _{0,28} Pt _{0,02} Rh _{0,02}	Ir _{0,82} Os _{0,18}	Ru _{0,45} Os _{0,29} Ir _{0,24} Pt _{0,02}	OS _{0,42} Ir _{0,37} Ru _{0,17} Pt _{0,04}	$ Os_{0,48 Ir_{0,34} Ru_{0,15} Rh_{0,02} Pt_{0,01} Fe_{0,01}} $	$ Os_{0,49} Ir_{0,36} Ru_{0,14} Rh_{0,01} $
	Fe	ı	I	I	I	I	I	I	I	0,26	I
.0	Ft	1	5,12	I	I	2,15	I	3,03	4,41	0,81	I
ие, мас. %	Rh	1	I	ı	I	1,09	I	I	I	0,81	0,39
Содержание, мас. %	Ru	1	24,68	10,68	37,14	22,19	I	30,24	9,65	8,63	7,86
	느	27,48	37,71	46,71	1,94	34,47	82,17	30,17	39,83	37,47	38,76
	Os	72,52	32,24	42,12	59,03	39,84	17,28	35,75	45,71	51,74	51,92
Кол-во	анали- 30В	2	3	က	4	2	~	~	_	9	_
Номер	зерна	Ap-2-3-1	Xa-15-1a	Xa-15-16	XD-15-2-1	XD-15-2-2	Xa-15-6	Xa-15-7	Xa-15-8	ID-5	ID-8
:	Изделие	Инкрустация железного меча	Ханкаринский Дол, фольга обкладки гривны		Аппликация с головного убора		Фольга с окантовки головного убора		Нашивка	Фольга	
	Могильник, курган	Аржан II	Ханкаринский Дол,	кург. 15						Инской Дол, кург. 2 Фольга	
윈	П/П	-	2	က	4	2	9	7	∞	6	10

Примечания: 1) предмет № 1 из раскопок К.В. Чугунова, № 2–10 – П.К. Дашковского; 2) анализы выполнены в Южно-Уральском центре коллективного пользования на электронном микроскопе РЭММА-202М (аналитик В.А. Котляров); 3) прочерк – содержание ниже предела чувствительности.

윋				Кол-во			Содержания, мас. %	ія, мас. %			Кристаллохимическая
П/П	могильник, курган	изделия	помер зерна	30B	SO		Ru	듄	Ŧ	Fe	формула минерала
-	2	3	4	5	9	7	80	6	10	1	12
-	филипповка I,	Нашивки	F-13-2	2	31,03	29,50	33,27	2,48	3,36	ı	Ru _{0,48} Os _{0,24} Ir _{0,22} Rh _{0,04} Pt _{0,02}
7	kypr. 1		F-13-2-1	4	54,25	39,01	5,18	0,45	0,54	0,29	Os _{0,52} Ir _{0,37} Ru _{0,09} Fe _{0,01} Rh _{0,01}
က			F-13-2-2	4	18,38	52,09	27,72	62'0	ı	0,78	Ru _{0,41} Ir _{0,41} Os _{0,15} Fe _{0,02} Rh _{0,01}
4			F-13-2-3	7	31,52	25,87	39,84	1,58	0,70	0,04	$Ru_{0,55}Os_{0,23}Ir_{0,19}Rh_{0,02}Pt_{0,01}$
2			F-13-3	_	41,08	32,30	21,70	1,59	3,02	ı	Ru _{0,34} OS _{0,34} Ir _{0,27} Pt _{0,03} Rh _{0,02}
9			F-13-3-1	က	33,56	17,33	46,88	1,81	0,11	ı	$Ru_{0,62}Os_{0,24}Ir_{0,12}Rh_{0,02}$
7			F-13-3-4	4	39,50	17,76	40,44	1,77	0,26	ı	Ru _{0,56} Os _{0,29} Ir _{0,13} Rh _{0,02}
∞			F-13-3-5-1	7	56,33	21,80	21,04	0,57	ı	ı	Os _{0,48} Ru _{0,33} Ir _{0,18} Rh _{0,01}
თ			F-13-3-5-2	~	2,26	62,05	33,99	0,54	1,15	ı	Ru _{0,49} Ir _{0,47} Os _{0,02} Pt _{0,01} Rh _{0,01}
10			F-13-3-9	4	61,14	13,65	19,65	1,91	3,00	0,14	Os _{0,52} Ru _{0,31} Ir _{0,11} Rh _{0,03} Pt _{0,03}
=			F-13-5-1	2	9,725	46,05	43,07	1,16	ı	ı	Ru _{0,58} Ir _{0,33} Os _{0,07} Rh _{0,02}
12			F-13-5-2	2	9,83	6,84	79,70	09'0	0,76	_	Ru _{0,89} Os _{0,06} Ir _{0,04} Rh _{0,01}

Окончание табл. 2

								•	•	•	
_	2	3	4	2	9	7	8	6	10	11	12
13			F-13-5-3	_	41,58	15,98	39,62	09'0	0,76	I	Ru _{0,56} Os _{0,31} Ir _{0,12} Rh _{0,01}
4			F-13-5-4	4	7,23	20,58	60,91	5,54	5,74	I	Ru _{0,73} Ir _{0,13} Os _{0,05} Rh _{0,06} Pt _{0,03}
15			F-13-8-1	_	30,22	28,36	39,46	0,84	0,22	0,68	Ru _{0,55} Os _{0,23} Ir _{0,21} Rh _{0,01}
16			F-13-8-2	_	7,09	34,31	57,49	0,49	0,02	0,24	Ru _{0,72} Ir _{0,22} Os _{0,05} Rh _{0,01} Fe _{0,01}
17			F-13-8-3	_	36,11	32,80	26,58	0,77	2,78	0,35	Ru _{0,40} Os _{0,29} Ir _{0,26} Pt _{0,02} Rh _{0,01} Fe _{0,01}
28			F-13-8-4	_	44,45	22,23	32,32	0,14	ı	I	Ru _{0,48} Os _{0,35} lr _{0,17}
19			F-13-8-5	_	34,51	48,43	16,40	ı	ı	I	Ir _{0,42} Os _{0,31} Ru _{0,27}
20			F-13-9-1	7	47,54	8,40	42,21	1,12	ı	I	Ru _{0,57} Os _{0,35} Ir _{0,06} Rh _{0,02}
21			F-13-9-2	4	42,37	35,88	18,39	0,93	1,94	I	Os _{0,36} Ir _{0,31} Ru _{0,30} Pt _{0,02} Rh _{0,01}
22	Филипповка I,	Инкрустация железного меча	7-1	9	45,76	36,10	17,45	ı	ı	ı	OS _{0,40} Ir _{0,31} Ru _{0,29}
23	kypr. 4		7-2	10	34,54	29,30	27,66	ı	90'8	I	Ru _{0,42} Os _{0,28} Ir _{0,24} Pt _{0,06}
24			7-3	7	35,28	29,20	27,63	ı	7,36	I	Ru _{0,42} Os _{0,29} Ir _{0,23} Pt _{0,06}
25			7-4	_	57,58	14,82	27,02	ı	ı	I	OS _{0,47} Ru _{0,41} Ir _{0,12}
26			7-5	∞	56,88	17,04	25,57	ı	ı	I	OS _{0,47} Ru _{0,39} Ir _{0,14}
27			2-6	7	55,07	8,97	35,42	ı	ı	I	Ru _{0,51} Os _{0,42} Ir _{0,07}
28			7-7	2	32,67	53,85	3,43	ı	9,50	ı	Ir _{0,53} Os _{0,32} Pt _{0,09} Ru _{0,06}
29			7-8	9	45,03	20,56	33,93	ı	ı	I	Ru _{0,49} Os _{0,35} lr _{0,16}
30			7-9	7	37,23	29,91	26,88	ı	5,58	I	Ru _{0,41} Os _{0,30} Ir _{0,24} Pt _{0,05}
31			7-10	2	35,12	58,52	2,26	ı	3,63	I	Ir _{0,57} Os _{0,35} Ru _{0,04} Pt _{0,04}
32			7-11	5	56,53	10,16	32,78	ı	ı	I	Ru _{0,48} Os _{0,44} Ir _{0,08}
33			7-12	2	37,74	56,05	2,87	ı	ı	I	Ir _{0,55} Os _{0,37} Ru _{0,08}
34			7-13	က	79,45	12,64	7,58	ı	ı	I	Os _{0,75} Ru _{0,13} Ir _{0,12}
35			7-14	7	73,36	16,17	10,09	ı	ı	I	Os _{0,68} Ru _{0,17} Ir _{0,15}
36			7-15	က	72,60	16,83	10,29	ı	ı	I	OS _{0,67} Ru _{0,18} Ir _{0,15}
37			7-16	9	40,32	38,13	17,28	ı	3,80	I	Os _{0,35} Ir _{0,33} Ru _{0,29} Pt _{0,03}
38			7-17	2	35,83	53,34	2,85	ı	7,59	I	Ir _{0,52} Os _{0,36} Ru _{0,05} Pt _{0,07}
39			7-18	8	38,99	42,80	17,71	ı	ı	I	Ir _{0,37} Os _{0,34} Ru _{0,29}
40	Филипповка II,	фольга	Ф13-103а-е	2	18,28	76,94	3,52	0,94	ı	I	Ir _{0.74} Os _{0,18} Ru _{0,06} Rh _{0,02}
4	kypr. 1		Ф13-103j, k	7	58,65	35,02	5,45	0,47	ı	I	$Os_{0.56}Ir_{0.33}Ru_{0.10}Rh_{0.01}$
42			Ф13-73	2	38,92	50,23	2,39	1,40	4,86	I	$Ir_{0.50}Os_{0.39}Pt_{0.05}Ru_{0.03}Rh_{0.03}$
1	(1								

Примечания: 1) материал получен из коллекций Л.Т. Яблонского; 2) см. примеч. 2, 3 к табл. 1.

ное, 800–690 – низкопробное. Оптические исследования проведены В.В. Зайковым и А.М. Юминовым на микроскопе OLYMPUS, определение состава включений – на электронных микроскопах РЭММА-202М (аналитик В.А. Котляров, диаметр кратера 2 мкм) и JEOL JSM-7001F (аналитик Д.М. Галимов, диаметр кратера 0,5 мкм).

История вопроса

Первыми известными нам публикациями о включениях осмия в древних золотых изделиях являются статьи В. Янга и Ф. Уайтмо [Young, 1972; Whitmore, Young, 1973]. В них идет речь об артефактах Ближнего Востока и предполагается, что украшения сделаны из золота долины р. Пактол в Турции. Позднее Дж. Огден [Ogden, 1976, 1977] дал всесторонний обзор включений минералов семейства платиноидов в древних золотых изделиях. Автор пришел к заключению, что корреляция золота, из которого они изготовлены, с его источниками трудновыполнима. Следующей важной работой является статья Н. Микса и М. Тайта [Meeks, Tite, 1980], где охарактеризованы осмиевые минералы в артефактах Египта, Ура, Сирии, Палестины, Кипра, Крита и Лидии. Д. Уильямс и Дж. Огден [1995, с. 14–15], Н. Микс [Meeks, 2000] отметили включения этих минералов в древних изделиях из Греции. Данный вопрос применительно к золоту Малой Азии рассмотрел П. Крэддок [Craddock, 2000].

В 2008 г. началось изучение минералов группы осмия в древних золотых изделиях Урала [Зайков и др., 2008; Зайков, Зайкова, Котляров, 2010; Shemakhanskaya, Treister, Yablonsky, 2009]. Сделанный тогда В.В. Зайковым вывод о возможности выявления аналогичных микровключений в артефактах Сибири подтвердился последующими исследованиями [Дашковский, Юминов, 2012]. В 2013 г. А.М. Юминов и В.В. Зайков приступили к изучению осмиевых платиноидов в золотых изделиях из древних городов Гонур (Туркмения) и Фанагория (Северное Причерноморье). Расположение археологических памятников, в материалах которых выявлены золотые изделия с микровключениями минералов группы осмия, показано на рис. 1.

Общим выводом всех упомянутых исследователей является признание россыпей золота источником осмиевых минералов. Вклад уральских специалистов заключается в том, что показана приуроченность таких россыпей к массивам золотоносных гипербазитов [Благородные металлы..., 2012, с. 93-99]. Именно совместное россыпное происхождение является причиной присутствия платиноидов группы самородного осмия в виде микровключений в древних золотых изделиях. Вследствие тончайшей трещиноватости (спайности) и высокой хрупкости осмиевых минералов в россыпях происходит их измельчение; мельчайшие частицы с плотностью 20–23 г/см³ при производстве изделий тонут в расплаве золота, плотность которого 16 г/см³. В отличие от осмия, платина менее хрупка и потому образует в россыпях более крупные зерна и самородки, легко извлекавшиеся древними мастерами.

Таким образом, наличие в археологическом золоте микровключений платиноидов группы осмия оказывается устойчивой особенностью памятников, локализованных вблизи золотоносных и платиноносных гипербазитов. Последние являются принадлежностью офиолитовых зон складчатых систем [Платинометальное оруденение..., 2001, с. 124–142; Геологический словарь..., 1973, с. 61], вмещающих месторождения золота и платиноидов. Такие структуры известны в России, в т.ч. на Алтае, Урале, Кавказе. К югу от Кавказа гипербазиты отмечены в Севано-Акеринской зоне Закавказья [Магакьян, 1974, с. 81–91]. Их продолжением на запад являются гипербазитовые пояса Турции, а на восток – Ирана.

Микровключения платиноидов в золотых изделиях Южной Сибири

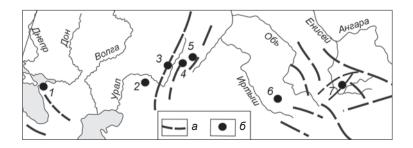
Из девяти археологических памятников Южной Сибири, в находках с которых был изучен состав золота, микровключения минералов группы осмия выявлены в материалах трех: царского кургана Аржан II (Тува), могильников Ханкаринский Дол и Инской Дол (Алтай) (см. табл. 1), относящихся к раннему железному веку.

Царский курган Аржан II (Тува). Под каменной насыпью, по периметру которой располагалась кре-

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников с золотыми изделиями, содержащими микровключения минералов группы осмия, в Центральной Евразии.

a — гипербазитовые пояса и офиолитовые зоны; δ — археологические памятники.

1 – Фанагория;
 2 – Филипповка;
 3 – Переволочан I и Яковлевка II;
 4 – Магнитный;
 5 – Кичигино I;
 6 – Ханкаринский Дол и Инской Дол;
 7 – Аржан.

пида, вскрыто захоронение двух представителей высшей знати. Памятник датируется второй половиной VII в. до н.э. Вещи из кургана демонстрируют четыре манеры исполнения [Чугунов, 2011]. Наиболее многочисленны тиражированные бляшки в виде профилей хищников семейства кошачьих и кабанов, портупейные обоймы и пряжки кинжала и акинака, ворворки поясного набора. Вторая группа включает бляшки головных уборов, представляющие изображения лошадей, баранов и оленей. Фигуры вырезаны из плоских листов металла.

Микрозондовый анализ показал, что изделия изготавливались из самородного золота средней пробности. В золотой инкрустации железного меча (состав, мас. %: Au - 89,72-92,21, Ag - 7,08-9,01, Cu - 0,67-0,89) обнаружено микровключение осмия иридиевого – зерно Ap-2-3-1 размером 7×10 мкм, угловатой формы, слабоокатанное, с сетью трещин.

Могильник Ханкаринский Дол (Алтай). Он расположен в Чинетском археологическом микрорайоне. При раскопках кург. 15 найдены предметы из золота: обкладка гривны, зооморфные аппликации, нашивка и окантовка из фольги от женского головного убора, восьмеркообразная проволочная серьга [Дашковский, Юминов, 2012]. Курган относится к пазырыкской культуре и датирован по признакам погребального обряда и инвентаря IV – началом III в. до н.э. [Dashkovskiy, Usova, 2011]. Золотые изделия имеют состав (мас. %): Au — 69,50—72,05, Ag — 23,94—26,25, Cu — 2,85—4,26.

При исследовании золотой фольги в пяти изделиях было выявлено семь включений платиноидов размером от 2 до 10 мкм. Они имеют удлиненную, близкую к линзовидной форму. По атомному соотношению Os, Ru, Ir, Rh в кристаллохимических формулах (см. табл. 1) выделяются три минерала:

- 1) осмий рутениево-иридиевый (Ха-15-8);
- 2) рутений, две разности иридиево-осмиевый с примесью платины и родия (XD-15-2-1, XD-15-2-2, Xa-15-7) и осмиево-иридиевый с платиной (Xa-15-1a);
- 3) иридий, также две разности осмиевый (Ха-15-6) и рутениево-осмиевый (Ха-15-1б).

В пробе Xn-19 обнаружены включения кислородных медисто-железистых соединений. Они имеют размер 20—250 мкм, овальную, треугольную и дугообразную форму, подвержены растрескиванию. Величина мелких блоков находится в пределах 10—60 мкм. Судя по примеси Si, P, Ca, они могли возникнуть как технический продукт при воздействии расплава золота на сульфиды железа и меди, присутствовавшие в россыпи. Такие соединения образуются и при воздействии медного расплава на оксиды железа в процессе выплавления меди — легирующей добавки к золоту.

Могильник Инской Дол (Алтай). Он также располагается в Чинетском археологическом микрорайоне.

По признакам погребального обряда и инвентаря памятник датирован IV — началом III в. до н.э. [Дашковский, 2014]. В кург. 2 зафиксирована деревянная конструкция в виде перекрытия из плах. Рядом с погребенным находились керамический сосуд, железный нож, деревянная гривна, покрытая золотой фольгой, сильно корродированный железный предмет и многочисленные фрагменты золотой фольги от головного убора.

В золотой фольге (состав, мас. %: Au - 57-60, Ag - 36-39, Cu - 3) присутствуют овальные микровключения платиноидов размером от первых микрометров до 80×120 мкм. Среди них установлен осмий иридиево-рутениевый (ID-5, ID-8).

Микровключения платиноидов в золотых изделиях Южного Урала

В археологических материалах степной и лесостепной зон региона микровключения платиноидов группы осмия обнаружены в золотых изделиях из семи памятников раннесакского, савроматского и раннесарматского времени (VII–IV вв. до н.э.): Кичигина I, Большого Климовского, Магнитного, Яковлевского II, Переволочанского I, Филипповки I и II [Яблонский, Рукавишникова, Шемаханская, 2011; Яблонский, 2013а, с. 83–110; 2013б]. Наиболее ранние находки из могильников Степное и Ушкаттинский датируются эпохой бронзы [Благородные металлы..., 2012, с. 145, 153–154]. Большинство курганов с «осмийсодержащими» артефактами относится к раннему железному веку, а наиболее поздние — к раннему Средневековью (Магнитный, ювелирная мастерская Уфа II).

Наибольшее количество микровключений минералов группы осмия (42 экз.) обнаружено в золотых изделиях из Филипповских могильников. Они встречены в золоте двух интервалов пробности – 650 и 980 ‰.

Могильник Филипповка I. В кург. 1 (раскопки Л.Т. Яблонского 2013 г.) найдены многочисленные нашивные золотые бляшки, содержащие микровключения минералов группы осмия. Размер последних варьирует от нескольких до 100 микрон. Вмещающее золото имеет состав (мас. %): Au - 93 - 95, Ag - 3, Cu - 1 - 2. По соотношению атомов Os, Ru, Ir в кристаллохимических формулах (см. табл. 2) выделяются три минерала:

- 1) осмий, две разности рутениево-иридиевый (F-13-2-1, F-13-9-2) и иридиево-рутениевый (F-13-3-5-1, F-13-3-9), в ряде случаев в незначительных количествах (1–3 ат. %) присутствуют родий и платина;
- 2) рутений, тоже две разности иридиево-осмиевый (резко преобладающий, F-13-2, F-13-2-3, F-13-3, F-13-3-1, F-13-3-4, F-13-5-2, F-13-5-3, F-13-8-1, F-13-8-3, F-13-8-4, F-13-9-1) и осмиево-иридиевый

(F-13-2-2, F-13-5-1, F-13-3-5-2, F-13-5-4, F-13-8-2), примесями также являются родий и платина.

3) иридий рутениево-осмиевый (F-13-8-5).

В золотой инкрустации железного меча из кург. 4 (раскопки Л.Т. Яблонского 2006 г.) обнаружено 18 включений минералов группы осмия [Благородные металлы..., 2012, с. 111–117]. Вмещающее золото имеет состав (мас. %): Au – 98, Ag – 1, Cu – 1. Форма микровключений удлиненная, треугольная и округлая, размер 40–200 мкм. Часть зерен раздроблена, а часть расщеплена по спайности. Выделяются следующие минералы:

- 1) осмий рутениево-иридиевый (7-1, 7-16);
- 2) рутений иридиево-осмиевый, иногда с примесью платины (7-2, 7-3, 7-6, 7-8, 7-9, 7-11);
- 3) иридий рутениево-осмиевый, содержащий платину (7-7, 7-10, 7-12, 7-17, 7-18).

К этому нужно добавить сведения М.С. Шемаханской о темных точечных включениях, похожих на платиноиды, на поверхности 11 предметов из кург. 4 [Трейстер, Шемаханская, Яблонский, 2012].

Могильник Филипповка II. Он расположен в 11 км к юго-западу от Филипповки I. Исследовано золото предметов из центральной погребальной камеры № 2 в кург. 1 (раскопки Л.Т. Яблонского). В золотой фольге Ф13-103 (состав, мас. %: Au - 74,58, Ag - 22,86, Cu - 2,12) найдены два включения: одно размером 50×110 мкм, соответствующее иридию рутениево-осмиевому, второе длиной 5 мкм - осмию рутениево-иридиевому. Золотая фольга Ф13-73 (состав, мас. %: Au - 65,66, Ag - 30,57, Cu - 3,37) содержит зерно иридия рутениево-осмиевого 10×15 мкм.

Обсуждение результатов

Состав микровключений минералов группы осмия. На диаграмме составов микровключений в золоте уральских изделий (рис. 2) их фигуративные точки распределены по всему полю, причем выделяются четыре основных тренда. Рутениевый (Ru) располагается в центре, имея субвертикальное положение от основания (Os-Ir) к рутениевой вершине; иридиево-осмиевый (Ir-Os) – в правой части и ориентирован в направлении от иридиевой к осмиевой вершине параллельно основанию (Os-Ir). Эти два тренда объединяют большинство фигуративных точек и отвечают составам минералов осмия из месторождений платиноидов, генетически связанных с гипербазитами [Tolstykh et al., 2002; Uysal et al., 2009; Агафонов и др., 2005, с. 88–90].

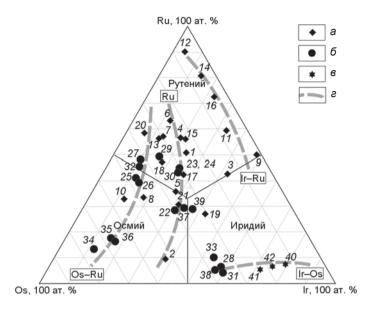

Рис. 2. Диаграмма составов микровключений платиноидов в золотых изделиях из Филипповских могильников. a — Филипповка I, кург. 1; δ — Филипповка I, кург. 4; ϵ — Филипповка II, кург. 1; ϵ — тренды составов микровключений группы осмия. Цифры — порядковые номера включений в табл. 2.

Иридиево-рутениевый тренд в правой части диаграммы характерен для наноразмерных частиц (1–3 мкм и менее), которые окружают более крупные микровключения. В них зафиксировано уменьшение количества осмия и возрастание содержания иридия и рутения. Данные по физическим и химическим свойствам осмия указывают на то, что изменение состава может быть вызвано окислительными процессами [Краткая химическая энциклопедия..., 1964, с. 791–795]. Известен факт окисления мелко раздробленных частиц осмия при нагревании. Реальность такого явления для исследованных случаев подтверждается наличием микропор размером 0,1-0,4 мкм, количество которых в изделиях составляет 5-10 %. При плавке золота раскаленный воздух, содержавшийся в микропорах, мог вызывать окисление осмия с последующей ассимиляцией продуктов окисления расплавом. Подтверждением тому, возможно, является повышенное содержание осмия (2 мас. %) в золоте, вмещающем раздробленные микровключения. Появление мельчайших частиц по периферии более крупных микровключений могло быть обусловлено двумя основными причинами: механическими деформациями зерен осмия при изготовлении золотой фольги и растрескиванием (десквамацией) их в расплаве золота. Поскольку в первом случае состав микровключений оставался бы неизменным, то более реален второй вариант – десквамация, которая сопровождалась уменьшением содержания осмия в отторгнутых частицах.

Осмиево-рутениевый тренд располагается в левой части диаграммы в направлении от Оs к Ru. В него по-

падает существенная часть микровключений с низким содержанием иридия.

Фигуративные точки составов микровключений в золоте сибирских изделий на диаграмме (рис. 3) сосредоточены вблизи рутениевого тренда, зерно XD-15-2-2 в золоте нашивки из могильника Ханкаринский Дол тяготеет к осмиево-рутениевому тренду (рис. 3, 5), а Xa-15-6 – к иридиево-осмиевому (рис. 3, 8). Налицо ситуация, аналогичная и для уральских находок. Пока не установлены составы, принадлежащие иридиево-рутениевому тренду, но это может быть обусловлено малым числом анализов.

Корреляция наличия микровключений минералов группы осмия и состава золотых изделий показана на рис. 4. Гистограммы составлены шагом 12 и 24 ‰ и отражают разнообразие использованного металла. Золото изделий из Ханкаринского Дола и Инского Дола, содержащее включения платиноидов, имеет пробность 560 и 770 ‰. Золотые предметы из Аржана изготовлены из металла, соответствующего

диапазонам 715–790 и 860–920 ‰, микровключения установлены в золоте из второго интервала. Золотые изделия из Филипповских могильников соответствуют диапазонам 620–760 и 790–980 ‰, минералы осмия обнаружены в золоте пробностью 650 и 980 ‰.

Источники минералов группы осмия в древних золотых изделиях. Ранее было показано, что источником золота для изделий, содержащих включения минералов группы осмия, являются россыпные месторождения геологических структур с гипербазитами [Зайков, Зайкова, Котляров, 2010]. В них совмещены месторождения хромитов с примесью платиноидов и золото-кварцевые жилы в лиственитах (пирит-слюдисто-кварцевых породах, образовавшихся по гипербазитам) [Благородные металлы.... 2012, с. 96-102]. Сформировавшиеся россыпные залежи составляют порядка четверти от общего количества россыпей, имеющих другие источники, в т.ч. месторождения золота в гранитах и углеродистых породах. О разнообразии россыпеобразующих формаций свидетельствуют вариации состава золота, установленные при изучении древних изделий (рис. 4).

В Алтае-Саянском регионе курганы, содержавшие золотые изделия с включениями минералов осмиевой группы (рис. 5), расположены вблизи золото-

Рис. 3. Диаграмма составов микровключений платиноидов в золотых изделиях из археологических памятников и минералов группы осмия из месторождений Сибири и Урала.

a — Аржан II; δ — Ханкаринский Дол, кург. 15; ϵ — Инской Дол, кург. 2; ϵ — поля составов минералов группы осмия из месторождений золота и платиноидов Сибири; δ — тренды составов микровключений платиноидов в золотых изделиях из Филипповских могильников; ϵ — поля составов минералов группы осмия из россыпных месторождений золота и платиноидов Урала. Цифры — порядковые номера включений в табл. 1.

Археологические памятники; коллекции;		Г	Іробность, %	10			
тип и кол-во анализов	500	600	700	800	900	1000	١
Аржан II, IV, Эрмитаж; РСМА, 25				*			_ _10 _0
Филипповка I–II, ИА РАН; РСМА, 127	_	*				*	-10 -5 -3
Ханкаринский Дол + Инской Дол, АлтГУ; РСМА, 47		*	*				- -10 -0

Рис. 4. Сравнительная диаграмма пробности «осмийсодержащего» археологического золота Алтая и Урала. Хронология: Аржан II и IV − VII в. до н.э.; Филипповка I и II − V− IV вв. до н.э.; Ханкаринский Дол и Инской Дол − IV − начало III в. до н.э. Звездочкой обозначена позиция включений минералов группы осмия в золотых изделиях; J − частота встречаемости; РСМА − рентгеноспектральный микроанализ (выполнен на приборе РЭММА-202М В.А. Котляровым).

носных россыпей [Щербаков, Рослякова, 2000]. Царский курган Аржан II находится в непосредственной близости от Хемчикско-Куртушибинского разлома с массивами гипербазитов. Эта структура вмещает четыре золотороссыпных района с платиноидами группы осмия: Алгиякский, Каа-Хемский, Эйлиг-Хемский и р. Золотой. Наиболее детально исследован состав минералов группы осмия из россыпей р. Золотой и ручья Неожиданного в Каа-Хемском районе [Толстых, Кривенко, Поспелова, 1997; Агафонов и др., 2005, с. 114-118, 122-139]. Большинство из них имеет состав, соответствующий рутениевому тренду.

Могильники Ханкаринский Дол и Инской Дол располагаются на продолжении зоны Теректигского разлома, также вмещающего гипербазиты. В 150 км к востоку от памятников выявлено Каянчинское проявление хромитов с платиноидной минерализацией в виде вкрапленности самородного осмия размером до 0,5 мм [Гусев, Кукоева, 2011]. Западнее этого участка по рекам Карама, Ерусалим, Баранча распространены россыпи золота, содержащие минералы осмия. На Южном Урале также фиксируется приуроченность элитных курганов к россыпным источникам. Филипповский могильник располагается к юго-западу от зоны Главного Уральского разлома, вмещающего месторождения золота разных генетических типов. Среди них установлено 15 россыпей, содер-

жащих примесь минералов осмиевой группы в количестве 1–8 % относительно золота. Таким образом, распространение древних изделий из золота с микровключениями минералов группы осмия и в Сибири, и на Урале обнаруживает прямую связь с наличием россыпей, содержащих золото и платиноиды. Все такие россыпи приурочены к глубинным разломам с массивами гипербазитов.

Проблема местных ювелирных мастерских и культурные связи регионов. Большинство рассмотренных золотых изделий выполнены в «скифском зверином стиле». Часть из них была импортной и изготовлена в мастерских Средней Азии и Ближнего Востока. Вместе с тем на примере уральских драгоценностей можно предполагать и существование местного производства.

Многие высокохудожественные золотые изделия из могильников Южного Приуралья выполнены в традициях ахеменидского искусства [Трейстер, 2012]. Однако на ряде предметов искажены важные

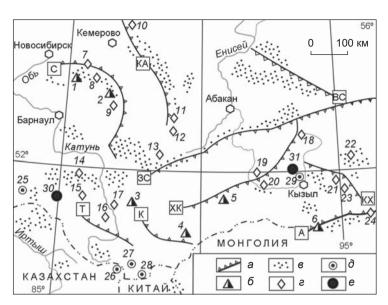

Рис. 5. Схема расположения археологических памятников с золотыми изделиями, золотоносных россыпей и мест обнаружения в них минералов группы осмия в Алтае-Саянском регионе (составлена с использованием данных Ю.Г. Щербакова и Н.В. Росляковой [2000]).

a — офиолитовые зоны с телами «осмийсодержащих» гипербазитов: C — Салаирская, KA — Кузнецко-Алатауская, 3C — Западно-Саянская, BC — ВосточноСаянская, T — Теректигская, K — Курайская, XK — Хемчикско-Куртушибинская, E — Каа-Хемская, E — Агардагская; E — коренные проявления платиноидов: E — Тогул-Сунгайское, E — Уксунайское, E — Кыркылинское, E — Узун-Оюкское, E — Копсекское, E — Агардагское; E — участки развития россыпей золота; E — пункты, где выявлены минералы группы осмия в россыпях: E — Таловская, E — Суенга, E — Иониха и Иродов Лог, E — Кельбес, E — Ортон, E — Балыкса, E — Туренза, E — Николаевка и Светлая, E — Каянча, E — Карама, E — Аксагыскан, E — Алгияк и Черная, E — Золотая, E — Сектир и Серлиг, E — Неожиданный, E — Харал, E — Кундус, E — Эми; E — археологические памятники, по которым опубликованы сведения о составе золота: E — Бугры, E — Берельский, E — Яломан, E — Ак-Алаха, Кальджин, Кунгуртас, E — Догээ Бары; E — археологические памятники, в золотых изделиях из которых установлены микровключения осмия: E — Инской Дол и Ханкаринский Дол, E — Аржан II.

для классических ахеменидских произведений детали — налицо примитивизм в исполнении. К этому можно добавить, что золотая фольга, покрывающая фигурки оленей из кург. 1 Филипповки I, изготовлена примитивным способом, а это было по силам кочевническим мастерам [Яблонский, Рукавишников, Шемаханская, 2011].

Кроме того, трудно представить, что добытое на Урале золото сперва «путешествовало» в мастерские ахеменидских сатрапий, а потом вернулось обратно в виде изделий, которые сохранились в курганах. Ведь наряду с «осмийсодержащими» россыпями Урала в различных местностях существовало еще много других источников золота, связанных с коренными и россыпными месторождениями, не содержащими платиноиды, — они известны на Кавказе, в Украине, Карпатах, Турции и Иране. Поэтому гораздо более вероятно, что уральские золотые предметы с включениями минералов осмиевой группы сделаны из золота местных «гипербазитовых» россыпей,

а значит, вблизи курганов соответствующего времени существовали ювелирные мастерские. На Урале они могли располагаться в районе Филипповских и Переволочанских могильников, и их обнаружение становится актуальной задачей.

Культурные связи регионов отражались в заимствовании технологий добычи металла и изготовления украшений. На обширных пространствах Евразии, в т.ч. на Урале и в Сибири, использование золота началось с разработки россыпей. Достоверно установлено наличие золотых украшений в уральских археологических памятниках бронзового века (Степное, Ушкаттинский), причем золото содержит микровключения минералов группы осмия. С этого времени на Урале и в Сибири сходной оказывается стилистика звериного стиля в золотых изделиях [Переводчикова, 2007; Рукавишникова, Яблонский, 2008], типологии вооружения и снаряжения лошади [Шульга, 2007]. Данные палеоантропологии также поддерживают представления о разносторонних связях уральского и алтаесаянского населения в І тыс. до н.э. [Чикишева, 2012, с. 55-80; Яблонский, 2013в].

Выводы

- 1. Получены данные о распространении микровключений минералов группы осмия в древних золотых изделиях из археологических памятников Тувы (царский курган Аржан II) и Алтая (могильники Ханкаринский Дол и Инской Дол). Источником этих минералов являются золотые россыпи с платиноидами, приуроченные к гипербазитам глубинных разломов.
- 2. Исследованы микровключения платиноидов, выявленные в последнее время в золотых изделиях из Филипповских могильников на Южном Урале. По составу большинство из них соответствует минералам группы осмия уральских россыпных месторождений, также связанных с гипербазитами.
- 3. Установлены следы воздействия золотого расплава на морфологию и состав микровключений минералов группы осмия. Оно выражается в появлении по периферии более крупных включений ореола наноразмерных частиц, обедненных осмием. Это обстоятельство следует учитывать при сопоставлении состава микровключений и минералов предполагаемых россыпных источников.
- 4. Присутствие микровключений платиноидов группы осмия в древних золотых изделиях может служить одним из доказательств производства последних в местных ювелирных мастерских. Для подтверждения такой возможности необходимо выявить изотопно-геохимические отличия платиноидов из разных регионов.

Благодарности

Авторы благодарят за предоставление образцов и выполнение анализов А.Д. Таирова, К.В. Чугунова, О.В. Халяпину, О.В. Аникееву, И.А. Блинова, Д.М. Галимова и О.Л. Бусловскую.

Список литературы

Агафонов Л.В., Лхамсурэн Ж., Кужугет К.С., Ой- дуп Ч.К. Платиноносность ультрамафит-мафитов Монголии и Тувы. — Уланбаатар: Монгол. гос. ун-т науки и технологий, 2005. — 224 с.

Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала / В.В. Зайков, А.Д. Таиров, Е.В. Зайкова, В.А. Котляров, Л.Т. Яблонский. — Екатеринбург: УрО РАН, 2012. — 232 с.

Геологический словарь / ред. К.Н. Паффенгольц. – М.: Недра, 1973. - T. 2. - 456 с.

Годовиков А.А. Минералогия. – М.: Недра, 1983. – 647 с.

Гусев А.И., Кукоева М.А. Платина и платиноиды в офиолитах Салаира, Алтая и Горной Шории // Успехи современного естествознания. – 2011. — № 11. — С. 20—23.

Дашковский П.К. Инской дол — новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы V Междунар. науч. конф. Кызыл, 15–19 сент. 2014 г.: в 2 ч. — Кызыл, 2014. — С. 207–210.

Дашковский П.К., Юминов А.М. Включения минералов платиновой группы в золотых изделиях из могильника Ханкаринский Дол (Алтай) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 50–55.

Зайков В.В., Зайкова Е.В., Котляров В.А. «Осмиевый след» по минеральным включениям в древних золотых изделиях // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2010. — № 1. — C. 37—43.

Зайков В.В., Таиров А.Д., Юминов А.М., Чурин Е.И., Котляров В.А. Состав золотых изделий из курганов Южного Урала // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. — Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2008. — С. 46—49.

Кобяшев Ю.С., Никандров С.Н. Минералы Урала. – Екатеринбург: Квадрат, 2007. – 312 с.

Краткая химическая энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1964. – Т. 3. – 1112 с.

Магакьян И.Г. Металлогения. – М.: Недра, 1974. – 304 с.

Переводчикова Е.В. Филипповка и Алтай (по материалам золотых предметов из 1 Филипповского кургана) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. — Барнаул: Азбука, 2007. — С. 31–39.

Петровская Н.В. Самородное золото. – М.: Наука, 1973. – 345 с.

Платинометальное оруденение в геологических комплексах Урала / К.К. Золоев, Ю.А. Волченко, В.А. Коротеев, И.А. Малахов, А.Н. Мардиросьян, В.Н. Хрыпов. – Екатеринбург: Департамент природных ресурсов, 2001. – 199 с.

Рукавишникова И.В., Яблонский Л.Т. Костяные изделия в зверином стиле из могильника Филипповка 1 //

Проблемы современной археологии: сб. памяти В.А. Башилова / ред. М.Г. Мошкова. — М.: Таус, 2008. — С. 199—238. — (МИА; № 10).

Толстых Н.Д., Кривенко А.П., Поспелова Л.Н. Необычные соединения иридия, осмия и рутения с селеном, теллуром и мышьяком из россыпей р. Золотой (Западный Саян) // Зап. Рос. минералог. об-ва. – 1997. – Ч. СХХVІ, вып. 6. – С. 23–34.

Трейстер М.Ю. Ахеменидские импорты в Южном Приуралье: Хронология. Динамика. Состав. Интерпретация // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). – М.: Таус, 2012. – Т. I. – С. 268–281.

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). – М.: Таус, 2012. – Т. 2. – С. 84–162.

Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н.э. – СПб.: Славия, 1995. - 272 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская сарматия. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2011. – С. 39–61.

Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н.э. // Вооружение савроматов: региональная типология и хронология. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2007. – С. 142–156.

Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Состав золотых изделий, источники металлов и способы их обработки // Феномен Алтайской мумии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 179–187.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей: Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004—2009 гг.): каталог коллекции. – М.: ИА РАН, 2013а. – Кн. 1. – 231 с.

Яблонский Л.Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология восточно-европейских степей. — Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2013б. — Вып. 10. — С. 305—311.

Яблонский Л.Т. Об экологических обстоятельствах формирования антропологического типа восточных европеоидов // Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия: тез. V Междунар. конф. «Алексеевские чтения» памяти академиков Т.И. Алексеевой и В.П. Алексеева. – М., 2013в. – С. 113.

Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., Шемаханская М.С. «Золотой» меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка 1 // ВДИ. — 2011. — № 4. — C. 219—250.

Craddock P.T. The Platinum Group Element Inclusion // Ramage A., Craddock P. King Croesus' Gold: Excavations at

Sardis and the History of Gold Refining. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Art Museums, in association with the British Museum Press, 2000. – P. 238–244. – (Archaeological Exploration of Sardis; N 11).

Dashkovskiy P.K., Usova I.A. Pazyryk burial at Khankarinsky dol in the Northwestern Altai // Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurazia. – 2011. – N 3. – P. 78–84.

Harris D., Cabri L. Nomenclature of platinum-groupelement alloys: review and revision // Can. Min. – 1991. – Vol. 29. – P. 231–237.

Meeks N.D. Scanning Electron Microscopy of the Refractory Remains and the Gold // Ramage A., Craddock P. King Croesus' Gold: Excavations at Sardis and the History of Gold Refining. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Art Museums, in association with the British Museum Press, 2000. – P. 99–156. – (Archaeological Exploration of Sardis; N 11).

Meeks N.D., Tite M.S. The Analysis of Platinum-Group Element Inclusion in Gold Antiquities // J. of Archaeol. Sci. – 1980. – Vol. 7, N 3. – P. 267–275.

Ogden J.M. The So-called Platinum Inclusion in Egyptian Goldwork // J. of Egyptian Archaeology. – 1976. – Vol. 62. – P. 138–144

Ogden J.M. Platinum Group Inclusions in Ancient Gold Artifacts // J. of the Historical Metallurgical Soc. – 1977. – Vol. 11, N 2. – P. 53–72.

Shemakhanskaya M., Treister M., Yablonsky L. The technique of gold inlaid decoration in the 5th–4th centuries BC: silver and iron finds from the earlier Sarmatian barrows of Filippovka, Southern Urals // Archeo Sciences. – 2009. – N 33. – P. 211–220.

Tolstykh N., Krivenko A., Sidorov E., Laajoki K., Podlipsky M. Ore mineralogy of PGM placers in Siberia and the Russian Far East // Ore geology reviews. – 2002. – Vol. 20. – P. 1–25.

Uysal I., Tarkian M., Sadiklar M., Zaccarini F., Meisel T., Garuti G., Heidrich S. Petrology of Al- and Cr-rich ophiolitic chromitites from the Muğla, SW Turkey: implications from composition of chromite, solid inclusions of platinum-group mineral, silicate, and base-metal mineral, and Os-isotope geochemistry // Contrib. Mineral. Petrol. – 2009. – Vol. 158, iss. 5. – P. 659–674.

Whitmore F.E., Young W.J. Application of the Laser Microprobe and Electron Microprobe in the Analysis of Platiniridium Inclusions in Gold // Application of Science in Examination of Works of Art / ed. W.J. Young. – Boston: Museum of Fine Arts, 1973. – P. 88–95.

Young W.J. The Fabulous Gold of the Pactolus Valley // Bull. of Boston Museum of Fine Arts. – 1972. – Vol. LXX, N 359. – P. 5–13.

Материал поступил в редколлегию 06.08.14 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.104-113 УДК 903

А.Г. Брусницына¹, Н.В. Федорова²

¹Муниципальное бюджетное учреждение «Шурышкарский районный музейный комплекс» ул. Архангельского, 14а, с. Мужи Шурышкарский р-н, Ямало-Ненецкий автономный окр., 629640, Россия E-mail: anna_brusn@mail.ru

²Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного окр. «Научный центр изучения Арктики» ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

«ХОЗЯЙКУ БЕРЕГУЩАЯ» – БЛЯХА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АНТРОПОМОРФНОГО ПЕРСОНАЖА ИЗ СЕЛА ШУРЫШКАРЫ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Статья вводит в научный оборот литую бронзовую бляху с изображением антропоморфного персонажа, обнаруженную в с. Шурышкары Ямало-Ненецкого автономного округа. Некоторое время она являлась центральным предметом в составе домашнего культового комплекса. Изделие относится к малоизученной серии статусных украшений эпохи Средневековья. В центре бляхи размещен антропоморфный персонаж. Изображены также две птицы, знаки в виде солнца и луны. Фиксируются также гравированные рисунки, сделанные, очевидно, теми, кто пользовался изделием. Бляха входит в серию из 20 аналогичных предметов, характерных для комплекса статусных украшений конца I — начала II тыс. н.э. На четырех из них также изображены антропоморфные персонажи. Отмечается единство иконографии антропоморфных и орнитоморфных изображений на бляхе из Шурышкар и других изделий эпохи Средневековья севера Западной Сибири. Дата изделия определена по серии аналогов — XI—XII вв. н.э. Место производства — очевидно, север Западной Сибири, т.к. все рассмотренные аналоги связаны именно с этим регионом. Ареал распространения блях — также северо-западные районы Западной Сибири; нигде за его пределами они не встречены. Бляхи чаще всего входили в состав кладов или культовой атрибутики средневековых и современных святилищ обских угров. Наиболее вероятно, что мастера, отливавшие бляхи, проживали в районах Северного Зауралья — Северо-Западного Приобья. Изображенные на бляхах сюжеты позволяют в новом свете увидеть процессы взаимодействия местного населения с культурными центрами средневековых цивилизаций.

Ключевые слова: бронзовое литье, статусные украшения, эпоха Средневековья, антропоморфный персонаж, иконография, солярные и лунарные знаки.

A.G. Brusnitsyna¹ and N.V. Fedorova²

'Shuryshkar Regional Historical Museum Complex, Arkhangelskogo 14a, Muzhi, Shuryshkar Region, Yamal-Nenets Autonomous District, 629640, Russia E-mail: anna_brusn@mail.ru ²Research Center for the Study of Arctic, Respubliki 73, Salekhard, 629008, Russia E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

"PROTECTING THE MISTRESS": A PLAQUE WITH ANTHROPOMORPHOUS REPRESENTATION FROM SHURYSHKARY, YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT

A cast bronze plaque from Shuryshkary, Yamal-Nenets Autonomous District, representing a human-like character, is described. It was the central element in a domestic religious complex. The plaque belongs to a little-known type of medieval status markers. Apart from the central anthropomorphous character, it shows two birds and solar and lunar signs. There are also later engravings, apparently made by the owners. The plaque is part of a series of 20 similar status-marking ornaments of the late 1st–early 2nd

millennia AD. Four of these likewise depict anthropomorphic characters. Iconographically, the image on the Shusryshkar plaque resembles other medieval anthropomorphic and ornithomorphic representations from northwestern Siberia. Based on the series of parallels, the specimen dates to the 11th or 12th centuries and was apparently manufactured locally, since all the parallels stem from northwestern Siberia. Most such plaques were parts of hoards or medieval and modern sanctuaries of Ob Ugrians. The likely place of manufacture is the northeastern Urals or northwestern Ob basin. The scenes shown on the plaques shed new light on contacts between aboriginal northwestern Siberia and centers of medieval civilizations.

Keywords: Northwestern Siberia, Ob Ugrians, Middle Ages, bronze ornaments, iconography, solar signs, lunar signs.

Введение

Искусство раннего железного века и Средневековья на севере Западной Сибири представлено в основном литыми бронзовыми изображениями антропоморфных существ, зверей и птиц. Бронзовая пластика, появившись как атрибут обслуживания культовых представлений в начале железного века, явилась основой для возникновения и развития статусного искусства в конце I – начале II тыс. н.э. Можно констатировать, что к рубежу тысячелетий вырабатывается своего рода динамичная знаковая система, состоящая в основном из зоо/орнитоморфных, реже - антропоморфных символов, призванная обозначить социальный статус человека в обществе. По мнению А.П. Зыкова, к X-XII вв., в отличие от раннего Средневековья, вероятно, меняется социальный облик общества: оно начинает делиться на социальную верхушку и тесно связанную с ней часть обитателей городища, постоянно проживавших под защитой его стен, и на зависимое от этой верхушки остальное население, которое проживало в неукрепленных поселках [2012, с. 95].

В рамках развития этой знаковой, или статусной, системы в X–XII вв. на территории севера Западной Сибири появляются круглые бляхи, отлитые из серебра или белой бронзы, которые представляют собой новое явление в культуре Северного Приобья, пока

мало изученное. В настоящее время известно 20 таких изделий. Мы уверены в том, что их гораздо больше. На бляхах показаны антропоморфные персонажи, а также фантастические звери или птицы. Изображенные на некоторых изделиях сюжеты позволяют в новом свете увидеть процессы взаимодействия местного населения с культурами центров средневековых цивилизаций. Поэтому публикация бляхи с фигурой антропоморфного персонажа в окружении фантастических птиц, «солярного» и «лунарного» знаков, обнаруженной в районе с. Шурышкары Ямало-Ненецкого автономного окр. (далее – ЯНАО), представляется важной и своевременной.

История находки

Бляха (рис. 1) была приобретена сотрудниками Шурышкарского районного музейного комплекса в январе 2014 г. у жительницы села, ханты по национальности. Некоторое время изделие являлось центральным предметом в составе домашнего культового комплекса, посвященного богине-матери, семейной покровительнице рода, отвечающей за его воспроизводство.

Люди, владевшие ранее бляхой, в мужской центральной фигуре видели женский образ. Они отмечали в персонаже наличие кос, а согнутые в локтях

Рис. 1. Бляха из с. Шурышкары ЯНАО с лицевой (1) и оборотной (2) стороны.

Puc. 2. Бляха с изображениями трех человек из фондов ЯНОМВК им. И.С. Шемановского.

руки с выделенными плечами интерпретировали как женскую грудь. Это очень важный показатель того, что произошел перерыв в традиции восприятия сюжета: его смысл был понятен человеку Средневековья, но — очевидно — неясен нашему современнику. Как именно была найдена бляха, нам, к сожалению, неизвестно, можно предполагать ее связь с городищем Белая Гора близ с. Шурышкары, на котором обнаружено много бронзовых и серебряных средневековых изделий, в т.ч. аналогичная данной находке бляха с изображением трех человек (рис. 2).

Бляха считалась вместилищем богини *Куща-шавиты нэ* 'Хозяйку берегущая женщина'. Она хранилась в доме завернутой в ткань вместе с несколькими небольшими платками, специально изготовленными и пожертвованными богине. Среди прикладов были также шкура росомахи, обмотанная тканью сабля и небольшая кость мамонта (по словам информатора). Комплекс передавался из поколения в поколение хантыйского рода, происходящего из д. Уйтгорт Шурышкарского р-на ЯНАО, исключительно по женской линии: от матери к младшей дочери. О функции бляхи хозяйка сказала просто: «Помогает, чтобы рождались дети».

Хранительница, когда достигала преклонного возраста, а ее младшая дочь выходила замуж, изготавливала небольшой (ок. 25 × 25 см) платок *ох шам* для богини и передавала этой дочери весь комплекс. С учетом того, что к настоящему времени с бляхой хранились четыре платка, можно предполагать, что последняя хозяйка была пятой хранительницей, следовательно, бляха находилась в составе данного комплекса на протяжении не более чем пяти поколений, т.е. ок. 150–180 лет. Каждый раз при рождении

в семье ребенка хранительница шила маленькую рубашку глухого покроя, которую подвязывали к сабле. По словам информатора, к сабле было подвязано ок. 25 таких рубашек. Ежегодно в середине лета богиню с ее прикладами возили на родовое место в д. Уйтгорт к святому дереву, увешанному колокольчиками.

Продажу бляхи с платками сотрудникам музея владелица бляхи оправдывала отсутствием у последней хранительницы дочерей и тяжелой болезнью у внучки, нуждавшейся в лечении. Тем не менее женщина просила хранить бляху вместе с платками, а саблю с рубашками и шкуру росомахи оставила среди семейных реликвий, вероятно, считая более важным их нахождение в семье.

Описание находки

Бляха в виде круга с выпуклой лицевой поверхностью и уплощенным бортиком (см. рис. 1) отлита из белой бронзы. Декор слегка подработан резцом, поверхность полирована. Диаметр изделия 10,0–10,2 см, глубина от краев к центру бляхи 1 см. Вверху на бляхе была, по-видимому, припаяна петля, от которой осталось отверстие овальной формы. Фиксируются незначительные следы литейного брака — недоливы и переливы металла. На бляхе имеются графические рисунки или гравировки, которые были нанесены позже.

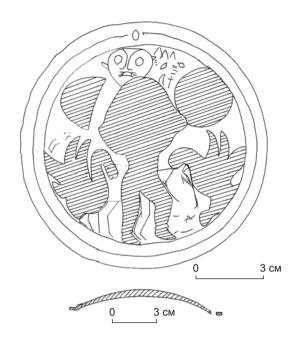
В центральной части бляхи размещена композиция из одного антропоморфного, двух орнитоморфных персонажей и двух фигур, которые условно можно назвать солярным и лунарным знаками. Антропоморфный персонаж изображен анфас в центре композиции. У него овальное лицо, слегка расширенное кверху. На голове показан головной убор, по-видимому, шлем с надглазьями и наносьем, возможно, с лицевой маской, ротовое отверстие которой имеет восьмеркообразную форму. Надглазья полукруглые, с круглыми «зрачками». Поверх шлема находится нечто вроде плюмажа в виде кос с накосниками, за которые антропоморфный персонаж держится обеими руками. Руки согнуты в локтях, четырехпалые, большой палец отставлен. По линии плеч они резко отделены от остальной части фигуры. На талии – наборный пояс с круглыми бляхами. Ниже изображен признак мужского пола. Ноги показаны в профиль; они слегка согнуты – как бы в движении, колени подчеркнуты двумя линиями, обутые ступни отделены от остальной части ноги. Справа от головы центрального персонажа изображена круглая фигура; в центре ее – личина в таком же головном уборе, как и у центрального персонажа; вверху, внизу, а также по бокам от нее расположены по два коротких выпуклых двойных канта, которые смыкаются с круглым выпуклым обводом всей фигуры. Слева от головы центрального персонажа находится изображение полулунной формы, напоминающее по иконографии фигуру слева. Личина полукруглой формы в шлемообразном головном уборе, от нее отходят три группы двойных валиков, смыкающихся с валиком-обводом всей фигуры. По обеим сторонам от главного персонажа изображено по птице. Слева от центральной фигуры показана стоящая птица, очевидно, водоплавающая. У нее длинная шея с массивным открытым клювом, глаза миндалевидной формы. Оба крыла подняты вверх, декорированы, как и тулово, треугольными выемками. Птица, изображенная справа, представляет собой дневного крупного хищника. У нее округлая голова, крупный острый клюв открыт, глаз передан круглым маленьким углублением, крылья подняты, декорированы так же, как туловище и хвост, треугольными углублениями. Крупные когтистые лапы с характерным оперением, образующим «штаны».

Поле центральной сцены обведено уплощенным бортиком в виде двойного бордюра: ближе к центру в форме двойной косички, по краю – косички, местами двойной, местами одинарной.

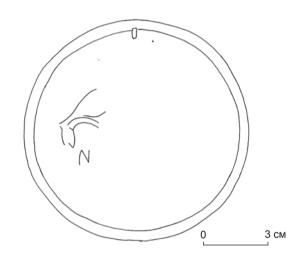
Гравировки расположены и на лицевой, и на оборотной стороне бляхи (рис. 3, 4). Все фигуры, кроме одной, плохо различимы из-за потертостей и отдельных царапин. На лицевой стороне вверху, под отверстием и над головой центрального персонажа, изображена округлая антропоморфная личина. Ее брови и нос обозначены двумя полукруглыми линиями, крупные глаза показаны в виде окружности. Рот почти прямоугольной формы, с обеих узких сторон от него отходят по три горизонтальных штриха. По бокам на голове изображены треугольные «ушки». Между личиной и «солярным» знаком имеются еще какие-то изображения, в т.ч. фигура, напоминающая трехконечный верх головного убора, и фрагменты личины – глаза и группы штрихов (?). В нижней части бляхи, примерно от уровня пояса до стоп центрального персонажа, нарисовано какое-то животное, читаются две ноги (передняя и задняя), а также крупная голова, напоминающая лошадиную или оленью. Характерные признаки иконографии животного - расположение глаза вплотную к абрису головы, линия, проходящая по шее. На обороте имеется плохо различимое изображение животного (голова и верхняя часть тулова). Рисунок находится сбоку от отверстия.

Аналоги бляхи и обсуждение

Круглые литые бляхи из серебра или белой бронзы с литым декором, которые позже иногда дополнялись гравировками, на севере Западной Сибири появились давно. Среди известных сегодня 20 блях 12 изделий

Puc. 3. Графические рисунки на лицевой стороне бляхи.

Puc. 4. Графические рисунки на оборотной стороне бляхи.

хранятся в фондах различных музеев, 2 бляхи утеряны, остальные находятся в частных коллекциях.

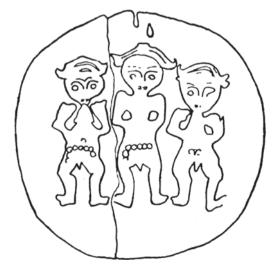
Наиболее близкими аналогами бляхи из с. Шурышкары являются четыре бляхи с изображениями антропоморфных персонажей. Две из них опубликованы, хранятся в различных музеях (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (ТГИАМЗ), Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского (ЯНОМВК)), вполне доступны для исследования [Чернецов, 1957, с. 190, табл. ХХІІ; Сокровища Приобья. Западная Сибирь..., 2003, с. 87]. Одна находится в частной коллекции, доступа к ней нет. Еще одна известна только по рисунку в публикации

А.А. Спицына [1906, рис. 12], оригинал, очевидно, утрачен. На всех этих бляхах изображены анфас три стоящих человека в шлемах, возможно, с лицевыми масками. Центральная фигура немного больше остальных. По крайней мере на трех бляхах просматриваются графические рисунки или гравировки.

Серебряная литая бляха с изображением трех человек (см. рис. 2) обнаружена в том же с. Шурышкары и хранится в настоящее время в фондах ЯНОМВК им. И.С. Шемановского [Сокровища Приобъя. Западная Сибирь..., 2003, с. 87]. Ее диаметр 11 см. К сожалению, верхняя часть бляхи обломана, поэтому неясно, изделие крепилось или подвешивалось. На бляхе

Puc. 5. Бляха, обнаруженная близ пгт Березова на берегу р. Сев. Сосьва.

Puc. 6. Бляха из Сибири (?), опубликованная А.А. Спицыным [1906].

изображены три мужские фигуры в такой же позе, как и на бляхе с антропоморфным персонажем и птицами, со сложенными на животе четырехпалыми руками с отставленным большим пальцем. Все остальные признаки иконографии персонажей на сравниваемых бляхах совпадают: приземистые мужчины с крупной головой изображены в шлемах с надглазьями или лицевой маской, ротовое отверстие восьмеркообразной формы, поверх шлема располагается некое подобие кос (?), руки отделены по линии плеча, ноги показаны в профиль, заметны линии поперек коленей и по верху стопы. Вокруг фигур на бляхе выгравированы личины в трехконечных уборах.

Бляха с изображением трех воинов, держащих по две сабли в поднятых руках (рис. 5), найдена в 1900-х гг. предположительно на Шайтанском мысу в 25 км выше пгт Березова на берегу Сев. Сосьвы [Спицын, 1906, рис. 4; Чернецов, 1957, с. 189–190, табл. 22]. В настоящее время она хранится в ТГИАМЗ. Бляха отлита из серебра (?). Ее размеры $14,5 \times 13,5$ см, она крупнее остальных. В верхней части изделия имеется большое отверстие с обломанным краем. На бляхе изображены три воина в трехконечных шлемах с лицевой маской, показаны характерные полукруглые надглазья и ротовое отверстие восьмеркообразной формы. На данной бляхе, как и на бляхе из с. Шурышкары, плечи у воинов отделены от туловища резкими полукругами, под коленями и выше стопы - углубленные линии, на поясе обозначен наборный пояс из крупных прямоугольных блях. Совпадают позы и пропорции фигур: воины изображены на слегка согнутых ногах, с непропорционально крупными головами, у них приземистое короткое туловище, короткие конечности, четырехпалые руки с растопыренными пальцами и отставленным большим. Крайний правый мужчина стоит в такой же позе, как персонаж на шурышкарской бляхе, но, в отличие от двух других воинов, у него на ногах что-то типа башмаков со слегка загнутыми вверх носами. Между центральной и двумя крайними фигурами вверху изображены два выпуклых кружка. На бляхе имеются графические рисунки.

Серебряная или бронзовая бляха с изображением трех человек (рис. 6) была опубликована А.А. Спицыным по хранившемуся в Археологической комиссии рисунку Медведева [1906, рис. 12]. Это случайная находка из Сибири, ее местонахождение в настоящее время неизвестно. Диаметр изделия ок. 10,5 см. Вверху на бляхе имеются два отверстия. Орнамент по краю отсутствует, в центре — изображения трех человек, их руки согнуты в локтях, лежат на животе, на талии показан наборный пояс из крупных пластин, ноги согнуты в коленях, расставлены. Персонажи изображены в шлемах, детали которых проследить по рисунку невозможно. Отметим, что шлемы имеют навершие, очевидно, аналогичное навершиям на бляхах

из с. Шурышкары. Еще одна важная деталь, хорошо различимая на рисунке, — ротовое отверстие в виде двух прямоугольников.

Нам известна и четвертая литая бляха с изображениями трех человек, но она, к сожалению, не доступна для исследования или публикации, находится в частной коллекции.

Отдельные литые бронзовые фигуры или личины, передающие антропоморфный образ и имеющие иконографическое сходство с изображением персонажа на рассматриваемой бляхе из с. Шурышкары, в средневековых кладах и среди случайных находок встречаются довольно часто. Общими для них являются такие признаки, как изображение шлема с лицевой маской и ротовым отверстием в виде восьмерки, двух прямоугольников или кружков [Бауло, 2011, с. 88, 97-99; Эренбург, 2014, с. 140; Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 79]. У персонажей изпод шлема (или поверх него) обычно спускаются косы; углубленными линиями отделяются плечевые линии, колени, иногда стопы. У вышеописанных фигур, в отличие от персонажа на бляхе из с. Шурышкары ноги поставлены стопами внутрь, а руки сложены на животе.

Образ крупной водоплавающей птицы с большим клювом получил воплощение во многих т.н. полых (объемных) подвесках, выполненных в виде фигурок зверей и птиц. Иногда их называют пронизками, т.к. они нанизывались на ремешок и подвешивались. Авторы некоторых публикаций атрибутируют птицу как гуся. Возможно, это действительно гусь, но с фантастическими чертами или неправдоподобно крупный. Благодаря последней особенности он ярко выделялся в сценах с участием других персонажей. Известно несколько подобных изображений. Чаще всего птица изображена стоящей, со сложенными крыльями и опущенным хвостом. От клюва вдоль груди птицы располагается фигурка небольшого зверька, возможно пушного [Чернецов, 1957, табл. XVIII; Угорское наследие..., с. 93, рис. 117; Бауло, 2011, с. 197], иногда замещенная имитацией витого канта [Бауло, 2011, с. 186, 187]. В одном случае вместо зверька показан антропоморфный персонаж [Там же, с. 198]. Интересно, что два изображения – фигура птицы «с территории бывшей Тобольской губернии» [Чернецов, 1957, с. 183] и аналогичная ей из Сайгатинского IV могильника [Угорское наследие..., 1994, с. 117] – отлиты в одной форме. Как отмечалось выше, крылья у всех птиц сложены, но у некоторых на одном боку имеется по два крыла. Неизвестно ни одного литого изображения птицы с поднятыми крыльями. Орнамент на крыльях в виде треугольников, аналогичный орнаменту на фигурах птиц, показанному на рассматриваемой шурышкарской бляхе, встречается на полых фигурах водоплавающих [Бауло, 2011, с. 186, 197] и хищных [Там же, с. 185] птиц. Подобный орнамент известен и на крыльях хищных птиц, изображенных на бронзовых навершиях железных ножей [Сокровища Приобья. Западная Сибирь..., 2003, с. 90; Эренбург, 2014, с. 146]. Чаще всего тулово и крылья птицы орнаментированы кантами из перлов, валиками или имитацией витого канта. Хищная птица, изображенная на шурышкарской бляхе, выглядит необычно: у нее голова плавно переходит в клюв, хотя традиционно такие хищники показаны с клювом, четко отделенным от головы (см. напр.: [Бауло, 2011, с. 185]). Иконографическое своеобразие проявляется и в том, что на анализируемой бляхе обе птицы изображены с открытыми клювами и поднятыми вверх крыльями, т.е. они показаны в движении, в отличие от статичных птиц, запечатленных в бронзовых отливках.

На гравированных рисунках эпохи Средневековья читаемые изображения птиц встречаются редко, чаще всего это некие фантастические персонажи с орнитоморфными чертами (см., напр.: [Лещенко, 1976, с. 180, 181]). Птицы с поднятым крылом/крыльями известны на гравировках, выполненных на блюдце из Ямгортского клада [Там же, с. 187] и на бронзовой ложке из комплекса Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места в Большеземельской тундре [Мурыгин, 1992, с. 37].

Фигуры, подобные изображенным по бокам головы антропоморфного персонажа, чаще всего интерпретируются как солярные и лунарные знаки, хотя такая атрибуция весьма спорна. Литые личины, вписанные в круг или полукруг, встречаются редко [Бауло, 2011, с. 114; Чемякин, 2008, с. 32, рис. 2, 4]. Нам известны еще шесть литых изображений «солнца» и «луны», хранящиеся в частной коллекции. В комплексе Барсовского-1 могильника (Барсов Городок) имеется личина, вписанная в круг, который образован двумя зооморфными фигурами, и соединенная с ними вертикальными и горизонтальными кантами. Полными аналогами фигур на шурышкарской бляхе являются антропоморфные изображения, выгравированные на средневековом серебряном блюде из клада, обнаруженного в с. Слудка Пермской губ. (рис. 7) [Лещенко, 1976, с. 180]. Похожие фигуры показаны на блюдах из д. Больше-Аниковская и блюдце, найденном в районе пгт Березова. На рисунке, нанесенном на византийское блюдо из с. Слудка, круглая фигура с личиной в центре, соединенная с внешним ободом двойными кантами, расположена справа от условно птицевидного изображения с антропоморфными чертами, а полукруглая фигура - слева от него. Таким образом, аналогично и расположение этих фигур. Отметим, что на гравировках раннего железного века подобные знаки неизвестны. Самое раннее изображение – блюдце из Березова. Хотя сам сосуд датируется VI в., рисунки, как полагает В.Ю. Лещенко, могли быть нанесены ок. VII-VIII вв. или позже [Там же,

Рис. 7. Гравированные рисунки на средневековом блюде из с. Слудка Пермской губ. [Лещенко, 1976, рис. 20, a].

с. 179]. Указанный рисунок, даже если он был выполнен ок. IX в., является наиболее ранним из известных.

Фигуры, трактуемые как солнце и луна или солярный и лунарный знаки, причем в той же позиции, что и на бляхе из с. Шурышкары, часто встречаются на серебряных круглых бляхах с сокольниками [Лещенко, 1970, с. 139–141]. Они имеются также на серебряной бляхе с изображениями двух антропоморфных персонажей на лошади [Бауло, 2011, с. 246]. Подобные сюжеты мало известны на территории восточнее Оби, исключением являются несколько блях с изображениями сокольников из Сургутского Приобья. Наиболее часто они встречаются к западу от Оби и в Предуралье.

Этнографическое искусство обских угров и самодийцев также знает подобный сюжет. Он представлен на жертвенных покрывалах и шлемах обских угров [Гемуев, Бауло, 2001, с. 108, 116, 122, 144]. Известны также тамги в виде солярных и лунарных знаков [Иванов, 1954, с. 32, рис. 13]. Фигуры, символизирующие солнце и луну, выстригали на шкурах оленей, посвященных определенному божеству [Там же, с. 81–82; Харючи, 2012, с. 15–16]. Отметим, что все подобные знаки связаны с оленем или всадником. В этом отношении шурышкарская бляха уникальна: знаки «прилагаются» к антропоморфной фигуре.

Возникает вопрос: откуда на севере Западной Сибири на рубеже тысячелетий появился сюжет «солнце

и луна по бокам головы антропоморфного персонажа»? Проблема эта сложна. Наиболее подробно она рассмотрена в трудах А.В. Бауло и И.Н. Гемуева [2001, с. 19–22; Бауло, 2004, с. 38-44]. По мнению А.В. Бауло, «история пребывания импортных серебряных сосудов V-XII вв. на севере Сибири включает три основных смысловых этапа: опознание, использование, влияние» [2004, с. 36]. Наиболее понятен в этом ключе рассматриваемый А.В. Бауло и И.Н. Гемуевым сюжет «всадник с соколом»; будучи «узнанным» на восточных изделиях, он развивался впоследствии в виде сюжета с сокольником на бляхах и «дожил» до современности в виде изображений на жертвенных покрывалах обских угров. Мы точно знаем, что знаки «солнца» и «месяца» в местном (западно-сибирском) искусстве появились ок. VIII, вернее в IX в., тогда как бляхи с сокольником датируются XII-XIV вв. По-видимому, можно допустить влияние на местную культуру еще одного сюжета, кроме «всадника с соколом»: речь идет об изображениях божественных персонажей с солнцем и луной в руках. С нашей точки зрения, при рассмотрении предпола-

гаемых заимствований из достаточно далеких по менталитету культур следует учитывать, во-первых, доступность вещей с определенным изобразительным сюжетом местным мастерам, во-вторых, возможность общения этих мастеров с носителями знаний об изображенных персонах. Последнее выглядит в достаточной степени проблематичным, если иметь в виду приобретение некоторых глубоких знаний об изображенных персонажах. Но, возможно, просто наличие информации о том, что определенный персонаж — «важное божество» и его атрибуты также являются «божественными», формировало у мастера желание наделить с помощью подобных знаков этой «божественностью» некие новые изображения, характерные для местных, западно-сибирских культур.

Антропоморфный (божественный) персонаж, держащий в одной руке солнце, в другой – месяц, изображен на четырех хорезмийских чашах первой половины VIII в. и VI–VII вв. [Даркевич, 1976, с. 106, 107; Marschak, 1986, Abb. 86]. Все эти изделия найдены в Пермском Предуралье, т.е. они могли быть известны мастеру, отлившему шурышкарскую бляху. На трех чашах солнце изображено в правой руке богини, месяц – в левой, на четвертой – наоборот.

Среди гравировок на шурышкарской бляхе только изображениям личины можно найти аналоги, остальные рисунки плохо читаются. Округлая личина с крупными круглыми глазами показана на грави-

ровках, нанесенных на иранскую бронзовую чашу из собрания ЯНОМВК им. И.С. Шемановского [Федорова, 2014, с. 95]. На бляхе у личины абрис носа и бровей очерчен двумя полукруглыми линиями, тогда как на чаше нос и брови переданы пятью вертикальными отрезками. Рот прямоугольной формы, с торцов которого отходят по три штриха, показан у пляшущих богатырей, выгравированных на ковше из Коцкого Городка (Ханты-Мансийский автономный окр.) [Лещенко, 1976, с. 182].

Еще одна группа редких изделий, проявляющих сходство с изображениями антропоморфного персонажа и гравированной личиной, - т.н. антропоморфные куклы с личинами, уложенные в меховые мешочки (свод информации о них см.: [Карачаров, 2002]). Автор публикации об этих находках вслед за другими исследователями связывает куклы с обрядами погребально-поминального цикла [Там же, с. 45–49]. Для нас в контексте исследования аналогов бляхи из Шурышкар важно следующее: 1) у всех достаточно хорошо сохранившихся как деревянных, так и бронзовых личин зафиксированы следы прикрепления к верхушке шлема человеческих волос с привязанными к ним бронзовыми подвесками и накосниками [Там же, с. 29-44], что аналогично расположению кос с накосниками у персонажа на бляхе; 2) на деревянных личинах из комплекса селища Остяцкий Живец имеется своеобразный рисунок в виде отходящих ото рта штрихов, напоминающих штрихи на личине, выгравированной на бляхе из с. Шурышкары.

Дата и место изготовления бляхи

Дата бляхи из с. Шурышкары определяется на основании приведенных аналогов, хотя большинство из них - случайные находки. В.Н. Чернецов отнес бляху из Березова к оронтурскому этапу нижнеобской культуры, датированному VI-IX вв. Бляху из с. Шурышкары с фигурами трех человек, как и другие подобные изображения, Н.В. Федорова датировала X–XII вв. [Сокровища Приобья. Западная Сибирь..., 2003, с. 87]. Литые изображения, которые приводились в качестве аналогов фигур на бляхе, также датированы ок. X-XII вв. По-видимому, в этот промежуток времени и была создана бляха. Очевидно, что все бляхи как с фигурами людей, так и с изображениями фантастических зверей и птиц являются продукцией какого-то одного центра. В пользу такого предположения свидетельствуют многочисленные черты сходства в иконографии персонажей, композиции декора и общем оформлении изделий, а также в технологических приемах (хорошо выполненная отливка из серебра или белой бронзы, тщательная полировка поверхности, первоначально петля соединена с верхней частью бляхи с помощью клепки, впоследствии на том же месте просверлено отверстие). Известно, что почти все круглые бляхи с литым декором, кроме бляхи с грифоном, которая являлась частью клада из Тазовского р-на ЯНАО, были обнаружены в бассейнах Сев. Сосьвы, Сыни, оз. Шурышкарский Сор, т.е. на сравнительно небольшой территории в западной части Нижнего Приобья.

Возникает вопрос, на который пока нет однозначного ответа: в этом районе находился центр производства блях и других подобных изделий или здесь обитали основные заказчики этих вещей? Вопрос абсолютно не праздный, поскольку следов крупных литейных мастерских эпохи Средневековья на севере Западной Сибири пока не найдено, за исключением остатков т.н. Тазовской ювелирной мастерской [Хлобыстин, Овсянников, 1971], Рачевской производственной площадки [Терехова, 1986, с. 114–123] и литейной мастерской в составе археологического комплекса Зеленый Яр [Зеленый Яр..., 2005, с. 25-30]. Отметим, что Тазовская и Рачевская мастерские датируются приблизительно тем же временем, что и бляхи. Сложность в соотнесении с ними определенного вида продукции состоит в том, что в составе находок из культурного слоя мастерских, как правило, нет литейных форм, формы для отливки подвески выявлены только в материалах Рачевской мастерской. В ходе поиска следов появления собственного бронзолитейного дела на севере Западной Сибири важно обратить внимание на два факта: 1) остатки такого производства, относящиеся к рубежу эр имеются на древнем святилище Усть-Полуй (ЯНАО) [Гусев, Федорова, 2012, с. 23]; 2) в конце I – начале II тыс. н.э. статусные украшения отливались сериями (шесть - восемь изделий) в одной форме, что свидетельствует об их массовом изготовлении [Бауло, 2011, с. 185, рис. 285, 286; Федорова, Сотруева, 2010, с. 49; Сокровища Приобья в Особой кладовой..., 2011].

Не исключено, что мастера-литейщики, получая заказы из разных мест, могли перемещаться по указанному региону. Именно об этом, на наш взгляд, свидетельствуют остатки ювелирной мастерской, обнаруженные на р. Таз [Хлобыстин, Овсянников, 1971, с. 248-257]. И еще о локализации центра: вряд ли он мог функционировать на западных склонах Урала и в Предуралье, где зафиксированы развитые производственные бронзолитейные и ювелирные мастерские [Белавин, Крыласова, 2008, с. 502]. Дело в том, что в Предуралье вещи, выполненные в «стиле блях», не найдены. В начале II тыс. н.э. там массово изготавливали круглые бляхи из тонких серебряных или бронзовых пластин; их ареал имеет достаточно четкие границы. Многие бляхи из пластин обнаружены в Зауралье и Нижнем Приобье. Но с группой литых блях их объединяет одно - и те, и другие являются крупными круглыми бляхами с петлей/отверстием для подвешивания.

Вопрос о том, как именно носили и использовали круглые бляхи из пластин, непростой. С учетом формы и декора изделия подвешивались на груди. Известно об обнаружении крупной круглой бляхи на груди погребенного еще в кулайскую эпоху [Борзунов, Чемякин, 2006, с. 103]. Примерно тем же временем, что и анализируемые бляхи, датируется серия фигурок, сидящих, редко - стоящих антропоморфных существ, выполненных из обожженной глины. Персонажи одеты в меховую одежду с орнаментом, у некоторых показаны украшения [Угорское наследие..., 1994, с. 74, рис. 21]. На груди отдельных персонажей изображены крупные круглые бляхи [Там же, с. 74; Викторова, 2008, с. 142; Приступа, 2008, с. 42, 83; Чикунова, 2014, с. 56, рис. 5, 2; с. 58, рис. 7, 10, 13]. И.Ю. Чикунова, выделяя несколько зон распространения глиняных фигурок, делает важное для нашего сюжета замечание: именно в северном ареале «чаще всего встречаются... изображения украшений в виде круглых блях» [2014, с. 62].

Представить себе, как именно носили круглые бляхи в эпоху Средневековья, могут помочь данные о современной культовой практике обских угров: известно несколько изображений местных божеств или духов-покровителей, на груди которых подвешены круглые небольшие блюдца из серебра или меди [Бауло, 2009, с. 10, 13]. Бляхи-подвески и зеркала использовались в погребальной практике населения, оставившего несколько могильников XIX в. в низовьях Оби [Мурашко, Кренке, 2001, с. 55]. Исследователи отмечают, что бляхи служили преимущественно украшениями и амулетами. «По-видимому, именно в качестве амулетов их клали на сердце погребенных мужчин... Бляхи из медных сплавов встречены в 162 погребениях (общее количество блях – 580)» [Там же].

Заключение

Бляха с изображением антропоморфного персонажа с двумя птицами и знаками в виде солнца и луны по обеим сторонам от головы принадлежит к довольно многочисленной группе отлитых из бронзы и серебра блях с изображением антропоморфных персонажей (5 шт.), фантастических животных – грифонов или иных фантастических образов (8 шт.), а также хищных птиц (5 шт.). На одной бляхе изображена сцена, в которой участвуют распластанный медведь, рыба и две змеи, еще на одной – северный олень. Диаметр изделий от 6,3 до 16,8 см. Но наиболее часто встречаются бляхи диаметром ок. 10–11 см. В настоящее время известно 20 блях, датируемых в пределах X—XII вв.

Приемы оформления блях и иконография персонажей очень близки. Сходство проявляется в оформлении края блях (витой, иногда двойной кант или кант из перлов), в изображении антропоморфных персонажей анфас с непропорционально большими головами в шлемах и лицевых масках, в подчеркивании линии плеча и т.д. Птиц, за исключением филинов, всегда изображали в профиль, с непропорционально большими клювами и когтями на лапах, поднятыми крыльями (возможно, чтобы подчеркнуть их агрессивное состояние).

Ареал рассматриваемых блях — северо-западные районы Западной Сибири. Бляхи чаще всего входили в состав кладов или культовой атрибутики средневековых и современных святилищ обских угров. Лишь три бляхи (с изображением филинов и грифона) обнаружены в погребениях Сайгатинского IV и VI могильников. Наиболее вероятно, что мастера, отливавшие бляхи, проживали в районах Северного Зауралья — Северо-Западного Приобья.

Список литературы

Бауло А.В. Атрибутика и миф: Металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 158 с.

Бауло А.В. «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 176 с

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 258 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: Археологический комплекс у с. Рождественск. Археология Пермского края. — Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008. — 600 с. — (Свод археол. источников; вып. 1).

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Пленарный докл. II Север. археол. конгр. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. – С. 68–108.

Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). – Екатеринбург: Квадрат, 2008. – 208 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 159 с.

Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. – Салехард: Север. изд-во, 2012. – 59 с.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 198 с.

Зеленый **Яр:** Археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / под ред. Н.В. Федоровой. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во УрО РАН, 2005. – 368 с.

Зыков А.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. – 232 с.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. Сюжетный рисунок и другие изображения на плоскости. – М.; Л.: Наука, 1954. – 838 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. XXII).

Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. ун-та, 2002. — С. 26—52.

Лещенко В.Ю. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья // CA. -1970. -№ 3. -C. 136–148.

Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – С. 176–188.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. По археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ. – М.: Наука, 2001. – 156 с.

Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 181 с.

Приступа О.И. Средневековая глиняная пластика в коллекциях Музея Природы и Человека. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2008. — 91 с.

Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки / вступит. статья Н.В. Федоровой. – Салехард; СПб.: [Б.и.], 2003. – 96 с.

Сокровища Приобья в Особой кладовой МВК им. И.С. Шемановского: буклет / автор текста Н.В. Федорова. — Салехард: [Б.и.], 2011. — 96 с.

Спицын А.А. Шаманские изображения. – М.: [Б.и.], 1906. – (Зап. Рус. археол. об-ва; т. VIII).

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – 152 с.

Терехова Л.М. Рачевский археологический комплекс//Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск: Изд-во Ур. гос. ун-та, 1986. — С. 114—123.

Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров, Л.М. Терехова, Н.В. Федорова. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.

Федорова Н.В., Сотруева Е.И. Клад с острова Новенького // История Ямала: взгляд из музейных хранилищ. — Екатеринбург: Крик-центр, 2010. — Вып. 2. — С. 45—54.

Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 1. – С. 90–99.

Харючи Г.П. Природа в традиционном воззрении ненцев. – СПб.: Истор. иллюстрация, 2012. – 159 с.

Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1971. – С. 248–257.

Чемякин Ю.П. Случайные находки на Барсовой Горе // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. — С. 28–43.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. — М.: Изд-во АН СССР, № 58).

Чикунова И.Ю. Глиняная антропоморфная пластика Среднего Зауралья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. – № 2. – С. 54–63.

Эренбург Б.А. Звериный стиль. История, мифология: альбом. – Пермь: Сенатор, 2014. – 211 с.

Marschak B. Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3.–13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig: VEB E.A. Seemann Verl., 1986. – 438 S.

Материал поступил в редколлегию 04.09.14 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.114-122 УДК 904

М.П. Чёрная

Томский государственный университет пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия E-mail: rector@tsu.ru, mariakreml@mail.ru

О ЧЕМ «РАССКАЗЫВАЕТ» ИСТОРИЯ И ЧТО «ПОКАЗЫВАЕТ» АРХЕОЛОГИЯ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ*

За последние 20 лет расширились не только объемы и география раскопок русских памятников Сибири, но и исследовательская проблематика, а археология русских городов в регионе оформилась в самостоятельное направление сибиреведения. Изучение археологических объектов, охватывающих период с последней трети XVI до XIX в. включительно, положительно повлияло на отношение к ним как к неотъемлемой части историко-культурного наследия страны и к поздней археологии как к необходимой составляющей в исследовании и познании национального достояния. Чрезвычайно важно, что этот процесс трансформации научных взглядов стал распространяться в среде историков, до недавнего времени считавших своим неотъемлемым и практически нераздельным право на историческое моделирование эпохи Московского царства и Российской империи, а письменные источники самодостаточными. Сегодня археология задает новый формат исследований этого эпохального периода. В статье анализируются особенности изучения русской культуры Сибири в ключе источниковых и методических возможностей археологии и письменной истории. Специфика преломления информации в разных источниках и выбор методических подходов влияют на конструирование исследователем исторической картины. Адекватное воспроизведение действительности должно опираться на научную критику и перекрестный анализ материалов, что рассмотрено на примерах локализации исторических объектов и содержательной атрибуции археологических памятников, создания объемно-планировочных моделей археологизированных деревянных построек, реконструкции состава стада по археозоологическим остаткам.

Ключевые слова: поздняя археология, источники, методы, реконструкции, русская культура Сибири.

M.P. Chernava

Tomsk State University, Pr. Leniva 36, Tomsk, 634050, Russia E-mail : rector@tsu.ru; mariakreml@mail.ru

WHAT HISTORY SAYS VERSUS WHAT ARCHAEOLOGY SHOWS: SOURCES AND METHODS IN THE STUDY OF RUSSIAN CULTURE IN SIBERIA

Over the last two decades, the archaeological study of the Russian sites in Siberia has expanded not only in scale and geography, but also in the scope of research issues. As a result, the archaeology of Siberian Russian cities has turned into a separate subdiscipline within Siberian studies. Excavations of late 16th to 19th century forts, towns, and cities has had a positive impact on public attitudes. These sites are now viewed as an integral part of the nation's cultural heritage and an invaluable source of historical knowledge. The importance of historical archaeology is gradually being acknowledged by historians, who, until recently, tended to monopolize historical reconstructions of Muscovy and the Russian Empire. Historical archaeology sets up a broader format of research focused on this pivotal period. The article outlines the findings of archaeological excavations at old Russian sites in Siberia, juxtaposing them with written evidence. The following tasks are addressed: (1) localizing historical sites and attributing excavated ones; (2) modeling wooden architecture; (3) reconstructing the composition of herds through faunal remains.

Keywords: Historical archaeology, sources, methods, reconstructions, Siberia, Russian culture.

^{*}Работа выполнена при финансовой поддержке Томского государственного университета в рамках проекта «Археолого-этнографические исследования Сибири: наука, образование, музей».

Введение

Хронологический диапазон археологического исследования русской культуры Сибири, заданный процессом колонизации, охватывает период с последней трети XVI до XIX в. включительно, т.е. от последнего взлета Средневековья - начала Нового времени до современности. Археология этого периода получила в истории отечественной науки название поздней. Пройдя непростой путь от случайного, эпизодического, едва ли не маргинального занятия, она за последние 15-20 лет буквально на глазах обрела статус полноправного и полноценного направления, получила постоянную «прописку» на ряде региональных конференций и семинаров и представительство на высшем форуме – археологическом съезде. Расширяются не только объемы и география раскопок, но и исследовательская проблематика. Всего несколько лет назад впервые было сформулировано положение о новом направлении в сибиреведении археологии русских городов Сибири [Чёрная, 2008]. Сегодня в его рамках выделился ряд подразделений: археология церковная, некрополей, войны и повседневности, сельская. Степень изученности этих ответвлений поздней археологии различна, но все они год от года набирают обороты, притягивают новые исследовательские силы, в т.ч. молодых, начинающих ученых.

Изучение поздних памятников положительно повлияло на отношение к ним как к неотъемлемой, важной части историко-культурного наследия страны и к поздней археологии как к необходимой и все более привлекательной составляющей в исследовании и познании национального достояния. Чрезвычайно важно, что этот процесс трансформации научных взглядов перешагнул границы собственно археологического сообщества и стал распространяться в среде историков, до недавнего времени считавших своим неотъемлемым и практически нераздельным право на историческое моделирование периода Московского царства и Российской империи, а письменные источники самодостаточными. Знаковым событием стала масштабная конференция «От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII веков» (г. Москва, ноябрь 2013 г.) [От Смуты..., 2013], на которой археологи и историки выступили полноправными партнерами, а опыт археологов в области исторических реконструкций, основанных на методике изучения и критики источников (не только археологических!), был признан образцовым. Знаменательно включение сибирской темы в проблематику конференции, в чем проявилось понимание ее организаторами и участниками значения Сибири для России. На всем пространстве страны археология, прежде всего городская, начинает создавать собственную картину исторического развития, не столько дополняя сложившуюся на основе письменных источников схему, сколько предлагая свой вариант, во многих отношениях более достоверный. Значимость поздней археологии в изучении относительно недавних событий определяется и тем, что она является инструментом выработки исторического сознания, формирования личной и общенациональной идентичности [Беляев, 2014; Беляев, Векслер, 1996, с. 128, 130]. Информационный и методический потенциал поздней археологии обеспечивает рост ее значения, престижа и перспективы развития.

Опыт, накопленный археологией в изучении исторических явлений и процессов на примере русской колонизации Сибири, был обобщен в одной из моих работ [Чёрная, 2011]. В данной статье внимание сосредоточено на методической стороне научной интерпретации и реконструкции исторических реалий XVII-XVIII вв., нашедших отражение в разных источниках, при базовом значении археологических. Из широкого спектра проблем археологического городоведения Сибири рассматриваются следующие: критерии типологической дифференциации поселений в исторической и археологической практике; локализация и атрибуция исторических объектов; восстановление архитектурного облика руинированных построек; реконструкция палеоэкономики на примере городского животноводства. Их анализ позволяет, с одной стороны, осветить важные аспекты городской жизни, с другой - показать возможности археологии в реконструкции русской культуры Сибири.

Источники и методы интерпретации и реконструкции некоторых аспектов русской культуры Сибири

Занимаясь изучением поздних периодов, археолог имеет корпус разнообразных источников, каждый из которых по-своему отображает действительность, что влияет на ее восприятие и конструирование исследователем исторической картины. Это определяет специализацию археолога и историка. Образно говоря, перед археологом, который «видит» ископаемый объект, встает вопрос: что это такое?; историк, который «слушает» документальное повествование, очень часто не имеет возможности перевести считываемую информацию в зримые образы. Проблема визуализации исторических реалий для историка и их расшифровки археологом может возникнуть в отношении практически любого аспекта даже сравнительно недавнего прошлого.

Рассмотрим методические возможности прочтения информации, преломленной в разных источниках,

и реконструкции некоторых аспектов исторической действительности путем научной критики и перекрестного анализа материалов. Начну с проблемы идентификации археологических памятников с тем или иным типом поселений – городом или острогом (как исторической формой малого города). Сложность дифференциации последних в Сибири обусловлена спецификой и динамизмом исторической ситуации освоения края. Города и остроги были поселениями урбанизированного типа, которые выступали центрами своих округ и выполняли ряд функций. При этом важна не простая сумма функций, а их структурно-иерархическое сочетание.

Конкретно-исторические задачи освоения региона определяли административный статус населенного пункта, его значение и место в общей системе поселений. Пунктам, расположенным на стратегических направлениях колонизации, важнейших перевалочных, торговых путях, изначально присваивался ранг города, что известно из документов. Так было с Тюменью, Тобольском, Верхотурьем, Сургутом, Томском и другими центрами различных областей Сибири. Разделение городов и острогов по количеству функций – у первых больше, у вторых меньше – не очень сообразуется с исторической реальностью. Остроги отличались не столько набором и числом функций (были среди них и много- и монопрофильные), сколько соподчиненностью городу, занимавшему высшую ступень в административной иерархии поселений. Одновременное наименование некоторых населенных пунктов в официальной и обиходной терминологии городом/острогом (Нарымский, Кетский, Кузнецкий, Енисейский, Илимский и др.) подразумевало городской тип данных поселений, при этом четко осознавалось их подчинение уездному или разрядному центру. Отсутствие в исторической практике жестких критериев, отличающих города и остроги, в ретроспективе затрудняет задачу определения административного статуса населенного пункта, к тому же он со временем мог меняться.

Понятно поэтому, что нет и однозначных археологических критериев типологической дифференциации поселений. Ни значительный объем материала, ни широкомасштабные раскопки, даже если они охватывают всю площадь памятника, как в случае с Саянским острогом [Скобелев, 2001], не снимают проблемы. Не может археолог опираться в определении административного статуса поселения и на тип окружавших его стен, что имело второстепенное значение: у острога могли быть срубные укрепления, как, например, у Уртамского, а частокол мог огораживать город, как в Тобольске, являвшемся столицей края. Мы узнаем о статусе исследуемого памятника не из археологических данных, а из письменных источников. В связи со сказанным отмечу неправо-

мерность предпринятой при изучении Умревинского острога попытки ввести в научный оборот термин «острог» в качестве обозначения особого вида археологических памятников, под который подводятся все типы населенных пунктов Сибири XVI–XVIII вв. [Горохов, 2011, с. 28–29], невзирая на их реальные различия, легко считывавшиеся современниками. Подмена действительного исторического многообразия сибирских поселений искусственным конструктом в виде некоего особого археологического памятника типа «острог» не может быть принята.

Актуальной в научно-методическом плане задачей является решение проблем локализации исторических объектов, точное местоположение которых зачастую неизвестно, и идентификации археологических памятников с имеющимися письменными и иконографическими свидетельствами [Чёрная, 2013]. Письменные и картографические данные из-за неполноты и нечеткости описаний и низкой геометрической точности карт XVII-XVIII вв. ограничивают возможности привязки на местности исторических объектов, даже таких крупных, как поселения. Поэтому по письменным сведениям так и не удалось найти Нарымский, Кетский, Уртамский и другие остроги. Примером, иллюстрирующим трудность определения местонахождения объекта или исторического события по письменным упоминаниям и старинным картам, не отличающимся ни точностью, ни согласованностью, служит попытка локализации Ермаковой перекопи как предполагаемого места гибели атамана [Матвеев, 2011; Матвеев, Аношко, 2012]. Археологизированные объекты, локализованные на местности, нуждаются в содержательной атрибуции, которая должна ответить на вопросы: чем это было? когда и как функционировало? каков социально-экономический статус владельца постройки или усадьбы? место в общей планировке поселения? и т.д.*

Одно из основных требований методики к историческим интерпретациям и реконструкциям – репрезентативное сочетание разновидовых источни-

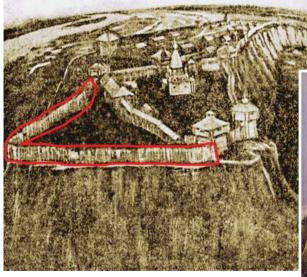
^{*}Примером может служить атрибуция восьмиугольного сруба в Таре (совместные раскопки Омского филиала ИАЭТ СО РАН – С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов – и Томского государственного университета – М.П. Чёрная). Он был интерпретирован как Княжья башня [Татауров, 2011, с. 245, рис. 6]. Однако то обстоятельство, что раскопанный объект не встроен в стены, дает основание для его атрибуции в качестве «быка» с пушечным «боем», выдвинутого вперед перед башней для увеличения зоны обстрела. Такие деревянные или деревоземляные конструкции («быки», «выводы», «раскаты», «бастеи»), на которые выкатывались пушки, как новейшая тенденция в русском оборонном зодчестве появились в Сибири по меньшей мере в середине XVII в. [Чёрная, 2002, с. 151–153].

ков, дополняющих друг друга и коррелирующих друг с другом. В приложении к проблеме локализации это означает недопустимость построения гипотезы о местоположении объекта на единственном письменном или картографическом источнике, как сделано, например, при определении места основания Томска. Недооценка отсутствия в документе важных пространственных ориентиров приводит к неполному или ошибочному видению исторических реалий и, как следствие, неадекватной их реконструкции. Сначала рассмотрим, к чему приводит нарушение методики при попытке локализовать объект, опираясь на один письменный источник. Таковым для историков стала «Роспись Томскому городу и острогу» 1627 г. К таким «росписям» обязательно прикладывался чертеж, но в данном случае он не сохранился. Модель города, составленная по неточному и неоднозначному тексту документа, не соответствовала форме южного мыса Воскресенской горы, часть которого оказалась вне стен города - пустой [Петров, 1956]. Поскольку оставить площадку как плацдарм для взятия города было нельзя, ее на макете огородили частоколом, вопреки данным «Росписи». Но искусственность конструкции бросалась в глаза. Поэтому позднее «лишнюю» часть мыса на макете убрали, чтобы не возникало «неудобных» вопросов (рис. 1).

Та же методическая ошибка – построение гипотезы на единственном источнике, уже картографическом (план Томска 1767 г.) – стала причиной появления необоснованной версии о первоначальном размещении Томска на юго-восточном отроге Воскресенской горы [Попов, 1959, с. 10-11; Волков, 2005; Дмитриенко, 2010]. Попытка вписать город в более «подходящий» план при наличии других с разницей всего в 5-20 лет, на топографию которых он по заявленной версии не ложится, представляет пример подгонки действительности под определенную гипотезу. На сегодня приходится констатировать, что вопрос о месте основания Томска остается открытым ввиду явного дефицита источников. Необходимо расширить зону археологического поиска на участках вероятного расположения первоначального города и провести доказательную идентификацию раскапываемых объектов с городскими постройками первой половины XVII в.

Решение проблемы локализации и определение времени функционирования памятника дают основание для реконструкции археологических объектов. Археологу не следует ограничиваться лишь вскрытием и описанием руин, нужно стремиться восстановить облик разрушенного сооружения в возможно полном объеме. Единство конструктивно-технических приемов, архитектурно-композиционной фор-

мы, функционально-идейного содержания, формирующего облик постройки, должно находить отражение в ее модели, создание которой является целью и придает смысл археологическому

а

Рис. 1. Макеты Томского города начала XVII в. по данным «Росписи» 1627 г. Томский областной краеведческий музей, 1950-е гг. Авторы: Н.М. Петров, Н.И. Залесский, К.И. Винтер.

a — «лишняя» часть мыса огорожена частоколом, который в «Росписи» не упоминается (по: [Очерки..., 1954, с. 8]); δ — «лишнюю» часть мыса на макете убрали (по: [Томск..., 2004, с. 19]).

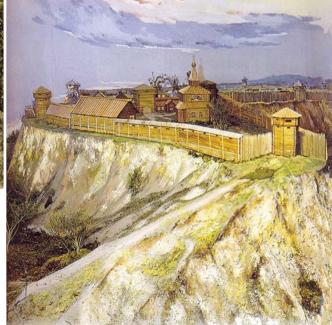

Рис. 2. Высокий дом на подклете с крыльцом и галереей – дом Пономарева из д. Маньшино Медвежьегорского р-на Карелии, вторая половина XIX в. Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи» (http://kizhi.karelia.ru/media/thumbs/architecture/b0/e2/17_dom_pon_2_3.jpg).

исследованию архитектурного памятника [Воронин, 1934, с. 42, 76; Раппопорт, 2013]. Такая постановка задачи получает живой отклик в современном социуме, ориентированном на восприятие мира в его настоящем и прошлом через зримые образы. Соответственно, недостаточно прочитать или услышать, как мог выглядеть разрушенный временем памятник, необходимо увидеть его восстановленный облик. Создание трехмерных моделей археологических объектов, от которых остаются преимущественно нижние части, представляет повышенную сложность и требует привлечения дополнительных источников, аналогов в виде сохранившихся памятников архитектуры с реликтовыми чертами, а также определенной методики. Рассмотрим возможности археологической реконструкции на примере восстановления деревянных сооружений, имевших более одного этажа (яруса).

При создании объемно-планировочных моделей археологизированных деревянных построек методическим обоснованием должно быть, во-первых, выделение признаков, изначально присущих домам повышенной этажности, во-вторых, их присутствие в археологическом контексте. Наличие таких элементов, как фундаменты, которые выполняли не столько опорную, сколько нивелирующую, тепло- и влагоизолирующую функцию, врубленные перегородки, укреплявшие конструкцию, но при этом совершенно необязательные, не является непосредственным

доказательством высотности здания. Непременной принадлежностью двух-трехьярусных построек были высокие крыльца, лестницы, столбы-опоры галерей и балконов (рис. 2). Но, к сожалению, эти элементы сохраняются далеко не всегда. Доказательством повышенной этажности может служить конструкция крыльца, выполненного в технике вертикальной забирки, как, например, в Томске [Чёрная, 2014] (рис. 3, 4). Уязвимость археологических аргументов, обусловленная степенью разрушения объектов и конструктивными особенностями элементов, присущих домам повышенной этажности, ограничивает возможности реконструкции: не каждая постройка поддается восстановлению в полном объеме.

Когда археолог располагает письменными репликами, синхронными исследуемому памятнику, скажем, упоминаниями о существовании построек на подклетах, это требует критического сопоставления данных, поскольку такая постройка не всегда высокая, во всяком случае, необязательно двухъярусная. Хотя археологически прослежена тенденция вырастания подклета из земли и увеличения его высоты, что привело к появлению домов в два-три яруса.

Подклет, который составлял нижний ярус жилой, хозяйственной, служебной постройки, имел множество названий-синонимов: «подызбица» (под избой), «подсень» (под сенями), «взмостье», «нутр», «щербеть», «омшаник», «деребень», «голбец», «подполье», «погреб» [Бломквист, Ганцкая, 1967, с. 133;

Рабинович, 1975, с. 217, 223; Александров, Липинская, Сафьянова, 1981, с. 121, 123; Чижикова, 1987, с. 228; Власова, 2001, с. 204, 206; и др.]. Это было обусловлено не только временем и местом их употребления, но и конструктивными особенностями, назначением объекта. В течение длительной эволюции сложились типы подклета, различавшиеся по назначению и конструкции (столбовая, срубная, комбинированная), что, кстати, известно не по скудным письменным репликам, а главным образом по археологическим данным. Подклеты могли заглубляться и быть наземными, при этом иметь разную высоту (рис. 5).

Еще одним элементом, который позволяет судить о ярусности постройки, является казенка. Так именовались помещение за печью, а также различной высоты пристройка сбоку печи. Внутри нее устраивали спуск в подполье (синоним «голбец»), а наверху сидели или спали. Если подпольем была яма, вырытая в грунте, то казенку нельзя рассматривать как косвенный признак высотности. Если же спуск внутри казенки вел в подклет-подполье, не заглубленный в землю, то это свидетельствует о повышенной ярусности дома.

Признаки, отличающие постройки с разными подклетами, с казенкой или без нее, существовали изначально. Современники – те, кто строил, и те, кто в них жил, – свободно ориентировались в вариантах устройства и общего вида таких сооружений. Для исследователя задача воссоздания облика объектов усложняется тем, что их функционально-конструктивные особенности в историческом контексте не всегда прописаны, а в археологическом не всегда различимы. Для реконструкции конкретной постройки следует привлекать все доступные виды источников, чтобы повысить уровень достоверности модели.

Показательна роль археологии в характеристике такой важной отрасли экономики русского города Европейской России и Сибири, как скотоводство. Кости животных являются массовой категорией находок, во всяком случае, в городских слоях, что позволяет восстановить состав стада. Археозоологические остатки кардинально меняют наши представления о домашних животных, облик которых вплоть до XIX в. разительно отличался от современных, а также об особенностях содержания и разведения скота.

При реконструкции состава стада исследователи сталкиваются с главным лимитирующим фактором – объективной неполнотой остеологического материала, что определяет относительность конечных оценок даже в случае привлечения массовых данных (тысяч и десятков тысяч костей). В результате устанавливается не число особей на памятнике, а относительные численность видов или объемы потребления

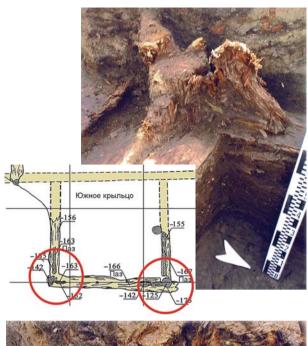

Рис. 3. Остатки крыльца с вертикальной забиркой (раскопки воеводской усадьбы в Томске).

Рис. 4. Двухъярусные хоромы с крыльцом и галереей, выполненными в технике вертикальной забирки, на рисунке XVII в. (по: [Милославский, 1956, с. 95, рис. 21]).

Рис. 5. Дома на подклетах разной высоты.

a – дом на низком подклете из д. Дубынина Нижнеилимского p-на Иркутской обл., середина XIX в. Иркутский архитектурно-этнографический музей «Тальцы» (http://gdehorosho.ru/upload/photos3/arhitekturno-etnograficheskiy-muzey-tal-cy-8da9.jpg); δ – дом на среднем подклете из д. Подлипное Тотемского p-на Вологодской обл., конец XIX в. Архитектурно-этнографический музей Вологодской обл. «Семёнково» (http://img-fotki.yandex.ru/get/4120/29878574.f5/0_8cb6e_416a1b21_XL.jpeg.jpg); ϵ – двухэтажный дом на высоком подклете в с. Куйтун, Бурятия, вторая половина XIX в., фото В. Кузнецова (http://lh3.ggpht.com/_MLIXZ2dAnKI/SAttohqFUdI/AAAAAAAAM4/2sHiRqOnkbo/s800/P3170248.jpg); ϵ – трехэтажные хоромы олонецкого воеводы на высоком подклете, 1671 г. (по: [Мильчик, Ушаков, 1981, с. 117–118]).

мяса. Анализ половозрастных характеристик забитых животных позволяет выявить формы эксплуатации – мясная, мясомолочная, рабочая, «техническая» (получение шерсти) [Антипина, 2006].

Сравнение археозоологических материалов с эталонами костей животных XX в. дает основание для заключения о мелкопородности коров в русских городах. Причины малорослости скота в Сибири были те же, что и в лесной полосе Европейской России: со времен Древней Руси и вплоть до второй половины XIX в. она обусловлена долгими холодами, недостатком кормов, неблагоприятными условиями для утробного развития плода и первых месяцев жизни живот-

ных. Иностранцы, посетившие Московию в XVII в., отмечали, что «коровы в этой стране очень малы... у них нет сил для пахоты» [Цалкин, 1956, с. 48]. Средний рост в холке составлял 95–115 см, а, например, в Ярославле животное ростом 83 см смотрелось обычным среди очень мелких коров. Забой основной массы крупного рогатого скота в половозрелом возрасте связан с его позднеспелостью (животные достигали наивысшего веса только на третьем году жизни) и отражает мясомолочную направленность животноводства. При этом следует подчеркнуть, что вес даже взрослых особей составлял 160–190 кг, а надои молока – ок. 4 л в день, что говорит о низ-

кой продуктивности [Там же, с. 48–50; Археология..., 2012, с. 202; Колединский, 2012, с. 445–446]. И в XIX в. в крестьянских хозяйствах Томской губ. держали крупный рогатый скот преимущественно «русской породы», морозостойкой и неприхотливой к кормам, но малопродуктивной: он при убое давал не более 8 пудов мяса с туши и 1–1,5 пуда сала, удои от лучшей коровы не превышали полведра, посредственной – четверть ведра, а зимой и вовсе не более стакана [Кузьмина, 1974, с. 8].

Согласно археологическим данным XVII—XVIII вв., второе место в стаде, хотя обычно со значительным отрывом, стабильно занимала очень мелкая свинья, так было в средневековом Томске, а также Верхотурье, Тобольске и др. [Девяшин, Пластеева, 2010; Бачура, Лобанова, Бобковская, 2011]. А вот письменные источники могут давать неполную и неточную картину о видовом составе домашнего стада. Например, статистические материалы начала 1880-х гг. не содержат сведений о том, что в Притомье русские старожилы (потомки переселенцев XVII—XVIII вв.) держали свиней, свиноводство распространяется здесь якобы только вместе с переселенцами XIX—XX вв. [Скрябина, 1997, с. 37].

Лошади, как и другие домашние животные, также не отличались рослостью и были маломощными. По археозоологическим материалам, рост в холке взрослых жеребцов составлял 120–130 см, кобыл – ок. 120 см, при этом для пони современная планка высоты в холке установлена в 140 см [Цалкин, 1956, с. 152, 153; Археология..., 2012, с. 215, 216; Историческая экология..., 2013, с. 225, 226]. Понятно поэтому, что «не от роскоши, не от барства применялись шестерочные упряжи – оттого, что лошади были слабые!» [Пикуль, 1991, с. 169]. Так писатель сформулировал причину, побудившую графа А.Г. Орлова-Чесменского в 1770-х гг. заняться выведением новой породы лошадей.

Заключение

При наличии разнообразных источников и их репрезентативного синтеза, необходимого для адекватной интерпретации прошлого, внедрение в научный оборот массовых археологических материалов позволяет повысить степень резкости и хронологическую глубину отражения исторической действительности и перейти к объемным реконструкциям. Возросшие требования современного общества к тотальной визуализации, в т.ч. и исторического процесса, делают позднюю археологию все более востребованной. Это не только расширяет перспективы развития науки, но и повышает ответственность археологов в моделировании реалий недалекого прошлого, что необходи-

мо для формирования личной и национальной идентичности, адекватной культурному богатству народа и его исторической памяти.

Список литературы

Александров В.А., Липинская В.А., Сафьянова А.В. Жилище и хозяйственные постройки русского крестьянства Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.). – М.: Наука, 1981. – С. 102–141.

Антипина Е.Е. Возможности реконструкции состава стада домашних животных в археологии // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. — Т. II. — С. 339—342.

Археология древнего Ярославля: Загадки и открытия. – 2-е изд. – М.: ИА РАН, 2012. – 296 с.

Бачура О.П., Лобанова Т.В., Бобковская Н.Е. Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII–XIX вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Изд-во Ом. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. – С. 271–275.

Беляев Л.А. Археология позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. — Т. I. — С. 11–17.

Беляев Л.А., Векслер А.Г. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990-х гг.) // РА. – 1996. – № 3. – С. 106–133.

Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX — начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас (земледелие, крестьянское жилище, крестьянская одежда середины XIX — начала XX в.). — М.: Наука, 1967. — С. 131—165.

Власова И.В. Северорусская крестьянская усадьба: типы жилых построек XVI–XVIII вв. // Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX века. – М.: Наука, 2001. – С. 199–207.

Волков Г.В. Место расположения первой томской крепости // Теория и практика развития в художественных музеях Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 127–130.

Воронин Н.Н. Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – 129 с.

Горохов С.В. Умревинский острог как археологический источник: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2011. – 205 с.

Девяшин М.М., Пластеева Н.А. Некоторые аспекты использования животных первыми русскими поселенцами в Западной Сибири // Тр. Том. гос. ун-та. Сер. общенаучная. — 2010. — Т. 273, вып. І. — С. 49—51.

Дмитриенко Н.М. К вопросу о месте основания г. Томска // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. -2010. — № 2. - С. 91–108.

Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш, П.А. Косинцев, Т.В. Лобанова. — Нефтеюганск: Ин-т археологии Севера; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. — 376 с.

Колединский Л.В. Виталитивная культура Витебска в конце XIII – начале XIV в. (по материалам раскопок Верхнего замка) // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: мат-лы Міжнар. навук. канф. Полацк, 22–23 мая 2012 г. – Мінск, 2012. – С. 437–455.

Кузьмина Ф.С. К вопросу о состоянии скотоводства в крестьянских хозяйствах Томской губернии // Вопросы социально-экономического положения крестьян Сибири в XIX – начале XX в. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 3–16.

Матвеев А.В. В поисках места гибели атамана Ермака // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. — Омск: Изд-во Ом. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. — С. 127—144.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Ермакова перекопь на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестн. Ом. гос. ун-та. -2012. -№ 2. -C. 275–281.

Милославский М.Г. Техника деревянного зодчества на Руси в XVI–XVII вв. // Тр. Ин-та истории, естествознания и техники. -1956.-T.7.-C.44-111.

Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура русского Севера: Страницы истории. – Л.: Стройиздат, 1981. – 128 с.

От Смуты к империи: Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII веков. — М.: ИА РАН, 2013.-52 с.

Очерки истории города Томска (1604–1954). – Томск: Отд. изд-в и полиграф. пром-ти Упр-ния культуры Том. облисполкома, 1954. – 325 с.

Петров Н.М. Опыт восстановления плана Томского города и острога начала XVII в. // Тр. Том. обл. краевед. музея. -1956. – Т. 5. – С. 59–78.

Пикуль В.С. Исторические миниатюры. – М.: Мол. гвардия, 1991. - T. 1. - 432 с.

Попов А.И. Томск. – М.: Госстройиздат, 1959. – 133 с. **Рабинович М.Г.** Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1975. – С. 156–244.

Раппопорт П.А. О методике изучения древнерусского зодчества // Раппопорт П.А. Архитектура средневековой Руси: избр. ст. – СПб.: Лики России, 2013. – С. 47–60.

Скобелев С.Г. Результаты и проблемы реконструкции внешнего вида Саянского острога // Интеграция археологи-

ческих и этнографических исследований. – Нальчик; Омск: [б. и.], 2001. – С. 116–121.

Скрябина Л.А. Русские Притомья: Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX в.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 130 с.

Татауров С.Ф. Город Тара – с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Изд-во Ом. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. – С. 242–250.

Томск: история города в иллюстрациях. 1604–2004. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – 600 с.

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 184 с. – (МИА; вып. 51).

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – 187 с.

Чёрная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь: Проблемы археологии и истории архитектуры. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 482–515.

Чёрная М.П. Роль русского города в освоении Сибири: диалектика возможностей и исторической практики // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Изд-во Ом. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. – С. 7–16.

Чёрная М.П. Методико-источниковедческие подходы к решению проблемы локализации исторических объектов // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2013. – № 3. – С. 81–90.

Чёрная М.П. Возможности реконструкции высотных деревянных построек в археологии (методический комментарий) // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2014. — № 382. — С. 133—139.

Чижикова Л.Н. Жилище // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 223–258.

Материал поступил в редколлегию 05.02.14 г., в окончательном варианте — 02.11.15 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.123-136 УДК 903

Ю.Т. Шев

Университет Ла Троб, Австралия La Trobe University Bundoora, Victoria, 3086, Australia E-mail: genetshev@gmail.com

доместикация лошади в юго-западной азии

На основании представленной в статье сводки фаунистических данных прослеживается хронология распространения домашних лошадей из Евразийской степи в Юго-Западную Азию. В конце плейстоцена дикие лошади обитали на большей части территории Ближнего Востока, однако возрастающая аридизация климата привела к их исчезновению в данном регионе. Таким образом, присутствие скелетных остатков лошадей в материалах археологических памятников позднего голоцена предполагает распространение этих животных в качестве одомашненных. Ранние свидетельства их доместикации обнаружены в Ботае (Казахстан), однако популяции диких лошадей сохранялись в Анатолии, Иране и Южном Леванте в среднем голоцене. Если останки, найденные в этих регионах, не принадлежат диким предкам лошадей, то их присутствие на памятниках позднего энеолита указывает на то, что доместицированные лошади появились в Юго-Западной Азии гораздо раньше, чем принято считать. Древнейшие останки одомашненной лошади из Бухена (Египет) требуют особого объяснения, т.к. в Леванте подобные находки на памятниках того времени неизвестны. Однако лошади обитали в Леванте и тогда, и раньше, что свидетельствует о постепенном распространении доместицированных лошадей из евразийских степей на юг в течение двух тысячелетий, с конца энеолита до позднего бронзового века. Этому распространению, вероятно, способствовало появление и широкое использование боевых колесниц в начале II тыс. до н.э.

Ключевые слова: доместикация лошадей, голоценовая фауна, Юго-Западная Азия.

E.T. Shev

La Trobe University, Bundoora, Victoria, 3086, Australia E-mail: genetshev@gmail.com

THE INTRODUCTION OF THE DOMESTICATED HORSE IN SOUTHWEST ASIA

This compilation of faunal data has allowed the development of a chronology of the dispersal of domesticated horses from the Eurasian steppe into Southwest Asia. During the late Pleistocene horses were widespread throughout much of the Near East, however increasing aridification led to their extinction from the region. Their presence within the archaeological record of the Late Holocene therefore suggests their spread as a human-controlled domesticate. Early domesticated horses are found at Botai, Kazakhstan, although faunal data indicates that Anatolia, Iran and the southern Levant contained surviving populations of wild horses during the mid-Holocene. If these remains from the Levant, western Iran and Anatolia do not belong to native wild progenitors, their presence in Late Chalcolithic deposits indicate an introduction of domesticated horses to this region much earlier than previously assumed. The Buhen horse is the oldest dated domesticated horse in Egypt and was assumed to be anachronistic given the lack of contemporaneous Levantine specimens. However horses were present in the Levant prior to and contemporary with the Buhen horse, illustrating a steady southward distribution from the Eurasian steppe over two millennia dating from the Late Chalcolithic to the Late Bronze Age; a spread likely hastened by the widespread adoption of chariot warfare in the early second millennium BCE.

Keywords: Horse domestication, Holocene faunal record, Southwest Asia

Введение

Доместикация лошади привела к значительным изменениям в системе дальних торговых путей и в харак-

тере военных действий на всей территории Евразии. Между древнейшими археологическими свидетельствами доместикации ок. 3500—3000 лет до н.э. в Евразийской степи, представленными на памятнике Ботай

(Казахстан), и более поздними в ближневосточных материалах эпохи бронзы существует значительная хронологическая лакуна. Во время Второго переходного периода, который начался в XVII в. до н.э., одомашненная лошадь (Equus caballus) появилась в Верхнем Египте. Ее останки были обнаружены *in situ* под слоем, датируемым 1675 г. до н.э., в южной крепости Бухен [Emery, 1960; Clutton-Brock, 1974].

Предпринятый в данной статье обзор фаунистических материалов из Юго-Западной Азии (см. *таблицу*) имеет целью выяснить хронологию и пути распространения домашних лошадей из Евразийской степи на Ближний Восток. Картина осложняется тем, что, по фаунистическим данным, дикие предки домашних лошадей — *Equus ferus*, которые, как считалось раньше, вымерли на территории Южного Леванта, Северо-Западного Ирана и Центральной Анатолии, на самом деле продолжали существовать там в голоцене.

Самое раннее надежное свидетельство доместикации лошади — материалы из Ботая (Казахстан). Некоторые данные позволяют предположить, что его обитатели держали лошадей для употребления в пищу и для ритуальных целей [Levine, 1999; Olsen, 2003, р. 98–101]. Д. Браун и Д. Энтони [Brown, Anthony, 1998] выявили стертость от удил на вторых нижних премолярах (P_2) — индикатор одомашнивания — по меньшей мере у четырех особей.

Распространение *E. caballus* связывали с распространением индоевропейских языков. Слова, относящиеся к коневодству, заслуживают особого внимания, т.к. лошадь, судя по всему, была одомашнена на индоевропейской прародине.

Число теоретически возможных маршрутов, по которым домашние лошади могли проникнуть из Евразийской степи на Ближний Восток, очень невелико. Пока нет свидетельств того, что лошади присутствовали на Балканах и на территории Восточного Ирана тогда же, когда их разводили в Ботае. Зато в Закавказье, Анатолии и Северо-Западном Иране есть данные

Юго-Запалной Останки представителей

	Источник	8		[Энеолит СССР, 1982, с. 134–135]	[Anthony, 2007, p. 221]	[Badjalan et al., 1994]		[Twiss et al., 2005]			[Carruthers, 2004]			
Западнои Азии	Определение	7		Нет свед.	P_2 со стертостями >3 мм	Нет свед.		Тазовая кость и зуб	Нет свед.	*	«	*	*	*
иках гого-	Доля в фа- унистиче- ских остат- ках, %	9		Нет свед.	*	6,7		Нет свед.	1,5	2,8	Нет свед.	10	10	_
на памятн	Кол-во определи- мых экзем- пляров	5		Нет свед.	*	*		2 (1)*	13	10	1	_	254	-
лошадиных	Вид	4	Закавказье	E. spp.	E. caballus	*	Анатолия	E. spp.	*	*	*	*	*	E. caballus
ОСТАНКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СЕМЕЙСТВА ЛОШАДИНЫХ НА ПАМУТНИКАХ ГОТО-ЗАПАДНОИ АЗЛИ	Местонахождение на памятнике	3		Нет свед.	*	*		Жилище 52, площадка 261, квадрат 11392	Жилище 42, уровни V, IV	То же, уровни III–I	Сектор АВU	Сектор АВЈ	Памятник В, все секторы	
ОСТАНКИ ПР	Период, дата, лет до н.э.	2		Поздний энеолит, IV тыс. до н.э.	Поздний энеолит, 4000—3500	PEB, 3371–3136		Поздний неолит, 7500—5700			Поздний неолит, 7190 ± 80		$5195 \pm 70 \div 2600 \pm 70$	5196 ± 70 ÷ 2600 ± 70
	Памятник	_		Аликемек-Тепеси	Мохраблур	Хором		Чатал-Хююк			Пинарбаши			

Кёшк-Хююк	Энеолит,	Сектор Е-F/8-9, шурфы	E. spp.	Нет свед.	45	*	[Arbuckle, 2007]
	6200–6000 (калибр.)	Уровни V–II	*	*	23	*	
	5200–4900 (калибр.)	Уровень І	*	*	5	*	
Чадыр-Хююк	Поздний энеолит,	L62, 770.900	E. caballus	_	Нет свед.	Передняя фаланга I (СD2015)	[Arbuckle, 2009,
	3500–3100	L55, 770.890	*	_	*	Пястная кость III (СD99)	p. 216–217]
	Поздний энеолит/РБВ, 3100	L58, 770.900	*	~	*	Задняя фаланга I (СD1778)	
	Поздний энеолит,	L6, 760.900	*	~	*	M3 (CD1325)	
	3500–3100	L10, 770.880	E. caballus ?	~	*	РЗ или Р4 (СD1925)	
		L75, 770.890	*	_	*	P2 (CD2189)	
	ПБВ, 1600–1200	LA, 800.930	E. spp.	_	*	P4 (CD829)	
	Железный век, 1200–900	L97, 780.890	E. caballus	_	*	P2 (CD1381)	
		L106, 790.890	*	_	*	Плюсневая кость III (CD1086)	
Тальбесар	C5B, 2000-1600	Нет свед.	*	4	0,25	Нет свед.	[Berthon, Mashkour, 2008]
			Иран				
Заге, равнина Каз- вин	Поздний неолит – ранний энеолит, 5370–4220	Сектор Е IX, квадрат 401	E. caballus	1	Нет свед.	Пяточная кость	[Mashkour, 2003, p. 133–135]
		Сектор F XI	*	_	*	То же	
			*	3 (1)	*	P3, P4, M1	
Годин-Тепе	ſ	Квадрат D14, слой смешан- ный	*	Нет свед.	*	Плечевая кость	[Gilbert, 1991, p. 114–115]
	ı	Квадрат AA2.185, слой III.4	*	*	*	Пястная кость III	
	РБВ I, 3100–3000 (калибр.)	Квадрат А1.1156, уровень IV/V	*	*	*	То же	
	P5B II, 3000-2600	Квадрат DI51, слой IVA	*	2 (2)	*	*	
	РБВ III, 2600 (калибр.)	Квадрат DI55A, уровень IV/III	*	Нет свед.	*	Бедренная кость	
		Квадрат AA2.193, слой III.4	*	*	*	Большеберцовая кость	
		Квадрат AA2.185, слой III.4	*	*	*	Плюсневая кость III	
		Квадрат А2.172, слой III.4	*	2 (1)	*	фаланги I, II	
		Квадрат AA2.193, слой III.4	*	2 (1)	*	То же	
Кабрестан, равни- на Казвин	PEB, 2940 ± 50 ÷ 2180 ± 50	Сектор EA/G13 II, квадрат 401	*	6 (1)	*	Плечевая и пяточная кости, премоляры (4)	[Mashkour, 2003, p. 133–135]

Окончание табл.

-	2	က	4	5	9	7	80
Сагзабад, равнина Казвин	ПБВ – железный век II, 1322 ± 297 ÷ 870 ± 30	Сектор О XXI / 3, шурф 2	E. caballus	4 (2)	Нет свед.	Плечевая кость (2), пяточная кость (2)	[Mashkour, 2003, p. 133–135]
		Сектор О ХХІ / 3, шурф LX	*	_	*	Пяточная кость	
			Сирия				
Тель-Хуэра	РБВ, III, 2650 (калибр.)	Храмовый сектор ІС	E. caballus	3 (1)	Нет свед.	Фаланга I, дистальная часть плечевой кости, лопатка	[Vila, 2006, p. 118, 120]
Тель Хабуба-Ка- бира	СБВ, 2100–1550 (калибр.)	Нет свед.	*	5	*		[Driesch, von den, 1993, p. 54]
		1	Южный Левант	ш			
Вади-Хамме-27, Иордания	12500–12000	Нет свед.	E. ferus	_	4 >	Нижний зуб (WH27-359)	[Edwards, Martin, 2013, p. 337–338]
Пещера Хайоним, Израиль	Натуфийский период, 11403—10370 (калибр.)	Слой В	*	_	Нет свед.	Нет свед.	[Stiner, 2005, p. 256]
Вади Фейнан, Иордания	Поздний докерамический неолит В, 6500–6000 (?)	Памятник А	E. caballus ?	2 (1)	0,4	Дистальная часть пястной ко- сти, тазовая кость	[Richardson, 1997, p. 500]
	Финальный докерамиче- ский неолит В, 6000— 5500 (?)	Памятник С	*	←	0,3	Проксимальная часть бедрен- ной кости	
Айн-Рахуб, Иор- дания	Неолит, 5500–5000	Нет свед.	E. ferus	4	2	Первые фаланги (4)	[El-Shiyab, 1997]
Рамат-Сахароним, Израиль	Поздний неолит, 5000	Тумулус 29	E. caballus ?	_	>	Пястная кость III	[Horwitz, Rosen, Bocquentin, 2011]
Шохам (север), Израиль	Поздний энеолит (нет точ- ных дат)	Пещера 4, L202, B2043	E. caballus	3 (1)	1 >	Дистальная часть плюсневой кости (1)	[Horwitz, 2007]
Шикмим, Израиль	Поздний энеолит, 3800—3300	Шикмим-87, -88	*	3 (1)	>	Плечевая, пястная, лучевая кости	[Grigson, 1993]
Грар, Израиль	То же	Сектор G	*	1	<u>^</u>	Пястная кость	[lbid.]
		Сектор В	*	-	<u>~</u>	Лучевая кость	
		Сектор С	*	1	\ 	Большеберцовая кость	
Арад, Израиль	PEB I, 3200/3150-3000	Уровень IV	E. caballus ?	_	Нет свед.	Передняя фаланга I	[Lernau, 1978, p. 110]
	3300–3000	Сектор Т, квадрат 4114, слой II	E. caballus	2 (1)	*	Пястная кость (8672), перед- ние фаланги	[Davis, 1976]
	PEB II, 3000–2700	Сектор Т, квадрат 2406, слой III	*	-	*	Пястная кость (5788)	[lbid.]

	P5B III, 2104 ± 50; 2226 ± 52	Уровень II	E. caballus ?	-	*	Передняя фаланга І	[Lernau, 1978, p. 110]
Афридар, Изра- иль	P5B I, 3300–3000	Сектор F	*	_	*	Дистальная часть лучевой кости	[Kansa, 2004]
		Сектор G	*	-	*	Дистальная часть большебер- цовой кости	
Тель-Афек, Из-	PEB I, 3150-2850	Сектор В	E. caballus	10	7,7	Зубы	[Hellwing, 2000,
раиль	CEB IIA, 2000-1750	*	*	3 (1)	0,4	*	p. 294, 297, 306]
		Сектор А	*	1	Нет свед.	3y6	
Хирбет аль- Ба-	PEB III, 2700–2200	Сектор За	*	5 (1)	5,6	Нет свед.	[Alhaique, 2008]
трави, Иордания		Сектор 3b	*	5 (2)	2,5	«	
	PEB IVB, 2200-2100	Сектор 2g	*	4 (1)	14,3	*	
		Сектор 2е	*	7 (3)	10,3	*	
Тель-Михаль, Из-	СБВ IIB, 1750 (калибр.)	Сектор А	*	1	6'0	Центральная пястная кость	[Hellwing, Feig,
раиль	ПБВ, 1600-1200	*	*	21 (1)	8	Нет свед.	1989, p. 236–242]
	Железный век, 1000–700	*	*	2 (1)	0,4	*	
	Персидский период, 525—350/300	*	*	10 (4)	0,2	Пястная и плюсневая кости, фаланга I (2), зубы (6)	
	Эллинистический период, 350–100	*	*	Ω	0,1	Локтевая, лучевая кости, моляр, центральная пястная кость (2)	
Шило, Израиль	ПБВ, 1550/1500-1350	Сектор D, остатки жили- ща 407	*	3 (3)	Нет свед.	Нет свед.	[Hellwing, Sadeh, Kishon, 1993, p. 311, 314, 325]
Тель-Сера, Из- раиль	ПБВ, 1500—1150	ſ	*	1	Нет свед.	Бедренная кость	[Oren, 1972]
Тель эс-Сафи/ Гат, Израиль	Железный век I, 1300—1000	Сектор Е, квадрат 46002	E. caballus ?	3 (2)	«	M1, M2, M3	[Lev-Tov, 2012, p. 594, 596]
Тель-Дан, Из- раиль	Поздний железный век I, 1300—1000	Сектор В-западный, уро- вень IVB	*	4	*	Нет свед.	[llan, 2011, p. 150]
Тавилан, Иор- дания	Железный век I, II, 1220—539	-	*	1	I	Верхняя челюсть с клыком и резцом (1.1.14a)	[Köhler-Rollefson, 1995, p. 99]
Тель Бет-Йерах, Израиль	Эллинистический период, 323—31	Уровень I	*	10 (2)	6,3	Нет свед.	[Cope, 2006, p. 171]

Примечание: РБВ – ранний бронзовый век, СБВ – средний, ПБВ – поздний. *В скобках указано число особей, которым они принадлежали (при наличии этих сведений в источнике).

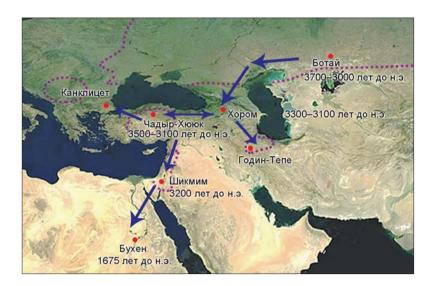

Рис. 1. Возможное расселение E. caballus на Ближнем Востоке и главные памятники, обсуждаемые в статье, с указанием дат наиболее ранних свидетельств доместикации. Пунктиром отмечены территории, где дикие лошади продолжали существовать в среднем голоцене (ок. 5000 лет до н.э.).

о существовании в период 3500–3000 лет до н.э. популяций диких, а возможно, и одомашненных лошадей. Следовательно, домашние лошади, видимо, распространялись через Закавказье (рис. 1).

Фаунистический метод идентификации домашней лошади (Equus caballus)

Элементы посткраниального скелета у всех представителей семейства лошадиных схожи, поэтому видовое определение по ним затруднительно. Выявить признаки доместикации также нелегко. В фенотипе древнейших доместицированных лошадей, в отличие от других домашних животных, например полорогих, нет явных признаков, отличающих их от диких предков. Указанием на доместикацию могут служить патологические изменения, в частности стертость от удил на зубах, а также новые способы разделывания туш, предметы, относящиеся к упряжи, изображения лошади в качестве ритуального символа [Anthony, 2007, с. 216–218, 221, 239].

Зубы — наиболее часто встречающиеся элементы скелета, и именно они обычно используются для различения домашних ослов, куланов (*E. asinus/hemionus*), европейских плейстоценовых ослов (*E. Hydruntinus*) и лошадей (*E. ferus/caballus*) [Davis, 1980; Vila, 2006, р. 103]. Одним из диагностических признаков является степень вытянутости наружной (щечной) складки в сторону внутренней (язычной). Лингвальные складки моляров у лошадей имеют характерную U-образную форму [Davis, 1980; McGrew, 1944]. Это наиболее надежное анатомическое свидетельство того, что зубы принадлежат лошади [Ibid.].

Найти различия между дикими и одомашненными лошадьми в посткраниальном скелете трудно. В от-

личие от других домашних животных, например полорогих, размеры тела у лошадей не могут служить надежным показателем доместикации. Они обусловлены в большей степени образом жизни тех или иных популяций (в частности перекочевками), чем доместикацией [Anthony, Brown, 2011]. Впрочем, определенные элементы скелетов домашних лошадей и их диких предков могут различаться. Так, возможны морфологические изменения метаподий вследствие нагрузки при использовании лошади в качестве вьючного животного [Outram et al., 2009]. Другая черта, которая может быть связана с деятельностью человека, - патологический износ челюстей и зубов, вызванный удилами [Anthony, Brown, 2011]. Он возникает в результате натягивания вожжей и проявляется в скосе жевательной поверхности мезиального угла второго нижнего премоляра более чем на 3 мм [Anthony, Brown, 1991; Brown, Anthony, 1998].

Обзор по регионам

Для оценки времени и реконструкции маршрутов проникновения одомашненных лошадей в Месопотамию и Египет в конце III — начале II тыс. до н.э. необходим анализ фаунистических материалов с соседних территорий. Областью, промежуточной между Евразийской степью, с одной стороны, и Левантом, Ираном и Анатолией — с другой, является Закавказье.

Закавказье. Через данный регион, вероятнее всего, происходило распространение домашних лошадей из Евразийской степи на Ближний Восток (рис. 2). Лошади появились на Кавказе во время майкопского и раннезакавказского периода, 3500–3000 лет до н.э. [Anthony, 2007, р. 221]. Поскольку нет свидетельств присутствия популяций диких лошадей на этой территории в раннем голоцене, приходится заключить,

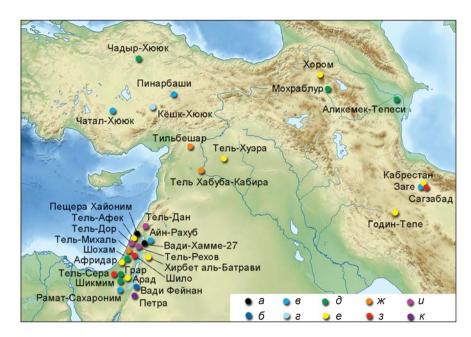

Рис 2. Хронология и распределение останков E. caballus в Юго-Западной Азии. a – натуфийский период; δ – докерамический неолит B; e – поздний неолит; e – ранний оронзовый век; e – средний бронзовый век; e – средний бронзовый век e – средний бронзовый век e – келезный век e .

что лошади попали туда либо из черноморско-каспийских степей, либо из Восточной Анатолии.

Древнейшие останки лошади в Закавказье относятся к концу IV тыс. до н.э. Они найдены в Азербайджане на памятнике Аликемек-Тепеси, расположенном в степи к югу от Куро-Аракского междуречья [Mallory, 1989, р. 232]. Были идентифицированы два вида лошадиных, более крупный из которых, по мнению советских археологов, является древнейшей домашней лошадью в Закавказье [Энеолит СССР, 1982, с. 134—135].

Самые надежные свидетельства доместикации лошадей происходят с памятника Мохраблур в Армении и датируются поздним энеолитом [Anthony, 2007]. Они основываются на анализе износа зубов пятилетнего жеребца. Сильная стертость мезиального края вторых нижних премоляров (скос более 3 мм) свидетельствует об использовании удил [Ibid., р. 221]. Так как эти останки происходят из позднеэнеолитического слоя, лошадь проникла в Закавказье до 3000 г. до н.э. [Anthony, Brown, 1989, р. 102].

Памятник Хором расположен на Ширакской равнине на северо-западе Армении. Период обитания здесь людей охватывает 5 тыс. лет от эпохи ранней бронзы I (РБВ I) до раннего железного века I (РЖВ I). Радиоуглеродная дата слоя РБВ I (образец АА-7767 из раскопа 1990 г.) 3371–3136 лет до н.э. (доверительный интервал 1 σ) [Badjalan et al., 1992, 1993]. В течение полевых сезонов 1992–1993 гг. было найдено более 6 000 экз. фаунистических остатков, некоторые из них хорошей сохранности. Кости одомашненных

животных составляют 92,4 % от всех определимых образцов, что указывает на скотоводческое хозяйство. На долю лошади приходится 6,7 % костей, найденных в слоях от РБВ I до РЖВ I [Badjalan et al., 1994].

Анатолия. Согласно широко распространенному мнению, лошади вымерли на большей части территории Старого Света в конце плейстоцена, после чего якобы сохранялись лишь малочисленные изолированные популяции в разных районах Европы [Anthony, 2007, р. 198]. Однако недавние исследования показали, что дикие лошади водились в голоцене также в Центральной и Восточной Анатолии. Судя по фаунистическим остаткам с неолитических поселений Чатал-Хююк и Пинарбаши, в период 7400-6200 лет до н.э. некоторую долю охотничьей добычи обитателей Анатолийского плоскогорья составляли эти животные [Martin, 2013; Carruthers, 2013]. Дикие лошади еще сохранялись как в Восточной, так и в Северо-Западной Анатолии в IV-III тыс. до н.э. [Arbuckle, 2009].

Материалы памятника Кёшк-Хююк в Каппадокии указывают на то, что в VI тыс. до н.э. в рационе жителей данного района присутствовала конина. На памятнике выявлено пять культурных слоев, датируемых неолитом и энеолитом [Arbuckle, 2007]. Большинство останков лошадиных найдено в квадратах Е–F/8–9 в ямах, расположенных на краю поселения в местах, которые специально предназначались для разделки туш крупных животных [Öztan et al., 2005]. Ранние горизонты V–II (6200–5200 лет до н.э., калибр.) содержали

значительное число костей эквидов – ок. 23 % от всех фаунистических остатков, причем в некоторых местах поселения этот показатель достигал 50 %. На памятнике Кёшк-Хююк выявлено три вида лошадиных. Более мелкие экземпляры принадлежали куланам (*E. hemionus*) и плейстоценовым ослам (*E. hydruntinus*), а более крупные – диким лошадям (*E. ferus*) [Arbuckle, 2007; Martin, Russell, Carruthers, 2002].

Энеолитический памятник Чадыр-Хююк открывает перспективу обнаружения независимого центра доместикации [Sagona, 2011, р. 696]. Это одно из многочисленных поселений, возникших в бассейне Канак-Су в IV тыс. до н.э. Стратиграфическая колонка демонстрирует непрерывное обитание людей со среднего энеолита (5200 лет до н.э., калибр.) до 1100 г. н.э. [Arbuckle, 2009; Steadman et al., 2008]. Обнаружено большое количество костей эквидов – 3 % (71 экз. определимых) от всех фаунистических остатков. Их доля падает от 14 % в позднем энеолите и раннем бронзовом веке до менее 1 % в византийскую эпоху. Фаланга эквида (CD2015) из позднеэнеолитического слоя (фаза Ib, местонахождение 62, раскоп 770.900) свидетельствует о присутствии здесь лошадей с первой половины IV тыс. до н.э. (калибр.). На пяти изолированных костях из слоев позднего энеолита / раннего бронзового века I и железного века обнаружены надрезы (на плюсневых и пястных костях, а также на дистальном отделе лучевой). Кости лошадиных с надрезами составляют ок. 7 %, что сопоставимо с данными, полученными на некоторых памятниках Евразийской степи [Arbuckle, 2009].

Заметных изменений биометрических показателей костей лошади от позднего энеолита до железного века не прослеживается. Это свидетельствует о филогенетической преемственности и не согласуется с предположением о том, что домашние лошади проникли сюда извне в IV–III тыс. до н.э. На многих костях ног эквидов из слоя позднего энеолита выявлены патологические изменения, причем в 20 % случаев (30 экз. определимых) они отнесены за счет использования лошадей в качестве вьючных животных [Ibid.]. Если доверять этим данным, центральное плато Анатолии можно считать независимым центром доместикации лошади.

Северо-Западный Иран. Так как данный регион примыкает к Закавказью с юго-востока, домашние лошади могли распространяться по нему дальше на юг в конце IV тыс. до н.э. Имеются свидетельства доместикации лошади в ряде пунктов на равнине Казвин и в горах Загроса. Кроме того, некоторые данные указывают на то, что на территории Западного Ирана, как и в Восточной Анатолии, в голоцене сохранялись маленькие изолированные популяции диких лошадей. Их кости найдены в небольшом количестве на энеолитическом памятнике Заге северо-за-

паднее Тегерана. Эти лошади древнее самых ранних одомашненных в Евразийской степи. По результатам радиоуглеродного датирования, памятник относится к переходному периоду от позднего неолита к раннему энеолиту — 5370/5070—4450/4220 лет до н.э. (калибр.) [Fazeli, Wong, Potts, 2005]. Найденные там зубы, плечевая и пяточная кости, а также несколько вторых и третьих фаланг дикой лошади датируются VI тыс. до н.э. [Mashkour, 2003, р. 134—135]. Подобно находкам в Анатолии, они показывают, что в голоцене дикие лошади были распространены шире, чем считалось прежде.

На памятнике Кабрестан на равнине Казвин обнаружены свидетельства присутствия лошадей в более позднее время. Эти останки синхронны обнаруженным в Центральной Анатолии и Закавказье (Ш тыс. до н.э.). Пяточная кость из Кабрестана сопоставима по размерам с соответствующими костями домашней лошади [Ibid., р. 134].

На памятнике Годин-Тепе, расположенном в долине Кангавар (Западный Иран) на высоте 1600 м над ур. м., выявлено по крайней мере 10 отдельных культурных фаз, наиболее ранняя из которых относится ко времени ок. 4500 лет до н.э. [Young, 1969]. Материалы слоя IV свидетельствуют о вторжении с севера носителей яникской (раннезакавказской) культуры. В этом слое найдены наиболее ранние на данном памятнике останки *E. caballus* [Burney, Lang, 1971, p. 52–53; Gilbert, 1991, p. 75–76; Young, 1969, p. 19–20]. В результате раскопок 1967-1973 гг. получена значительная фаунистическая коллекция, относящаяся к фазам III и IV [Gilbert, 1979]. Эквиды лучше всего представлены в слое IV (146 экз. определимых). Большинство из них отнесено к куланам (E. hemionus), а ок. 6 % – к домашней лошади (E. caballus) на основании размеров [Gilbert, 1991, р. 78, 87]. В слое IV/V обнаружены нижний моляр и полная третья пястная кость представителей лошадиных. Последняя имеет черты, характерные для костей E. caballus – медиолатеральные бугорки и слабый дорсальный рельеф [Ibid., р. 96].

Видовая принадлежность моляров проблематична из-за их плохой сохранности и возможных признаков гибридизации. Однако многие моляры обнаруживают черты, присущие зубам домашней лошади, в частности т.н. sulcus externus — сильно вытянутую металофидную складку между гипоконидом и протоконидом. На одном из изученных моляров обнаружены признаки, специфичные только для онагра, и еще на одном — признаки, характерные только для лошади; впрочем, и данный зуб несет некоторые черты смешения [Ibid., р. 88]. А.С. Гилберт проводит анализ ДНК, экстрагированной из костей животных, которые найдены в слое IV Годин-Тепе, с целью проверки возможности гибридизации разных видов эквидов в данном районе (устное сообщение, 2013 г.).

Сирия. Поскольку наиболее вероятным центром доместикации лошадей была Евразийская степь, хотя и анатолийское их происхождение не исключено, стоит обратиться к фаунистическим материалам позднего энеолита и раннего бронзового века из Северного Леванта, по территории которого домашние лошади могли проникать в Южный Левант и Египет. В Юго-Западной Азии в плейстоцене существовало несколько видов лошадиных, однако в результате аридизации, имевшей место в начале голоцена, поголовье эквидов, в т.ч. и диких лошадей, резко сократилось [Orlando et al., 2009]. Тем не менее, судя по материалам ряда памятников в южной части региона, дикие лошади продолжали существовать там и в голоцене (рис. 3, 4).

В Сирии найдено лишь незначительное число фаунистических остатков, относящихся к III тыс. до н.э., — в основном на памятнике Тель-Хуэра. Он расположен в междуречье Хабура и Балиха, примерно в 11 км к югу от сирийско-турецкой границы и занимает площадь ок. 65 га [Akkermans, Schwartz, 2003, р. 256, 259]. Некоторые из обнаруженных в Тель-Хуэре костей эквидов по размерам превосходят соответствующие элементы скелета осла (*E. asinus*) и кулана

(*E. hemionus*). В секторе IC, где располагался храм середины III тыс. до н.э., были найдены первая фаланга, дистальная часть плечевой кости и лопатка. Все они по своим размерам попадают в пределы вариации костей домашней лошади, что свидетельствует о присутствии последней на территории Сирии ок. 2650 лет до н.э. [Vila, 2006, р. 118, 120].

Южный Левант. В долине Иордана на поселении натуфийского периода Вади-Хамме-27 древностью ок. 12 тыс. лет (калибр.) были обнаружены останки дикой лошади, подтверждающие, что она обитала на юге Леванта в конце плейстоцена. На этом памятнике останки представителей семейства лошалиных составляют ок. 2 % от общего числа определимых костей животных. Единственный нижний зуб был диагностирован как принадлежащий дикой лошади на основании U-образной буккальной складки, умеренно вытянутой в сторону лингвальной [Edwards, Martin, 2013, р. 337]. Дополнительные свидетельства существования дикой лошади в натуфе представлены в пещере Хайоним в Верхней Галилее, где в слое В (11403–10370 лет до н.э., калибр.) найдена лошадиная кость, принадлежавшая, по-видимому, E. ferus [Stiner, 2005, p. 256].

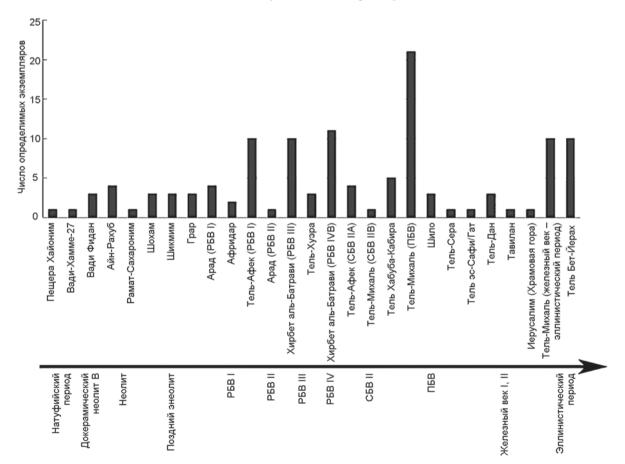
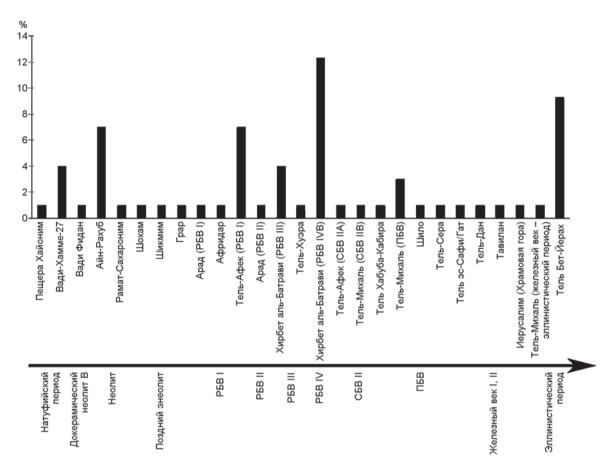

Рис. 3. Число определимых костей E. caballus на памятниках Леванта.
РБВ – ранний бронзовый век, СБВ – средний, ПБВ – поздний.

Puc. 4. Процентное содержание останков *E. caballus* в фаунистических материалах памятников Леванта. Усл. обозн. см. рис. 3.

Останки дикой лошади, относящиеся к керамическому периоду (ярмукская культура), обнаружены на северо-западе Иордании. Памятник Айн-Рахуб расположен на нижней террасе западного берега высохшей реки Вади-эр-Рахуб, примерно в 13 км к северовостоку от пос. Ирбид [El-Shiyab, 1997, p. 593]. В его позднеярмукских слоях найдены четыре первые фаланги, принадлежавшие диким лошадям, судя по массивным диафизам и хорошо выраженным дистальным надсуставным бугристостям [Ibid., р. 594-596]. Они составляют 7 % от всех определимых костей животных из данного слоя. К тому же времени относится пястная кость из Рамат-Сахаронима в пустыне Негев, принадлежавшая, судя по размерам, небольшой лошади [Horwitz, Rosen, Bocquentin, 2011]. На памятнике зафиксированы погребальные сооружения, датируемые 5000 лет до н.э. (тумулусы 28-30 и гробница 4) [Porat et al., 2006; Rosen et al., 2007]. Третья пястная кость, сросшаяся с грифельной, была найдена в одном контексте с человеческими останками. По результатам остеометрического анализа, она принадлежала домашней лошади E. caballus, сходной с лошадью позднего бронзового века из Солеба (Египет) [Clutton-Brock, 1974]. По другим данным, эта кость могла относиться либо к неизвестному виду крупных лошадиных, либо к необычно крупной особи дикого африканского осла (*E. africanus*), либо к дикой лошади. Последнее означало бы, что дикие лошади все еще водились в Южном Леванте в то время [Horwitz, Rosen, Bocquentin, 2011].

Пещерные погребения эпохи позднего энеолита на северном памятнике Шохам в долине р. Лод также, возможно, содержат кости *E. ferus*. Останки эквидов в изобилии найдены в пещере 4 (32,8 % от всех определимых фаунистических остатков). Из них 226 экз. принадлежали домашним ослам, а три посткраниальные кости были отнесены к крупному представителю семейства лошадиных – дикому африканскому ослу или домашней лошади. Единичная дистальная часть плюсневой кости имеет ширину 47,9 мм [Horwitz, 2007]; у домашней лошади этот показатель равен 52,3 мм [Clutton-Brock, Burleigh, 1979]. Таким образом, данный экземпляр мог принадлежать *E. caballus*. Впрочем, все три кости найдены в бровке сразу под дерном, а потому их датировка вызывает сомнение.

На нескольких памятниках на севере пустыни Негев обнаружены останки представителей семейства лошадиных, по размерам соответствующие костям доместицированных лошадей. В 1989 г. во время раскопок памятника Шикмим была найдена проксимальная часть плечевой кости (№ 89.1054), по размерам близкая к таковой у домашней лошади с поселения Гамла римской эпохи [Grigson, 1993]: ширина равна соответственно 92,6 и 91,2 мм [Levy et al., 1991]. Экземпляр из Шикмима вряд ли относится к позднему слою, тем более что и на данном памятнике, и еще на одном поселении в пустыне Негев (Грар) кости лошадей, общим числом семь, найдены в непотревоженных энеолитических слоях. Эта кость была обнаружена над полом подвала, погребенного под эоловыми отложениями, радиоуглеродная дата которых 3240 ± 75 лет до н.э. (калибр.), что подтверждает существование здесь данного вида в IV тыс. до н.э. К домашней лошади были отнесены еще несколько пястных костей из Шикмима с экзостозами на дистальных частях диафизов, связанными с тягловой работой [Grigson, 1993].

В Араде - городище раннего бронзового века в пустыне Негев – обнаружены останки крупного представителя семейства лошадиных, датируемые на несколько столетий позже шикмимских. Памятник расположен на высоте 550 м над ур. м., примерно в 31 км к востоку от г. Биршеба. Слои IV-I датируются ранним бронзовым веком I и II и приблизительно синхронны первой и второй династиям Древнего Египта (3100-2950 и 2950-2650 лет до н.э. соответственно) [Davis, 1976; Kuhrt, 1995, p. 118]. В 1971–1974 гг. здесь найдена пястная кость, по размерам соответствующая костям домашних лошадей. К другим останкам лошадиных относится множество фаланг, три пястные кости и левая половина нижней челюсти с коренными зубами. Одна пястная кость (№ 8672, квадрат 4114, слой II) [Davis, 1976] довольно массивна. Ее максимальная длина 219 мм, ширина проксимальной части 51,8 мм. Многократно описанная пястная кость домашней лошади из Солеба (Египет, XVIII династия) значительно меньше – 215 и 48,6 мм соответственно, что убедительно доказывает принадлежность экземпляра из Арада доместицированной лошади [Clutton-Brock, 1974; Davis, 1976].

В ходе спасательных раскопок в Афридаре (квартале г. Ашкелона) было обнаружено крупное поселение раннего бронзового века I [Golani, 2008]. Там найдено ок. 4 тыс. определимых костей животных. Это самая большая фаунистическая коллекция раннего бронзового века в Южном Леванте. Большинство определимых костей эквидов было отнесено к домашнему ослу (*E. asinus*), видимо проникшему сюда из Египта, где он известен с середины V тыс. до н.э. Однако несколько посткраниальных костей по размеру не соответствовали этому виду, они принадлежали более крупным представителям лошадиных. В локусе 33 сектора Е найдены 32 лошадиные кости (27 экз. опре-

делимых), в основном нижние и верхние челюсти. Минимальное число особей – четыре (три осла и одна лошадь). В секторах F и G обнаружены две крупные кости конечностей эквидов. Дистальная ширина лучевой 66,4 мм, большеберцовой 74,5 мм [Kansa, 2004], что укладывается в пределы вариаций у лошадей, как диких, так и домашних.

Появление доместицированных лошадей в Египте ок. XVII в. до н.э., скорее всего, объясняется технологическими и торговыми связями с Левантом. Кости *E. caballus*, близкие по времени или чуть более ранние, чем останки лошади из Бухена, обнаружены на трех памятниках раннего и среднего бронзового века в Южном Леванте — Тель-Афек, Хирбет аль-Батрави и Тель-Михаль.

Тель-Афек — одно из укрепленных поселений, возникших в Леванте в начале III тыс. до н.э. Выявлено несколько этапов заселения, охватывающих огромный период от эпохи ранней бронзы I (фаза С, 3150—2850 лет до н.э.) до начала XX в. Останки диких или домашних лошадей найдены в двух пунктах. В секторе В в слое эпохи ранней бронзы I обнаружено 10 элементов скелета лошади (число особей неизвестно), а в слое среднего бронзового века IIА — три, еще один найден в том же слое в секторе А, у дворцового сооружения. Большинство определимых останков домашней лошади — зубы [Hellwing, 2000, р. 294, 297, 305].

На памятнике раннего бронзового века Хирбет аль-Батрави в Иордании, раскопки которого ведутся с 2005 г. университетом Ла Сапиенца, останки диких или домашних лошадей обнаружены в слое эпохи ранней бронзы III (середина III тыс. до н.э.). Около 2700 лет до н.э. землетрясение разрушило значительную часть поселения, однако его площадь продолжала расти и после стихийного бедствия [Nigro, 2013]. В секторах 3а и 3b в слоях раннего бронзового века III, относящихся к периоду после землетрясения, было обнаружено по меньшей мере 10 костей домашних лошадей (минимальное число особей три). В дальнейшем еще 11 экз. были найдены в слое эпохи ранней бронзы IVB. Это позволяет говорить о существовании домашних лошадей на поселении Хирбет аль-Батрави в период 2700-2100 лет до н.э. [Alhaique, 2008].

Останки *E. caballus*, близкие по времени к бухенской лошади из Египта, обнаружены в Израиле на памятнике Тель-Михаль, расположенном на прибрежной равнине, примерно в 12,5 км к северу от древнего города Яффа [Herzog, Rapp, Muhly, 1989, р. 3]. Поселение возникло в среднем бронзовом веке IIB (1800–1550 лет до н.э.) и просуществовало до начала арабского периода. Большая часть изученных культурных и фаунистических остатков была получена в секторе А, раскопанном на площади примерно 1600 м²

[Herzog, Negbi, Moshkowitz, 1978; Herzog, Rapp, Muhly, 1989, p. 5].

Анализ фаунистических материалов из слоя, относящегося к среднему бронзовому веку, выявил небольшое количество останков E. caballus (0,9 % всей коллекции). В отложениях позднего бронзового века (1700–1200 лет до н.э.) обнаружен 21 элемент скелета животных этого вида (число особей неизвестно). Останки доместицированных лошадей найдены также в слоях железного века, персидского и эллинистического периодов, но в более поздних отложениях они отсутствовали [Hellwing, Feig, 1989, p. 236-242]. Фаунистическая коллекция Тель-Михаля надежно подтверждает присутствие E. caballus в Леванте в XVII в. до н.э. Важность памятника обусловлена тем, что возникновение этого поселения совпадает по времени с правлением гиксосов в Нижнем Египте и появлением там доместицированных лошадей.

Обсуждение

Останки лошадей на памятниках эпохи поздней бронзы малочисленны и до, и после появления боевых колесниц. Найденные в библейском городе Шило три кости *E. caballus* могут относиться к позднему бронзовому веку, но подобные находки отсутствуют в слоях эллинистического и римского периодов, когда, как доподлинно известно, доместицированные лошади существовали в данном регионе [Hellwing, Sadeh, Kishon, 1993, р. 311, 314].

Надежно установить факт доместикации можно лишь по стертости от удил на зубах или по связанным с лошадиными костями культурным остаткам. Можно, однако, предположить, что к XVII в. до н.э. левантийские представители *E. caballus*, вероятнее всего, были одомашнены. Остатки *E. caballus/ferus*, зафиксированные повсеместно в Леванте, Иране и Анатолии начиная с середины голоцена, могли относиться к небольшим диким популяциям, которые продолжали населять эти регионы уже после вымирания основной массы животных данного вида.

Если учесть, что домашняя лошадь проникла на территорию Леванта из Евразийской степи в конце IV тыс. до н.э., становится очевидным: *E. caballus* не заменила осла (*E. asinus*) в качестве выочного животного. Начиная с III тыс. до н.э. лошади расселились на землях Анатолии, Ирана и Сирии, однако до конца III — начала II тыс. до н.э. они не проникли на территорию высокоразвитых цивилизаций — месопотамской на юго-западе [Postgate, 1992, р. 161; Bökönyi, 1997; Emery, 1960]. Это может быть связано с большими затратами на содержание лошадей или отсутствием пригодных пастбищ. Кроме того, содержать лошадей,

возможно, было менее выгодно, чем уже использовавшихся в данных регионах дешевых и легких в управлении вьючных животных.

E. caballus не получили широкого распространения на Ближнем Востоке до тех пор, пока люди не стали использовать повозки для дальних торговых связей и колесницы для боевых действий, т.е. до конца III - начала II тыс. до н.э. Древнейшие колесницы обнаружены на степных поселениях типа Синташты в Южном Приуралье. В Волго-Донской лесостепи повозки и предметы упряжи встречаются повсеместно в синташтинских погребениях, датируемых временем ок. 2000 лет до н.э. (калибр.) [Kuznetsov, 2006]. Если колесницу действительно изобрели в Синташте, то гипотеза о связи между распространением индоевропейского языка и всадничеством приобретает некоторый вес. Считается, что носители синташтинской культуры говорили на индоарийских языках индоевропейской семьи, поскольку погребальный обряд, жертвоприношения лошадей и другие элементы этой культуры имеют параллели в Ригведе. Если так, то распространение колесниц можно было бы связать с индоевропейскими миграциями. Однако, как показывает анализ фаунистических остатков, связать с этими миграциями распространение домашней лошади нельзя.

Редкость останков E. caballus в голоцене Леванта может объясняться спецификой местного коневодства. Лошадей там использовали как-то иначе, чем других домашних животных, служивших объектами мясного животноводства. Как отмечает К. Григсон (устное сообщение, 2014 г.), редкость костей E. caballus является общей чертой периодов, следующих за поздним бронзовым веком. Это относится и к памятникам, где коневодство подтверждено письменными источниками. Фаунистические остатки принадлежат лишь тем животным, туши которых разделывались на поселении. Отсутствие лошадиных костей может указывать на то, что конину не употребляли в пищу и скелеты лошадей могут находиться вне памятника. Если лошадей выгоняли на пастбища, то, очевидно, их останки ищут не там, где нужно.

Список литературы

Энеолит СССР / ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. – М.: Наука, 1982. – 360 с. – (Археология СССР).

Akkermans P.M.M.G., Schwartz G.M. The archaeology of Syria from complex hunter-gatherers to early urban society, ca. 16,000–300 BC. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. – 485 p.

Alhaique F. Appendix A: faunal remains // Khirbet al-Batrawy II: The EB II city-gate, the EB II–III fortifications, the EB II–III temple: Preliminary report of the second (2006) and third (2007) seasons of excavations / ed. L. Nigro. – Rome, 2008. – P. 327–358. – (Studies on the Archaeology of Palestine & Transjordan; vol. 6).

Anthony D.W. The horse, the wheel, and language: how Bronze-Age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2007. – 568 p.

Anthony D.W., Brown D.R. Looking a gift horse in the mouth: identification of the earliest bitted equids and the microscopic analysis of wear // Early Animal Domestication and its Cultural Context / eds. P.J. Crabtree, D.V. Campana, K. Ryan. – Philadelphia: The Museum Applied Science Center for Archaeology, 1989. – P. 99–116.

Anthony D.W., Brown D.R. The origin of horseback riding // Antiquity. – 1991. – Vol. 65, N 246. – P. 22–38.

Anthony D.W., Brown D.R. The secondary products revolution, horse-riding and mounted warfare // J. of World Prehistory. – 2011. – Vol. 24, N 2. – P. 131–160.

Arbuckle B.S. Zooarchaeology at Kösk Höyük // Kazı Sonuçları Toplantısı. – 2007. – Vol. 29, N 2. – P. 124–136.

Arbuckle B.S. Chalcolithic caprines, Dark Age dairy, and Byzantine beef: a first look at animal exploitation at Middle and Late Holocene Çadır Höyük, north central turkey // Anatolica. – 2009. – Vol. 35. – P. 179–224.

Badjalan R.S., Edens C., Gorny R., Kohl P.L., Stronach D., Tonikjan A.V., Hamayakjan S., Mandrikjan S., Zardarjan M. Preliminary report on the 1992 excavations at Horom, Armenia // Iran. – 1993. – Vol. 31. – P. 1–24.

Badjalan R.S., Edens C., Kohl P.L., Tonikjan A.V. Archaeological investigations at Horom in the Shirak Plain of north-western Armenia, 1990 // Iran. – 1992. – Vol. 30. – P. 31–48.

Badjalan R.S., Kohl P., Stronach D., Tonikjan A.V. Preliminary report on the 1993 excavations at Horom, Armenia // Iran. – 1994. – Vol. 32. – P. 1–30.

Berthon R., Mashkour M. Animal remains from Tilbeşar excavations, southeast Anatolia, Turkey // Anatolia Antiqua. – 2008. – Vol. 16. – P. 23–51.

Bökönyi S. Horse remains from the prehistoric site of Surkotada, Kutch, late 3rd millennium B.C. // South Asian Studies. – 1997. – Vol. 13. N 1. – P. 297–307.

Brown D.R., Anthony D.W. Bit wear, horseback riding, and the Botai site in Kazakstan // J. of Archaeol. Sci. – 1998. – Vol. 25, N 4. – P. 331–347.

Burney C.A., Lang D.M. The peoples of the hills: ancient Ararat and Caucasus. – N. Y.: Praeger, 1971. – 323 p.

Carruthers D. Hunting and herding in central Anatolian prehistory: the 9th and 7th millennium site at Pinar-başi // Archaeozoology of the Near East VI: Proc. of the sixth intern. symp. on the archaeozoology of southwestern Asia and adjacent areas. – Groningen, 2004. – P. 85–95. – (Arc Publicaties; vol. 63).

Carruthers D. Bone Ref# 116 (Animal Bone) // Pinarbaşi 1994: Animal Bones / ed. D. Carruthers (Released: 2013-03-05); Open Context. – URL: http://opencontext.org/subjects/TESTPA0000003982 (Viewed 01.05.2014).

Clutton-Brock J. The Buhen horse // J. of Archaeol. Science. – 1974. – Vol. 1, N 1. – P. 89–100.

Clutton-Brock J., Burleigh R. Notes on the osteology of the Arab Horse with reference to a skeleton collected in Egypt by Sir Flinders Petrie // Bull. of the British Museum of Natural History (Zoology). – 1979. – Vol. 35. – P. 127–200.

Cope C.R. The fauna: preliminary results. The Tel Bet Yerah Excavations, 1994–1995 / ed. N. Getzov. – Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2006. – P. 169–174.

Davis S. Mammal bones from the Early Bronze Age city of Arad, northern Negev, Israel: some implications concerning human exploitation // J. of Archaeol. Sci. – 1976. – Vol. 3, N 2. – P. 153–164.

Davis S.J. Late Pleistocene and Holocene equid remains from Israel // Zool. J. of the Linnean Soc. – 1980. – Vol. 70. – P. 89–312.

Driesch A., von den. Faunal remains from Habuba Kabira in Syria // Archaeozoology of the Near East: proc. of the first intern. symp. on the archaeozoology of southwestern Asia and adjacent areas / eds. H. Buitenhuis, A.T. Clayson. – Leiden: Universal Book Services, 1993. – P. 52–59.

Edwards Y.H., Martin L. Animal bones and archaeozoological analysis // Wadi Hammeh 27, an early Natufian settlement at Pella in Jordan / ed. P.C. Edwards. – Boston: Leiden, 2013. – P. 321–352.

El-Shiyab A.H. Faunal remains from "Ain Rahub" // The Prehistory of Jordan, II: Perspectives from 1997/eds. H.G.K. Gebel, Z. Kafafi, G.O. Rollefson. – B.: Ex oriente, 1997. – P. 593–600.

Emery W.B. A preliminary report on the excavations of the Egypt Exploration Society at Buhen, 1958–1959 // Kush. – 1960. – Vol. 8. – P. 7–10.

Fazeli H., Wong E.H., Potts D.T. The Qazvin Plain revisited: a reappraisal of the chronology of the northwestern Central Plateau, Iran, the 6th to 4th millennium B.C. // Ancient Near Eastern Studies. – 2005. – Vol. 42. – P. 3–82.

Gilbert A.S. Urban taphonomy of mammalian remains from Bronze Age of Godin Tepe, western Iran: PhD thesis. Columbia Univ. – Ann Arbor, 1979. – XVII, 448 p.: ill.

Gilbert A.S. Equid remains from Godin Tepe, western Iran: an interim summary and interpretation, with notes on the introduction of the horse into Southwest Asia // Equids in the Ancient World/eds. R.H. Meadow, H.P. Uerpmann. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verl., 1991. – Vol. 2. – P. 75–122.

Golani A. The Early Bronze Age site of Ashqelon, Afridar – Area M // 'Atiqot. – 2008. – Vol. 60. – P. 19–51.

Grigson C. The earliest domestic horses in the Levant? – new finds from the fourth millennium of the Negev // J. of Archaeol. Sci. – 1993. – Vol. 20, N 6. – P. 645–655.

Hellwing S. Faunal remains // Aphek-Antipatris I: Excavation of Areas A and B, the 1972–1976 Seasons / eds. M. Kochavi, P. Beck, E. Yadin. – Tel Aviv: The Emery and Claire Yass Publ. in Archaeol., 2000. – P. 293–314.

Hellwing S., Feig N. Animal bones // Excavations at Tel Michal Israel / eds. Z. Herzog, G.R. Rapp Jr., O. Negbi. – Minneapolis: The Univ. of Minnesota Press, 1989. – P. 236–247.

Hellwing S., Sadeh M., Kishon V. Faunal remains // Shiloh, the Archaeology of a Biblical Site / eds. I. Finkelstein, S. Bunimovitz, Z. Lederman. – Tel Aviv: Tel Aviv Univ., 1993. – P. 309–350.

Herzog Z., Negbi O., Moshkowitz S. Excavations at Tel Michal, 1977 // J. of Tel Aviv Univ. Inst. of Archaeol. – 1978. – Vol. 5. – P. 99–130.

Herzog Z., Rapp G., Jr., Muhly J.D. Introduction // Excavations at Tel Michal, Israel / eds. Z. Herzog, G.R. Rapp Jr., O. Negbi. – Minneapolis: The Univ. of Minnesota Press, 1989. – P. 3–9.

Horwitz L.K. Faunal remains from Late Chalcolithic – Bronze Age dwelling and burial caves at Shoham (North), Lod Valley // 'Atiqot. – 2007. – Vol. 55. – P. 1–16.

Horwitz L.K., Rosen S.A., Bocquentin F. A Late Neolithic equid offering from the mortuary-cult site of Ramat Saharonim in the central Negev // J. of the Israel Prehistoric Soc. – 2011. – Vol. 41. – P. 71–81.

Ilan D. Household gleanings from Iron I Tel Dan // Household Archaeology in Ancient Israel and Beyond / eds. A. Yasur-Landau, J.R. Ebeling, L.B. Mazow. – Leiden: Brill, 2011. – P. 133–154.

Kansa S.W. Animal exploitation at Early Bronze Age Ashqelon, Afridar: what the bones tell us – initial analysis of the animal bones from Areas E, F and G //'Atiqot. – 2004. – Vol. 45. – P. 279–297.

Köhler-Rollefson I. The Animal Bones // Excavations at Tawilan in Southern Jordan / eds. C.M. Bennett, P. Bienkowski. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. – P. 97–100.

Kuhrt A. The Ancient Near East: c. 3000–330 BC. – L.: Routledge, 1995. – 782 p.

Kuznetsov P.F. The emergence of Bronze Age chariots in eastern Europe // Antiquity. – 2006. – Vol. 80. – P. 638–645.

Lernau H. Faunal remains, Strata III–I // Early Arad, the Chalcolithic Settlement and Early Bronze City, I: First–Fifth Seasons of Excavation, 1962–1966 / eds. R. Amiran, U. Paran, Y. Shiloh, R. Brown, Y. Tsafrir, A. Ben-Tor. – Jerusalem: Israel Exploration Soc., 1978. – P. 83–113.

Levine M.A. Botai and the origins of horse domestication // J. of Anthropol. Archaeol. – 1999. – Vol. 18, N 1. – P. 29–78.

Levy T.E., Alon D., Grigson C., Holl A., Goldberg P., Rowan Y., Smith P. Subterranean Negev settlement // Nat. Geographic Research. – 1991. – November. – P. 394–413.

Lev-Tov J.S.E. A preliminary report on the Late Bronze Age and Iron Age faunal assemblages from Tell es-Safi/Gath // Tell es-Safi/Gath I: The 1996–2005 Seasons / ed. A.M. Maeir. – Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2012. – P. 594–596.

Mallory J.P. In search of the Indo-Europeans: language, archaeology and myth. – N. Y.: Thames and Hudson, 1989. – 288 p.

Martin L. 11392.X14 (Animal Bone) // Çatalhöyük Zooarchaeology / ed. D. Orton (Released: 2013-02-14); Open Context. – URL: http://opencontext.org/subjects/193552A8-5A02-4A1A-E535-C71F5047B2B1 (Viewed 01.05.2014).

Martin L., Russell N., Carruthers D. Animal remains from the Central Anatolian Neolithic // The Neolithic of Central Anatolia: internal developments and external relations during the 9th–6th millennia cal BC / eds. F. Gérard, L. Thissen. – Istanbul: Ege Yayınları, 2002. – P. 193–216.

Mashkour M. Equids in the northern part of the Iranian central plateau from the Neolithic to Iron Age: nev zoogeographic evidence // Prehistoric steppe adaptation and the horse / eds. M. Levine, C. Renfrew, K. Boyle. – Cambridge: McDonald Inst. for Archaeol. Res., 2003. – P. 129–138.

McGrew P.O. An early Pleistocene (Blancan) fauna from Nebraska // Field Museum of Natural History Chicago Geological ser. – 1944. – Vol. 9. – P. 33–69.

Moortgat A. Tell Chuera in Nordost-Syrien: Bericht über die vierte Grabungskampagne 1963. – Köln, Opladen: Westdeutscher Verl., 1965. – 88 S. – (WAAF; Bd. 31).

Nigro L. Khirbet al-Batrawy: an Early Bronze Age city at the fringes of the desert // Syria. – 2013. – Vol. 90. – P. 189–209.

Olsen S.L. The exploitation of horses at Botai, Kazakhstan // Prehistoric steppe adaptation and the horse / eds. M. Levine,

C. Renfrew, K. Boyle. – Cambridge: McDonald Inst. for Archaeol. Res., 2003. – P. 83–104.

Oren E. Tel Sera' (Tell esh-Shari'a) // Israel Exploration J. – 1972. – Vol. 22. – P. 167–169.

Orlando L., Metcalf J.L., Alberdi M.T., Telles-Antunes M., Bonjean D., Otte M., Martin F., Eisenmann V., Mashkour M., Morello F., Prado J.L., Salas-Gismondi R., Shockey B.J., Wrinn P., Vasil'ev S.K., Ovodov N.D., Cherry M.I., Hopwood B., Male D., Austin J.J., Hänni C., Cooper A. Revising the recent evolutionary history of equids using ancient DNA // Proc. of the Nat. Acad. of Sci. USA. – 2009. – Vol. 106, N 51. – P. 21754–21759.

Outram A.K., Stear N.A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R.P. The earliest horse harnessing and milking // Science. – 2009. – Vol. 323. – P. 1332–1335.

Öztan A., Özkan S., Erek C.M., Faydali E. Yılı Köşk Höyük kazıları // Kazı Sonuçlari Toplantısi. – 2005. – Vol. 27. – P. 379–392.

Porat N., Rosen S.A., Boaretta E., Avini Y. Dating the Ramat Saharonim Late Neolithic desert cult site // J. of Archaeol. Sci. – 2006. – Vol. 33, N 10. – P. 1341–1355.

Postgate J.N. Early Mesopotamia: society and economy at the dawn of history. – Oxon: Routledge, 1992. – 367 p.

Richardson J.E. An analysis of the faunal assemblages from two Pre-Pottery Neolithic sites in the Wadi Fidan // The Prehistory of Jordan, II: Perspectives from 1997 / eds. H.G.K. Gebel, Z. Kafafi, G.O. Rollefson. – B.: Ex oriente, 1997. – P. 497–510.

Rosen S.A., Bocquentin F., Avni Y., Porat N. Investigations at Ramat Saharonim: a desert Neolithic sacred precint in the Central Negev // Bull. of the Amer. Soc. for Oriental Res. – 2007. – Vol. 346. – P. 1–27.

Sagona A. Anatolia and the Transcaucasus: themes and variations ca. 6400–1500 B.C.E. // The Oxford Handb. of Ancient Anatolia / eds. S.R. Steadmean, G. McMahon. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. – P. 683–703.

Steadman S.R., Ross J.C., McMahon G., Gorny R.L. Excavations on the north-central plateau: the Chalcolithic and Early Bronze Age occupation at Çadir Höyük // Anatolian Studies. – 2008. – Vol. 58. – P. 47–86.

Stiner M.C. The faunas of Hayonim Cave, Israel: a 200 000-year record of Paleolithic diet, demography and society. — Cambridge: Harvard Univ., Peabody Museum Press, 2005. — 368 p. — (Am. School of Prehistoric Res. Bull.; N 48).

Twiss K., Martin L., Pawlowska K., Russell N. Animal bone // Çatalhöyük 2005 Archive Report: Çatalhöyük Research Project. – P. 120–130. – URL: http://www.catalhoyuk.com/archive reports/2005/ar05 21.html (Viewed 22.09.2013).

Vila E. Data on Equids from late fouth and third millennium sites in Northern Syria // Equids in time and space: Papers in honour of Véra Eisenmann / ed. M. Mashkour. – Oxford: Oxbow Books, 2006. – P. 101–123.

Young T.C. Excavations at Godin Tepe: first progress report. – Toronto: Royal Ontario Museum, 1969. – 145 p. – (Art and Archaeology Occasional Paper; N 17).

Материал поступил в редколлегию 23.06.14 г., в окончательном варианте — 25.02.15 г.

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.137-146 УДК 39

И.Р. Атнагулов

Институт истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова пр. Ленина, 114, Магнитогорск, 455038, Россия E-mail: i.atnagulov@mail.ru

НАГАЙБАКИ: ОТ СОСЛОВИЯ К ЭТНОСУ (к вопросу о генезисе идентичности)

Нагайбаки – одна из групп тюркоязычного населения Южного Приуралья, своим происхождением связанная с крещеными татарами Среднего Поволжья, а также чувашами и, возможно, удмуртами и восточными марийцами. Главной причиной ее возникновения было создание в 1730-х гг. Оренбургского казачьего войска и различного рода инородческих казачьих подразделений в регионе. В отличие от калмыков, башкир и мещеряков, составивших самостоятельные войска, сформированные по этническому принципу, казаки-нагайбаки оказались вместе с русскими в составе Оренбургского казачьего войска. В силу ряда обстоятельств, связанных с государственной деятельностью по структурированию населения (христианизация, вхождение в состав казачьего сословия, географическая изоляция от ближайших этнических родственников), произошла трансформация нагайбакской идентичности от конфессиональной (крещеные татары) и сословной (татары-казаки) до собственно этнической (нагайбаки). История становления нагайбаков является наглядным примером того, как государственно-политический фактор влияет на появление новых идентичностей. У нагайбаков выработалось собственное самосознание, особенность которого в его многоуровневой структуре, где присутствуют географическая, конфессиональная и сословная составляющие. Все они отражены в комплексе этномаркирующих признаков феномена нагайбакской идентичности. В новейших публикациях, включая материалы последних двух переписей, из всей этнонимической номенклатуры нагайбаков фиксируется только одно название – «нагайбаки», являющееся, по сути, экзоэтнонимом. В данной статье рассматриваются вопросы формирования нагайбакской идентичности и актуального функционирования всех исторически сложившихся эндо- и экзоэтнонимов данной группы.

Ключевые слова: нагайбаки, этническая идентичность, этнонимы.

I.R. Atnagulov

Institute of History, Philology, and Foreign Languages, Magnitogorsk State Technical University,
Pr. Lenina 114, Magnitogorsk, 455038, Russia
E-mail: i.atnagulov@mail.ru

THE NAGAYBAKS: FROM SOCIAL STRATUM TO ETHNIC GROUP (the origins of ethnic identity)

The Nagaybaks are one of the Turkic-speaking groups of the Southern Urals, related to Christened Tatars of the Middle Volga, to Chuvash, and possibly to Udmurt and eastern Mari. The key factor in their origin was the emergence of Orenburg Cossack Host with a number of native troops in the 1730s. Unlike the Kalmyk, Bashkir, and Misher Tatar troops, which were ethnically homogeneous, the Nagaybaks served alongside Russian Cossacks. Owing to certain circumstances, specifically to the state policy of "organizing" the natives (Christening, recruiting for the Cossack Host, and geographic isolation from closest ethnic relatives), their ethnicity shifted from religious ("Christened Tatars") and social (Tatar Cossacks) to ethic proper (Nagaybaks). This case exemplifies the impact of state policy on the origins of new ethnic groups. Current Nagaybaks ethnicity includes geographic, religious, and social constituents. Recent scholarship and the last two censuses mention just one name, Nagaybaks, which, in essence, is an exoethnonym. This article discusses all exoethnonyms and endoethnonyms of that group.

Keywords: Nagaybaks, ethnic identity, exoethnonyms, endoethnonyms.

Предпосылки появления новой идентичности (политико-административный фактор)

Южное Приуралье в 1730-х гг. – первой трети XIX в., будучи приграничной территорией России, являлось также этнической границей между казахами и башкирами. Особенность этнополитической ситуации в регионе заключалась в том, что отношения между последними были напряженными, это также беспокоило немногочисленное русское население [Рычков, 1762, ч. І, с. 157]. Для наведения государственного порядка и освоения данной территории правительство осуществляло программу по русской колонизации края, для чего была организована Оренбургская экспедиция. Реализовывались две основные задачи: отделение башкир и казахов друг от друга путем строительства линии укреплений и включение казахов Младшего и Среднего Жузов в российское подданство с целью дальнейшего прямого выхода на рынки Средней Азии [Там же, с. 146-148]. Выполнение этих задач сопровождалось строительством крепостей не только по внешней линии, но и во внутренних уездах – вокруг башкирских земель с целью усмирения бунтующих. На Оренбургскую и другие линии переселяли различные группы казаков – русских и крещеных инородцев. Они составляли служилое население вновь основанных крепостей. В формировавшееся Оренбургское казачье войско входили казаки других – яицкого, самарского, уфимского, сибирского, а также прочее население, поверстанное в казачество [Стариков, 1891, с. 75]. Одной из таких групп были т.н. уфимские новокрещеные. В нее входили и старокрещеные казанские татары, которых в 1736 г. определили в казачье сословие и поселили в Нагайбакской крепости, с. Бакалы и ряде окрестных деревень [Рычков, 1762, ч. II, с. 206-208]. В результате данной акции часть этого населения сословно отделилась от остальных соплеменников - крещеных татар, не включенных в казачье сословие. Дальнейшее пребывание в Оренбургском казачьем войске привело к тому, что они оказались, во-первых, в сословной изоляции от ближайших родственников, во-вторых, даже согласно новому административному делению войска, не вошли в состав соединений, состоявших исключительно из тюркского населения - башкир, мещеряков и тептярей. Такая ситуация оказала влияние на развитие самоидентификации нагайбаков.

Генезис, структура и динамика нагайбакских илентичностей

Формирование нагайбаков происходило в процессе сложных этнических контактов в Среднем Поволжье и Восточном Закамье начиная со второй половины XVI в. и до первых десятилетий XIX в. Их этниче-

ским субстратом можно считать тюркоязычную среду, состоявшую в основном из старокрещеных казанских татар – т.н. кряшен. Среди них могли быть ногайцы, служившие в Казани [Исхаков, 1995, с. 6-7]. Одна из основных групп, составивших этнический субстрат нагайбаков, - закамские кряшены - формировалась в Уфимской пров. Казанской губ. с середины XVII в., когда была проведена Закамская линия (1652–1656 гг.) [Там же, с. 12]. Переселение сюда предков нагайбаков шло в общем потоке движения кряшенского населения из Заказанья, Лаишевского и Мамадышского уездов Казанской губ. Среди них были арские служилые татары, которые, вероятно, и имели этнические связи с ногайцами [Там же, с. 7]. Поселившись в Восточном Закамье, они вступали в контакты с местным новокрещеным населением (уфимскими новокрещеными), включавшим как татар, так и другие группы (чувашей, восточных марийцев, закамских удмуртов). Тесные контакты последних с татарами подтверждаются этнографическими материалами (ПМА*, Башкортостан, Бакалинский р-н, 2010 г.). Данные группы можно определить как суперстратный слой в этногенезе нагайбаков. Христианизация этого населения - первый исторический фактор, повлиявший на формирование комплекса этноидентифицирующих признаков будущих нагайбаков. Таким образом, первый период в истории формирования данной группы хронологически соответствует 1552-1736 гг.

Второй период этнической истории нагайбаков был связан с вхождением уфимских новокрещеных в состав казаков. Это событие изменило этническую картину в бассейне р. Ик. Во-первых, в Нагайбакской крепости, с. Бакалы и других близлежащих населенных пунктах произошла консолидация групп кряшенского, чувашского и другого населения на базе казачьего сословия с усвоением общего самоназвания экзогенного происхождения - «казаки» или «старокрещеные татары-казаки» [Исхаков, 1995, с. 9]. Во-вторых, в силу принадлежности к казачьему сословию началось естественное их отдаление от родственного неказачьего населения края, а из опасения мусульманского влияния из нагайбакских населенных пунктов административными мерами были удалены все некрещеные татары [Витевский, 1897, с. 441–442]. В-третьих, в этот подготовленный социум влилось несколько десятков выходцев из Средней Азии, принявших в Оренбурге христианство [Рычков, 1762, ч. І, с. 191–192]. Данный компонент в составе нагайбаков некоторое время был заметен, потому и отмечался наблюдателями [Журнал..., 1770, с. 68-69; Георги, 1776; Записки..., 1821, с. 146-147; Записки..., 1824, с. 260]. Он не повлиял на культуру нагайбаков, но сохранил

^{*}ПМА – полевые материалы автора.

свое присутствие в номенклатуре нагайбакских фамилий [Бектеева, 1902, с. 166]. До 1843 г. этот полиэтничный конгломерат, возможно, и не гомогенизировался полностью, однако обрел общее сословное самосознание, а также единый язык и культуру, унаследованные от местного кряшенского субстрата. Весьма вероятно, что параллельно с названиями «казаки», «старокрещеные татары-казаки» (табл. 1) использовалось обозначение «нагайбаки» [Даль, 2000, с. 23 (статья «Армяк»)]. Во всяком случае, в 1843 г. в Южное Зауралье они прибыли как «казаки-нагайбаки» или просто «нагайбаки» [Небольсин, 1852, с. 21]. Главное событие второго периода - переход в казачье сословие - определило на будущее еще один этноидентифицирующий признак. Нагайбакские казаки в это время по социальному статусу были сословной группой в составе кряшен Восточного Закамья.

Образование Новолинейного р-на в 1830-х гг. явилось завершающим актом казачьей колонизации Южного Приуралья — освоения его зауральской части. Это изменило ландшафт и этнический состав населения края. Русские, нагайбаки и калмыки — три основных этноса, составившие казачье население региона [Правила..., 1843, с. 34–39] (табл. 2), а из неказачьего самый заметный — казахи. Здесь нагайбаки создали три относительно изолированные географические группы — троицкую, верхнеуральскую и оренбургскоорскую. Из них к началу XX в. нагайбакскую идентичность сохранили две первые. Верхнеуральская оказалась наиболее крупной и к началу XXI в. имела численность примерно на прежнем уровне.

Верхнеуральские нагайбаки в XIX в. основали шесть почти моноэтничных поселков. Это позволило им сохранить этническое своеобразие. В то же

Таблица 1. Этносословные группы в населенных пунктах нагайбаков (1795 г.)*

Нооополиций пулькт	OTHER CONTROL IN CONTROL	Числе	нность
Населенный пункт	Этносословные группы	Мужчины	Женщины
Нагайбакская крепость	Казаки	139	122
	Отставные солдаты, помещичьи крестьяне, ясачные новокрещеные татары и тептяри	146	150
Бакалы	Старокрещеные татары-казаки	148	160
	Тептяри, ясачные крестьяне, приписанные к заводу, и церковнослужители	64	58
Старое Костеево	Старокрещеные татары-казаки	66	120
Шершелы	Крещеные казаки	137	179
	Ясачные крестьяне, приписанные к заводу	72	49
Балыклы	Татары-казаки	60	63
	Ясачные тептяри, ясачные крестьяне, приписанные к заводу	36	24
Старые Маты	Татары-казаки	81	53
	Новокрещеные тептяри	19	11
Старое Килеево	Старокрещеные татары-казаки	110	136
Старое Умерово	То же	88	95
Новое Умерово	Старокрещеные татары, ранее приписанные к Петровскому заводу	63	46
	Ясачные татары	64	58
Старое Зияшево	Старокрещеные татары-казаки	179	233
Новое Юзеево	То же	70	71
	Старокрещеные ясачные татары, старокрещеные татары-тептяри, ясачные тептяри	107	126
Старые Усы	Старокрещеные татары-казаки	13	44
Ахманово	То же	74	65
	Старокрещеные татары-бобыли, ясачные крестьяне	20	7
Старое Иликово	Старокрещеные татары-казаки	141	125
Bceso**		1 897	1 995

^{*}Составлено по: [Исхаков, 1995, с. 9].

^{**}Подсчитано нами.

Таблица 2. Сословно-этнический	состав
нагайбакских станиц в 1843	г.*

Станица	Калмыки	Русские	Нагай- баки	Всего
Кассель	29	_	200	229
Остроленка	19	_	200	219
Фершампенуаз	_	_	350	350
Париж	32	_	300	332
Требия	_	_	200	200
Арси	95	205	_	300
Куликовская	41	167	_	208

^{*}Составлено по: [Правила..., 1843, с. 34-37].

Таблица 3. Три наиболее многочисленных этноса Нагайбакского р-на по данным переписи населения 2002 г.*

Этнос**	Населенный пункт	Числен- ность
Русские	Фершампенуаз, с.	1 951
(10 239 чел.)	Арсинский, пос.	1 066
	Северный, пос.	612
	Нагайбакский, пос.	589
	Гумбейский, пос.	547
	Прочие	5 474
Нагайбаки	Париж, с.	1 676
(7 394 чел.)	Остроленка, с.	1 621
	Фершампенуаз, с.	1 552
	Кассель, с.	918
	Астафьевский, пос.	252
	Кужебаевский, пос.	181
	Требиятский, пос.	138
	Чернореченский, пос.	84
	Подгорный, пос.	72
	Прочие	900
Казахи	Арасламбаевский, пос.	327
(3 445 чел.)	Кужебаевский, пос.	181
	Придорожный, пос.	147
	Куропаткинский, пос.	142
	Подгорный, пос.	137
	Петровский, пос.	136
	Совхозный, пос.	128
	Прочие	2 247

^{*}Рассчитано по: [Всероссийская перепись населения 2002 г., табл. 2].

время они вступили в контакты с русскими из соседних станиц [Бектеева, 1902, с. 166], что усилило тягу к православному христианству. Этому способствовало и административное деление казачьих земель, в соответствии с которым все нагайбакские поселки подчинялись разным русским станицам. Другими соседями стали казахи, с ними нагайбаки также вступали в контакты [Там же]. И наконец, в селах Париж и Фершампенуаз были поселены калмыки бывшего Ставропольского казачьего войска [Правила..., 1843, с. 34]. Незначительная их часть была ассимилирована нагайбаками (ПМА, с. Париж), а остальные в 1920-х гг. переселились в Нижнее Поволжье.

К началу 1930-х гг. в Нагайбакском р-не сложилась сеть населенных пунктов, которые по этническому признаку можно разделить на три группы — нагайбакские, русские и казахские (табл. 3). Именно к этому времени фактор географической изоляции от татар и нахождения среди русских оказал решающее воздействие на формирование новой идентичности. Развитие данной части фундамента идентичности происходило одновременно с дальнейшими изменениями этнической культуры.

Становление нагайбаков в XX – начале XXI в. шло в условиях промышленного и сельскохозяйственного освоения региона. В связи с этим необходимо отметить следующие факторы формирования нагайбакской идентичности. Во-первых, утратив сословный статус, нагайбаки почти сразу обрели новый – были признаны государством как этнос, что и зафиксировано в 1926 г. [Список..., 1928, с. 38–42]. Во-вторых, в результате административной реформы нагайбакские поселения перешли из подчинения Оренбургской в состав Челябинской губ., затем Уральской обл., а в 1927 г. в составе Троицкого окр. этой области был создан Нагайбакский р-н. В-третьих, в связи с освоением целины изменился этнический состав населения: рядом с нагайбакскими появились поселки, основанные переселенцами из европейской части России. Особенностью этнической ситуации в районе стало то, что нагайбаки оказались в некотором роде связующим культурным звеном между тюрками (казахами) и славянами (русскими), т.е. создалась ситуация этнического симбиоза.

В Нагайбакском р-не в 2002 г. проживало 7 394 нагайбака (табл. 3), что составляет 78 и 74 % от их численности в Челябинской обл. и России соответственно*. Примерно такая же картина, при небольшом снижении численности нагайбаков как в Нагайбакском р-не, так и по России в целом, сохранилась и в 2010 г.** Нагайбаки бывшего Троицкого уезда вошли в состав

^{**}Указана численность в районе, включая пгт Южный.

^{*}Подсчитано по: [Всероссийская перепись населения $2002 \, \mathrm{r.}$].

^{**}Подсчитано по: [Всероссийская перепись населения 2010 г.].

в основном Чебаркульского р-на. Жители Нагайбакского р-на собственную этническую идентичность транслируют более выраженно, чем Чебаркульского, используя несколько отличную этнонимическую номенклатуру. Например, чаще употребляется этноним «нагайбаки», а обозначение «русские» в качестве эндоэтнонима недопустимо, что не характерно для чебаркульской группы, где ассимиляционные процессы проявились сильнее (ПМА, с. Фершампенуаз, д. Попово, 2014 г.).

Нагайбаки бывшего Верхнеуральского уезда, оказавшись с 1927 г. в одном административном районе, названном в соответствии с официально утвержденным этнонимом, получили возможность сохранения этнической идентичности. Несмотря на запрет использования этнонима «нагайбаки» в документах с конца 1930-х гг., групповое единство оставалось и, вероятно, со временем усиливалось. Запретив употребление этнонима, власть почему-то не изменила название района, что также повлияло на сохранение этнического самосознания. К началу 1990-х гг. оказалось, что группа «крещеных татар» Челябинской обл. не приемлет татарскую идентичность, в связи с чем впервые после 1926 г. вопрос был поднят вновь в общественно-политической и научной сферах. По нашему мнению, продолжительное пребывание нагайбаков в составе национально-административного образования явилось дополнительным существенным фактором, повлиявшим на этническую самоидентификацию. Следует признать наличие еще одного этноидентифицирующего признака нагайбаков - ощущения этнической родины, очерченной вполне конкретными административными границами.

Трансформации материальной культуры и современное этническое самосознание

В процессе исследования нагайбакской идентичности привлекались этнографические материалы, от-

ражающие хозяйство, жилища, одежду и систему питания. Изучение материальной культуры нагайбаков проводилось в основном по ее состоянию на вторую половину XIX – начало XX в. [Атнагулов, 2007а]. Этот хронологический промежуток является наиболее удобным для исследования архаичных пластов, поскольку именно тогда российская этнографическая литература переживала подъем, сопровождавшийся множеством публикаций на хорошей научной основе, развивалось музейное дело. Результаты, полученные в то время, позволяют реконструировать материальную культуру более ранних периодов. Вместе с тем увлеченность некоторых современных коллег этнографией тех лет без учета изменений, произошедших за последнее столетие, приводит к ошибочным выводам. Появляются заключения, в которых элементы народной культуры систематизируются по состоянию на вторую половину XIX в., но при этом предлагаются выводы по этнической характеристике изучаемой группы применительно к настоящему времени.

Источниковая база, использованная при изучении материальной культуры второй половины XIX — начала XX в., основывается на литературных материалах, архивных данных и музейных коллекциях. Инновационные изменения, произошедшие за последние примерно 100 лет, наблюдались непосредственно или зафиксированы со слов информаторов.

Хозяйство нагайбаков к началу XX в. сложилось в виде земледельческо-животноводческого комплекса с преобладанием пашенного земледелия и развитым пастбищно-стойловым скотоводством [Там же, с. 164]. В конце XX — начале XXI в. отмечается заметная дифференциация населения по профессиональной принадлежности и занятости (табл. 4). Это связано с повышением общего уровня образования и возможностей профессиональной подготовки (табл. 5), увеличением численности состоящих на государственной службе, работающих в области образования, культуры, сферы обслуживания, торговли и т.п.

Таблица 4. Социально-профессиональная с	структура нагайбаков в трех селах
Челябинской об	бл %*

Социально-профессио-	Остро	ленка	Ферша	мпенуаз	Па	риж
нальная группа	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Учащиеся	12	18	17	16,5	17	23
Рабочие	60	17,5	42,5	15,5	45	11
Служащие	12	32	20	40	13	22
Пенсионеры	8	11,5	11	16	22	35
Работающие в частном секторе, домохозяйки	8	21	9,5	12	3	9

^{*}Составлено по ПМА, с. Остроленка, 2005 г., с. Фершампенуаз, 2007 г., с. Париж, 2006 г.

Vacaciii ofaccarciiid	Остро	ленка	Фершаг	ипенуаз	Па	жис
Уровень образования	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Неграмотные	0	1	4	4	0	1
Малограмотные	2,5	2	6	8	4	2
Начальное	4,5	5,5	6,5	6,5	13	21
Неоконченное среднее	18	19	13	16	16	24
Среднее общее	33	22	22	17	16	14
Среднее специальное	26,5	32	22	27,5	42	25
Неоконченное высшее	5,5	4,5	9,5	5,5	4	6
Высшее	10	14	17	15,5	5	7

Таблица 5. Уровень образования нагайбаков в трех селах Челябинской обл., %*

Материальная культура нагайбаков по мере своего развития подвергалась неизбежным изменениям. Они касались всех аспектов, но, по-видимому, в разной степени. Из рассмотренных разновидностей материальной культуры наиболее консервативной является система питания. За прошедшее столетие ее основа, определяющаяся соотношением пищи животного и растительного происхождения, соразмерностью использования в растительном сегменте зернового и садово-огородного сырья, номенклатурой обязательных празднично-ритуальных блюд и т.п., принципиальных изменений не претерпела. Инновации коснулись ассортимента употребляемых продуктов, который несколько расширился, преимущественно за счет товаров, приобретенных в магазинах, и некоторых способов термической обработки повседневной и праздничной пищи. Ритуальная кухня в основном продолжает сохранять исторически сложившийся регламент (ПМА, с. Остроленка, 2000 г.) [Там же, с. 150-152].

На втором месте по степени сохранения традиций в материальной культуре находится строительство. Еще в конце 1990-х – начале 2000-х гг. постройки нагайбакских сел в подавляющем большинстве по своим конструктивным особенностям и строительным материалам соответствовали сооружениям конца XIX – начала XX в. [Атнагулов, 2004]. Изменения касались в основном кровли, некоторых элементов внешнего оформления, внутреннего убранства и др. (ПМА, села Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Кассель, Требия, 1998–2001 гг.) [Атнагулов, 2007а, с. 117–119]. В течение последнего десятилетия появились дома из кирпича и шлакоблока с применением современных отделочных материалов. Многие срубные дома обкладываются кирпичом, обшиваются различными видами сайдинга, устанавливаются пластиковые стеклопакеты и т.п. В соответствии с материальным достатком изменяется и внутреннее убранство домов. В с. Париж исчезают хозяйственные постройки из природного камня. Неизменными остаются планировки усадьбы и жилого помещения, которое может увеличиваться за счет пристроек (ПМА, села Фершампенуаз, Париж, 2014 г.).

Наибольшую модернизацию претерпела одежда. Еще чуть более 100 лет назад женский комплекс оставался локальным вариантом кряшенского. Он сформировался в Восточном Закамье, где имел общерегиональные черты, а в начале XX в. вышел из употребления [Там же, с. 137]. Повседневная и праздничная одежда на протяжении XX в., как и у большинства населения страны, развивалась под влиянием продукции отечественной и зарубежной легкой промышленности.

Материальная культура нагайбаков и в предыдущие времена, несомненно, находилась в состоянии непрерывной трансформации, ибо это закономерно. До 1842 г. она формировалась на базе кряшенской. Затем до начала XX в. инерция сохранялась, но русское влияние уже усиливалось. В течение прошлого столетия динамика изменений в материальной культуре нагайбаков стала еще более интенсивной.

Общественно-политические реалии XX в. не только не смогли ликвидировать этническое самосознание нагайбаков, но и способствовали его сохранению, а затем и возрождению в конце 1980-х гг. Об уровне этнического самосознания в постсоветский период говорит состояние различных элементов традиционной культуры, диагностика и мониторинг которых были проведены в 2000-х гг. [Атнагулов, 2006, 2007б]. Резюмируя все результаты анкетирования, предлагаем некоторые тезисы по данному вопросу.

Во-первых, степень сохранности основных элементов традиционной культуры нагайбаков велика в старших возрастных группах (выше 60 лет) и снижается с каждой нисходящей. Например, по пунктам «использование родного языка» (табл. 6) и «принадлежность к православию» (табл. 7) в средних и младших возрастных группах количество положительных

^{*}См. примеч. к табл. 4.

 $\it Tаблица~6.$ Использование нагайбаками родного и русского языков в различных ситуациях, $\%^*$

	Острол	тенка (<i>N</i> = 59	98 чел.)	Фершамі	пенуаз (N =	792 чел.)	Парі	иж (<i>N</i> = 752 ч	чел.)
Общение	Преиму- щественно нагайбак- ский	Нагайбак- ский и русский	Преиму- щественно русский	Преиму- щественно нагайбак- ский	Нагайбак- ский и русский	Преиму- щественно русский	Преиму- щественно нагайбак- ский	Нагайбак- ский и русский	Преиму- щественно русский
С родителями	24	48	28	9,5	42	48	56	19	25
С супругами	19	49	32	9	41	50	50	36	14
С братьями, сестрами	15	54	31	15	39	46	37	32	31
С детьми	15	47	38	13,5	48,5	38	22	17	61
С друзьями	11,5	60	28,5	2,5	44,5	53	30	27	43
На работе	9	53	38	0	43	57	32	25,5	42,5

^{*}См. примеч. к табл. 4.

Таблица 7. Религиозная ситуация у нагайбаков в трех селах Челябинской обл., %*

Возрастная группа	Остроленка			Фершампенуаз			Париж		
	Атеисты	Право- славные	Колеблю- щиеся	Атеисты	Право- славные	Колеблю- щиеся	Атеисты	Право- славные	Колеблю- щиеся
70 и старше	27,5	72,5	0	26	66,5	7,5	52	35,5	12,5
60–69	18	68	14	29	55,5	15,5	47	50,5	2,5
50–59	22	71	7	26	52,5	21,5	57	41	2
40–49	27,5	66	6,5	20,5	56,5	23	57	43	0
30–39	23	70	7	22	64,5	13,5	44,5	55,5	0
20–29	16	75	9	16	73	11	51,5	48,5	0
10–19	13	79,5	7,5	13	70	17	32	68	0
До 10	12,5	87,5	0	0	100	0	0	100	0

^{*}См. примеч. к табл. 4.

ответов в разных населенных пунктах составляет 50 % и менее [Там же]. Во-вторых, отмечается наибольшая приверженность к традиционной культуре в с. Париж, где процент нагайбаков самый высокий, и наименьшая в с. Фершампенуаз со смешанным этническим составом населения. В-третьих, несмотря на стремительную утрату ряда этноидентифицирующих черт на протяжении XX в., нагайбаки сумели сохранить этническое самосознание, формировавшееся на базе как минимум двух определяющих факторов - сословной и конфессиональной принадлежности. В настоящее время первый из них утрачен, а второй не может быть маркером этнической идентичности, поскольку большинство окружающего нагайбаков населения исповедует ту же самую религию. В-четвертых, уместна постановка вопроса: какие культурные факторы реально подкрепляют этническое самосознание нагайбаков? Согласно полевым данным, необходимо выделить следующие важные признаки их этнической идентичности: осознание кровнородственных связей с представителями своего народа (даже если человек

живет за пределами района и не имеет ближайших родственников в нагайбакских селениях, он должен знать (и, как правило, знает), откуда его предки), владение в любой степени нагайбакским языком (хотя бы на уровне понятий и терминов), знание основных элементов этнической культуры и осведомленность в общественных событиях в жизни народа.

Кряшены и нагайбаки в течение последних десятилетий стали объектом внимания со стороны ученых, политиков и общественных деятелей. Интерес вызван решением вопроса об их этнической принадлежности. Отмечаются две позиции, согласно которым кряшены и нагайбаки являются либо отдельными этносами, либо составной частью татар Волго-Уральского региона. Аргументами сторонников первой версии служат религиозные и сословные отличия, ряд культурных особенностей, выраженное самосознание, собственная этнонимическая номенклатура. Основания для второй точки зрения — общая языковая принадлежность, единые этнические корни и ряд общетатарских черт культуры.

Самоидентификация нагайбаков - это позиционирование своей группы как отдельного народа с использованием этнонимов «керэшеннэр» и «нагайбаки». У кассельцев и остроленцев сохранились со времен Восточного Закамья этниконы «килий» и «сарашлы» соответственно, а в других селах сложились новые согласно современной топонимии – «фершамка», «парижлар», «требий», «астапый» (ПМА, Нагайбакский р-н). Чебаркульские нагайбаки также имеют локальные самоназвания, соответствующие местным топонимам, - «поповцы», «варламовцы» и т.п. Кроме того, у них существует еще один общеупотребительный эндоэтноним – «бакалы» (ПМА, Чебаркульский р-н), который изначально относится к локальным самоназваниям того же страта, что и подобные у верхнеуральской группы – «килий» и «сарашлы», ибо генетически они восходят к этниконам нагайбаков Восточного Закамья. Сейчас «бакалы» можно считать сформировавшимся самоназванием чебаркульской группы. Таким образом, общим эндоэтнонимом нагайбаков является «керэшеннэр», употребляемый как внутри групп, так и в общении с остальным татароязычным населением. Экзоэтноним «нагайбаки» используется при общении с представителями других народов, не говорящих по-татарски. У чебаркульской группы, несмотря на меньшую численность по сравнению с верхнеуральской, этнонимическая номенклатура более сложная, поскольку включает помимо кряшенского и нагайбакского еще бакалинский и русский уровни самоидентификации.

Периодизация становления нагайбакской идентичности и основные выводы исследования

История формирования нагайбакской идентичности делится на три периода. Первый - с 1552 по 1736 г., когда на территории Казанской губ. происходили этнокультурные процессы, в результате которых возникли группы крещеного инородческого населения. Во многом они были еще связаны с казанскими татарами, что отражалось в языке и различных аспектах жизнедеятельности. По мере усиления влияния православия, культурная доминанта смещалась в сторону сближения с русскими. Проявлялось это везде по-разному, но суть трансформаций была одна. В итоге сформировался ряд территориальных групп инородческого христианизированного населения, обозначавшего себя конфессионимом «керэшеннэр», т.е. «крещеные». Вероятно, изначально среди них были различные этнические группы, но поскольку татарский компонент доминировал, то и языком общения стал татарский. Элементы материальной культуры настолько гибки, что сложилось несколько локальных вариантов кряшенской культуры в зависимости от этнического окружения. В данный период формирования идентичности нагайбаков считаем важнейшим факт христианизации их предков и усвоения этноконфессионима «керэшеннэр».

Второй период – с 1736 по 1843 г. Уфимская пров. в 1730-х гг. являлась восточной периферией расселения кряшен, где сложилась локальная группа – «уфимские новокрещеные». Среди них было немало и старокрещеных [Рычков, 1762, ч. II, с. 206-208] казанских татар, переселенных сюда в связи со строительством Новой Закамской линии. В 1736 г. их перевели из ясачных в казаки и поселили в построенной в том же году Нагайбакской крепости, с. Бакалы и ряде окрестных деревень. Это второй важнейший факт в формировании этнического самосознания нагайбаков. Татарыказаки Нагайбакской крепости и округи постепенно отдалялись от соплеменников-неказаков. Для большего укрепления их в православии из этого региона выселили всех мусульман. В конце XVIII в., когда была проведена административная реформа Оренбургского казачьего войска, нагайбаки оказались в одних кантонах с казаками-русскими, в то время как другие инородческие группы казаков (башкиры, мещеряки и тептяри) были организованы в собственные войсковые подразделения [Асфандияров, 2005, с. 20]. Это, безусловно, повлияло на дальнейшее развитие нагайбакской идентичности.

К началу 1840-х гг. на территории Белебеевского уезда Уфимской губ. в станицах Нагайбакской, Бакалинской и др. в составе местных кряшен окончательно сформировалась сословная группа казаков. В качестве эндоэтнонима продолжал использоваться общий для всех крещеных татар конфессионим «керэшеннэр». Вероятно, такая же ситуация была и в первой половине XIX в., поскольку названия «нагайбацкие казаки» и «казаки-нагайбаки» являлись экзогенными и воспринимались как русское обозначение. Итогом второго периода стало формирование у нагайбаков двухуровневого самосознания: этноконфессионального («керэшеннэр») и этносословного («казаки-нагайбаки»).

Третий период начался с 1843 г. и продолжается в настоящее время. В первую очередь здесь следует сказать о перемещениях нагайбаков и их последствиях. По плану войскового командования, всех казаков-нагайбаков переселили в три района новой дислокации: 1) Троицкий, 2) Верхнеуральский, 3) Оренбургский и Орский уезды [Бектеева, 1902, с. 180]. В последнем они были ассимилированы татарами-мусульманами [Там же, с. 180–181]. В Троицком и Верхнеуральском уездах новыми соседями нагайбаков стали русские и казахи. Здесь сложилась ситуация, которая повлияла на дальнейшее формирование нагайбакской идентичности. Нагайбаки Верхнеуральско-

го уезда расселились в пяти поселках с почти моноэтничным (кроме небольшого числа калмыков) населением. Это позволило им сохраниться как целостной этнокультурной единице. В то же время, согласно административному делению, нагайбакские поселки подчинялись разным станицам с русским населением, что способствовало интенсификации нагайбакскорусских контактов.

Во второй половине XIX – начале XX в. объект нашего исследования уже постоянно обозначается как «нагайбаки» [Небольсин, 1852, с. 21; Витевский, 1897, с. 439; Бектеева, 1902, с. 165; и др.], а не «старокрещеные татары-казаки». Вместе с тем оба названия часто используются вместе: «нагайбаки – крещеные татары» или «нагайбаки – крещеные татары-казаки» [Небольсин, 1852, с. 21; Витевский, 1891, с. 257; Толстой, 1876, с. 350-351; Чернавский, 1900, с. 128-129; Бектеева, 1902, с. 165; и др.]. Здесь отразился процесс трансформации самоидентификации нагайбаков. Уточнение об их происхождении скорее служит информацией для непосвященного читателя. Таким образом, во второй половине XIX в. название «нагайбаки» было одновременно обозначением и прежней сословной, и нарождающейся этнической принадлежности.

Итогом этнотрансформационных процессов второй половины XIX – начала XX в. у нагайбаков стали события 1920-х гг. Безусловно, это связано со сменой политического режима. Вновь, как почти 200 и 80 лет назад, в истории нагайбаков решающую роль играет государство. Воздействия на их этническую идентичность различных общественно-политических событий 1920-х гг. и всех последующих десятилетий весьма противоречивы. Отмена сословий и антирелигиозная политика, казалось бы, должны были уничтожить основания этнической идентичности нагайбаков. Однако в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. они зафиксированы как отдельный народ СССР и в качестве этнонима выбрано название «нагайбаки». Это еще раз подтверждает, что к началу XX в. данное обозначение, использовавшееся до 1843 г. вместе со словом «казаки» и являвшееся исключительно соционимом, становится этнонимом.

Другим важнейшим государственным актом является создание в 1927 г. Нагайбакского р-на. Известно, что в то время по всей стране создали множество национальных районов и сельсоветов для народов, численность которых не позволяла организоваться в республику или национальный округ. Однако уже через десять лет почти все они были упразднены. Это совпало с сокращением перечня национальностей СССР во время Всесоюзной переписи населения 1936 г. По какой-то причине нагайбаки, оказавшись лишенными собственного этнонима (как и большин-

ство остальных малочисленных народов страны), не утратили права на национально-территориальное образование. Создание и сохранение национально-административной единицы можно считать еще одним и последним в истории народа событием, внесшим весомый вклад в фундамент нагайбакской идентичности. Нагайбаки прошли исторический путь от сословной группы – крещеных татар-казаков Уфимской пров. – до этноса, проживающего ныне в основном в Нагайбакском и Чебаркульском р-нах Челябинской обл.

Список литературы

Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). – Уфа: Китап, 2005. – 256 с.

Атнагулов И.Р. Поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков во второй половине XIX — начале XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2004. — № 4. — С. 149—159.

Атнагулов И.Р. Языковая ситуация у нагайбаков как составляющая этнической идентичности // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2006. — Вып. XVI, № 2. — С. 390–396.

Атнагулов И.Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007а. – 244 с.

Атнагулов И.Р. Религиозная идентичность нагайбаков: история формирования и современное состояние // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2007б. — Вып. XVIII. — С. 305—312.

Бектеева Е.А. Нагайбаки: (Крещеные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. – 1902. – Вып. II. – С. 165–181.

Витевский В.Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Тр. IV Археол. съезда в России, г. Казань, 31 июля – 18 авг. 1877 г. – Казань, 1891. – Т. II. – С. 257–286.

Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Казань: [Литотип. В.М. Ключникова], 1897. – Т. І. – 616 с.

Всероссийская перепись населения 2002 г. — URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17 (дата обращения: ноябрь 2008 г.).

Всероссийская перепись населения 2010 г. – URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php (дата обращения: декабрь 2013 г.).

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. — СПб.: Изд-во К.В. Миллера, 1776. — Ч. II: О народах татарского племени. — С. 75–84.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. I: A–3. – 699 с.

Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1770. — 189 с.

Записки путешествия академика Лепёхина. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1821. — Ч. 1, 2. — 554 с. — (Полн. собр. ученых путешествий по России; т. III).

Записки путешествия академика Фалька. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1824. – Ч. 1. – 560 с. – (Полн. собр. ученых путешествий по России; т. VI).

Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти ХХ в. // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995. – С. 4–18.

Небольсин П.И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестн. ИРГО. — 1852. — Ч. IV, кн. I. — С. 1–34.

Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. – СПб.: [Тип. Департамента военных поселений], 1843. – 47 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1762. — Ч. І. — 331 с.; Ч. ІІ. — 262 с.

Список населенных пунктов Уральской области / под общим рук. А.М. Плешкова, М.П. Антонова; под ред. И.Н. Гридина, А.А. Колупаева, Ф.Н. Лебедева. — Свердловск: Орготдел Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. — Т. XIII: Троицкий округ. — 86 с.

Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. – Оренбург: [Тип. Б. Бреслина], 1891. – 249 с.

Толстой Д. Отечественная церковь в 1874 году: Распространение и утверждение веры и религиозная жизнь // Оренбург. епарх. ведомости. — 1876. — № 10. — Отд. офиц. — С. 349—356.

Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. – Оренбург: [Тип. Оренбург. духовной миссии], 1900. – Вып. І. – 346, VI с. – (Тр. Оренбург. учен. арх. комиссии; вып. VII).

Материал поступил в редколлегию 26.09.14 г.

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.147-156 УДК 572.76

Н.И. Халдеева¹, С.В. Васильев¹, Е.В. Акимова², А.Ю. Васильев³, Н.И. Дроздов², Н.В. Харламова¹, И.С. Зорина³, В.В. Петровская³, Н.Г. Перова³

¹Институт этнологии и антропологии РАН Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия E-mail: nathal40@mail.ru vasbor1@yandex.ru natasha kharlamova@iea.ras.ru ²Институт археологии и этнографии СО РАН пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия E-mail: elaki2008@yandex.ru drozdov4765@gmail.com ³Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова ул. Вучетича, 9а, Москва, 127206, Россия E-mail: auv62@mail.ru zorinais@mail.ru VVPetrovskay@yandex.ru nperova19@mail.ru

КОМПЛЕКСНОЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НИЖНЕЙ ЧЕЛЮСТИ С ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЛИСТВЕНКА*

В статье представлено сравнительное морфологическое описание детской нижней челюсти верхнепалеолитического возраста со стоянки Лиственка (Красноярско-Канская лесостепь, юг Средней Сибири). Она была найдена в 1992 г. и впервые опубликована только спустя пять лет без указания условий и точного места обнаружения. Новое обращение к этой находке обусловлено целым рядом причин: усовершенствованием некоторых антропологических программ, пересмотром диагностической роли отдельных одонтологических признаков, применением новых методов и т.д. Немаловажными явились точная привязка находки к уровню культурного слоя 12г и получение трех хорошо согласующихся между собой дат в пределах 13 тыс. л.н. По результатам мультисрезовой компьютерной томографии примерный возраст ребенка, которому принадлежала челюсть, оценивается в 3,5—4,5 лет. Она имеет довольно крупные размеры в сравнении с современными детьми того же возраста, что, впрочем, характерно для всех ископаемых Ното sapiens fossilis. По комплексу морфологических и морфометрических характеристик было определено место находки среди других ювенильных форм верхнего палеолита. Для сравнения использовались данные о восьми верхнепалеолитических детских нижних челюстях. Одонтологический вариант находки со стоянки Лиственка характеризуется существенным преобладанием архаичных показателей, сбалансированностью набора европеоидных и восточных/монголоидных элементов, а также рядом эволюционно прогрессивных черт. Сравнительный анализ позволяет предварительно определить такой комплекс как верхнепалеолитический среднесибирский.

Ключевые слова: *поздний палеолит, Лиственка, Сибирь, антропология, одонтология, мультисрезовая компьютерная томография.*

^{*}Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

N.I. Khaldeyeva¹, S.V. Vasiliev¹, E.V. Akimova², A.Y. Vasiliev³, N.I. Drozdov², N.V. Kharlamova¹, I.S. Zorina³, V.V. Petrovskava³, and N.G. Perova³

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Leninsky Pr. 32a, Moscow, 119991, Russia
E-mail: nathal40@mail.ru; vasbor1@yandex.ru; natasha_kharlamova@iea.ras.ru
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: elaki2008@yandex.ru; drozdov4765@gmail.com

3Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Vucheticha 9a, Moscow, 127206, Russia

E-mail: auv62@mail.ru; zorinais@mail.ru; VVPetrovskay@yandex.ru; nperova19@mail.ru

AN UPPER PALEOLITHIC MANDIBLE FROM LISTVENKA, SIBERIA: A REVISION

The mandible of a child from the Upper Paleolithic site of Listvenka in the Krasnoyarsk-Kansk forest-steppe, south-central Siberia, was subjected to a new detailed study. It was found in 1992 and was first published five years later with very incomplete information about place and context. The need for revision was prompted by the sophistication of dental trait batteries, new views of the diagnostic significance of certain dental traits, availability of new techniques, etc. Now the find can be related to habitation layer 12g, consistently dated to ca 13 ka on the basis of three estimates. Results of the multi-slice computed tomography suggest that the child was 3.5–4.5 years old. Like most fossils representing early anatomically modern humans, the specimen is rather robust by modern standards. Based on the combination of nonmetric and metric traits, the individual's place among other eight Upper Paleolithic children was assessed. The distinctive feature of the mandible is generally modern morphology combined with robusticity and a neutral position on the west-to-east scale. We tentatively describe this trait combination as Upper Paleolithic Central Siberian.

Keywords: Upper Paleolithic, Listvenka, Siberia, dental anthropology, multi-slice computed tomography.

Ввеление

В августе 1992 г. на многослойной стоянке Лиственка была найдена нижняя челюсть человека. Обстоятельства сложились так, что первая краткая публикация об этой находке появилась только в конце 1997 г., а более развернутая – в 2001 г. [Шпакова, 1997, 2001]. Автор обеих статей, новосибирский одонтолог Е.Г. Шпакова, не знала ни условий, ни точного места обнаружения челюсти. Этот пробел был восполнен небольшой публикацией Е.В. Акимовой [1998]. Позже информация о челюсти была включена в полное монографическое издание материалов стоянки [Акимова и др., 2005]. Сегодня появилась возможность вновь вернуться к изучению этой уникальной находки.

Стоянка Лиственка на юге Средней Сибири относится к позднему палеолиту. Это время синхронно продолжавшихся процессов сапиентации и внутривидовой дифференциации, приведших к становлению человека современного типа. В данном контексте находят отражение аспекты культурного мира и биоантропологических особенностей людей той эпохи. Этим обусловлен комплексный подход к изучению объекта.

В статье представлены результаты междисциплинарного исследования нижней челюсти из Лиственки. Анализ методами различных дисциплин дает возможность рассмотреть находку как археологический объект, как биоантропологическую форму с системой признаков, отражающих ее таксономический и эволюционный статус, как объект медико-стоматологической диагностики, позволяющей определить его соответствие представлениям о норме. Введение нового принципа группировки одонтологических признаков по нескольким диагностическим рубрикам позволило дать новое объяснение объекта как типологической одонтологической модели, соответствующей позднепалеолитической эпохе.

Методы исследования

Для определения формы и структуры зубов применялась мультисрезовая компьютерная томография (МСКТ) [Васильев и др., 2011]. Исследования были проведены на томографе Brilliance-64 (Philips, Голландия) в режиме Extremity и Sinus Volume.

Морфологическое описание нижней челюсти ребенка из Лиственки включает особенности строения подбородка, его базальной части, развития внутреннего и наружного рельефа нижнечелюстной кости, выявляющие сапиентные признаки. Анализ метрических характеристик базировался главным образом на сравнении полученных индексов как показателей массивности или грацильности альвеолярной части нижнечелюстной кости.

Одонтологическое изучение находки проводилось согласно разработанным в российской антропологии программе и методике [Зубов, 1968, 1974,

2006]. Морфологические особенности строения зубной системы рассматривались в сравнительном аспекте. Сравнение объектов проводилось посредством графического анализа. Определены одонтологический тип находки и ее эволюционный статус (архаика, переходность, современность).

Археологический контекст

Многослойная позднепалеолитическая стоянка Лиственка расположена в 40 км к юго-западу от г. Красноярска, на окраине г. Дивногорска, по правому берегу р. Лиственки-Заречной, правого притока р. Енисея. Памятник открыт в 1982 г. К.В. Зыряновым, изучался с 1983 г. отрядом Красноярского педуниверситета (до 1992 г. пединститут) совместно с ИАЭТ СО РАН (до 1992 г. ИИФФ СО АН СССР) под руководством Н.И. Дроздова (1983–1986 гг.) и Е.В. Акимовой (1987–1997 гг.). Археологические материалы Лиственки достаточно известны по многочисленным публикациям и монографическому изданию [Акимова, 1992, 1996, 1998; Акимова и др., 2005].

В процессе раскопок памятника в 1985 г. был выделен горизонт, слабо маркируемый углефицированными органическими вкраплениями и содержащий немногочисленный разрозненный археологический материал. По нумерационной шкале памятника он получил номер 12 (рис. 1). Разделение этого горизонта удалось произвести спустя пять лет на площади «южной» прирезки, где было зафиксировано до шести тонких слабозолистых прослоек. В разрезе просматривалось их ритмичное волнообразное простирание с расслоением, изменением интенсивности окраски до полного обесцвечивания.

Наиболее ярким из четырех самостоятельных культурных слоев является нижний 12г (рис. 1). К нему приурочена серия очагов как с вертикальной каменной выкладкой (плоские валуны плагиогранита установлены вдоль отвесных высоких бортов ямы), так и без какой-либо обкладки (три одинаковых по размеру очажка, расположенные в одну линию). В этом же слое найден не имеющий аналогов в палеолите Сибири «жезл начальника» из бивня мамонта.

Нижняя челюсть Homo sapiens (рис. 2) была зафиксирована на уровне культурного слоя 12г, в кв. 21–Е, непосредственно у русла криогенной трещины на участке, не содержавшем каких-либо археологических и фаунистических материалов. По степени сохранности она аналогична другим костным остаткам из этого слоя. Русло трещины пришлось на участок небольшого ложкового понижения со слабовыраженным уклоном в западном направлении. Подобная форма микрорельефа прослеживается и на вышележащих уровнях. Можно предположить, что челюсть была вымыта и пе-

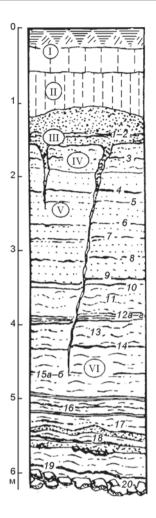

Рис. 1. Стратиграфический разрез многослойной стоянки Лиственка. Римскими цифрами обозначены геологические слои, арабскими – культурные.

Рис. 2. Общий вид нижней челюсти.

реотложена с близкого уровня, первоначально она могла располагаться восточнее, непосредственно у края скальных выходов. Ни в одном из культурных слоев никакие другие кости человека не обнаружены.

Мультисрезовая компьютерная томография

На серии компьютерных томограмм (рис. 3) определяется тело нижней челюсти, отсутствуют углы и ветви (посмертное разрушение). Фиксируются признаки перелома в области подбородочного отдела слева и тела челюсти справа на уровне ментального отверстия (без признаков консолидации; разрушения костей, полученные посмертно).

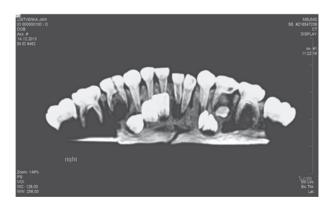
В зубном ряду определяются зубы (их обозначения приводятся согласно стоматологической системе): 7.1 (левый центральный молочный резец), 7.2 (левый латеральный молочный резец), 7.3 (левый молочный клык), 7.4 (левый первый молочный моляр), 7.5 (левый второй молочный моляр), 3.6 (левый первый постоянный моляр), 8.1 (правый центральный молочный резец), 8.2 (правый латеральный молочный резец), 8.3 (правый молочный клык), 8.4 (правый первый молочный моляр), 8.5 (правый второй молочный моляр), 4.6 (правый первый постоянный моляр).

Зубы 7.1, 7.2 сформированы, последний развернут по оси на 45° и наклонен дистально. Оба резца смещены вниз с признаками повреждения лунок зубов и костной структуры (фолликулы постоянных зубов отсутствуют, однако имеется контур костных дефектов фолликулов, что совпадает с линией перелома и свидетельствует о посмертном повреждении).

Зуб 7.3 расположен в зубном ряду без признаков резорбции корня. Зачаток постоянного клыка 3.3 находится на завершающем этапе минерализации коронки, положение не изменено. На данном уровне с оральной стороны (в толще коркового слоя оральной кортикальной пластинки) имеется зачаток сверхкомплектного зуба, коронка минерализована.

У зуба 7.4 отсутствует дистальный корень. Зачаток постоянного моляра 3.4 расположен в толще костной ткани, коронка на стадии минерализации, развернута вниз и орально.

Зубы 8.1, 8.2 расположены в зубном ряду без признаков резорбции корней. Зачатки постоянных резцов

Puc. 3. Мультисрезовая компьютерная томография челюсти.

4.1, 4.2 находятся в толще костной ткани, положение правильное, коронки минерализованы.

Зуб 8.3 расположен в зубном ряду без признаков резорбции корня. Зачаток постоянного клыка 4.3 находится в толще костной ткани, его ось наклонена медиально на 45°, коронка минерализована.

Зуб 8.4 расположен в зубном ряду с признаками резорбции корней. Зачаток постоянного моляра 4.4 отсутствует, но прослеживается контур костного дефекта фолликула (посмертное повреждение). Линия перелома тела челюсти проходит через область фолликула с продольным переломом зуба 8.4.

Зубы 7.5, 8.5 расположены в зубном ряду. Признаки минерализации коронок постоянных зубов на данном уровне отсутствуют.

Зубы 3.6, 4.6 находятся на этапе прорезывания (1/2 коронки в зубном ряду), коронки сформированы полностью.

Морфология нижней челюсти

В морфологическом описании нижней челюсти ребенка из Лиственки рассматриваются признаки строения подбородка и его базальной части. Тип строения подбородка по классификации Г. Шульца [Schulz, 1933] — шестой с ярко выраженным подбородочным выступом в виде треугольника. Для *Homo sapiens* верхнего палеолита, в принципе, характерны практически все варианты, кроме первого и четвертого, но чаще встречается второй (треугольный подбородок с подбородочным выступом) [Васильев, 1999, с. 74].

По типу строения базальной части плейстоценовые находки относятся, как правило, к третьему и шестому варианту с нависающим подбородком. Причем если у неандертальских форм преобладает тип с одной точкой опоры, то у эректоидных и сапиентных — с двумя [Герасимова, Васильев, 1998, с. 113]. У нижней челюсти из Лиственки базальная часть близка к шестому варианту.

У всех плейстоценовых образцов внутренний рельеф бо́льше выражен, чем наружный. Тем не менее можно отметить некоторые тенденции в развитии рельефа. У челюсти из Лиственки латеральное возвышение хорошо выражено, что характерно для *Ното sapiens* верхнего палеолита. Краевой и латеральный валики, а также межваликовая бороздка развиты слабо. Двубрюшная ямка сильно выражена.

Рассматриваемая челюсть имеет следующие метрические характеристики (мм):

Высота тела на уровне второго моляра (слева) 17,2 Толщина тела на уровне второго моляра (слева) 11,8 Высота тела до подбородочного отверстия (слева) 8,1

Толщина базальной части тела на уровне под-	
бородочного отверстия (слева)	11,6
Толщина альвеолярной части тела на уровне	
подбородочного отверстия (слева)	8,5
Длина альвеолярной дуги от дистальной по-	
верхности вторых молочных моляров	27,4
Межклыковая ширина (прямое расстояние	
между наружными поверхностями альвеол	
на уровне середины клыков)	30,2

Можно заключить, что челюсть довольно крупная для ребенка 3—4 лет. Однако такие признаки, как высота тела на уровне второго моляра и до подбородочного отверстия, толщина альвеолярной части и межклыковая ширина у всех исследованных плейстоценовых форм имеют практически одинаковые значения и разброс [Васильев, 1999, с. 87]. Вероятно, эти параметры имеют родовой таксономический ранг.

Поскольку абсолютные размеры мало информативны в данном случае, мы сравнили индексы исследуемой челюсти и других верхнепалеолитических образцов (табл. 1). Даже по сравнению с челюстями взрослых индивидов находка из Лиственки довольно массивна. Второй индекс говорит о более грацильной альвеолярной части этой челюсти, что имеет некоторое сходство с экземпляром из Фиш-Хука.

Одонтологический анализ

Первая антропологическая информация о челюсти из Лиственки была опубликована Е.Г. Шпаковой [1997, 2001]. Нами приводятся и анализируются уточненные одонтоскопические и одонтометрические данные.

Одонтоскопия. Возраст данного индивидуума определен в интервале 2—3 года [Ubelaker, 1987]. Надо отметить, что возраст, определенный по морфологическим особенностям зубов, обычно более молодой по сравнению с установленным по другим системам признаков или техническими средствами (МСКТ, МКТ и др.) [Зубов, 2004а, с. 181].

В процессе описания морфологических особенностей строения зубов одонтологические признаки группировались в диагностические рубрики: архаичные, в т.ч. неандертальские и реликтовые черты; эволюционно прогрессивные/сапиентные/редукционные; признаки внутривидовой дифференциации — западные/европеоидные и восточные/монголоидные показатели. К архаичным обычно относят «остаточные/пережиточные» черты, унаследованные от древней формы, к реликтовым — расово-дифференцирующие, встречающиеся в расово-отличающихся комплексах и диагностируемые как нейтральные в недифференцированных общностях [Зубов, 1968, с. 49; 2004а, с. 31]. Разбивка способствовала уточнению эволюционного статуса конкретного экземпляра, выделению

Таблица 1. Индексы нижних челюстей

Памятник	Индекс массивности	Соотношение базальной и альвеолярной частей тела		
Лиственка	0,69	0,73		
Маркина Гора	0,46	0,91		
Кроманьон	0,54	1,30		
Фиш-Хук	0,54	0,77		

одонтологических вариантов для некоторых из них, выявлению механизмов их формирования. К неандертальским (неандерталоспецифическим) признакам отнесены особенности, выделенные в исследованиях российских [Зубов, 1968, с. 56-65; 1974, 1984, 1999, 2000, 2004а, б, 2006; Халдеева, Харламова, Зубов, 2008, 2010; Халдеева, 2010] и зарубежных [Bailey, 2002, 2006a, b; Martinón-Torres et al., 2006] abторов. Наличие некоторых признаков или их сочетаний является важным таксономическим показателем на уровне «классической» неандертальской специфики. В единичных вариантах или в виде отдельных комбинаций они встречаются и в других более древних таксонах, но тогда их частота невелика, фенотипическая форма может быть размыта и существенно упрощена. На базе этого подхода выделены архаическая и постархаическая модели, а также переходная между ними по соотношению одонтологических признаков.

Как указывалось выше, морфологические признаки были сгруппированы в несколько рубрик. Архаичные признаки: 1) зубная дуга параболоидной формы, несколько расширяющаяся на уровне прорезывающихся первых постоянных моляров $(M_1/3.6 \text{ и } 4.6)$; 2) заметная выпуклость эмали вестибулярной поверхности (балл 2) на нижних клыках (7.3 и 8.3) и молочных молярах (7.4, 7.5, 8.4, 8.5); 3) прямой/губной/лабидодонтный прикус (Lb); 4) один главный гребень в центре лингвальной поверхности обоих молочных клыков (7.3 и 8.3); 5) единая краевая гребневая система по периметру лингвальной поверхности молочных клыков (7.3 и 8.3), включая режущий край; 6) высший балл (4) развития tuberculum molare как производного цингулюма на левом втором молочном моляре $(m_2/8.5)$; 7) на этом же моляре относительно глубокая передняя ямка ниже непрерывного мезиального краевого гребня; 8) частичное соединение по периметру краевым гребнем высоких вершин бугорков коронки данного зуба; 9) элементы задней ямки (fossa posterior) на талониде правого постоянного первого моляра (3.6); 10) соотношение тригонида и талонида tr > tal на обоих M_1 (3.6 и 4.6); 11) дополнительные опоясывающие краевые гребни на поверхности (med, hld, отчасти end) левого M_1 (4.6); 12) локализация элементов задней ямки (fossa posterior) в дистальной части этого зуба; 13) высокая степень дифференцированности

окклюзивной поверхности коронок, большая глубина межбугорковых фиссур и борозд второго порядка, изогнутость основных гребней коронок с направлением хода к ее центру на обоих M_1 ; 14) заметное развитие цингулюма в базальной части вестибулярной и частично лингвальной поверхностей коронок молочных и постоянных моляров; 15) заметная выпуклость/кривизна эмали вестибулярной поверхности на резцах, клыках и молочных молярах; 16) соотношение бугорков метаконида и протоконида med > prd на вторых молочных молярах (7.5 и 8.5); 17) соединение метаконида и протоконида непрерывным мезиальным краевым гребнем, ниже которого располагается относительно глубокая передняя ямка, на этих зубах.

Реликтовые особенности: 1) коленчатая складка метаконида (dw) на левом и правом вторых молочных молярах (8.5, 7.5); 2) одонтоглифический вариант 2end(fc) на левом m_2 (8.5); 3) вариант 2end(III) на правом первом постоянном моляре (3.6) близко к центральной ямке (fc), что намечает африканскую специфику. Последние два признака относятся к периоду формирования восточного и западного одонтологических стволов, в западном интегрирован древнейший недифференцированный евроафриканский комплекс морфологических особенностей зубов.

Признаки неандертальской специализации: 1) передняя ямка и элементы дистального гребня протоконида на втором левом молочном моляре (8.5), представляющие в высокой степени редуцированную триаду Коренхофа – неандерталоспецифичный морфологический компонент, фиксируемый в данном случае в состоянии очевидной морфологической упрощенности/депрессии; 2) центральный бугорок со стороны гипоконулида на правом постоянном первом моляре (3.6).

Эволюционно прогрессивные тенденции: 1) отсутствие уплощенности участка фронтальных резцов (7.1, 7.2, 8.1, 8.2) зубной дуги; 2) индексы коронок первых постоянных моляров (4.6, 3.6 – соответственно 89,7 и 91,3), не достигающие отметки 100; 3) слабовогнутая лингвальная поверхность первых и вторых резцов (7.1, 7.2, 8.1, 8.2), отсутствие лингвального бугорка; 4) одонтоглифические варианты 2prd(II)

и 2end(IV) на правом втором молочном моляре (7.5); 5) вариант 2prd(II) на правом $M_1(3.6)$.

Западные/европеоидные одонтологические особенности: 1) вариант 2end(IV) на правом m_2 (7.5); 2) вариант микрорельефа коронки 1hyd(IV) на обоих постоянных первых молярах (3.6, 4.6); 3) тип 1 контакта борозд 1med/1prd на II фиссуре; 4) тип 2 контакта борозд 1med/1prd при более высокой точке впадения 1med во II фиссуру; 5) отсутствие лопатообразности на коронке изолированного постоянного верхнего центрального правого резца.

Восточные/монголоидные признаки: 1) одонтоглифические варианты 2 med(III) и 2 end(fc) на левом молочном втором моляре (8.5); 2) вариант 2 med(III) на правом m_2 (7.5); 3) варианты 2 med(III), 2 hyd(I) на правом постоянном первом моляре (3.6); 4) вариант 2 hyd на левом $M_1(4.6)$; 5) формы коронок M_16 на обоих молярах; 6) вариант параллельного хода борозд 1 и 2 на энтокониде (end) $m_2(7.5)$ и 8.5).

Одонтометрический анализ. Метрические особенности нижней челюсти из Лиственки сравнивались с соответствующими стандартами по мировой средней [Зубов, 2006, с. 9–33]. Мезиодистальные размеры молочных зубов незначительно превышают современные (табл. 2). Вестибулолингвальный диаметр и высота коронок в большинстве случаев сопоставимы с мировыми показателями. Результаты свидетельствуют о макродонтном типе зубов (по классификации А.А. Зубова [1968, с. 98]). По VL-размерам постоянные моляры (3.6, 4.6) относятся к «средней» категории, обнаруживая определенные редукционные влияния. Индексы коронок этих зубов (левого – 89,7, правого – 91,3) не достигают отметки 100 и соответствуют современным метрическим показателям [Там же].

Для сравнения были привлечены имеющиеся данные о восьми верхнепалеолитических находках: Лиственка, Сунгирь 2, Пушкари 1, Костёнки XVIII, АбриПато, Ложери-Бас, Гримальди, Эшкафт (Иран). В трех случаях проведен дополнительный анализ (Лиственка, Сунгирь 2, Эшкафт), что диктовалось программой исследования, необходимостью использования новых методических приемов (МСКТ-диагностика), допол-

Таол	<i>ица 2.</i> Одонто	метрические д	анные зуоов н	ижнеи челюст	ги из Листвені	КИ
ΔПЬ	i	i	_	m	m	

Показатель	i ₁	i ₂	С	m ₁	m ₂	M ₁
Справа						
MD	5,0	5,5	6,1	9,1	10,8	11,5
VL	4,0	4,6	6,0	7,0	9,2	10,5
Слева						
MD	5,1	5,5	6,8	9,5	10,9	11,9
VL	4,1	5,0	5,5	7,1	9,5	10,5
Мировая средняя (MD/VL)	4,5/4,2	4,7/4,5	5,6/5,0	8,1/7,3	10,2/9,1	11,2/10,4

нительных математических подходов и сравнительных материалов (табл. 3).

Сравнение объектов по соотношению мезиодистальных и вестибулолингвальных размеров нижних

первых постоянных моляров проводилось посредством графического корреляционного анализа (рис. 4). Распределение верхнепалеолитических образцов симптоматично с нескольких точек зрения. Часть локали-

Таблица 3. Сравнительные одонтометрические данные по М1

№ п/п	Находки	Источник	MD	VL
1	Сунгирь 2	[Зубов, 1984]	12,0	11,8
2	Сунгирь 3	[Там же]	11,1	10,9
3	Костёнки XVIII	[Халдеева, 2005, 2006]	11,7	10,7
4	Верхний палеолит Зап. Европы	[Trinkaus et al., 2003]	11,3	11,1
5	Костёнки XIV/Маркина Гора	[Халдеева, 2010]	10,3	11,0
6	Поздний верхний палеолит Зап. Европы	[Frayer, 1977]	11,1	10,9
7	Ранний верхний палеолит Зап. Европы	[lbid.]	11,6	11,0
8	Фатьма-Коба	[Халдеева, 2008]	11,7	11,2
9	Мурзак-Коба 1	[Там же]	11,3	11,4
10	Мурзак-Коба 2	[Там же]	11,2	11,1
11	Мезолит Юж. Оленьего острова	[Гравере, 1985]	11,1	10,4
12	Мезолит Сербии	[Edynak, 1989]	10,7	11,1
13	Мезолит Украины	[Jacobs, 1994]	11,2	11,0
14	Мезолит Юж. Леванта 1	[Pinhasi, Eshed, Shaw, 2008]	10,9	11,3
15	Мезолит Юж. Леванта 2	[lbid.]	11,1	11,3
16	Мезолит Юж. Леванта 3	[lbid.]	10,8	11,0
17	Неолит Юж. Леванта 1	[lbid.]	10,9	10,7
18	Неолит Юж. Леванта 2	[lbid.]	10,9	10,8
19	Неолит Юж. Леванта 3	[lbid.]	10,8	10,7
20	Неолит Украины	[Jacobs, 1994]	11,5	11,1
21	Неолит Звейниеки	[Гравере, 1985]	11,2	10,7
22	Неолит Польши	[Szlachetko, 1966]	11,4	11,1
23	Неолит Франции	[Brabant, Twiesselmann, 1964]	11,3	10,1
24	Неолит Англии	[Brace, 1979]	11,1	10,7
25	Неолит Васильевки	[Зубов, 1968]	11,2	11,1
26	Ложери-Бас	[Халдеева, Харламова, Зубов, 2010]	12,0	11,1
27	Гримальди	[Там же]	12,0	11,2
28	Абри-Пато	[Халдеева, Харламова, Зубов, 2012]	11,1	12,0
29	Сиделькино 1	Неопубликованные данные А.А. Зубова	10,1	10,5
30	Современные европеоиды	[Зубов, 1968]	11,2	10,3
31	Мировая средняя	[Зубов, 2006]	11,1	10,4
32	Верхний палеолит Ирана (Эшкафт)	[Scott, Marean, 2009]	11,6	10,5
33	Сиделькино 2	Неопубликованные данные А.А. Зубова	11,5	11,1
34	Современные китайцы	[Зубов, 1968]	11,2	10,5
35	Лиственка	Данные авторов	11,7	10,5
36	Соловьина Лука	[Шпакова, 2001]	11,3	10,6
37	Мальта 2	[Зубов, Гохман, 2003]	11,3	10,0
38	Самарканд 1	[Там же]	10,7	10,0
39	Пхум-Снай	[Matsumura, Domett, O'Reilly, 2011]	11,69	11,04
40	Неолит Байкала	[Matsumura et al., 2009]	11,76	11,11
41	Эпинеолит Японии	[Kaburagi et al., 2010]	11,11	10,53
42	Средний голоцен Малайзии	[Matsumura, Hudson, 2005]	12,56	11,76
43	Плейстоцен Алтая (пещера им. Окладникова)	[Шпакова, 2001]	11,0	10,53

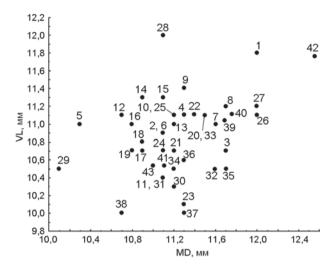

Рис. 4. Корреляционный график соотношения MD- и VL-диаметров M_1 . Цифры — порядковые номера находок в табл. 3.

зуется в области максимально высоких или близких к ним значений обоих или одного из диаметров: Сунгирь 2 (1), Абри-Пато (28); Гримальди (27), Ложери-Бас (26). Другие образцы располагаются на позициях наименьших, малых и средних величин: Костёнки XIV/ Маркина Гора (5), Самарканд 1 (38), Мальта 2 (37), Лиственка (35), Эшкафт (32), Костёнки XVIII (3). В этой связи надо подчеркнуть факт интегрирования Лиственки (13 470 ± 285 л.н. [Герасимова и др., 2007, с. 117]) с более древними формами Костёнки XVIII (21 020 \pm 180 л.н. [Там же, с. 110]) и Эшкафт (35 000 л.н. [Scott, Marean, 2009]). Объединяющим фактором является сочетание больших значений мезиодистального диаметра и средних вестибулолингвального, что свидетельствует об отсутствии тенденции к редукции МD-параметров у данных объектов.

Иная картина фиксируется на верхнепалеолитических образцах Самарканд 1 (38) и Мальта 2 (37) со средними мезиодистальными и малыми вестибулолингвальными размерами. В данном случае интегрирующим фактором выступает отчетливая редукционная тенденция, в сферу которой попадает неолитическая выборка Франции (23). К ним приближается мезолитическая форма Сиделькино 1 (29). Метрически экстремальные локусы занимают Гримальди (27) и Ложери-Бас (26) с очень большими и большими значениями MD- и VL-диаметров. Остальные верхнепалеолитические образцы – Сунгирь 3 (2), поздний и ранний верхний палеолит Западной Европы (6, 7) – располагаются в кругу общей совокупности мезолитических, неолитических объектов и входят в ряд «больших» метрических категорий. Еще один подкластер образуют мезолитические находки (10, 12–16) с большими вестибулолингвальными размерами и средними мезиодистальными.

В отдельный субкластер объединились неолитические формы со средними величинами MD- и VL-диаметров, но с некоторой тенденцией к их возрастанию. Другие неолитические образцы (20, 22, 25, 40) находятся в области распределения мезолитических и верхнепалеолитических локусов. Остальные характеризуются соотношениями меньших мезиодистальных показателей и больших вестибулолингвальных.

Мезолитические объекты объединяются по фактору изменчивости в границах «большой» метрической категории по MD-диаметру и «средней»/«большой» по VL-диаметру. Механизмом, намечающим тенденции к интеграции верхнепалеолитических, мезолитических, неолитических объектов и выборок, является грацилизация по линии относительного уменьшения VL-размеров (Гримальди и Ложери-Бас) и на уровне средних метрических показателей.

Патология зубов нижней челюсти. Вокруг большинства зубов наблюдаются костные карманы, порозность/поротичность окружающей костной ткани, ее заметная бугристость, свидетельствующие о пародонтите. На лингвальной поверхности коронки правого первого молочного резца (8.1) фиксируется пигментированное пятно ниже режущего края в области его дистального угла. На лингвальной поверхности коронки левого второго молочного резца (7.2) обнаружен дефект эмали в виде испещренности тонкими слегка пигментированными бороздками с переходом узора на мезиальную поверхность, где (ближе к мезиальному углу режущего края) в петлях этого узора находятся плоские бугорки, местами соединяющиеся в компактные островки. Похожая картина (масса плотно расположенных бугорков – текстура ежевики) наблюдается на дистальной/апроксимальной поверхности коронки левого $m_2(8.5)$. Можно предположить врожденную бактериальную инфекцию.

Заключение

Анализ археологического материала позволяет говорить не о разносе одного, а о существовании, видимо, четырех самостоятельных культурных слоев (12а–г), частично деформированных, смещенных на уровне элементов, но в целом сохраняющих положение, близкое к *in situ*. Именно для этого горизонта были получены три вполне согласующиеся между собой даты: $13\ 100 \pm 410\ (\Gamma \text{UH-6965}),\ 13\ 470 \pm 285\ (\text{COAH-3733}),\ 13\ 910 \pm 400\ (\text{COAH-3833})\ л.н.$

Полученная картина по МСКТ-диагностике соответствует стандартам нижней челюсти ребенка (примерный возраст 3,5–4,5 лет). По морфологическим особенностям челюсть оказывается крупной для ребенка 3–4 лет. Даже по сравнению с верхнепалеолитическими образцами взрослых индивидов она

довольно массивна. Однако по ряду метрических характеристик челюсть имеет сходство с другими плейстоценовыми формами, что может объясняться родовым таксономическим рангом этих параметров.

У некоторых верхнепалеолитических образцов, включая рассматриваемую нижнюю челюсть, отмечается тенденция к грацилизации, сближающая (в какой-то мере) их с отдельными мезолитическими и неолитическими объектами. Это формирует общее пространство метрических вариаций, представляющих одонтологический субстрат перехода к формированию постархаического комплекса. Мезолитические образцы объединяются по фактору изменчивости в границах «большой» метрической категории по MD-диаметру и «средней»/«большой» по VL-диаметру нижних первых постоянных моляров. Механизмом, намечающим тенденции к интеграции верхнепалеолитических, мезолитических, неолитических объектов и выборок является грацилизация по линии относительного уменьшения VL-размеров и на уровне средних метрических величин.

Одонтологический вариант находки из Лиственки (данные только по нижним первым постоянным молярам) характеризуется преобладанием архаичных показателей, сбалансированностью набора европеоидных и восточных/монголоидных элементов, наличием некоторых эволюционно прогрессивных черт. Такое сочетание в морфотипе одного индивидуума отражает формообразующую роль архаичных особенностей (включая реликтовые и неандертальские). Вместе с тем значим механизм закрепления нарастающих тенденций внутривидовой дифференциации в виде сбалансированных наборов европеоидных и восточных/монголоидных черт. Кроме того, намечается вектор дальнейшей эволюционной динамики показателей редукции некоторых одонтоскопических и одонтометрических признаков. Он рассматривается как один из инструментов формирования постархаических тенденций в строении зубов.

Одонтологический вариант челюсти из Лиственки можно отнести к ряду типовых для верхнего палеолита Средней Сибири. В его структуре синхронизированы соответствующие рассматриваемому периоду процессы всех таксономических и эволюционных уровней – сапиентация (как состояние/модель длящегося становления человека современного типа), заметные тенденции внутривидовой дифференциации (западные и восточные/монголоидные черты), намечающиеся слабые тенденции одонтологической грацилизации по отдельным метрическим параметрам. Это показывает, что данный одонтологический вариант представляет архаическую модель, базирующуюся на сочетании эволюционно прогрессивных/сапиентных/редукционных и количественно преобладающих

архаичных одонтологических особенностей и сбалансированности западных/европеоидных и восточных/монголоидных признаков. Предварительно такой комплекс можно определить как позднепалеолитический среднесибирский одонтологический вариант, рассматривая его в качестве архаической модели с эволюционно прогрессивными чертами. Одонтометрические данные подтверждают этот вывод.

Список литературы

Акимова Е.В. К вопросу об афонтовской и кокоревской культурах в контексте многослойной стоянки Лиственка // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 3–6.

Акимова Е.В. Многослойная стоянка Лиственка: этапы заселения // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 4–7.

Акимова Е.В. История антропологической находки со стоянки Лиственка // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 298–301.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея: Лиственка — Красноярск: Универс; Новосибирск: Наука, 2005. — 180 с.

Васильев А.Ю., Петровская В.В., Перова Н.Н., Серова Н.С., Алпатова В.Г., Потрахов Н.Н., Грязнов А.Ю., Потрахов Е.Н., Селягина А.С. Малодозовая микрофокусная рентгенография в стоматологии и челюстно-лицевой хирургии // Радиология-практика. — 2011. — № 6. — C. 26—33.

Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. – М.: Ун-т Рос. акад. обр., 1999. - 152 с.

Герасимова М.М., Астахов С.Н., Величко А.А. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 239 с.

Герасимова М.М., Васильев С.В. Эволюционная морфология нижней челюсти человека. – М.: Старый Сад, 1998. – 172 с. – (Библиотека «Вестника антропологии»).

Гравере Р.У. Характеристика зубной системы кивуткалнской краниологической серии // Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. – Рига: Зинанте, 1985. – С. 73–102.

Зубов А.А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. – М.: Наука, 1968. – С. 5–124.

Зубов А.А. Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 14–43.

Зубов А.А. Морфологическое исследование зубов детей из сунгирского погребения // Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – С. 162–182.

Зубов А.А. Неандертальцы: что известно о них современной науке? // Этногр. обозрение. — 1999. — № 3. — С. 67—83.

Зубов А.А. Морфологическое исследование детей из сунгирского погребения 2 // Homo sungirensis: Верхнепалеолитический человек: эволюционные и экологические аспекты исследования. – М.: Науч. мир, 2000. – С. 256–270.

Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. – М.: Россельхозакадемия, 2004а. – 551 с.

Зубов А.А. Территориальные и таксономические границы вида Homo neanderthalensis // Вестн. антропологии. — 20046. — № 11. — C. 8—20.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Итно-Онлайн, 2006. – 70 с. – (Библиотека «Вестника антропологии»).

Зубов А.А., Гохман И.И. Некоторые новые данные по верхнепалеолитической стоянке Мальта // Вестн. антропологии. -2003. -№ 10. - C. 14–23.

Халдеева Н.И. Одонтометрическая характеристика находки из погребения Костенки-18 // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – С. 95–100.

Халдеева Н.И. Результаты одонтологического изучения черепа Костенки-18 // Доисторический человек: Биологические и социальные аспекты. – М.: ИЭА РАН, 2006. – С. 171–184.

Халдеева Н.И. Сравнительное одонтологическое исследование мезолитических черепов Мурзак-Коба и Фатьма-Коба // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. 1. – С. 167–172.

Халдеева Н.И. Одонтометрический анализ палеоматериалов за период «Верхний палеолит — современность»: В центре поля и по краям // Этногр. обозрение. — 2010. — № 2. — C. 15—25.

Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Зубов А.А. Одонтологическая характеристика крымских неандертальцев из Заскальной VI-72 и VI-78 // Вестн. антропологии. -2008. -№ 16. -C. 11-23.

Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Зубов А.А. Сравнительное одонтологическое исследование «классических» западноевропейских неандертальцев // Вестн. антропологии. -2010. - N 18. - C.60-87.

Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Зубов А.А. Морфологические особенности зубов находки из Абри Пато // Актуальные вопросы современной антропологии. — 2012. — Вып. 7. — С. 232—242.

Шпакова Е.Г. Одонтологический материал верхнепалеолитической стоянки Лиственка (Красноярский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. — Т. III. — С.132—137.

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. -2001. - № 4. - C. 64-76.

Bailey S.E. A Closer Look at Neanderthal Postcanine Dental Morphology: The Mandibular Dentition // The Anatomical Records (New Anatomist). – 2002. – Vol. 269. – P. 148–156.

Bailey S.E. Beyond shovel-shaped incisors: neandertal morphology in a comparative context // Periodicum Biologorum. – 2006a. – Vol. 108, N 3. – P. 253–267.

Bailey S.E. The evolution of non-metric dental variation in Europe // Mitteilungen der Gesellschaft für Urgeschichte. – 2006b. – Bd. 15. – S. 9–29.

Brabant H., Twiesselmann F. Recherches sur les dents et les maxillairies d'une population d'âge frans de Coxyde // Bull. du Groupement Intern. pour la Recherche scienctifique en Stomatologie. – 1964. – Vol. 7. – P. 11–84.

Brace C.L. Krapina, "Classic" Neanderthals, and the evolution of the European face // J. of Hum. Evol. – 1979. – Vol. 8. – P. 527–550.

Edynak G. Ygoslav Mesolithic Dental Reduction // Am. J. of Phys. Anthropol. – 1989. – Vol. 78. – P. 17–36.

Frayer D. Metric dental change in the European Paleolithic and Mesolithic // Am. J. of Phys. Anthropol. – 1977. – Vol. 46. – P. 109–120.

Jacobs K. Human Dento-Gnathic Metric Variation in Mesolithic/Neolithic Ukraine: Possible Evidence of Demic Diffusion in the Dnieper Rapids Region // Am. J. of Phys. Anthropol. – 1994. – Vol. 95. – P. 1–26.

Kaburagi M., Ishida H., Goto M., Hanihara T. Comparative studies of the Ainu, their ancestors, and neighbors: assessment based on metric and nonmetric dental data // Anthropol. Sci. – 2010. – Vol. 118, iss. 2. – P. 95–106.

Martinón-Torres M., Bastir M., Bermúdez de Castro J.M., Gomez A., Sarmiento S., Muela A., Arsuaga J.L. Hominin lower second premolar morphology: evolutionary inferences through geometric morphometric analysis // J. of Hum. Evol. – 2006. – Vol. 50. – P. 523–533.

Matsumura H., Domett K.M., O'Reilly D.J.W. On the origin of pra-Angkorian peoples: perspectives from cranial and dental affinity of the human remains from Iron Age Phum Snay, Cambodia // Anthropol. Sci. – 2011. – Vol. 119, iss. 1. – P. 67–79.

Matsumura H., Hudson M. Dental perspectives on the population history of Southeast Asia // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2005. – Vol. 127. – P. 182–209.

Matsumura H., Ishida H., Amano T., Ono H., Yoneda M. Biological affinity of Okhotsk-culture people with East Siberian and Arctic people based on dental characteristics // Anthropol. Sci. – 2009. – Vol. 117, iss. 2. – P. 121–132.

Pinhasi R., Eshed V., Shaw P. Evolutionary Changes in the Masticatory Complex Following the Transition to farming in the Southern Levant // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2008. – Vol. 135. – P. 136–148.

Schulz H. Ein Beitrag zur Rassenmorphologie des Unterkiefers // Ztschr. Morphol. und Anthropol. – 1933. – Bd. 32, H. 1/2. – S. 275–366.

Scott J.E., Marean C.W. Paleolithic hominin remains from Eshkaft–e Gavi (southern Zagros Mountains, Iran): description, affinities and evidence for butchery // J. of Hum. Evol. – 2009. – Vol. 57. – P. 248–259.

Szlachetko K. Analiza odontologiczna uzębienia ludzkiego ze stanowiska Biniątki pow. Busko-Zdrój (Neoliticzny grób kultury amfor kulistych)//Rocznik Museum, Świętokrzyskiego. – 1966. – N 4. – P. 65–72.

Trinkaus E., Moldovan O., Milota S., Bîlgăra A., Sarcina L., Athreya S., Bailey S., Rodrigo R., Gerace G., Higham T., Ramsey C., van der Plicht J. An Early Modern Human from Peştera cu Oase, Romania // Proc. Nat. Acad. of Sci. USA. – 2003. – Vol. 100, N 20. – P. 11231–11236.

Ubelaker D.H. Estimation of age at death from immature human skeletons: an overview // J. of Forensic Sci. – 1987. – Vol. 32, iss. 5. – P. 1254–1263.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМБ – Ассоциация малого бизнеса

АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН

ВДИ – Вопросы древней истории

ГИМ – Государственный Исторический музей

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

ИРГО - Известия Русского географического общества

ИЗА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН

ИЯЛИ АНТ – Институт языка, литературы и истории Академии наук Татарстана

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МК РФ – Министерство культуры Российской Федерации

НГУ – Новосибирский государственный университет

РА – Российская археология

РГТЭУ – Российский государственный торгово-экономический университет им. Г.В. Плеханова

СА – Советская археология

САИПИ - Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства

ТИЭ – Труды Института этнографии

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет

ČSAV – Československé akademie věd

ERAUL – Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège

MVS - Muzejní a vlastivědná společnost

PAN - Polska Akademia Nauk

PWN - Państwowe Wydawnictwo Naukowe

WAAF - Wissenschaftliche Abhandlungen der Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- **Акимова Е.В.** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии и палеографии Средней Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Академгородок, 50, Красноярск, 660036, Россия. E-mail: elaki2008@yandex.ru
- **Атнагулов И.Р.** кандидат исторических наук, доцент, руководитель лаборатории Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, пр. Ленина, 114, Магнитогорск, 455038, Россия. E-mail: i.atnagulov@mail.ru
- **Белоусова Н.Е.** младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: consacrer@yandex.ru
- **Берсенева Н.А.** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН; научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета, пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия. E-mail: bersnatasha@mail.ru
- **Биглари Ф.** доктор наук, глава отдела палеолита Национального музея Ирана, Иран. Paleolithic Department, National Museum of Iran, 30 Tir St., Emam Khomaini Ave., Tehran, Iran. E-mail: fbiglari@gmail.com
- Борд Ж.-Г. доктор наук, ассоциированный профессор, лаборатория по изучению доисторического прошлого, среды, антропологии, палеоэкологии и культурного наследия (объединенная исследовательская группа 5199) Университета Бордо, Франция. De la Préhistoire à l'Actuel, Culture, Environnment, Anthropologie; Préhistoire, Paléoenvironnement et Patrimoine (Unités Mixtes de Recherché 5199), Université de Bordeaux, Bâtiment B8, Allée Geoffroy Saint Hilaire, CS 50023, 33615 PESSAC CEDEX, France. E-mail: jg.bordes@pacea.u-bordeaux1.fr
- **Брусницына А.Г.** директор Шурышкарского районного музейного комплекса, ул. Архангельского, 14а, с. Мужи, 629640, Шурышкарский р-н Ямало-Ненецкого автономного окр., Россия. E-mail: anna brusn@mail.ru
- **Вага Я.М.** доктор наук, старший преподаватель Силезского университета, Польша. University of Silesia, Będzinska 60, 41–200 Sosnowiec, Poland. E-mail: wagajan@wp.pl
- **Васильев А.Ю.** доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой лучевой диагностики Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова, ул. Вучетича, 9а, Москва, 127206, Россия. E-mail: auv62@mail.ru
- **Васильев С.В.** доктор исторических наук, заведующий Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32a, Москва, 119991, Россия. E-mail: vasbor1@yandex.ru
- **Дашковский П.К.** доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета, ул. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru
- **Деревянко А.П.** академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
- **Дроздов Н.И.** доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; директор Красноярского филиала Университета Российской академии образования, ул. Куйбышева, 97, Красноярск, 660018, Россия. E-mail: drozdov4765@gmail.com
- **Епимахов А.В.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН; главный научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета, пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия. E-mail: eav74@rambler.ru
- **Жобер Ж.** профессор, лаборатория по изучению доисторического прошлого, среды, антропологии, палеоэкологии и культурного наследия (объединенная исследовательская группа 5199) Университета Бордо, Франция. De la Préhistoire à l'Actuel, Culture, Environnment, Anthropologie, Préhistoire, Paléoenvironnement et Patrimoine

- (Unités Mixtes de Recherché 5199), Université de Bordeaux, Bâtiment B8, Allée Geoffroy Saint Hilaire, CS 50023, 33615 PESSAC CEDEX, France. E-mail: j.jaubert@pacea.u-bordeaux1.fr
- Зайков В.В. доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Института минералогии УрО РАН, Ильменский заповедник, Миасс, 456317, Россия; профессор Южно-Уральского государственного университета, пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия. E-mail: zaykov@mineralogy.ru
- Зайкова Е.В. кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института минералогии УрО РАН, Ильменский заповедник, Миасс, 456317, Россия. E-mail: liza@mineralogy.ru
- **Зорина И.С.** ассистент кафедры лучевой диагностики Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова, ул. Вучетича, 9а, Москва, 127206, Россия. E-mail: zorinais@mail.ru
- **Ковалев А.А.** научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: chemurchek@mail.ru
- **Костомарова Ю.В.** научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: jvkostomarova@yandex.ru
- **Котляров В.А.** кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией Института минералогии УрО РАН, Ильменский заповедник, Миасс, 456317, Россия. E-mail: kotlyarov@mineralogy.ru
- **Перова Н.Г.** кандидат медицинских наук, ассистент кафедры лучевой диагностики Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова, ул. Вучетича, 9а, Москва, 127206, Россия. E-mail: nperova19@mail.ru
- **Петровская В.В.** кандидат медицинских наук, доцент Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова, ул. Вучетича, 9а, Москва, 127206, Россия. E-mail: VVPetrovskay@yandex.ru
- **Рукавишникова И.В.** кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru
- **Рыбин Е.П.** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: rybep@yandex.ru
- **Скочина С.Н.** научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: sveta skochina@mail.ru
- Славинский В.С. кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: slavinski@yandex.ru
- **Файер М.** доктор наук, доцент Силезского университета, Польша. University of Silesia, Będzinska 60, 41–200 Sosnowiec, Poland. E-mail: maria.fajer@us.edu.pl
- **Федорова Н.В.** кандидат исторических наук, заведующая сектором Научного центра изучения Арктики, ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия. E-mail: mvk-fedorova@mail.ru
- **Фолтын Е.** независимый исследователь, Польша. Корсіа Street 4/22, 43-502 Czechowice-Dziedzice, Poland. E-mail: efoltyn@o2.pl
- **Халдеева Н.И.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32a, Москва, 119991, Россия. E-mail: nathal40@mail.ru
- **Харламова Н.В.** кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32a, Москва, 119991, Россия. E-mail: natasha kharlamova@iea.ras.ru
- **Чёрная М.П.** доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета, пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия. E-mail: rector@tsu.ru, mariakreml@mail.ru
- **Шев Ю.Т.** докторант департамента археологии, окружающей среды и общественного планирования Университета Ла Троб, Австралия. La Trobe University, Bundoora, Victoria, 3086, Australia. E-mail: genetshev@gmail.com

- Шидранг С. доктор наук, научный сотрудник лаборатории по изучению доисторического прошлого, среды, антропологии, палеоэкологии и культурного наследия (объединенная исследовательская группа 5199) Университета Бордо, Франция. De la Préhistoire à l'Actuel, Culture, Environnment, Anthropologie; Préhistoire, Paléoenvironnement et Patrimoine (Unités Mixtes de Recherché 5199), Université de Bordeaux, Bâtiment B8, Allée Geoffroy Saint Hilaire, CS 50023, 33615 PESSAC CEDEX, France. E-mail: sshidrang@gmail.com, sonia.shidrang@u-bordeaux.fr
- Эрдэнэбаатар Д. кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии Монгольского государственного университета. National University of Mongolia, P.O.-51, Box-167, Ulaanbaatar-51, Mongolia. E-mail: ediimaajav@gmail.com
- **Юминов А.М.** кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник Института минералогии УрО РАН; заведующий лабораторией Южно-Уральского государственного университета, пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия. E-mail: umin@mineralogy.ru
- **Яблонский Л.Т.** доктор исторических наук, заведующий отделом Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru